

2

неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

142²⁰²²

- * историческая истина и суд истории
- * контингентность и историческое время
- * политические репрессии и политическая наука

неприкосновенный запас 2 [142] 2022

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ОТ РЕДАКЦИИ	003	Пушки и музы
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВООБРАЖАЕМОЕ	007	Национализм и спасение утопающих <i>Страницы</i> АЛЕКСАНДРА КУСТАРЕВА
ИСТОРИЯ И КОНТИНГЕНТНОСТЬ	014	ЛУИ АЛЬТЮССЕР. Ошибки классической экономики: набросок понятия исторического времени
	041	АННА ЕГОРОВА. Контингентность как условие возможности класса
	057	АНДРЕЙ ОЛЕЙНИКОВ. Будущее в настоящем
	069	ТИМУР АТНАШЕВ. После прогресса. Как понимать политический спектр «лево – право» в эпоху контингентности
	108	ЗИНАИДА ЧЕКАНЦЕВА. История и изменение: думать вместе с Райнхартом Козеллеком
ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ, ИСТОРИ- ЧЕСКАЯ ИСТИНА И СУД ИСТОРИИ: ВОКРУГ КНИГИ ХЕЙДЕНА УАЙТА	121	ХЕЙДЕН УАЙТ. Правда и обстоятельства. Что (все-таки) подобает говорить о Холокосте?
	138	Практическое прошлое, историческая истина и суд истории. Беседа ИГОРЯ КОБЫЛИНА с АНДРЕЕМ ОЛЕЙНИКОВЫМ , МИХАИЛОМ ВЕЛИЖЕВЫМ и ИЛЬЕЙ БУДРАЙТСКИМ
ПРАКТИКИ ПОЛИТИЗАЦИИ	154	ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ. Борьба с экстремизмом в России: взгляд со стороны
	173	ДАНИЛА КРАСНОВ. Политические репрессии и политическая наука
ПРОТИВ ВАКЦИН, ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА: АНТИВАКСЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ	184	НИКОЛАЙ МИТРОХИН. Пандемия и общественно-политический раскол
	193	ДМИТРИЙ ДУБРОВСКИЙ. Против вакцинации: новое социальное движение в России, его формы и методы
	208	ЕВГЕНИЙ КАЗАКОВ. Движение противников антиковидных мер в Германии
	217	МАРИЯ КУГЕЛЬ. <i>New Age</i> и антиваксерское/ковид-диссидентское движение в Латвии
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	239	ИГОРЬ СМИРНОВ. Что такое традиция?
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	277	Конец истории. Начало следующей <i>Страницы</i> АЛЕКСЕЯ ЛЕВИНСОНА

НОВЫЕ КНИГИ

281 Антон Сюткин. Урок Делёза и Гваттари: о пользе
и вреде политики для онтологии

291 Рецензии

SUMMARY**306**

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
Андрей Захаров
Антон Золотов
Игорь Кобылин

Дизайн
Дмитрий Черногаев
Андрей Бондаренко

Корректор
Марина Алхазова

Маркетинг, PR и реклама
Александр Суслов
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail: alexandersuslov@
nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2022

Пушки и музы

Когда говорят пушки, музы молчат. Это расхожее мнение неверно по самым разным причинам. Прежде всего исторически, ибо происходит оно из латинского «*Inter arma enim silent leges*», и речь там не о музах, а о законах. К тому же пушек при Цицероне, который использовал эту максиму (и, возможно, ввел ее в оборот), не было. Он говорил о том, что, когда говорит оружие, то есть во время войны (в его случае – гражданской), очень сложно ждать исполнения законов. Они молчат. И против врага все средства хороши. Война все спишет. Максиму переделали значительно позже, вписав туда муз, чтобы воспроизвести банальность: все возвышенное и прекрасное замолкает при орудийной канонаде. Забыли при этом, что в Древней Греции музы отвечали не только за поэзию, музыку или танец, но и за историю (что бы ни понималось в те времена под ней), а также за астрономию, не говоря уже о Каллиопе – покровительнице эпической поэзии, науки и философии. Но дело не только в данной неловкости. Дело в том, что на самом деле музы не умолкают, когда говорят пушки. Они тоже говорят – иногда в унисон с пушками (и это называется пропаганда), иногда, пытаясь заставить их замолчать. Ну, и, конечно, Клио и Каллиопа стремятся понять, как так произошло, что пушки вообще заговорили, откуда взялась необходимость их применять, чем и как все это закончится. Философская, политическая, социальная, историческая рефлексия войны – как раз об этом.

Сейчас перед нами, служителями рефлексивных, исследовательских, концептуализирующих муз Каллиопы и Клио, встала тяжелая дилемма. Какие могут быть отвлеченные разговоры в рамках разнообразных социальных наук и гуманитарного знания, когда льется кровь, гибнут тысячи людей, разрушается все то, что еще недавно было (относительно) мирной жизнью? Соблазн замолчать – или обратиться к прямому действию, отказавшись от рефлексии, – велик. Психологически он понятен. Однако такой выбор, будучи в каком-то смысле легким и даже ожидаемым, ставит под вопрос саму профессию социолога, историка, политолога, философа, экономиста. Нельзя быть, скажем, философом до 24 февраля 2022 года, затем перестать, а потом снова сделаться им после окончания военных действий. Не исключено, что те, кто развязал кровопролитие, именно этого и хотят – подчинить академическое знание, саму возможность критического мышления злобе дня, то есть сделать их второстепенными и неважными, тем самым поставив себе на службу. Или, говоря иначе, – уничтожить саму основу существования нашей профессии и способа мышления. Как мы видим, многие поддались этому искушению, либо превратившись в прямых или косвенных пропагандистов, либо просто отойдя в сторону, исчезнув из общественного поля, замолчав до лучших времен, как это и советует псевдоантичная максима, о которой говорилось выше. Редакция и авторы «Неприкосновенного запаса» сделали другой выбор. Журнал продолжает работу, по крайней мере до тех пор, пока оружие не заставит окончательно замолчать законы, пусть даже стремительно, на наших глазах превращающиеся в условность, ширму.

Это не значит, что мы упрямо держим курс на академический эскапизм, делая вид, что вокруг ничего не происходит. Сама природа гуманитарного знания и социальных наук такова, что они, являясь порождением общества, сфокусированы на нем же. Все, что происходит с обществом, двояким образом влияет на их работу: как предмет исследования – и как среда, в которой исследование происходит. Наши великие предшественники прекрасно понимали это. Французский медиевист Марк Блок в окопах Первой мировой обдумывает исследование о механизме распространении слухов в условиях жесточайшей военной цензуры, о суеверии и а-рациональном мышлении. Несколько лет спустя эти соображения легли в основу его первой фундаментальной работы «Короли-чудотворцы», основанной исключительно на вроде бы совсем не актуальном средневековом материале. Этот труд – наряду с некоторыми другими – положил начало исторической антропологии, новым подходам к историческому знанию, которые легли в основу знаменитой Школы «Анналов». В начале Второй мировой Блок, уже в офицерском

чине, наблюдает бесславный конец французской Третьей республики – и принимается за книгу, которая, по его мнению, должна была объяснить, как так получилось, что та Франция, которую он знал и любил, стремительно рухнула под ударами гитлеровских войск. Историк писал эту книгу урывками, уже живя под оккупацией, но так и не дописал. 58-летний Марк Блок, участник французского Сопротивления, был схвачен гестаповцами, пытан и расстрелян в 1944-м. Незаконченную книгу друга и соратника по Школе «Анналов» издал после конца Второй мировой Люсьен Февр; называется она «Апология истории». Сегодня «Апология истории», сделанная так же в основном на средневековом материале, является настольной книгой тех, кто посвятил себя истории.

Лидия Гинзбург – филолог, ученица и младшая коллега Бориса Эйхенбаума и Виктора Шкловского – пережила блокаду Ленинграда. Блокадные дневники вели многие в осажденном городе, фиксируя опыт запредельного страдания и институализированной жестокости, опыт, до Второй мировой замалчиваемый, почти не обретший голоса. Эти дневники бесценны с исторической и экзистенциальной точек зрения. Гинзбург же взяла на себя задачу, почти непосильную: фиксируя, анализировать и рефлексировать еще недавно казавшуюся немислимой человеческую катастрофу – и катастрофу человечности, гуманитарную катастрофу. Беспощадный социопсихологический анализ был продолжением того, что Гинзбург делала до войны и как историк литературы, и как автор дневника, ставшего, в конце концов, главным делом ее жизни.

Попробуем с этой точки зрения посмотреть на 142-й выпуск «НЗ». Этот номер задумывался еще в мирное время, что сегодня накладывает на него отпечаток, почти ностальгический – если ностальгия вообще уместна в отношении академического знания. Речь в нем идет о вещах, предоставлявших важнейшие объекты для исследователей, казалось, бывших неотъемлемой частью повестки гуманитарного знания и социальных наук еще совсем недавно. Пандемия COVID-19 как проблема политическая, социальная, культурная. Место традиции в нынешнем культурно-политическом мышлении. История радикальных теоретических и практических поворотов историографии в последние полвека. Юридические, политические, культурные аспекты становления авторитарных и тоталитарных режимов и так далее. Об этом – и о некотором другом – статьи, вошедшие в 142-й номер. Из сегодняшнего дня все это может показаться утратившим непосредственную актуальность, так как в повестке одно – война. Потому этот выпуск журнала кажется своего рода «посланием в бутылке», которая приплыла к нам из еще недавних мирных времен. Но даже

с этой точки зрения 142-й номер «НЗ» интересен – особенно для тех, кто потом будет изучать историю науки и общественного мнения в России как свидетельство своей эпохи.

Однако это далеко не все. Главное в том, что темы настоящего выпуска журнала имеют прямое отношение к нынешнему состоянию общества и знания. Актуальность анализа массовых настроений, страхов, распространения конспирологических теорий, роли во всем этом интернета и социальных сетей сегодня очевидна. COVID-19 никуда не исчез, он отчасти был вытеснен из общественного сознания военными страхами и эмоциями, но пандемия продолжает неслышно делать свое дело параллельно с грохотом пушек; никуда не делся и общественный раскол в отношении вакцинации, причем он во многом соответствует нынешнему политическому противостоянию, особенно, если речь идет о России. Вопрос о соотношении исторической закономерности и контингентности в наши дни, когда очень многое было поставлено под вопрос решением нескольких человек, умозрительным и теоретическим не назовешь. То же самое можно сказать и об остальных темах 142-го номера. Их актуальность не скоропортящаяся – она обладает другой скоростью и глубиной. Именно поэтому счесть данный выпуск «Неприкосновенного запаса» интересным и важным исключительно в качестве документа своего времени из будущей ретроспективы было бы неверным.

Наконец, последнее. Академическое знание, вопреки мнению многих, не оторвано от так называемой «реальной жизни». Оно – в лучших своих проявлениях – живо и жизненно. Но это не значит, что оно не обладает автономией. Эта автономия определяется одним условием: наличием дистанции по отношению к жизни общества, которое и является главным объектом изучения для гуманитарного знания и социальных наук. Выверить эту дистанцию, избежать как журналистской вовлеченности, так и спокойствия небожителей – главная задача редакции и авторов журнала в наше трагическое время. Не только задача, но и профессиональный долг. [НЗ]

АЛЕКСАНДР
КУСТАРЕВ

Национализм и спасение утопающих

«The selfishness of nations is proverbial».

REINHARD NIEBUHR

«Нас не спасет от потепления
Ни Бог, ни царь и ни герой».

Коль скоро мы согласны, что деятельность человека на планете Земля преобразует саму планету (как заметил уже сто лет назад Владимир Вернадский), и принимаем к сведению утверждение магистральной науки, что антропогенное изменение климата грозит теперь человечеству катастрофой, естественно задуматься над тем, как этого избежать.

Вполне обоснованно выглядит предположение, что для этого возможно и достаточно отказаться от использования углеводородного топлива как основного

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ВООБРАЖАЕМОЕ**

энергетического ресурса. Разработана стратегия перехода на безуглеродную энергетику, но ее реализация тормозится. Считается, что проект *net-zero* требует ежегодных расходов (они же инвестиции) в размере пяти триллионов долларов до 2050 года, а пока расходуется только половина от этой суммы.

Опасения, что катастрофы не избежать, нарастают. Начинается паника миллениаристского (апокалиптического) стиля, как это регулярно бывало в средневековой Европе.

Возникающее в этой панике социальное творчество разнообразно. В явно расточительном потребительском обществе очень интенсивна проповедь аскезы. В этом русле, например, продвигается доктрина «нулевого роста», экзотические диеты и неизвестная ранее установка на бездетность (антинационализм). Хотя это прежде всего рациональная попытка ослабить давление на окружающую среду, в ней сохраняется оттенок душеспасительной практики, как и во всякой аскезе. Но фаталистическая душеспасительная практика, как, например, молитва, в отличие от Средневековья, не востребована. Вместо нее процветает антинаучная и псевдонаучная заклинательная (магическая) практика в виде упрямого непризнания реальности.

Более характерны для нашего времени поиски спасителя. В бога мы не верим. Царя (всемирного «Левиафана» Гоббса) нет, не будет и не надо. Остается герой. Какая же агентура будет в этой ситуации инструментальной? Мы ждем на этот счет откровения. И оно нам предлагается в книге-памфлете Анатоля Ливена «*Climate Change and the Nation State*»¹. Ливен уверяет, что знает, кто

и как может спасти человечество от «всемирного потопа» – это крепкое и единомышленное национал-государство, то есть нация с имманентным ей национализмом. К этому откровению Ливен пришел так:

«Апелляция к общим интересам человечества и к нашим обязанностям перед планетой вполне морально полноценна и вдохновляет многих активистов, но она попросту не способна побудить к действиям массы ни в одной важной стране. [...] Ориентация на идеальный мировой порядок только мешает реальным действиям по консервации климата и в сущности есть предательство интересов человечества. [...] Осознав это, я, естественно, вспомнил про национализм – самый мощный побудитель коллективного действия в современной истории»².

Много раз (Ливен приводит примеры) национализм вдохновлял широкие массы на важные действия. Естественно, национализм должен выступить в этой роли и теперь. Ливен уточняет:

«Что касается борьбы с изменением климата, то важнее всего то, что национализм, может быть, единственная сила (помимо прямой заботы дедов о своих внуках), способная преодолеть самое серьезное препятствие к действию, а именно – неспособность нынешних поколений пойти на жертвы ради будущих поколений, [... поскольку] главная ценность в умозрении национализма – продлить жизнь нации как можно дальше в будущее»³.

Итак, нас спасут партикулярные коллективные агентуры, именуемые «нациями», с их волей к жизни и ощущением (переживанием) общей судьбы, то есть *национализмом*. Человечество лишено этой воли и этого ощущения. Человечество – рыхлая и рассеянная масса

1 LIEVEN A. *Climate Change and the Nation State*. London: Penguin Books, 2021.

2 Ibid. P. XV.

3 Ibid. P. XVIII.

анонимов. Общечеловеческого самосознания нет и скорее всего никогда не будет: солидарность его фрагментов будет всегда сильнее.

Национализм как настроение масс подсказывает власти ее главный *raison d'être* – сохранение нации, а в качестве идеологии власти он обеспечивает ей легитимность, то есть авторитет, а стало быть, стабильность и дееспособность. Такая власть может предложить своему народу пойти на жертвы сейчас для того, чтобы сохраниться в будущем, – и рассчитывать на то, что это предложение будет принято. Как во время войны. Агентура национализма (нация), осознав, что изменение климата угрожает ее «национальной безопасности» – а в сущности физическому выживанию, – инстинктивно примет самые решительные меры, чтобы этой угрозы избежать.

Согласимся с тем, что партикулярные общности, обозначаемые этикеткой «нация», более солидарны (сейчас во всяком случае), чем человечество, и соответственно более способны к совместному целенаправленному действию. Но для какой цели? Буквально для того, чтобы остановить потепление? Или для своего спасения?

Дело в том, что это не одно и то же. Остановить глобальное потепление – это не цель, а только средство для достижения цели. Цель, ввиду предстоящей катастрофы, – это выживание. В данном случае – в непривычных и опасных климатических условиях. И возможны две стратегии выживания. Одна из

них – остановить потепление. Другая стратегия: создать искусственную среду обитания – по образу Ноева ковчега. Они сейчас сопоставляются под этикетками *mitigation* (замедление, смягчение) и *adaptation*⁴.

Экспертиза, видимо, уверена, что стратегия ковчега для всего человечества нереалистична, хотя бы потому, что на его создание (со всей оснасткой) и дальнейшее поддержание (особенно кондиционирование воздуха) потребуется слишком много энергии, чего как раз надо избежать. Отсюда следует, что на ковчеге для всех места не найдется. А далее это означает, что начнется строительство партикулярных ковчегов. И пока не для всех еще очевидно, что катастрофа угрожает в равной мере всем, нации будут в первую очередь спасаться сами и, между прочим, даже не обязательно целиком, поскольку не только нации могут оказаться главными коллективными субъектами спасения. Все актуальнее будет лозунг «Спасайся, кто может!». Это будет уже настоящая паника, переходящая в полный хаос и всеобщую резню за сравнительно безопасные ниши и ресурсы для создания убежищ – причем еще до того, как катастрофа достигнет своего пика. Поэтому, кстати, можно думать, ответственные инстанции поначалу вообще не упоминали адаптацию к глобальному изменению климата как альтернативу остановке потепления и даже теперь затрагивают ее сдержанно, хотя общественность давно говорит об этом весьма громко⁵.

4 Lot R. *Adaptation and Mitigation: Trade-Offs in Substance and Methods* // *Environmental Science and Policy*. 2005. Vol. 8. № 6. P. 572–578.

5 LISA E., SCHIPPER F. *Conceptual History of Adaptation in the UNFCCC Process* // *Review of European Community and International Environmental Law*. 2006. № 15(91). P. 82–92. Диспозиция много раз воспроизводилась в беллетристике и кино. Для примера: футурологический роман британца Джеймса Грэма Балларда «Ветер ниоткуда» («The Wind from Nowhere») или исторический роман немецкого писателя Вернера Бергенгрюна «На небесах как на земле» («Am Himmel wie auf Erde»), где прусскому курфюрсту Иоахиму в начале XVII века астролог предсказал большое наводнение; курфюрст запретил распространять об этом слухи, а осведомленным – строить ковчег.

От Ноя до модерности все компактные популяции спасались в одиночку. Довольно долгое время так происходило просто потому, что они вообще не знали друг друга. Позднее – потому, что не было технических средств для кооперации. Но в ранней модерности появилась тенденция к сознательному выбору изоляционизма (автаркии) как стратегии спасения перед лицом надвигавшейся опасности. В этом духе выдержаны такие инициативы, как меркантилизм и торговый протекционизм, за ними – «социализм в отдельной стране». Все они ориентированы на спасение партикулярных общностей от катастрофы, развязанной капитализмом с его рыночной конкуренцией. Этот оттенок можно заметить и в концепции «America First!» капиталиста Трампа, хотя она уже мотивирована и глобальным потеплением – и прежде всего самым неприятным для США неизбежным его следствием – массовыми миграциями.

В этой тенденции обнаруживается *коллективный эгоизм* нации – национальный эгоизм. Вот как объясняет его происхождение и неустрашимость Рейнхард Нибур:

«Единство нации как модуля корпоративности гораздо больше: оно поддерживается скорее силой и эмоциями, нежели рациональными соображениями. Этически мотивированное действие невозможно без самокритики, а она возможна, только если видеть нацию со стороны. Поэтому обычно национальные установки весьма далеки от этических. Даже когда тенденция к самокритике находит себе выразителей, правящие классы их подавляют, чему сильно помогает инстинктивная тяга общества к единству. Самокритика указывает на разобщенность, что слабо-

сильное сознание нации плохо отличает от опасной формы внутреннего конфликта. [...] Поэтому нации отправляют своих моральных бунтовщиков на ту же Голгофу, что и обычных преступников, не будучи способны увидеть особость морального идеализма, расположенного выше морального стандарта, на уровне которого любое общество строит свою совместную жизнь. Лояльная критика общности не совсем невозможна, но трудно осуществима. [...] Из-за недостатка критичности, как заметил католический модернист Тиррелл⁶, общности больше, чем индивиду, свойствен эгоизм. По словам Тиррелла, “в той мере, в какой общество самосознательно, оно должно самоутверждаться, гордиться собой, быть самодовольным и эгоистичным. [...] Парадоксальным образом патриотизм преобразует альтруизм индивида в национальный эгоизм”. [...]

В воображении простого патриота нация – это одновременно ограничитель и окончательный выразитель индивидуального эгоизма; иногда это экономический интерес, а иногда просто тщеславие, воплощенное таким образом в патриоте. [...] Комбинация личного альтруизма и производного от него личного эгоизма сообщает особую силу национальному эгоизму»⁷.

Представление о нации как об агентуре эгоизма *par excellence* легко конвертируется в определение национализма. Обычно он воспринимается через его манифестации – шовинизм и ксенофобию, изоляционизм или, наоборот, империализм и прочее. Но сущность национализма при любых ее импликациях всегда одна и та же – эгоизм, национальный эгоизм.

Таким образом, мало внушить нации, что глобальное потепление на самом деле есть прямая угроза именно ее

6 Джордж Тиррелл (1861–1909) – англо-ирландский теолог.

7 НИБУР R. *Moral Man and Immoral Society: A Study in Ethics and Politics*. New York: Charles Scribner's Sons, 1932. P. 88–89, 93.

безопасности. Национал-государства, ввиду предстоящей катастрофы скорее и даже наверняка выберут адаптацию к меняющимся условиям, что можно делать в одиночку, а не остановку изменения климата, для чего годится только договорная кооперация. Более того, они будут спасаться за счет других наций даже тогда, когда это не обязательно, а просто более удобно и дешево.

Не заметив разницы между «спасением нации» и «остановкой глобального потепления» и забыв про феномен коллективного эгоизма как свойства национального сознания, Ливен в то же время знает, что у либералов есть стойкий обыденно-политический иммунитет к национализму как «моветону», и, надеясь убедить их расстаться с этим «предрассудком», переизобретает, так сказать, национализм – что он сам и называет главной задачей своего трактата. Это, как мы увидим, только усугубляет его иллюзию относительно инструментальности национализма для спасения человечества.

Ливен конструирует версию национализма, называя ее *civic*, то есть национализм гражданской нации. Такого «гражданского» национализма, как считает он сам, еще нет, и, чтобы он созрел, понадобятся «десятилетия и несколько поколений»⁸. О том, как он может выглядеть, Ливен ничего не говорит, но, судя по всему, он представляет себе его как некий гибрид:

«На современном Западе консерваторы должны признать, что ностальгическая мечта о сплоченной однородной нации – это пустая мечта. Любая попытка воссоздать такое общество в конечном счете ведет к фашизму. Однако западные либералы, со своей стороны, должны признать, что узы национального гражданст-

ва [*bonds of national citizenship*] абсолютно необходимы для поддержания многих установок [*causes*] либерализма и что ни одна страна, если она хочет выжить, не может быть полностью открыта как для иммигрантов, так и для других культур. Если западным демократиям нужны национальное единство и стойкость, чтобы выжить, консерваторам следует ослабить свой этнический национализм, а либералам усвоить в гораздо большей мере гражданский национализм, но в целом политический спектр должен быть националистическим»⁹.

Этот пассаж – легкая добыча для критики, но здесь для нее нет места, равно как и надобности. Потому что этот сырой и тривиальный рецепт нового партийно-программного консенсуса просто игнорирует самое существо дела.

Концепция гражданской нации с ее смешанной нормативно-номинативной модальностью была в свое время предложена теми, кто, считает, что индивид включен в нацию не через генофонд и/или нарратив, а через налоги, социальное страхование и избирательное право, а также через сознание своего гражданского долга. В этом представлении слова «национальность» и «гражданство» – синонимы – так же, как понятия «государство» и «нация».

Такое понимание нации как государственной общности имело целью изжить шовинизм коренной популяции, с одной стороны, и добиться лояльности государству меньшинств, особенно пришлых, с другой стороны. В этом смысле идея гражданской нации предполагала эрозию этнокультурной самоидентификации гражданской массы и на самом деле в этом немало преуспела. Но в той мере, в какой это действительно так, у гражданской массы возникает

⁸ LIEVEN A. *Op. cit.* P. 87.

⁹ *Ibid.* P. 85.

дефицит общей идентичности, и он должен как-то компенсироваться. Самый доступный ресурс для этого – экзальтация государственности и государственного суверенитета. А это значит не ослабление коллективного эгоизма, а, наоборот, усиление – теперь уже как гражданского национализма.

Эту же тенденцию сейчас парадоксальным образом подогревает глобализация, идущая своим чередом, независимо от каких бы то ни было глобальных угроз. Это происходит по ходу становления параллельных – а в идеально-типическом смысле альтернативных – вариантов организованности антропосферы в правовом, предпринимательском, информационном пространстве, что ведет к вытеснению и во всяком случае к выхолащиванию геополитической сферы.

Нации, то есть гражданские нации (других нет), теряют суверенитет, а вместе с ним идентичность и реагируют на это как на порабощение, даже если им это не грозит материальными потерями. Они начинают вести себя как внутригосударственные сепаратисты или как вели себя так называемые национально-освободительные движения в империях. Они проклинаят и как только могут тормозят субглобальную интеграцию (Евросоюз) и глобализацию как таковую. Они рвутся отделиться от государства, которого нет. Еще нет. А может быть, никогда и не будет. Но оно им мнится. Отсюда все более популярна призрачная фигура «глубинного государства» у всякого рода конспирологов.

Так что гражданская нация, при всем ее либеральном плюрализме, оказывается еще меньше готова к лояльному участию в попытке остановить глобальное потепление.

Конечно, возможна респектабельная казуистика, предлагающая считать, что

именно эгоизм наций обеспечит всеобщее спасение. Как «невидимая рука» в постулате Адама Смита, где стремление индивида к личной выгоде («разумный эгоизм») при поддержке рыночного механизма умножает общее (национальное) благо. В гонке за выживание нации будут стимулировать друг друга – прежде всего, соревнуясь в экономии ресурсов, то есть принося некоторые жертвы, к чему они именно в силу альтруизма компатриотов как будто бы более способны, чем любые другие коллективы. А также они теоретически могут делать это, соревнуясь в сфере экологического изобретательства. В таком соревновании, помимо самого эффекта конкуренции, кто бы ее ни выигрывал, будет создаваться общедоступный фонд спасательных технологий, который будет либо легально доступен всем, либо без особого труда заимствован. В итоге эгоизм наций якобы обеспечивает благо глобальной общности (антропосферы).

Такова же логика постулата «хочешь мира – готовься к войне». Он так же предусматривает «невидимую руку». Гонка вооружений была аналогом рыночной конкуренции и, поддерживая геополитический силовой баланс, обеспечивала миру мир. Так во всяком случае это понимает «геополитический реализм».

Ливен с самого начала объявляет себя адептом школы «реализма» в теории международных отношений (он ссылается на Моргентау), так что вполне мог бы (даже должен был бы) использовать именно вышеописанную логику. Но он ее не увидел. Не исключено, что просто плохо смотрел. Но, даже если так, его слепота симптоматична, потому что, будучи вполне лояльным стандартному американскому либерализму, он не верит в то, что конкуренция обеспечит общее благо всех ее участников, – если

она не ограничивается и не корректируется (регулируется).

Так, конечно, и есть. К началу XX века стало очевидно, что «невидимая» рука со своей ролью справляется плохо, и в ответ на это возникло современное социальное государство. Продолжая аналогию, следует ожидать, что в глобальном масштабе должно произойти то же самое. Но для этого нужно согласие национал-государств на усечение их суверенитета, подобное усечению суверенитета капиталистических фирм в границах национальной экономики. Допустим, что национализм помог усмирить эгоизм частных агентов. Но, как объясняет Нибур, он же конвертирует их эгоизм в национальный, что прямо противоположно тому, что требуется.

Есть и менее респектабельная возможность считать, что национализм дает человечеству шанс на спасение. В условиях потопа конкуренцию наций выиграет та, чей, *ceteris paribus*, национализм окажется более эффективным. И ее спасение будет в будущем восприниматься как спасение человечества. Считаю же мы спасение Ноя с семьей спасением человечества. Или?

Этот циничный фаталистический вариант, доведенный до крайности, может даже видеть во всемирном потопе положительное событие. При нынешнем

умонастроении элиты никто не решится продвигать такое представление на широкой общественной арене, хотя, конечно, масса людей именно так представляют себе будущее.

Но если для благонамеренных либерал-глобалистов ни оптимизм концепции разумного эгоизма, ни циничное хладнокровие социал-дарвинизма неприемлемо, то зачем они пытаются делать ставку на национализм, как это демонстрирует Анатолий Ливен?

Климатическая угроза вместе с глобализацией привели к подъему правопопулистских движений и партий, а также к повышению репутации иллиберальных режимов. Либерал-демократический истеблишмент боится, что теряет политическую власть. Оппортунисты дезертируют из его рядов. А аутентичные либералы (как Анатолий Ливен) надеются перехватить инициативу, модифицируя националистический нарратив или спрятав собственный глобализм за националистической риторикой. Сейчас трудно сказать, что это такое: харизматическая инициатива или просто политтехнология. Но так или иначе – трактат Ливена документирует эту тенденцию. Ее перспективы крайне неопределенны. Она может привести к серьезной реконфигурации политического поля демократий и полудемократий. А может оборваться почти сразу.

Луи
АЛЬТЮССЕР

Ошибки классической экономики: набросок понятия исторического времени¹

Фундаментальная критика, которой Маркс подвергает всю классическую экономию в своих текстах – от «Нищеты философии» до «Капитала», – заключается в том, что для классики политической экономики характерна неисторическая, вечная, фиксированная и абстрактная концепция экономических категорий капитализма. Маркс утверждает, что эти категории надо историзировать, чтобы раскрыть и понять их природу, их относительность и переходность. Классические экономисты, говорит он, превратили условия капиталистического производства в вечные условия всякого производства, не видя, что эти категории исторически детерминированы, а значит – историчны и преходящи:

«Экономисты изображают отношения буржуазного производства – разделение труда, кредит, деньги и т.д. – как застывшие, неподвижные, вечные категории. [...] Экономисты объясняют нам, как совершается производство при этих данных отношениях; но у них остается невыясненным способ производства самих этих отноше-

¹ Сокращенный перевод выполнен по изданию: ALTHUSSER L., BALIBAR É., ESTABLET R., MACHEREY P., RANCIÈRE J. *Lire le Capital. Nouvelle édition revue*. Paris: La Découverte, 1965. Ch. IV «Les défauts de l'économie classique. Esquisse du concept de temps historique». P. 273–301.

**ИСТОРИЯ
И КОНТИНГЕНТНОСТЬ**

ний, т.е. то историческое движение, которое их порождает. [...] Эти категории столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения. Они представляют собою *исторические и преходящие продукты*»².

Как мы увидим, эта критика не является последним словом *реальной* критики Маркса. Она остается поверхностной и двусмысленной, тогда как его реальная критика бесконечно более глубока. Но, разумеется, не случайно, что в декларируемой им критике Маркс часто останавливался на полпути к своей реальной критике, утверждая собственное отличие от классических экономистов лишь через неисторичность их концепции. Это суждение очень сильно повлияло на интерпретацию не только «Капитала» и марксистской теории политической экономики, но и марксистской философии. Это один из стратегических пунктов мысли Маркса – я бы даже сказал, стратегический пункт номер один, – пункт, в котором теоретическая неполнота суждения Маркса о самом себе привела к серьезнейшим недоразумениям, причем, как и прежде, не только среди противников, заинтересованных в том, чтобы Маркса не поняли, но и прежде всего среди его сторонников.

Все эти недоразумения можно сгруппировать вокруг одного ключевого пункта: непонимания теоретической взаимосвязи между марксизмом и историей, или так называемого радикального историзма в марксизме. Рассмотрим, что лежит в основе различных форм, которые принимает это решающее недоразумение.

На наш взгляд, корень непонимания следует искать в отношениях между Марксом и Гегелем, а также Марксом и концепцией диалектики и истории. Если все, что отличает Маркса от экономистов-классиков, сводится к историческому характеру экономических категорий, то Марксу нужно всего лишь историзировать эти категории, отказываясь воспринимать их как застывшие, абсолютные и вечные, но, напротив, рассматривая их как относительные, временные и преходящие, то есть как категории, подчиненные в последней инстанции моменту их исторического существования. В таком случае отношение Маркса к Смиту и Рикардо можно было бы представить как идентичное отношению Гегеля к классической философии. Маркс, таким образом, был бы Рикардо, приведенный в движение, подобно Гегелю, которого называют приведенным в движение Спинозой, где «приведенным в движение» значит «историзированным». В этом случае все достижение Маркса, опять же, будет состоять в том, что он гегельянизировал Рикардо, сделав его диалектичным, то есть применил гегельянский диалектический

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

Луи Пьер Альтюссер (1918–1990) – французский философ-марксист, теоретик структуралистской версии марксизма. Член Французской коммунистической партии (1948–1980), профессор Высшей нормальной школы (Париж).

2 МАРКС К. *Нищета философии*. М.: Госполитиздат, 1941. С. 89, 94.

метод к осмыслению уже конституированного содержания, которое было отделено от истины лишь тонкой перегородкой исторической относительности. В таком случае все опять сводится к схемам, освященным целой традицией, схемам, которые зависят от концепции диалектики как метода в себе, независимо от содержания, законом которого диалектика выступает, независимо от специфики объекта, принципы познания и объективные законы которого она должна предоставить. Я не буду настаивать на этом пункте, поскольку он уже был прояснен выше по крайней мере в принципе.

Но мне хотелось бы указать на другую путаницу, которая не была ни раскрыта, ни прояснена и которая с давних пор и по сегодняшний день господствует в интерпретации марксизма, а именно – *путаницу, которая окружает понятие истории*.

Утверждать, что концепция экономических категорий в классической экономической теории была не исторической, а этерналистской – что для соответствия этих категорий своему объекту их надо мыслить как исторические, – значит, предлагать *понятие истории*, или скорее некое понятие истории, существующее в обычном воображении, но предлагать, не поставив его под вопрос. На деле это означает предлагать в качестве решения понятие, которое само по себе представляет теоретическую проблему, ведь оно берется и используется без предварительной критики, и, как все «очевидные» понятия, рискует выполнять в теоретическом содержании лишь ту функцию, которую для него определила существующая или господствующая идеология. Это значит представить в качестве теоретического решения понятие, статус которого не изучен и которое, отнюдь не будучи решением, на самом деле является теоретической проблемой. Это означает, что можно позаимствовать понятие истории у Гегеля или из эмпирической практики историка и ввести его в теорию Маркса без каких-либо принципиальных трудностей, то есть без предварительной постановки критического вопроса о действительном содержании понятия, которое было столь наивно «подхвачено»; как будто это нечто само собой разумеющееся, тогда как – напротив и прежде всего – важно спросить, каким *должно* быть содержание понятия истории, необходимо вытекающего из теоретической проблематики Маркса.

Не забегая вперед, я хотел бы прояснить несколько принципиальных моментов. Я возьму в качестве подходящего контр-примера (почему он уместен, мы скоро увидим) гегельянское понятие истории, *исторического времени*, которое, по Гегелю, отражает сущность исторического как такового.

Хорошо известно, что Гегель определял время как *der das-
eiende Begriff*, то есть как понятие в его непосредственном эмпирическом существовании. Так как само время ведет нас

к *понятию* как своей сущности, то есть, поскольку Гегель сознательно провозглашает, что историческое время есть всего лишь отражение в непрерывности времени внутренней сущности исторической тотальности, воплощающей момент развития понятия (в данном случае Идеи), мы, заручившись авторитетом Гегеля, можем подумать, что историческое время просто отражает сущность социальной тотальности, *существованием* которой оно является. Иначе говоря, сущностные характеристики исторического времени приведут нас, подобно следам, к особой структуре этой социальной тотальности.

Можно выделить две главные характеристики гегельянского исторического времени: гомогенную континуальность и современность (*contemporanéité du temps*).

1) Гомогенная континуальность времени – это отражение в существовании непрерывности диалектического развития Идеи. Время, таким образом, можно трактовать как континуум, в котором проявляется диалектическая непрерывность процесса развития Идеи. Тогда на данном уровне вся проблема исторической науки будет состоять в разделении этого континуума согласно *периодизации*, соответствующей следованию одной диалектической тотальности за другой. Моменты Идеи существуют в ряде исторических *периодов*, на которые необходимо четко разделить временной континуум. Здесь Гегель просто осмыслил в русле собственной теоретической проблематики главную практическую проблему историка, ту, которую Вольтер, например, выразил, проводя различие между эпохами Людовика XIV и Людовика XV; эта проблема остается важнейшей для современной историографии.

2) Современность времени, или категория исторического *настоящего*, является условием возможности первой категории, и здесь мы обнаруживаем центральную мысль Гегеля. Если историческое время – это существование социальной тотальности, то следует уточнить, какова структура этого существования. Тот факт, что отношение между социальной тотальностью и ее историческим существованием является отношением с *непосредственным* существованием, подразумевает, что это отношение само по себе является *непосредственным*. Другими словами, структура исторического существования такова, что все элементы целого всегда сосуществуют в одном и том же времени, в одном и том же настоящем, а значит, современны друг другу в этом настоящем. Это означает, что структура исторического существования гегельянской социальной тотальности позволяет провести то, что я предлагаю называть «сущностным срезом» (*coupe d'essence*), то есть интеллектуальную операцию, которая в любой момент исторического времени позволяет совершить *вертикальный срез* – срез настоящего,

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

так что все элементы целого, раскрытые этим срезом, пребывают в непосредственном отношении друг с другом, отношении, непосредственно выражающем их внутреннюю сущность. Поэтому, говоря о *сущностном срезе*, я буду отсылать к специфической структуре социальной тотальности, которая допускает этот срез, где все элементы целого даны в соприсутствии, что само по себе есть непосредственное присутствие их сущностей, которые таким образом становятся непосредственно *различимы в них*. Ясно, что именно специфическая структура социальной тотальности позволяет совершить сущностный срез, ведь такой срез возможен лишь благодаря особой природе единства этой тотальности, «духовного» единства, если можно так обозначить тип единства, которым обладает экспрессивная тотальность, то есть тотальность, все части которой составляют множество тотальных частей, взаимно выражающих как друг друга, так и содержащую их социальную тотальность, ведь каждая и сама содержит в непосредственной форме своего выражения сущность самой тотальности. Я имею в виду структуру гегелевского целого, которую уже обсуждал: гегелевское целое характеризуется типом единства, где каждый элемент целого, будь то материальная или экономическая детерминация, политический или религиозный институт, художественная или философская форма, никогда не есть нечто большее, чем присутствие понятия в себе самом (*la présence du concept à soi-même*) в исторически определенный момент. В этом смысле соприсутствие элементов друг с другом и присутствие каждого элемента в целом основаны на предварительном присутствии *de jure*: полном присутствии понятия во всех детерминациях его существования. Вот как возможна континуальность времени: как феномен непрерывности присутствия понятия с его положительными детерминациями. Говоря о *моменте* развития Идеи у Гегеля, мы должны быть осторожны; так мы заметим, что этот термин отсылает к единству *двух смыслов*: момент как момент развития (который вызывает континуальность времени и порождает теоретическую проблему периодизации), и момент как момент времени, настоящее, которое никогда не является чем-либо, кроме феномена присутствия понятия в себе самом во всех его конкретных детерминациях.

Именно это абсолютное и гомогенное присутствие детерминаций целого в актуальной (*actuelle*) сущности понятия позволяет произвести сущностный срез, о котором говорилось выше. Именно эта операция в принципе объясняет гегелевскую формулу, справедливую для всех детерминаций целого, вплоть до самосознания этого целого в его познании, то есть, включая исторически *настоящую* (*présente*) философию, – формула, согласно которой *ничто не может опередить своего времени*.

Настоящее конституирует *абсолютный горизонт* всего знания, поскольку последнее никогда не может быть чем-либо, кроме существования в знании внутреннего принципа целого. Как бы далеко ни заходила философия, она никогда не сможет выйти за пределы этого абсолютного горизонта: даже взлетая *в сумерках*, она все еще принадлежит дню, сегодняшнему дню, она остается лишь настоящим, размышляющим о себе, о присутствии понятия в себе самом, – завтрашний день, по сути, остается под запретом.

И как раз поэтому онтологическая категория настоящего препятствует всякому предвосхищению исторического времени, всякому сознательному предвосхищению будущего развития понятия, всякому *знанию будущего*. Этим объясняются теоретические трудности, которые Гегель испытывал, имея дело с существованием «великих людей», которые в его мысли, стало быть, играли роль парадоксальных свидетелей невозможного сознательного исторического предвидения. Великие люди не видят и не знают будущего – они предугадывают его через предчувствие. Великие люди – это лишь прорицатели, которые предчувствуют, но никогда не могут знать наверняка о сущности завтрашнего дня, «ядре в скорлупе», будущем, незримо зреющем в настоящем, грядущей сущности, рождающейся в отчуждении нынешней сущности. Тот факт, что будущее непознаваемо, препятствует существованию любой науки о политике, любого знания о будущих следствиях нынешних явлений. Строго говоря, именно поэтому никакая гегельянская политика невозможна, и в действительности никогда не было ни одного политика-гегельянца.

Я так подробно рассматриваю природу исторического времени и его теоретические условия, потому что эта концепция истории и ее связи со временем до сих пор жива в наших умах, как видно из широко распространенного ныне различия между синхронией и диахронией. Это различие основано на концепции исторического времени как непрерывного, гомогенного и современного самому себе. Синхроническое есть сама современность, соприсутствие сущности со своими детерминациями, настоящее, читаемое как структура в сущностном срезе, потому что настоящее – само существование сущностной структуры. Таким образом, синхроническое предполагает идеологическую концепцию непрерывного-гомогенного времени. Отсюда следует, что диахроническое – это просто развитие такого настоящего в последовательности временной непрерывности, где «события», к которым можно свести «историю» в строгом смысле (ср. Леви-Стросс), – это лишь последовательные контингентные настоящие во временном континууме. Подобно синхроническому, которое представляет собой первич-

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

ный концепт, диахроническое, стало быть, предполагает обе характеристики, выделенные мной в гегельянской концепции времени – идеологической концепции исторического времени.

Идеологической, поскольку ясно, что эта концепция исторического времени является лишь отражением гегелевской концепции того единства, что связывает все экономические, политические, религиозные, эстетические, философские и прочие элементы социального целого. Поскольку гегельянское целое есть «духовное целое» в лейбницианском смысле целого – где все части в «сговоре», где всякая часть есть *pars totalis*, – единство этого двойного аспекта исторического времени (гомогенность – континуальность/современность) возможно и необходимо.

Теперь мы видим уместность этого гегельянского контр-примера. Что скрывает от нас только что установленное отношение между структурой гегельянского целого и природой исторического времени у Гегеля – так это тот факт, что его идея времени заимствована из самого вульгарного эмпиризма, эмпиризма мнимой очевидности повседневной практики³, который мы находим в наивной форме у большинства самих историков – во всяком случае у всех историков, известных Гегелю, – которые не задавали никаких вопросов относительно специфической структуры исторического времени. Сегодня некоторые историки начинают ставить эти вопросы – и часто весьма примечательным образом (Люсьен Февр, Лабрусс, Бродель и так далее), – но они не представляют их эксплицитно как функцию *структуры целого*, ими изучаемого, они не формулируют их в подлинно концептуальной форме. Они всего лишь *замечают*, что в истории *есть* разные времена, разновидности времени, долгие времена, средние времена и короткие времена, и довольствуются тем, что отмечают интерференции этих времен через множество продуктов их пересечения. Стало быть, они не соотносят эти разновидности как множество *вариаций* со структурой целого, несмотря на то, что последняя непосредственно управляет производством этих вариаций; скорее у них возникает соблазн связать эти разновидности как множество вариантов, измеряемых посредством их *длительности*, с самим обычным временем, с идеологическим временным континуумом, который мы обсуждали. Поэтому гегельянский контрпример уместен, ведь он репрезентирует грубые идеологические иллюзии повседневной практики и практики историков – не только тех, кто не задается никакими вопросами, но и тех, кто задается ими, потому что сами эти вопросы, как правило, связаны не с фундаментальным вопросом о понятии истории, а с идеологической концепцией времени.

3 Гегелевскую философию даже называли «спекулятивным эмпиризмом» (Фейербах).

Однако можно взять у Гегеля как раз то, что скрывает от нас этот эмпиризм, который он лишь сублимировал в своей систематической концепции истории. Можно сохранить этот результат, полученный в ходе нашего краткого критического анализа: тот факт, что необходимо строго исследовать структуру социального целого, чтобы найти в ней секрет концепции истории, где мыслится «развитие» этого социального целого. Как только мы узнаем *структуру социального целого*, мы сможем понять кажущееся «беспроblemным» отношение между ним и концепцией исторического времени, в котором эта концепция отражается. То, что мы только что проделали с Гегелем, в равной степени справедливо и в случае Маркса: процедура, которая позволила нам выявить теоретические предпосылки концепции истории, казавшейся «само собой разумеющейся», но на деле органически связанной с конкретной концепцией социального целого, может быть применена к Марксу для создания *марксистского понятия исторического времени* на основе марксистской концепции социальной тотальности.

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

Необходимо строго исследовать структуру социального целого, чтобы найти в ней секрет концепции истории, где мыслится «развитие» этого социального целого.

Мы знаем, что марксистское целое не спутаешь с гегельянским: это целое, единство которого, далекое от экспрессивного или «духовного» единства лейбницеvского или гегелевского целого, конституировано определенным типом *сложности*. Это единство *структурированного целого*, содержащего в себе то, что можно назвать уровнями или инстанциями – различимыми и «относительно автономными», – которые сосуществуют в этом сложном структурном единстве, сочленяемые друг с другом согласно конкретным детерминациям, зафиксированным в конечном счете экономическими уровнем или инстанцией⁴.

Разумеется, нам еще предстоит более точно определить структурную природу такого целого, но этого предварительного определения достаточно, чтобы мы могли предсказать, что гегелевский тип сосуществования в настоящем (допускающий сущностный срез) несовместим с существованием этого нового типа тотальности.

Это особое сосуществование уже было полностью определено Марксом в отрывке из «Нищеты философии», где речь идет об одних лишь производственных отношениях:

⁴ Ср.: «Противоречие и свёрхдетерминация» и «О материалистической диалектике» в работе «За Маркса» (Альтюссер Л. *За Маркса*. М.: Практикс, 2006. С. 127–169, 231–310).

«В каждом обществе производственные отношения образуют одно целое. Г-н Прудон рассматривает экономические отношения как соответственное количество общественных фаз, которые порождают одна другую, вытекают одна из другой, как антитезис из тезиса, и в своей логической последовательности осуществляют безличный разум человечества.

Единственное неудобство этого метода состоит в том, что, принимаясь за исследование одной из этих фаз, г-н Прудон не может объяснить ее без помощи всех других общественных отношений, тех самых отношений, которые он не успел еще вызвать к жизни посредством своего диалектического движения. А когда г-н Прудон переходит затем, с помощью чистого разума, к порождению других фаз, то он обращается с этими последними, как с новорожденными детьми, забывая, что они столь же стары, как и первая фаза. [...]

Воздвигая из политико-экономических категорий здание идеологической системы, мы *разъединяем между собою различные звенья общественной системы*. Мы превращаем различные звенья общества в соответственное число отдельных обществ, следующих одно за другим. В самом деле, каким образом простая логическая формула движения, последовательности, времени могла бы служить для объяснения общественного тела, в котором все отношения существуют одновременно и опираются одно на другое?»⁵

Все уже здесь: *сосуществование*, соединение (*articulation*) звеньев «общественной системы», опору их отношений друг на друга нельзя помыслить исходя из «логической формулы движения, последовательности, времени». Приняв во внимание тот факт, что «логика», как показал Маркс в «Нищете философии», есть лишь абстракция «движения» и «времени», которая здесь прямо названа источником мистификации Прудона, мы увидим, что принципиально важно перевернуть порядок размышления и в первую очередь подумать о специфической структуре тотальности, дабы понять как форму, в которой звенья целого сосуществуют с конститутивными отношениями, так и особую структуру истории.

Во «Введении 1857 года» Маркс, обсуждая капиталистическое общество, снова настаивает на том, что структуру целого надо постичь до всякого рассмотрения временной последовательности:

«Речь идет не о том положении, которое экономические отношения исторически занимают в различных следующих одна за другой формах общества. Еще меньше речь идет об их последовательности “в идее” (Прудон). [...] Речь идет о том месте, которое они занимают в структуре современного буржуазного общества»⁶.

5 Маркс К. *Нищета философии*. С. 94.

6 Он же. *Экономические рукописи 1857–1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»): В 2 ч. Ч. 1. М.: Политиздат, 1980. С. 45.*

Здесь появляется новый важный момент: структура целого артикулируется как структура *органического иерархизированного целого*. Существование звеньев и их отношений в рамках целого управляется доминирующей структурой, которая вводит особый порядок в артикуляцию (*Gliederung*) звеньев и их отношений.

«Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств, и отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений»⁷.

Обратим внимание на важный момент: доминирование структуры, пример которого здесь приводит Маркс (господство одной формы производства, например, промышленного производства над простым товарным производством и так далее), несводимо к главенству *центра* так же, как отношение между элементами и структурой не может быть сведено к экспрессивному единству сущности в ее явлениях. Эта иерархия представляет собой лишь иерархию эффективности, существующую между разными «уровнями» или инстанциями общественного целого. Поскольку каждый из уровней сам по себе структурирован, эта иерархия репрезентирует иерархию, степень и показатель эффективности, существующие между разными структурированными уровнями, присутствующими в целом: это иерархия эффективности структуры, доминирующей над подчиненными структурами и их элементами. В другом месте я показал, что для того, чтобы понять это «доминирование» структуры над другими структурами в единстве конъюнктуры, необходимо обратиться к принципу детерминации «в последней инстанции» неэкономических структур экономической структурой; что эта «детерминация в последней инстанции» является абсолютной предпосылкой необходимости и интеллигибельности структурных смещений в иерархии эффективности или смещения «доминирования» между структурированными уровнями целого и что только «детерминация в последней инстанции» позволяет избежать капризного релятивизма наблюдаемых смещений, наделяя эти смещения необходимостью функции.

Если тип единства, свойственный марксистской тотальности, действительно таков, то отсюда вытекают несколько важных теоретических следствий.

Прежде всего – существование этой тотальности невозможно помыслить в гегелевской категории современности *настоящего*. Существование различных структурированных уровней, экономического, политического, идеологического и так

7 Там же. С. 44.

далее, и, соответственно, экономической инфраструктуры, правовой и политической суперструктуры, идеологий и теоретических формаций (философии, наук) становится немислимым в сосуществовании гегелевского *настоящего*, идеологического настоящего, в котором временное присутствие совпадает с присутствием сущности в явлениях. И, как следствие, модель *континуального и гомогенного времени*, которое является местом непосредственного существования этого длящегося присутствия, больше нельзя рассматривать как время истории.

Начнем с последнего пункта, поскольку он позволит нам в полной мере осознать последствия этих принципов. В первом приближении мы можем утверждать исходя из специфической структуры марксистского целого, что больше невозможно помыслить процесс развития разных уровней целого *в одно и то же историческое время*. Эти уровни не обладают одним и тем же типом исторического существования. Напротив, мы должны приписать каждому уровню *особое время*, относительно автономное и, следовательно, относительно независимое – даже в своей зависимости – от времени других уровней. Мы можем и должны сказать: у каждого способа производства особое время и история, специфическим образом акцентируемые развитием производительных сил; производственные отношения предполагают особое время и историю, акцентируемые особым образом; у политической надстройки собственная история; у философии собственные время и история; у эстетических произведений собственное время и история; у научных формаций собственные время и история – и так далее. Каждая из этих конкретных историй характеризуется особыми ритмами и поддается познанию только при условии, что мы определили *понятие* специфики ее исторической темпоральности и ее пунктуаций (непрерывное развитие, революции, разрывы и так далее). Тот факт, что каждое из этих времен и каждая из этих историй *относительно автономны*, не означает, что эти столь многие области *независимы* от целого: специфика каждого из этих времен и каждой из этих историй – другими словами, их относительная автономия и независимость – основана на определенном типе артикуляции внутри целого и, следовательно, на определенном типе *зависимости* от целого. История философии, например, не является независимой по божественному праву: ее право на существование в качестве специфической истории определяется артикулирующими отношениями, то есть отношениями относительной эффективности, существующими внутри целого. Стало быть, специфика этих времен и историй *дифференциальна*, она основана на дифференциальных отношениях между различными уровнями внутри целого: модус и степень *независимости* каждого времени и

истории, следовательно, необходимо детерминированы модулем и степенью *зависимости* каждого уровня во множестве артикуляций целого. Таким образом, концепцию относительной независимости истории и уровня никогда нельзя сводить ни к позитивному утверждению независимости *в пустоте* (*dans le vide*)⁸, ни даже к простому отрицанию зависимости как таковой; в концепции относительной независимости определяется ее относительность, то есть тип *зависимости*, производящий и устанавливающий этот режим относительной независимости в качестве ее необходимого результата; на уровне артикуляции структур, составляющих целое, определяется тот тип зависимости, который создает относительную независимость и эффекты которого можно наблюдать в историях различных уровней.

Вот принцип, на котором основана возможность и необходимость различных *историй*, соответствующих каждому уровню. Этот принцип оправдывает то, что мы говорим об экономической истории, политической истории, истории религий, истории идеологий, истории философии, истории искусства и истории наук, тем самым не обходя – а напротив, обязательно принимая относительную независимость каждой из историй в специфической зависимости, которая сочленяет (*articule*) каждый из различных уровней общественного целого со всеми другими. Вот почему, если у нас есть право конституировать эти разные истории, которые являются лишь дифференциальными историями, мы не можем удовлетвориться, как часто делают лучшие сегодняшние историки, констатацией существования разных времен и ритмов, не связав их с понятием их различия, то есть с типичной зависимостью, которая устанавливает их в артикуляции уровней целого. Поэтому недостаточно ска-

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

8 *Le vide* (фр.) – пустота, вакуум. Одно из ключевых понятий в философии Луи Альтюссера, роль и значение которого менялись в разные периоды его мысли. В ряде работ, в частности «Ленин и философия» (1965), пустота выступает как эпистемологическая позиция: во-первых, у философии нет своего объекта, во-вторых, для нового философского предприятия требуется пустое теоретическое пространство. Кроме того, понятие пустоты касается онтологического измерения, выступая в качестве метафоры концепции социальной реальности как комплекса отношений, носителями которых являются индивиды. В «Читать “Капитал”» (1965) с таким пониманием связаны идеи социального целого как лишнего центра, структурной причинности, отсутствующей причины. Более позднее использование понятия связано с периодом алеторного материализма, где пустота существующей политической ситуации представляет собой место потенциальной встречи. В таком значении *le vide* впервые появляется в лекциях о Руссо 1972 года: Альтюссер описывает лес, где обитает человек естественного состояния, одновременно как воспроизводящиеся условия, препятствующие социальности, как условия недостаточной детерминации (*sous-détermination*) и как пустоту. Кроме описания социально-политической ситуации, пустота характеризует теоретическую рефлексию о субъекте – так, в лекциях о Макиавелли 1971–1972 годов Альтюссер говорит о Государе, к которому взывает Макиавелли, как о «пустой форме», наполнение которой является контингентным. Подробнее о понятии пустоты у Альтюссера см.: MATHÉRON F. *La récurrence du vide chez Louis Althusser // Futur Antérieur, Lire Althusser Aujourd'hui*. Paris: L'Harmattan, 1997. P. 23–47; TOSEL A. *Matérialisme de la rencontre et pensée de l'événement-miracle // ИБРАНИМ А. (Ed.). Autour d'Althusser. Penser un matérialisme aléatoire: problèmes et perspectives*. Paris: Le temps de cerises, 2012. P. 19–53; PANAGIOTIS S. *A Philosophy for Communism: Rethinking Althusser*. Leiden; Boston: Brill, 2020. – Примеч. ред.

зять, подобно современным историкам, что *есть* разные периодизации разных времен, что у каждого времени собственные ритмы, некоторые краткие, а другие долгие, – мы также должны помыслить эти различия ритма и пунктуации (*scansion*) в их основе, в том типе артикуляции, смещения и скручивания (*torsion*), который согласовывает эти разные времена друг с другом. Чтобы продвинуться еще дальше, я должен сказать, что, двигаясь в этом направлении, нельзя ограничиваться отражением существования видимых и измеримых времен; мы должны – в силу крайней необходимости – задаться вопросом о способе существования *невидимых* времен, о невидимых ритмах и пунктуациях, скрытых под поверхностью всякого видимого времени. Простое чтение «Капитала» показывает, что Маркс был весьма чувствителен к этому требованию. Оно показывает, например, что время экономического производства есть специфическое время (различающееся в зависимости от способа производства), но так же и то, что это время, будучи специфическим, является сложным и нелинейным – это время времен, сложное время, которое нельзя *прочитать* в континуальности времени жизни или времени на часах, но следует *сконструировать* из особых структур производства. Время капиталистического экономического производства, проанализированного Марксом, следует *сконструировать* концептуально. Понятие этого времени должно быть выстроено из реальности различных ритмов, которые акцентируют различные операции производства, обращения и распределения. Из понятий этих разных операций, например, различия между временем производства и рабочим временем, различия между разными циклами производства (оборот основного капитала, оборотного капитала, переменного капитала, денежный оборот, оборот коммерческого капитала, финансового капитала и так далее). Таким образом, при капиталистическом способе производства время экономического производства не имеет абсолютно ничего общего с очевидностью идеологического времени повседневной практики; конечно, оно укоренено в определенных установленных местах, в биологическом времени (определенные нормы чередования труда и отдыха рабочей силы человека и животных; определенные нормы сельскохозяйственного производства), но по своей сути оно вовсе не тождественно этому биологическому времени, это время ни в коем случае нельзя *непосредственно прочитать* в потоке любого данного процесса. Это невидимое время, сущностно нечитаемое, столь же невидимое и непрозрачное, как сама реальность всего процесса капиталистического производства. Это время – сложное пересечение различных времен, ритмов, оборотов и так далее, которое мы только что обсудили, – доступно лишь в *его по-*

нятии, которое, как и любое понятие, никогда не дано непосредственно, никогда не *читаемо* в видимой реальности: подобно любому понятию, это понятие должно быть *произведено, сконструировано*.

ЛУИ АЛЬТЮССЕР
ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

Время капиталистического экономического производства, проанализированного Марксом, следует *сконструировать* концептуально. Понятие этого времени должно быть выстроено из реальности различных ритмов, которые акцентируют различные операции производства, обращения и распределения.

То же самое можно сказать о политическом времени и идеологическом времени, о времени теоретическом (философском) и научном, не говоря уже о времени искусства. Приведем пример. Время истории философии тоже нельзя прочесть непосредственно: конечно, в исторической хронологии мы *видим*, что философы *следуют друг за другом*, и эту последовательность можно было бы принять за саму историю. Здесь мы также должны отказаться от идеологического предубеждения о видимой преемственности и попытаться *сконструировать концепт времени истории философии*. А чтобы понять этот концепт, крайне важно определить специфическое различие философского как одной из существующих культурных формаций (идеологических и научных формаций); определить философское как принадлежащее к уровню *Теоретического* как такового и установить дифференциальное отношение Теоретического как такового, во-первых, к различным существующим практикам, во-вторых, к идеологии и, наконец, к научному. Определить эти дифференциальные отношения – значит, определить конкретный тип соединения (*articulation*) Теоретического (философского) с другими реальностями и, следовательно, определить конкретную связь (*articulation*) истории философии с историями различных практик, с историей идеологий и историей наук. Но этого недостаточно: для построения концепта истории философии необходимо определить в самой философии конкретную реальность, которая конституирует философские формации как таковые и к которой надо обратиться, чтобы представить себе саму возможность *философских событий*. Вот одна из важнейших задач любой теоретической попытки произвести концепт истории: дать строгое определение *исторического факта* как такового. Не предваряя это исследование, я хотел бы отметить, что в своей общности

исторический факт, в отличие от всех прочих явлений, происходящих в историческом существовании, может быть определен как *факт, который вызывает мутацию в существующих структурных отношениях*. Если мы хотим быть способными обсуждать историю философии как историю, нам также важно признать, что в ней происходят *философские факты, философские события исторического масштаба*, то есть именно *философские факты*, вызывающие реальные мутации в существующих философских структурных отношениях, в этом случае в существующей теоретической проблематике. Очевидно, что эти факты не всегда *видимы*, они скорее подчас являются объектом реального вытеснения, действительного и более или менее продолжительного исторического отрицания. Например, мутация догматической классической проблематики, вызванная эмпиризмом Локка, есть философское событие исторического масштаба, которое все еще доминирует в сегодняшней идеалистической критической философии точно так же, как оно доминировало на протяжении всего XVIII века, а также у Канта, Фихте и даже Гегеля. Этот исторический факт – и прежде всего его длительное воздействие (в частности, его важность для понимания немецкого идеализма от Канта до Гегеля) – зачастую ставится под сомнение; его реальная глубина редко оценивается по достоинству. Этот факт сыграл в интерпретации марксистской философии абсолютно решающую роль, и мы до сих пор в значительной степени пребываем у него в плену. Другой пример – философия Спинозы, которая произвела беспрецедентную теоретическую революцию в истории философии, возможно, величайшую философскую революцию всех времен, поскольку мы можем рассматривать Спинозу как единственного прямого предка Маркса с философской точки зрения. Однако эта радикальная революция стала объектом невероятного исторического вытеснения, и с философией Спинозы произошло то же самое, что и по сей день происходит с философией Маркса в некоторых странах, – ее обвиняют в атеизме.

В своей общности *исторический факт*, в отличие от всех прочих явлений, происходящих в историческом существовании, может быть определен как *факт, который вызывает мутацию в существующих структурных отношениях*.

Настойчивость, с которой истеблишмент XVII и XVIII веков изгонял память о Спинозе, и дистанция, которую каждый писатель неизбежно должен был занять по отношению к нему, что-

бы получить право высказаться (ср. Монтескьё), говорят как об отталкивании, так и о необычайной привлекательности его мысли. История философски вытесненного Спинозизма, таким образом, разворачивалась как подземная история, действующая в *других местах* (*autres lieux*), в политической и религиозной идеологии (деизм), в науках, но не на освещенной сцене видимой философии. И когда Спиноза снова появился на этой сцене в *Atheismusstreit*⁹ немецкого идеализма, а затем в академических интерпретациях, произошло это под знаком большего или меньшего непонимания. Я думаю, что сказал уже достаточно, чтобы предположить, в каком направлении должно двигаться построение концепта истории в разных областях, и показать, что конструирование этого концепта, бесспорно, создает реальность, которая не имеет ничего общего с видимой последовательностью событий, попавших в хронику.

Благодаря Фрейду нам также известно, что время бессознательного нельзя путать с биографическим временем. Напротив, чтобы получить представление об определенных биографических чертах, *надо сконструировать понятие времени бессознательного*. Точно так же необходимо конструировать понятия различных исторических времен, которые никогда не даны в идеологической очевидности непрерывного времени (которые нужно только соответствующим образом разделить в русле хорошей периодизации, чтобы получить время истории), но должны быть выстроены из дифференциальной природы и дифференциальной артикуляции их объектов в структуре целого. Нужны ли еще примеры, чтобы убедиться в этом? Прочтите замечательные исследования Мишеля Фуко в области «истории безумия» или «рождения клиники», и вы увидите дистанцию, отделяющую элегантно последовательности официальной хроники, в которой дисциплина или общество просто отражают свою чистую совесть, то есть маску нечистой совести, от абсолютно неожиданной темпоральности, которая составляет суть процесса образования и развития этих культурных формаций. В истинной истории нет ничего, что позволяло бы читать ее в идеологическом континууме линейного времени, в котором нужно расставлять акценты и разделения; напротив, в ней есть своя чрезвычайно сложная и своеобразная темпоральность, которая, конечно, совершенно парадоксальна в сравнении с обезоруживающей простотой идеологических предубеждений. Понимание истории культурных формаций – таких, как «безумие», – и истоков «клинического взгляда» (*regard clinique*) в медицине предполагает не огромную работу абстракции, а усилие в абстракции, чтобы сконструировать и

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

9 Спор об атеизме (нем.). – Примеч. перев.

идентифицировать сам объект, выстроив таким образом *понятие его истории*. Этот подход противоположен эмпирически видимой истории, где время всех историй является лишь временем континуальности и где содержанием является пустота происходящих в ней событий, которые затем пытаются опередить с помощью процедур разделения, дабы периодизировать эту непрерывность. Вместо категорий непрерывности и прерывности, подытоживающих банальную тайну всей истории, мы имеем дело с бесконечно более сложными категориями, особыми для каждого типа истории, категориями, вводящими в игру новые логики, в которых само собой разумеется, что у гегелевских схем, являющихся лишь сублимацией категорий «логики движения и времени», больше нет иного значения, кроме весьма приблизительного, и то *лишь при условии, что они используются приблизительно (индикативно) в соответствии с их приблизительной природой*, – ведь, если бы мы признали гегелевские категории адекватными, их применение стало бы в теоретическом отношении абсурдным, а в практическом – тщетным или катастрофическим.

Как ни парадоксально, можно экспериментально испытать специфическую реальность сложного исторического времени уровней целого, попытавшись провести сущностный срез сквозь это специфическое и сложное время – решающий эксперимент структуры *современности*. Исторический разрез (*coupe*) такого рода, даже если он применяется к разрыву в периодизации, санкционированной явлениями крупной мутации в экономическом либо в политическом порядке, никогда не создает настоящее со структурой так называемой современности – присутствие, соответствующее экспрессивному или духовному типу единства целого. Сосуществование, наблюдаемое в сущностном срезе, не раскрывает никакой повсеместной сущности, которая также присутствует на каждом из этих уровней. Разрез, «верный» для определенного политического или экономического уровня, разрез, который соответствовал бы, скажем, сущностному срезу в политике, не соответствует ничему подобному на других уровнях – экономическом, идеологическом, эстетическом, философском или научном, – которые существуют в другом времени и характеризуются другими разрезами, другими ритмами и другими пунктуациями. Настоящее одного уровня – это, так сказать, отсутствие другого, и такое сосуществование присутствия и отсутствия есть просто эффект структуры целого в его артикулированной децентричности. То, что, таким образом, понимается как отсутствие в локализованном присутствии, есть не что иное, как нелокализация структуры целого, или, точнее, тип эффективности, характерный для уровней структуры целого (которые сами по себе струк-

турированы) и элементов этих уровней. Невозможность этого сущностного среза раскрывает (даже в отсутствиях, когда он проявляется негативно) форму исторического существования, свойственную общественной формации, возникающей из определенного способа производства, то есть выявляет особый тип того, что Маркс называет процессом развития определенного способа производства. И этот процесс также есть то, что Маркс в ходе обсуждения капиталистического способа производства в «Капитале» называет типом *переплетения разных времен* (и здесь он упоминает лишь экономический уровень), то есть типом смещения (*décalage*) и скручивания различных темпоральностей, производимых разными уровнями структуры, сложная комбинация которых конституирует особое время развития процесса.

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

Если бы мы признали гегелевские категории }
адекватными, их применение стало бы в теорети- }
ческом отношении абсурдным, а в практическом – }
тщетным или катастрофическим. }

Дабы избежать какого-либо недопонимания того, что я только что сказал, необходимо, на мой взгляд, добавить следующие комментарии.

Теория исторического времени, которую я только что изложил, позволяет нам установить возможность истории разных уровней, рассматриваемых как относительно автономные. Но из этого нам нельзя делать вывод, что история состоит из соположения разных относительно автономных историй, различных исторических темпоральностей, существующих в одно и то же историческое время – одни в краткосрочном режиме, другие в долгосрочном. Иначе говоря, отбросив идеологическую модель непрерывного времени, подчиненного сущностным срезам настоящего, мы должны избегать замены этой идеи другой, которая, пусть и отличаясь по стилю, на деле тайком восстанавливает ту же идеологию времени. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы соотнести многообразие различных темпоральностей с единым идеологическим базовым временем или измерить их *смещение* относительно линии единого континуального эталонного времени, довольствуясь, таким образом, мыслью об этих смещениях как об отставаниях или продвижениях *во времени*, то есть в идеологическом эталонном времени. Если попытаться совершить сущностный срез в нашей новой концепции, то мы обнаружим, что это невозможно. Но из этого не следует, что мы имеем дело с *неровным срезом*,

ступенчатым или многозубчатым срезом, где опережение или отставание одного времени по отношению к другому иллюстрируется в темпоральном пространстве, подобно тому, как опоздание или раннее прибытие поездов иллюстрируется на табло SNCF¹⁰ пространственным опережением или отставанием. Если бы мы приняли это, мы вернулись бы, как обычно делают даже лучшие из наших историков, в ловушку идеологии истории, где продвижение и отставание суть всего лишь варианты исходной континуальности, а не эффекты структуры целого. Мы должны порвать со всеми формами этой идеологии, если хотим верно соотнести феномены, *наблюдаемые* самими историками, с понятиями, с *понятием* истории рассматриваемого способа производства, а не с каким-то гомогенным и континуальным идеологическим временем.

Этот вывод абсолютно важен, если мы хотим установить статус целого ряда понятий, которые играют ведущую стратегическую роль в языке экономической и политической мысли этого столетия: например, *понятий неравномерности развития, пережитков, отставания* (сознания) в самом марксизме или понятия *недоразвитости* в современной экономической и политической практике. Поэтому, когда речь идет об этих понятиях, мы должны быть предельно точны в отношении значения, которое можно придать концепту дифференциальной темпоральности, поскольку они имеют далеко идущие практические последствия.

* * *

Реагируя на этот момент, надо снова очистить свое понятие теории истории, причем очистить радикально, от любого загрязнения очевидностью эмпирической истории – ведь мы знаем, что «эмпирическая история» есть лишь гримаса эмпирической идеологии истории. Этот эмпирицистский соблазн огромен, но обычный человек и даже историк переносят его так же легко, как обитатели этой планеты тяжесть огромного слоя воздуха, который на них давит. Исходя из этого надо ясно и четко видеть и понимать, что *понятие истории* больше не может быть эмпирическим, то есть *историческим* в обычном смысле, – как говорил Спиноза, *понятие «собака» не может лаять*. Мы должны со всей строгостью осознать абсолютную необходимость освобождения теории истории от всякого компромисса с эмпирической темпоральностью, с идеологическим концептом времени, который лежит в ее основе и покрывает ее, или

10 SNCF (Société Nationale des Chemins de fer Français) (фр.) – Национальная компания французских железных дорог. – *Примеч. перев.*

с идеологической идеей о том, что теория истории – *как теория* – может быть подчинена «конкретным» определениям «исторического времени» под предлогом, что это «историческое время» может составлять ее объект.

У нас не должно быть иллюзий относительно невероятной силы этого предрассудка, который все еще господствует над всеми нами, который является основой (*fond*) современного историзма и под влиянием которого мы путаем объект знания с реальным объектом, приписывая первому те же качества, что и у реального объекта, знанием которого он является. Знание истории не более исторично, чем знание о том, что сахар сладок. Но прежде, чем этот простой принцип сможет окончательно утвердиться в нашем сознании, нам, без сомнения, понадобится целая «история». Поэтому на данный момент мы должны довольствоваться тем, что проясним несколько пунктов. Нам действительно следовало бы вернуться к идеологии гомогенно-континуального / современного себе времени, если бы мы связали различные темпоральности, о которых говорилось выше, с этим единичным, идентичным временем как множество разрывов в его непрерывности; эти темпоральности тогда мыслились бы как отставания, продвижения, пережитки или неравномерности развития, которые можно отнести к этому времени. На самом деле, несмотря на любые отрицания, это означало бы установить эталонное время, в континуальности которого нам надо измерять эти неравномерности. Напротив, мы должны рассматривать эти различия в темпоральной структуре как – *и только как* – множество объективных показателей способа артикуляции различных элементов или структур в общей структуре целого. Это равносильно утверждению, что если нельзя сделать сущностный срез в истории, то лишь в специфическом единстве сложной структуры целого можно представить понятие этих так называемых отставаний, продвижений, пережитков и неравномерностей развития, которые сосуществуют в структуре реального исторического настоящего – настоящего *конъюнктуры*. Таким образом, разговор о разных типах историчности не имеет смысла применительно к базовому времени, в котором можно было бы измерить эти отставания и продвижения.

Это равносильно утверждению, что, напротив, конечный смысл метафорического языка отставания, продвижения и так далее следует искать в структуре целого, в месте, характерном для такого-то элемента такого-то структурного уровня в сложности целого. Поэтому говорить о дифференциальной исторической темпоральности – значит, связать себя абсолютным обязательством найти *это место* и осмыслить, в ее особой артикуляции, функцию такого элемента или уровня в текущей

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

конфигурации целого; то есть определить отношение артикуляции этого элемента как функции других элементов, этой структуры – как функции других структур. Этот разговор обязывает нас определить то, что называется сверхдетерминацией или недодетерминацией, как функцию структуры детерминации целого; он обязывает нас определить то, что иначе можно назвать *индексом детерминации*, *индексом эффективности*, в данный момент приписываемым рассматриваемому элементу или структуре в общей структуре целого. Под *индексом эффективности* можно понимать характер более или менее доминирующей или подчиненной и, следовательно, более или менее парадоксальной детерминации данного элемента или структуры в актуальном механизме целого. И это не что иное, как теория конъюнктуры, необходимая для теории истории.

Я не хочу углубляться в этот анализ, хотя пока он почти не проработан. Я ограничусь тем, что сделаю из этих принципов два вывода: один касается понятий синхронии и диахронии, а другой – понятия истории.

1) Если сказанное выше имеет какое-то объективное значение, то ясно, что оппозиция синхрония–диахрония свидетельствует о неверном понимании, так как принимать ее за знание означает оставаться в эпистемологическом вакууме (*le vide*), то есть, учитывая нетерпимость идеологии к пустоте, в идеологической полноте, а точнее – в полноте идеологической концепции истории, время которой является непрерывно-гомогенным/современным. Если идеологическая концепция истории рухнет, то вместе с ней рухнет и эта оппозиция. Однако кое-что из этого остается: цель эпистемологической операции, бессознательным отражением которой является эта оппозиция, то есть сама эпистемологическая операция, лишенная своей идеологической привязки. Цель синхронии не имеет ничего общего с *темпоральным* присутствием объекта как *реального объекта*, а напротив, касается другого типа присутствия и присутствия *другого объекта*: не темпорального присутствия конкретного объекта, не исторического времени исторического присутствия исторического объекта, а присутствия (или «времени») *объекта знания самого теоретического анализа*, присутствия *знания*. Таким образом, синхроническое – это не что иное, как *концепция* специфических отношений, существующих между различными элементами и различными структурами структуры целого, это *знание* отношений зависимости и артикуляции, которые делают его органическим целым, системой. *Синхроническое – это вечность в смысле Спинозы*, или адекватное познание сложного объекта посредством адекватного восприятия его сложности. Это как раз то, что Маркс отличает от конкретно-реальной исторической последовательности, когда говорит:

«В самом деле, каким образом простая логическая формула движения, последовательности, времени могла бы служить для объяснения общественного тела, в котором все отношения существуют одновременно и опираются одно на другое?»¹¹

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

Если это и есть синхрония, у нее нет ничего общего с простым конкретным темпоральным присутствием, она связана с познанием сложной артикуляции, делающей целое целым. Не конкретное сопричастие, а познание сложности объекта знания дает знание о реальном объекте.

Если это касается синхронии, то аналогичные выводы следует сделать и в отношении диахронии, поскольку именно на идеологической концепции синхронии (современности сущности самой себе) строится идеологическая концепция диахронии. Вряд ли есть необходимость показывать, как диахрония оказывается несостоятельной у тех мыслителей, которые отводят ей роль истории. Диахрония сводится к последовательности событий (*à l'événementiel*) и влиянию этой последовательности на структуру синхронического: историческое, таким образом, становится неожиданным, случайным, фактически уникальным, возникающим или исчезающим в пустом континууме времени по чисто контингентным причинам. Стало быть, в этом контексте проект «структурной истории» порождает серьезные проблемы, что подробно отражено в отрывках, которые посвящает ему Леви-Стросс в «Структурной антропологии». Действительно, каким чудом пустое время и мгновенные события могли бы вызвать де- и реструктуризации синхронического? Как только синхрония верно определена, диахрония теряет свой конкретный смысл, и не остается ничего, кроме как использовать ее эпистемологически, при условии, что она подвергается теоретической конверсии и рассматривается в своем истинном смысле: как категория не конкретного, а знания. Таким образом, диахрония – лишь ложное название *процесса* или того, что Маркс называл *развитием форм*¹². Но и здесь мы находимся *внутри знания*, в процессе познания, а не в развитии реального-конкретного¹³.

11 МАРКС К. *Нищета философии*. С. 94.

12 См.: ALTHUSSER L., BALIBAR É., ESTABLET R., MACHEREY P., RANCIÈRE J. *Op. cit.* Ch. 13.

13 Во избежание недоразумений следует добавить, что критика скрытого эмпиризма, который терзает нынешнее массовое использование незаконнорожденного понятия «диахрония», очевидно, неприменима к *реальности* исторических трансформаций – например, перехода от одного способа производства к другому. Если цель состоит в обозначении этой реальности (факта реальной трансформации структур) как диахронии, это просто равнозначно применению термина к самому историческому (которое никогда не бывает чисто статическим) или (если проводить различие внутри исторического) тому, что *заметно* трансформируется. Но если цель состоит в том, чтобы продумать понятие этих трансформаций, то мы выходим за пределы реального (диахронического) к знанию, где – в той мере, в какой дело касается самого реального диахронического, – вступает в игру только что представленная эпистемологическая диалектика: понятие и «развитие его форм».

2) Теперь я подхожу к понятию исторического времени. Чтобы строго определить его, необходимо принять следующее условие. Поскольку это понятие может базироваться только на сложной и дифференциально артикулированной структуре, доминирующей над социальной тотальностью, которая конституирует социальную формацию, возникающую из определенного способа производства, оно может получить содержание лишь в качестве структурной функции этой тотальности, рассматриваемой либо в целом, либо на разных «уровнях». В частности, наполнить содержанием концепт исторического времени можно, только определив историческое время как особую форму существования рассматриваемой социальной тотальности – существования, в котором различные структурные уровни темпоральности интерферируют в силу особых отношений соответствия, несоответствия, артикуляции, смещения и скручивания, возникающих между различными уровнями целого в соответствии с его общей структурой. Надо сказать, что, подобно тому, как нет производства вообще, нет истории вообще; есть только особые структуры историчности, в конечном счете основанные на специфических структурах разных способов производства; особые структуры историчности, которые, будучи всего лишь существованием определенных социальных формаций (возникающих из особых способов производства), артикулированных как социальные целые, не обладают иным значением, кроме значения функции сущности этих тотальностей, то есть сущности свойственной им сложности.

Это определение исторического времени через его *теоретическое* понятие непосредственно затрагивает историков и их практику, ибо оно должно привлечь их внимание к эмпирицистской идеологии, которая, за некоторыми исключениями, доминирует во всех областях истории (будь то история в широком смысле или специализированная экономическая, социальная или политическая история, история искусства, литературы, философии, наук и так далее). Грубо говоря, история живет в иллюзии, будто она может обойтись без *теории* в сильном смысле, без теории своего объекта и, следовательно, без определения своего теоретического объекта. То, что выступает в качестве ее теории, то, что, по ее мнению, занимает место этой теории, есть ее *методология*, то есть правила, которые регулируют ее действительные практики – практики, сосредоточенные на изучении документов и установлении фактов. В истории место теоретического объекта занимает «конкретный» объект. Таким образом, история принимает свою методологию за теорию, которой ей не хватает, и она принимает «конкретное» конкретное очевидностей идеологического времени за свой теоретический объект. Эта двойная путаница типична

для эмпирицистской идеологии. Чего не хватает истории, так это сознательного и смелого столкновения с одной из важнейших проблем любой науки – проблемой природы и устройства ее *теории*, под которой я подразумеваю теорию внутри самой науки, систему теоретических понятий, на которой основаны каждый метод и каждая практика (даже экспериментальные метод и практика) и которая в то же время определяет теоретический объект этой науки. Но, за редким исключением, историки не ставили жизненно важную и насущную проблему истории – проблему ее *теории*. И, как то неизбежно случается, место, которое оставила пустым научная теория, заняла теория идеологическая, чье вредное влияние можно подробно проследить как раз на уровне методологии историка.

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

Подобно тому, как нет производства вообще, нет истории вообще; есть только особые структуры историчности, в конечном счете основанные на специфических структурах разных способов производства.

Таким образом, объект истории как науки обладает тем же видом теоретического существования и занимает тот же теоретический уровень, что и объект политической экономии Маркса. Единственное различие, которое можно установить между теорией политической экономии, примером которой является «Капитал», и теорией истории как науки, заключается в том факте, что теория политической экономии рассматривает только один относительно автономный компонент социальной тотальности, тогда как теория истории в принципе принимает сложную тотальность как таковую за свой объект. С этой точки зрения, никаких других различий между наукой политической экономии и наукой истории нет.

Распространенное противопоставление между «абстрактным» характером «Капитала» и якобы «конкретным» характером истории как науки есть чистое и простое недоразумение, но его стоит обсудить, поскольку оно занимает особое место в царстве предрассудков, которые управляют нами. Верно, что теория политической экономии разработана и развита путем исследования исходного материала, в конечном счете предоставленного практиками реальной конкретной истории. Верно, что она может и должна быть реализована в так называемых конкретных экономических исследованиях, которые относятся к некоторой данной конъюнктуре или данному периоду данной общественной формации. Эти истины в точнос-

ти отражены в том факте, что теория истории также разрабатывается и развивается путем изучения исходного материала, предоставленного реальной конкретной историей, и что она тоже реализуется в «конкретном анализе» «конкретных ситуаций». Недоразумение целиком заключается в том факте, что история едва ли существует иначе, чем в этой второй форме, – как «применение» теории, которая не существует ни в каком реальном смысле, и поэтому «применения» теории истории как-то происходят за спиной этой отсутствующей теории и, естественно, ошибочно принимаются за нее, если они не зависят (ведь для существования им нужен минимум теории) от более или менее идеологических очертаний теорий. Мы должны принять всерьез тот факт, что теории истории (в сильном смысле) не существует или почти не существует в той мере, в какой это касается историков; что понятия существующей истории, стало быть, почти всегда являются эмпирическими понятиями, более или менее находящимися в поиске своей теоретической основы, – эмпирическими, то есть смешанными с мощным штаммом идеологии, скрытой за очевидностью. Так обстоит дело с лучшими историками, которых можно отличить от остальных именно благодаря их заботе о теории, но они ищут эту теорию на том уровне, где ее невозможно найти, на уровне исторической методологии, которая не может быть определена без теории, на которой она основана.

Когда история также будет существовать как теория в определенном выше смысле, ее двойное существование как теоретической и эмпирической науки создаст не больше проблем, чем двойное существование марксистской теории политической экономики как теоретической и эмпирической науки. Тогда теоретический дисбаланс между банальной оппозицией абстрактной науки политической экономики и якобы «конкретной» науки истории исчезнет, а вместе с ним исчезнут все религиозные мечты и ритуалы воскрешения мертвых и причастия святых, те, что спустя сто лет после Мишле продолжают проводить некоторые историки, но не в катакомбах, а в сегодняшних общественных местах.

Я должен сказать еще одно слово по этому вопросу. Нынешняя путаница между историей как теорией истории и историей как предполагаемой «наукой конкретного» – историей, пойманной в ловушку эмпиризма своего объекта, – и конфронтация этой «конкретной» эмпирической истории с «абстрактной» теорией политической экономики порождают понятийный беспорядок и массу ложных проблем. Можно даже сказать, что это недоразумение само по себе производит идеологические понятия, функция которых состоит в том, чтобы заполнить пробел (*comblent la distance*), то есть вакуум между теоре-

тической частью существующей истории, с одной стороны, и эмпирической историей, – с другой (которая, правда, слишком часто является существующей историей). Я не хочу обсуждать каждое из этих понятий по порядку, для этого потребуется отдельная книга. Я выделю из них три примера: классические оппозиции сущность–явление, необходимость–случайность и «проблему» действия индивида в истории.

По экономистской или механистической гипотезе, роль оппозиции сущность–явление состоит в том, чтобы объяснить неэкономическое как явление экономической сущности. В этой операции теоретическое (и абстрактное) незаметно заменяется экономикой (поскольку в «Капитале» есть ее теория), а эмпирическое или конкретное – неэкономическим, то есть политикой, идеологией и так далее. Оппозиция сущность–явление играет эту роль достаточно хорошо до тех пор, пока мы рассматриваем явление как эмпирическое и конкретное, а сущность как неэмпирическое, абстрактное, то есть как истину явления. В результате устанавливается абсурдное отношение между теоретическим (экономическим) и эмпирическим (неэкономическим), и эта терминологическая путаница приводит к тому, что знание одного объекта сравнивается с существованием другого, что вводит нас в заблуждение.

Необходимость–контингентность или необходимость–случайность суть оппозиции того же рода, они выполняют ту же функцию: заполнить пробел между теоретической частью одного объекта (например экономики) и нетеоретической, эмпирической частью другого (неэкономического, в котором заявляет о себе экономика: «обстоятельства», «индивидуальность» и так далее). Сказать, например, что необходимость «заявляет о себе среди случайных данных и разнообразных обстоятельств и так далее», означает создать удивительный механизм, в котором сравниваются две реальности, не связанные напрямую. «Необходимость» в данном случае обозначает *знание* (например закон детерминации в последней инстанции экономикой), а «обстоятельства» – то, что не известно. Но, вместо сравнения знания с незнанием, последнее убирается в скобки и заменяется *эмпирическим существованием* неизвестного объекта (именуемого «обстоятельствами» или случайными данными и так далее), что позволяет *скрещивать термины*, создавая ошибочное короткое замыкание, в котором *знание* определенного объекта (экономическая необходимость) сравнивается с эмпирическим существованием другого («обстоятельства», политические или иные, среди которых эта «необходимость», как говорится, заявляет о себе).

Самая известная форма этого заблуждения предстает в «проблеме» «роли индивида в истории»: в этой трагической дискус-

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

сии друг другу противостоят теория или знание определенного объекта (например экономики), представляющего сущность, в качестве явлений которой рассматриваются другие объекты (политические, идеологические и так далее), и (с политической точки зрения!) эмпирическая реальность, индивидуальное действие. Здесь мы опять имеем дело с коротким замыканием между скрещивающимися терминами, сравнивать которые незаконно, ибо это сравнение знания одного определенного объекта с эмпирическим существованием другого! Я не хочу утверждать о трудностях, которые эти концепты ставят на пути у тех, кто их использует; последние могут избежать этих трудностей на практике, лишь подвергая критическому сомнению гегелевские (и, в более общем плане, классические) философские понятия, которые чувствуют себя в этом заблуждении как рыба в воде. Но я хотел бы сказать, что ложная проблема «роли личности в истории» тем не менее указывает на истинную проблему, по праву возникающую в теории истории: проблему понятия *исторических форм существования индивидуальности*. «Капитал» дает нам принципы, необходимые для постановки этой проблемы. Он определяет для капиталистического способа производства различные формы индивидуальности, требуемые и производимые этим способом в соответствии с функциями, «носителями» (*Träger*) которых являются индивиды, в разделении труда, на разных уровнях структуры. Конечно, то, как индивидуальность существует в данном способе производства, нельзя увидеть невооруженным глазом в истории; поэтому понятие способа существования индивидуальности тоже должно быть *сконструировано*, и, как и всякое понятие, оно содержит ряд сюрпризов, наиболее поразительным из которых является тот факт, что оно не имеет ничего общего с ложной очевидностью данного, которая является всего лишь маской нынешней идеологии. Понятие вариаций способа исторического существования индивидуальности открывает путь к тому, что действительно осталось от «проблемы» «роли индивида в истории», которая, если поставить ее в привычной форме, является ложной проблемой – ложной постольку, поскольку она не сбалансирована, теоретически гибридна, так как сравнивает теорию одного объекта с эмпирическим существованием другого. До тех пор, пока не будет поставлена реальная теоретическая проблема (проблема форм исторического существования индивидуальности), мы будем блуждать в потемках – подобно Плеханову, который рылся в постели Людовика XV, чтобы убедиться в том, что тайны падения *Ancien Régime* кроются не там.

*Перевод с французского Дениса Шалагинова
под редакцией Анны Егоровой*

Контингентность как условие возможности класса

АННА
ЕГОРОВА

«**В**ся предшествующая история есть история борьбы классов» – так звучит один из ключевых тезисов «Манифеста коммунистической партии». Для большинства марксистских практиков эта связь класса с историей оставалась непреложной. Однако сегодня очевидно, что, несмотря на продолжение истории (в том числе истории, выраженной в социальных противоречиях и борьбе за освобождение угнетенных групп), класс ушел из политической и теоретической повестки. Впрочем, отход от класса не привел к возникновению нового «прогрессивного» альянса социальных сил, а реактуализация левой политики в западных странах заставляет ряд теоретиков вновь возвращаться к вопросу о классе¹. Как известно, определение рабочего класса у Маркса найти нельзя. Более того, между тем, как класс фигурирует в «Манифесте коммунистической партии» и «Капитале», есть большое различие. Если «Манифест» констатирует стремительный количественный рост пролетариата, то третий том «Капитала» обрывается на попытке выявить, что в принципе делает класс классом.

Определение социального класса является краеугольной и вместе с тем проблематичной процедурой в марксистской теории. В саму концепцию класса всегда была заложена двойственность: это одновременно категория, характеризующая социальную стратификацию, и понятие, обозначающее субъекта истории и политической практики. Представляется, что само по себе классовое отношение как воспроизводящая структура еще не означает, что класс имеет политическое значение. Поскольку в XIX и XX веках общим местом марксистской теории была революционная миссия рабочего класса, именно эта историческая роль и наделяла классовую борьбу политическим значением – победа пролетариата в классовой борьбе означала переход к новому обществу. Сегодня ясно, что экономический и технический детерминизм (развитие техники и производительных сил ведет к развитию политического потенциала пролетариата и его венчающей революцию победе) потерпели теоретическое и политическое поражение, а связанная с детерминизмом линейная концепция истории

Анна Егорова (р. 1990) – аспирантка Центра практической философии «Стасис» Европейского университета в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник Центра современных политических исследований Института общественных наук РАНХиГС.

¹ CHIBBER V. *The Class Matrix: Social Theory after the Cultural Turn*. Cambridge: Harvard University Press, 2022; HARDT M., NEGRI A. *Empire Twenty Years on* // *New Left Review*. 2019. № 120 (<https://newleftreview.org/issues/ii120/articles/empire-twenty-years-on>).

неоднократно подвергалась критике со стороны философии истории и теории историографии². Следовательно, главный вопрос, на который необходимо ответить для того, чтобы начать разговор о возврате к классу, состоит в следующем: можно ли говорить о политическом измерении понятия «класс», если отказаться от представления о его исторической миссии? Ответу на этот вопрос и будет посвящена моя статья.

Ключевой тезис, который мне хотелось бы выдвинуть, состоит в том, что условием возможности класса является политическая контингентность, а не экономическая необходимость. Для того чтобы обосновать эту мысль, я обращусь к концепции множественной темпоральности Луи Альтюссера и к теории классовой борьбы Даниэля Бенсаида, который понимал ее как разворачивающуюся не только на уровне производства, но и в других сферах общества. Далее я воспользуюсь идеей политической интерпелляции Стефано Пиппы как особого вида теоретико-политического дискурса, который предполагает субъекта в качестве возможного (в отличие от идеологического дискурса, для которого субъект всегда уже интерпеллирован), и с ее помощью покажу, как такая «контингентная» интерпелляция связана с политической субъектностью класса. Кроме того, я постараюсь показать, что классовая борьба, первичная по отношению к классу как политической силе, связана с вопросом о месте в этой борьбе и не подразумевает тезиса об «исторической необходимости» или «двигателе истории». В заключение я прослежу актуальные политические импликации переосмысления класса в связи с тезисом о контингентности политической практики.

ПУСТОЕ ВРЕМЯ КАПИТАЛА И ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ КОММУНИЗМА

Отвечая на вопрос, что является первичным – классовая борьба или существование классов, – мы всегда уже занимаем определенную позицию в классовой борьбе. Если классовая борьба – это антагонистическое отношение, то по самой постановке вопроса видно, что такой антагонизм следует понимать как асимметричный, поскольку неизбежный характер конфликта признается лишь одной стороной, а общая ставка в этой борьбе отсутствует. Точка зрения классовой борьбы задает горизонт конфликта, позволяет увидеть в основе общества структурирующий его антагонизм. Противостоит ей либо взгляд на общество (гражданское рыночное общество) как на

2 Более подробно об этом: Егорова А. *К переосмыслению категории класса: tempora multa множественного субъекта* // 2021. Логос № 4(143). С. 171–192.

саморегулирующуюся систему, либо, даже если противоречия признаются как неизбежные, провозглашается необходимость институциональной, управленческой регуляции общественных конфликтов с целью достижения социальной гармонии. Луи Альтюссер определял асимметричное классовое отношение как «отсутствие отношений» – и поэтому единственное реальное отношение в обществе. Подобно тому, как в постановках Брехта враг героя не является его *alter ego*, также и пролетариат не является *alter ego* буржуазии.

АННА ЕГОРОВА
КОНТИНГЕНТНОСТЬ КАК
УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
КЛАССА

«Рабочий класс не есть отрицание капиталистического класса или лишенная капитала и власти буржуазия, а капиталистический класс – это не рабочий класс плюс что-то еще, а именно богатство и власть. Они не живут в общей истории, не разделяют один и тот же мир, они не ведут одну и ту же классовую борьбу»³.

В этом смысле в классовой борьбе сталкиваются, но никогда не унифицируются различные темпоральности. На мой взгляд, попытка Гари Гошгаряна установить связь между концепцией мультитемпоральности социальной структуры и концептом пустоты (*le vide*) Альтюссера периода алеаторного материализма может быть весьма продуктивной. Коммунистический способ производства уже существует в капиталистическом (так же, как и феодальный) как «не-существующий»⁴. Например, элементы феодальных или племенных отношений могут сосуществовать с капитализмом как господствующим способом производства, но при этом быть встроенными в него так, чтобы не оказывать на него преобразующего воздействия. Аналогичная гипотеза может быть выдвинута не только в отношении элементов прошлого, но и будущего, в частности, коммунистического способа общественной организации.

**Отвечая на вопрос, что является первичным –
классовая борьба или существование классов, –
мы уже занимаем определенную позицию
в классовой борьбе.**

Теоретическую иллюстрацию подобного модуса существования элементов будущего можно найти в прочитанных Альтюссером в 1972 году лекциях, посвященных «Рассуждению о происхождении неравенства» Руссо. Поскольку Руссо поставил себе задачу описать естественное состояние, не приписывая естественному человеку качеств индивида в гражданском обществе, ему потребовалось изобрести человека без социаль-

³ ALTHUSSER L. *Essays in Self-Criticism*. London: New Left Books, 1976. P. 184.

⁴ GOSHGARIAN G. *The Void of the Forms of Historicity as Such* // *Rethinking Marxism*. 2019. Vol. 31. № 3. P. 246.

ности. Но, так как человек становится социальным, оказываясь в обществе вследствие природных катастроф, у него должна быть некоторая виртуальная форма социальности (сострадание, *pitié*), развитию которой что-то в естественном состоянии препятствует. Этим препятствием, настаивает Альтюссер, является лес, где живет первобытный дикарь Руссо: «Лес – это истина естественного состояния, концепт чистого естественного состояния, условие для реализации одиночества и внеобщественности [*non-société*], определяющих человека»⁵. Комментируя ход мысли Альтюссера, Гошгарян показывает, что в доисторическом лесу естественного состояния сострадание (*pitié*) как единственная форма социальности существует в модуле «не-существования», поскольку оно «не производит реальных эффектов, ничего в нем не меняет»⁶. Парадокс такой виртуальности или нереализованной возможности в том, что, хотя историей она *post factum* опознается в качестве необходимости, в настоящем времени эта возможность не реализуется, поскольку существует нечто, что этому препятствует.

Аналогичным образом «продолжающееся не-завершение элементов коммунизма в капитализме помещает их в пустоту, где они продолжают существовать лишь в некоторой степени, исключенные из капитализма в капитализме, подвешенные в неопределенном “будущем в прошедшем” как виртуальности будущего, которое может никогда не наступить»⁷. Пожалуй, именно в этом смысле в лекции 1976 года, посвященной концепции диктатуры пролетариата, Альтюссер говорит о том, что в классовой борьбе нет одного единого времени. В ней накладываются друг на друга и переплетаются различные времена, среди которых – темпоральность коммунизма, воплощенная в «организованной классовой борьбе, народных инициативах на заводах, в пригородах, школах, в художественных, научных и теоретических практиках»⁸.

В этом контексте уместно вспомнить один из важных элементов философии Альтюссера, а именно – понятие недодетерминации (*sous-détermination*), которое связано с концепцией сверхдетерминации, но не является ее противоположностью. Как следует из эссе Альтюссера «Противоречие и сверхдетерминация», последняя означает несводимость общественной формации к одному простому внутреннему принципу. Например, противоречие между трудом и капиталом осложняется политическими, национальными, идеологическими и другими

5 ALTHUSSER L. *Cours sur Rousseau*. Paris: Le Temps des Cerises, 1972. P. 116.

6 GOSHGARIAN G. *Op. cit.* P. 259.

7 Ibid. P. 268.

8 ALTHUSSER L. *Some Questions Concerning the Crisis of Marxist Theory and of the International Communist Movement* // *Historical Materialism*. 2015. Vol. 23. № 1. P. 177–178.

противоречиями. Но и экономическое противоречие воздействует на все остальные инстанции⁹. Недодетерминацию Альтюссер определяет как «порог детерминации, без преодоления которого революции терпят неудачу, революционные движения стагнируют или исчезают, а империализм и далее загнивает по мере своего развития»¹⁰. От прочих эффектов ее отличает именно отсутствие действенности, а само существование сверхдетерминированной структуры зависит от того, чтобы определенные эффекты оставались отсутствующими, как это происходит в случае с состраданием доисторического человека во втором рассуждении Руссо. В общественной формации переплетаются, но не встречаются различные способы производства и их времена, а воспроизводство этой формации зависит от отсутствия такой встречи. Гошгарян резюмирует:

«Любая общественная формация подвешена над пропастью своего разрушения в случае взрывного объединения элементов ее прошлого, настоящего и возможного будущего – то есть различных способов производства. Пока подобное взрывное единство не возникает, эти элементы не достигают взаимной интеграции и никогда, так сказать, не встречаются, объединенные лишь проживаемым отношением отсутствия отношений [*lived relation of non-relation*]»¹¹.

Иными словами, классовая борьба становится представимой лишь с точки зрения коммунизма как виртуальности. Темпоральность коммунизма (наряду с темпоральностями других общественных формаций) со-существует с темпоральностью капитализма в негомогенном настоящем, но в подчиненном состоянии, поскольку выполняются условия его не-существования. Для алеаторного материализма пустота не является ничем, скорее она воплощает условия не-существования, обозначая недостаточную детерминацию, которая несимметрична по отношению к сверхдетерминации, поскольку проявляется именно в отсутствии эффектов в структуре целого¹². Политика оказывается несводимой к социальному так же, как политическая практика или факт, который необходимо свершить (*fait à accomplir*), несводимы к истории или свершившемуся факту (*fait accompli*). Политика призвана оспорить устойчивость социального факта, и она может сделать это благодаря тому, что пребывает в другом по отношению к социальному факту времени. Социальное – мультитемпоральная структура с доминантой, а политика – практика, направленная на актуализацию возможнос-

9 АЛЬТЮССЕР Л. *Противоречие и сверхдетерминация* // Он же. *За Маркса*. М.: Праксис, 2006. С. 127–170.

10 ALTHUSSER L. *Essays in Self-Criticism*. P. 187.

11 GOSHGARIAN G. *Op. cit.* P. 262.

12 *Ibid.* P. 261.

тей, детерминированных (в своей недетерминированности) этой структурой. Поэтому политика – это именно интервенция в конъюнктуру. Какое отношение это имеет к классу? Класс не является объективной эмпирической данностью. Классовая борьба с точки зрения темпоральности коммунизма включает в себя борьбу за «класс», за его конституирование в качестве политической силы.

СЛОЖНОЕ ЕДИНСТВО КЛАССА КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА

В марксизме классовое противоречие принято связывать с «сокровенными недрами» производства, где создается прибавочная стоимость. Такое понимание является еще очень схематичным и абстрактным, более того, оно освобождает сферы обращения и воспроизводства от классового противоречия. Очевидно (как на уровне здравого смысла, так и для читателя «Капитала»), что продавец и покупатель рабочей силы не находятся в равных условиях на рынке труда. Кредиторы и люди, берущие микрозаймы, чтобы прожить до следующей зарплаты, также не являются равноправными игроками. Картина становится еще более сложной, если принять в расчет международное разделение труда, концентрацию мирового производства в Азии и Африке, а также трансграничное движение рабочей силы и его регулирование на национальном и наднациональном уровнях¹³. Комплексная детерминация класса подразумевает, что вопрос о том, кто входит в рабочий класс, а кто – нет, является и политическим вопросом. Воспроизводство производственных отношений и рабочей силы невозможно без воспроизводства условий, при которых огромное количество людей видят в продаже собственного труда единственный способ выжить. Приведение рабочей силы в соответствие с потребностями производства осуществляется не только на предприятиях, где различия в уровне квалификации ведут к различиям к оплате, но и в ряде общественных и государственных институтов. Все эти условия не являются устойчивыми, но существуют только при воспроизводстве классового господства, которое сопровождается классовой борьбой на всех уровнях. Иными словами, условия производства и воспроизводства капитала как социального отношения оказываются в высшей степени политическими.

С одной стороны, разделение на классы – уже результат политического соотношения сил, с другой, – классовая борьба

13 Вопрос о комплексной детерминации рабочего класса поднимает, в частности, Даниэль Бенсаид в: BENSALID D. *Marx l'intempestif. Grandeurs et misères d'une aventure critique*. Paris: Fayard, 1995.

сама является лишь предпосылкой для политического формирования класса. Этот амбивалентный характер классовой борьбы был точно подмечен Лениным:

АННА ЕГОРОВА

КОНТИНГЕНТНОСТЬ КАК
УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
КЛАССА

«Классовое деление является, конечно, самым глубоким основанием политической группировки; оно в последнем счете всегда определяет, конечно, эту группировку. Но это глубокое основание вскрывается лишь по мере хода исторического развития и по мере сознательности участников и творцов этого развития. Этот “последний счет” подводится лишь политической борьбой – иногда результатом долгой, упорной, годами и десятилетиями измеряемой борьбы, то проявляющейся бурно в разных политических кризисах, то замирающей и как бы останавливающейся на время»¹⁴.

Ленин указывает на относительную автономию сферы политики и несинхронность между этой сферой и социальной жизнью. Для того чтобы наиболее глубинное политическое разделение общества (стратегическое разделение) проявило себя, необходим целый ряд опосредований и политических столкновений, необходима конкретная борьба, которая развивается не постепенно, но скачками, поскольку только в ходе этой борьбы, через непосредственную артикуляцию политических требований и заключение альянсов «творцы и участники» этой борьбы все лучше понимают собственные цели. Поэтому, если мы можем говорить, что некоторому движению необходимо обдумать свою стратегию, это означает, что требуется перевод социальных или экономических требований на политический язык, который позволит взаимодействовать с другими движениями и политическими силами, выстраивая с ними альянсы.

Условия производства и воспроизводства капитала как социального отношения оказываются в высшей степени политическими.

Продуктивной с точки зрения более комплексного понимания классового противоречия представляется гипотеза Даниэля Бенсаида о необходимости воспринимать все три книги «Капитала» в их единстве. Опираясь на описание механизма кризисов, предложенное Марксом в «Теориях прибавочной стоимости», Бенсаид выводит различие между формальной и реальной причинами кризисов¹⁵. Форма определяет реальную

14 Ленин В. *Задачи революционной молодежи* // Он же. *Полное собрание сочинений*. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 7. С. 344.

15 BENSARD D. *La discordance des temps. Essais sur les crises, les classes, l'histoire*. Paris: Les Editions de la Passion, 1995. P. 46.

возможность, но такая возможность не может быть причиной сама по себе. «Конкретная причина всегда связана с историческими и политическими детерминациями, с борьбой»¹⁶. Подобно кризису, класс с его множественными детерминациями одновременно является и возможностью, и стратегической гипотезой, которая, учитывая структурную гетерогенность класса, стремится к его политическому объединению. В «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркс показывает, что в моменты кризисов социальные группы теряют свою устойчивость, а привычная связь с политическими партиями и формами репрезентации распадается. В такие критические моменты ход истории ускоряется, а классовая борьба влечет за собой поляризацию общества. Следовательно, такое предельное политическое разделение сверхдетерминировано, а его «исходным материалом», по выражению Этьена Балибара, являются массовые движения, практики и идеологии¹⁷. Кризисы – это моменты разлома, бифуркации, когда видимая синхронность и гомогенность времени производства обнаруживает свою несогласованность, а социальные и политическая темпоральности сталкиваются друг с другом. В такие моменты могут быть оспорены и ключевые политические означающие.

Политическая борьба классов не поверхностное отражение некоторой сущности. Она «артикулирована как язык и действует посредством конденсации социальных противоречий и смещений; у классовой борьбы есть свои мечты, свою кошмары и свои оговорки»¹⁸. В специфическом поле политики отношения между классами обретают степень сложности, не сводимую к биполярному антагонизму, который тем не менее эти отношения определяет. Рабочий класс не объединяется спонтанным образом благодаря капиталу – наоборот, его разделяет конкуренция, особенно в период кризиса. А значит, его «социальное и политическое объединение представляет собой перманентную стратегическую задачу»¹⁹. Представление о социальном целом как о состоящем из элементов с собственной темпоральностью, указывает на то, что негомогенность класса является его структурной особенностью, а мультитемпоральность может препятствовать гомогенизации. Неодновременность одновременного в классе требует политического вмешательства. Политика и социальное никогда не тождественны, класс не обладает имманентным ему классовым сознанием, и его политическая репрезентация может быть как прогрессивной, так и реакционной.

16 Ibid.

17 BALIBAR E. *The Notion of Class Politics in Marx // Rethinking Marxism*. 1988. Vol. 1. № 2. P. 44.

18 BENSARD D. *Marx l'intempestif...* P. 133.

19 ИДЕМ. *Stratégie et Parti*. Paris: Les prairies ordinaires, 2016. P. 121.

Внутренние разделения класса, вызываемые различными уровнями детерминации, а также взаимосвязь классовой эксплуатации с гендерными, расовыми, колониальными отношениями ставят под вопрос представление о классе как о субъекте. Бенсаид так формулирует эту проблему:

АННА ЕГОРОВА

КОНТИНГЕНТНОСТЬ КАК
УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
КЛАССА

«Если историю в конечном счете делают массы, то такое “делание” плохо согласуется с волей и сознанием в их обычном представлении. Является ли класс субъектом? Может быть, но субъектом гетерогенным, противоречивым, шизофреническим. Является ли воображаемая Лукачем партия субъектом? Возможно, но субъектом, подверженным [*su jet à*] приступам бреда, оговоркам и ужасающим кошмарам»²⁰.

Статис Кувелакис указывает на эту интуицию Бенсаида:

«Диалектическое понятие темпоральности подразумевает разрыв с традиционными марксистскими концепциями исторического субъекта как внутренне гомогенной и полностью суверенной коллективной силы вне зависимости от того, определяем ли мы его социально как класс или политически как партию»²¹.

Несводимость социального к политике и, наоборот, специфика политики, в которой социальные интересы и требования никогда не выражаются непосредственно, создают возможность для политической интервенции. Связанная с флуктуациями конъюнктуры артикуляция требований может служить выстраиванию альянсов при сохранении плюрализма. Конститутивный разрыв между политикой и общественной жизнью, различие между социальными группами и организациями, борющимися за свою репрезентацию, делают возможным политический союз угнетенных групп в их противостоянии капиталу, который, по ироническому замечанию Бенсаида, и является «великим объединяющим субъектом»²².

КОНТИНГЕНТНОСТЬ И КЛАССОВАЯ ПОЛИТИКА

В этом заключительном разделе я рассмотрю теоретические основания классовой политики, предполагающей имманентную гетерогенность класса. Рабочий класс или массовое классовое движение не возникает с необходимостью исторического закона, но зависит как от конкретной политической практики, так и от конъюнктуры. Такое утверждение скорее является призывом

20 ИДЕМ. *Marx l'intempestif...* P. 303.

21 KAUVELAKIS S. *The Time of History, the Time of Politics, the Time of Strategy // Historical Materialism*. 2016. Vol. 24. № 4. P. 162.

22 BENSATID D. *La politique comme art stratégique*. Paris: Mille Marxismes, 2011. P. 124.

к действию, нежели свидетельством бессилия теории. Сначала я проанализирую, как функционирует политическая интерпелляция, механизм которой Альтюссер обнаруживает в «Государе» Макиавелли. Затем покажу связь этого механизма с эстетической теорией отчуждения Брехта (*Verfremdungseffekt*). В завершение я проведу параллели между политическими дискурсами в «Государе» и в «Капитале» Маркса.

Формулировка политической практики в качестве проблемы – теоретической и политической одновременно – это открытие, которое совершает Альтюссер, анализируя структуру «Государя». Если мы согласимся с мнением Гошгаряна о том, что философская практика Альтюссера была бы непонятна для нас без центральной роли «диктатуры пролетариата» в его теории²³, то вопрос о классе и политической практике пролетариата предстает как имплицитно присутствующий в работах о Макиавелли. Перефразируя вопрос Альтюссера, адресованный флорентийскому автору: «С чего же следует начинать?» – в нашем случае следует спросить: «С чего начинать разговор о классе, отказавшись от представления о классе как о гомогенном субъекте истории?». Нужно начать с начала. «Начало – это, в конечном счете ничто, но не небытие, а пустота»²⁴. Такая пустота (*le vide*), по замечанию Стефано Пиппы, означает радикальное отсутствие достаточной причинности²⁵, недодетерминацию. Подобно тому, как для народа в «Государе» нет никакой объективной причины, чтобы конституировать себя в качестве нации и тем самым стать политической силой (обретя соответствующее сознание), так же и для проживающих определенную «классовую ситуацию» индивидов не существует достаточных объективных причин, которые превратили бы их в класс.

Отказ или неспособность учесть это условие, с точки зрения Макиавелли, могли обернуться опасностью оказаться «в плену прошлых и существующих форм и их бессилия»²⁶. Так и наше мышление о классовой политике оказывается либо в плену социальной иллюзии – класс предстает спонтанно в качестве автоматического субъекта политики и истории. Либо мы станем заложниками организационных форм прошлого века, где класс неизбежно означает промышленный рабочий класс, объединенный в профсоюзы и представленный партией. Этой неспособностью со стороны левых осмыслить одновременность неодновременного в классе, то есть продолжительное и

23 *Philosophy and Revolution: An Interview with G.M. Goshgarian* (www.viewpointmag.com/2016/07/18/philosophy-and-revolution-an-interview-with-g-m-goshgarian/).

24 ALTHUSSER L. *Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. P. 68.

25 PIPPA S. *Void for a Subject: Althusser's Machiavelli and the Concept of «Political Interpellation»* // *Rethinking Marxism*. 2019. Vol. 31. № 3. P. 365.

26 ALTHUSSER L. *Machiavelli and Us*. P. 77.

неизбежное сосуществование различных форм труда, активно пользуются реакционные силы. Правые политики – Дональд Трамп, Борис Джонсон, Виктор Орбан, Жаир Болсонару, Марин Ле Пен (а теперь еще и Эрик Земмур) – объявляют себя представителями промышленных рабочих, о которых левая теория и политика, занятые поисками более «прогрессивных субъектов», на время забыли. Выход из теоретического и политического тупика может быть связан с тем, что с точки зрения темпоральности коммунизма, которая для Альтюссера является детерминированным отсутствием в мультитемпоральной структуре, класс существует в классовой борьбе, и в том числе в борьбе за класс. Борьба за класс в свою очередь означает ставку на поиск новых форм солидарности, необходимых в условиях актуальных политических конфликтов.

АННА ЕГОРОВА

КОНТИНГЕНТНОСТЬ КАК
УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
КЛАССА

Рабочий класс или массовое классовое движение не возникает с необходимостью исторического закона, но зависит как от конкретной политической практики, так и от конъюнктуры.

Возникновение или не-возникновение класса в качестве политической силы должно пониматься как контингентное, зависящее от конкретной политической практики и конъюнктуры. Возвращаясь к тезису об обратимости структуры и конъюнктуры, можно было бы сказать, что «модус структуры» – это то, как конъюнктура предстает взору теоретика, который представляет ее как «объект» теории. Но, если объектом теории становится некоторая «виртуальность», некоторое «определенное отсутствие», тогда структура интересует теоретика как конъюнктура. Иными словами, речь идет о динамическом соотношении противоборствующих сил, в котором господствующая сторона опирается на свершившиеся факты или воспроизводство структуры. Подобное нестабильное равновесие может быть нарушено благодаря возникновению новой силы. Поэтому при анализе конъюнктуры объектом теории становится факт, который необходимо свершить (*fait à accomplir*)²⁷. Такой анализ выявляет пустое пространство, которое необходимо заполнить, поместив в него действия индивидов или группы. Это пространство должно оставаться пустым, чтобы обозначить колебание, неопределенность теории, в которой политика появляется «собственной персоной, в форме детерминированного отсутствия»²⁸. Действуя подобным образом, теория создает

27 PIPPA S. *Op. cit.* P. 366.

28 ALTHUSSER L. *Machiavelli and Us.* P. 76.

пространство, пустоту, которое может заполнить политический субъект.

Неслучайно дискурс «Государя» формально имеет структуру, эквивалентную идеологическому (а не теоретическому) дискурсу: он подразумевает субъекта. Но подразумеваемый субъект сам является гипотезой, теоретически детерминированной реальной возможностью, а не необходимостью. Как замечает Пиппа, отсутствие в «Государе» «всегда уже» интерпеллированного субъекта делает этот дискурс сугубо политическим, предполагающим политическую интерпелляцию, поставленную в зависимость от контингентности решения²⁹. Можно предположить, что подобная теория политической интерпелляции могла бы служить дополнением теории «слабого звена» или сверхдетерминации, поскольку она имеет дело с «субъективными условиями» политической практики, в то время как оптика «Читать “Капитал”» и «За Маркса» относится к «объективным условиям» или данной через конъюнктуру структуре. Тогда раскрывается значение «недостаточной детерминации», ведь вмешивающийся в конъюнктуру политический субъект становится чем-то новым в самой конъюнктуре, изменяя тем самым степень детерминированности противоречия, на которое он воздействует.

В «Макиавелли и мы» Альтюссер вслед за Грамши сравнивает «Государя» с «Манифестом коммунистической партии». Напомним, что Грамши называет «Государя» утопическим манифестом, потому что объединителя итальянских земель, к которому обращен призыв эпилога, «не существовало в реальной исторической действительности»³⁰. Грамши утверждает, что в «Государе» содержится намек на то, что сам народ и должен стать государем и объединиться в некоторое коллективное тело³¹. С этой точки зрения «Манифест коммунистической партии», напрямую обращенный к пролетариату, не является утопическим. Однако для Альтюссера, как замечает Пиппа, утопия скорее характеризует «Коммунистический манифест», поскольку в нем пролетариат предстает заранее данным, тождественным самому себе. Там, где Грамши видит недостаток «Государя», Альтюссер обнаруживает преимущество. В то время как в «Манифесте коммунистической партии» пролетариат становится субъектом истории, в манифесте Макиавелли сохраняется разрыв, нетождество между политикой и историей (или социальным). И вместе с тем «манифесты не пишутся для индивидов, особенно несуществующих индивидов; манифест

29 PIPPA S. *Op. cit.* P. 377.

30 ГРАМШИ А. *Избранные произведения. Том 3. Тюремные тетради*. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 113.

31 Там же. С. 115.

всегда обращается к массам, чтобы организовать их в революционную силу»³². Такая сила у Макиавелли – это и есть народ в некоторой организованной форме, которому открылась тайна политики и который создает себя в качестве политического субъекта, обнаруживая собственную точку зрения. Эта оптика недоступна без некоторой теоретической операции, не является производной от социальной позиции. Схожим образом то, как классовый конфликт предстает в его мультитемпоральных детерминациях в «Капитале», создает некоторое пространство, локус, в котором может возникнуть класс, при этом нет сомнения, что «Капитал» написан с точки зрения пролетариата (тогда как «Государь» – с точки зрения народа). В этом смысле «Капитал» можно противопоставить «Манифесту коммунистической партии», поскольку в «Манифесте» пролетариат уже существует как некоторая данность. В «Капитале» (за исключением пассажа в конце 24-й главы первого тома, где говорится об организации рабочего класса «механизмом самого процесса капиталистического производства»³³) класс как таковой отсутствует, хотя везде – то есть на каждом этапе движения капитала (производства, обращения, воспроизводства целого) – намечаются возможности его возникновения.

В связи с этим противопоставлением показателен пример школы «нового чтения Маркса» (*Neue Marx-Lektüre*)³⁴. Критика этой школы, собранная Карлом Райтером в сборнике «Карл Маркс: философ освобождения или теоретик капитала?», среди прочего состоит в том, что сторонники «нового прочтения» якобы не видят в «Капитале» ничего другого, кроме неумолимого закона прибавочной стоимости, который подчиняет себе социальные группы, классы и отношения. То есть главным моментом этой критики является то, что классовая борьба как таковая в «Капитале» отсутствует³⁵. Вместе с тем эта критика показывает, что «Капитал» может быть прочитан двояко, что в самом «Капитале» происходит некоторое смещение, создается некоторое пространство, благодаря которому читатель не может напрямую, идеологически идентифицировать себя с протагонистом, как это происходит в случае с «Манифестом»,

АННА ЕГОРОВА

КОНТИНГЕНТНОСТЬ КАК
УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
КЛАССА

32 ALTHUSSER L. *Machiavelli and Us*. P. 75.

33 МАРКС К. *Капитал. Критика политической экономии. Том первый*. М.: Издательство политической литературы, 1973. С. 772.

34 *Neue Marx-Lektüre* – близкая к Франкфуртской школе группа исследователей, которая в середине 1960-х обратилась к критике политической экономии Маркса, чтобы предложить последовательное осмысление роли формы стоимости в капитализме. Среди членов группы: Хельмут Райхельт и Ханс-Георг Бакхаус (1970–1980-е), Михаэль Хайнрих (1990-е – настоящее время). Труды последнего, в частности, отличаются сочетанием альтюссеррианской теории сложно структурированного целого с гегелевской диалектической логикой.

35 «*There Is a Tendency to Fetishize the Fetish*»: *An Interview with Karl Reitter* // *Viewpoint Magazine*. 2015. October 6 (www.viewpointmag.com/2015/10/06/there-is-a-tendency-to-fetishize-the-fetish-an-interview-with-karl-reitter/).

где рабочий класс и есть тот, к кому «Манифест» обращен (всегда уже интерпеллированный субъект идеологии).

В «Капитале» все происходит скорее, как в брехтовской пьесе. Альтюссер, проводящий параллели между методами Маркса и Брехта, так комментирует структуру пьес немецкого драматурга:

«Публика должна перестать отождествлять себя с тем, что ей показывают на сцене, она должна занять критическую позицию и сама принимать решения, судить, голосовать и делать выбор. Пьеса ничего за нее не решает. Пьеса – это не костюм из магазина готового платья»³⁶.

Заметим, что «Капитал» также не навязывает никаких готовых решений (и поэтому тезис об «экспроприации экспроприаторов как отрицании отрицания» не является руководством к действию, а указывает на его возможность, располагающуюся в неопределенном будущем времени).

«Публика должна сама выкроить для себя костюм из ткани пьесы или, лучше сказать, из кусков ткани, которые ей предоставляет пьеса. Ибо готового костюма для нее в пьесе нет. Говоря проще, в пьесе нет героя»³⁷.

Можно предположить, что «Капитал» с его комплексной детерминацией класса – это своеобразная пьеса без героя, которая лишь предоставляет «куски ткани», из которых может возникнуть классовая политика. Он указывает на различные темпоральности классовой борьбы и на возможность образования класса на пересечении этих различных темпоральностей. Поэтому «Капитал» может работать как политический дискурс, создающий пространство для возникновения политического субъекта, не постулируя его как уже заранее существующего. Для того, чтобы класс возник, необходимы действия и решения конкретных людей, проявляющие себя в форме организации. Политическая практика исходит из или начинается с классовой борьбы. Но только сама политическая практика может привести к тому, чтобы класс (разъединенный, не обязательно имеющий классовую точку зрения) стал классом. Чтение «Капитала» как пьесы без героя как раз подразумевает, что класс не возникает спонтанно в отведенном для него теорией месте, его конституирование – политическая и стратегическая задача, подобно тому, как для «Государя» политическая и стратегическая задача – это создание нации. При этом политическая субъектность класса зависит от конкретных политических практик, которые не являются необходимыми, но требуют политического выбора.

36 Альтюссер Л. *О Брехте и Марксе* // Он же. *Об искусстве*. М.: V-A-C press, 2019. С. 37.

37 Там же.

Здесь мне хотелось бы привести несколько примеров того, насколько разнообразным может быть вопрос о формировании класса и классового сознания в зависимости от контекста и обстоятельств. Охватившие Казахстан в январе 2022 года протесты, хотя были вызваны резким ростом цен на газ, однако начались именно в промышленных районах страны (первыми о своем недовольстве заявили Мангистауская и Атырауская области, далее подключились Караганда, Алматы и Уральск), где до начала протестов уже проходили многочисленные выступления рабочих³⁸. Кроме того, стоит помнить, что в Казахстане *de facto* запрещены политические партии и профсоюзы – и, несмотря на это, рабочие организовали практически всеобщую забастовку, проявив способность к самоорганизации. Если Казахстан дает пример выступления рабочих в Азии, где сконцентрированы мировые нефтедобыча и промышленное производства (Китай, Индия и другие азиатские страны по-прежнему располагают обширным промышленным рабочим классом), то попытки создания профсоюза в компании «Amazon» служат примером организации рабочих новых отраслей производства в США³⁹. Иным образом классовая борьба преломляется в университетских профсоюзах. В частности, в Великобритании участники профсоюза *University and Colleges Union* говорят о необходимости считать университетских работников частью рабочего класса, поскольку процесс девальвации навыков (*deskilling*) приводит как к серьезному ухудшению материального положения профессиональных работников, так и к прекаризации их труда, приближая их к традиционно понятому пролетариату. Неспособность отказаться от иллюзий вертикальной мобильности и интеграции в ряды более состоятельных слоев общества, по мнению участников кампании за продление временных контрактов *#CoronaContract*, чревато поражением. С их точки зрения, ухудшающееся положение университетских работников не означает автоматического развития классового сознания, «наоборот, сознание развивается, когда индивидуальные требования активно трансформируются в политические и коллективные»⁴⁰.

Здесь можно вспомнить о концепции «классовой композиции», предложенной итальянскими операистами⁴¹. Если у них класс пересобирается в новую композицию – например, союз рабочих Севера Италии и безработных Юга – в ответ на дей-

АННА ЕГОРОВА

КОНТИНГЕНТНОСТЬ КАК
УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
КЛАССА

38 См.: <https://news.ru/cis/esli-v-techenie-nedeli-tokaev-ne-spravitsya-s-obstanovkoj-to-poezd-ujdyot/>.

39 См.: www.theguardian.com/technology/2022/feb/15/amazon-union-vote-workers-prepare.

40 LÊ A., OSSERMAN J. *Our Consciousness and Theirs: Further Thoughts on the Class Character of University Worker Activism* // Viewpoint Magazine. 2022. January 18 (<https://viewpointmag.com/2022/01/18/our-consciousness-and-theirs-further-thoughts-on-the-class-character-of-university-worker-activism/>).

41 WRIGHT S. *Storming Heaven: Class Composition and Struggle in Italian Autonomist Marxism*. London: Pluto Press, 2002.

ствия капитала по дифференциации класса, то необходимость политического объединения говорит нам скорее не о композиции, а о «композитности» класса. В отличие от композиции, которая возникает, подобно картинке в калейдоскопе, и требует только взгляда интеллектуала, способного ее рассмотреть, композит – это рукотворный материал, состоящий из различных, не смешивающихся с другими элементов, обладающий благодаря сочетанию компонентов новыми свойствами. Целостность «композитного класса» не дана в синхронном настоящем, но требует сознательного вмешательства, намерения объединить конфликтующие, несогласованные темпоральности различных социальных групп, различных страт класса, среди прочего и через интеграцию практических и теоретических элементов, которые увеличивают не только логическую непротиворечивость, но и способность к действию. Целостность или единство «композитного класса» создается не посредством стирания различных темпоральностей, которые образуют ее, но через их организацию, которая позволяет различным ритмам и темпам переплетаться и взаимодействовать друг с другом в рамках эмансипаторного проекта. Пересборка политической классовой композиции требует непременно разбить «калейдоскоп» – «зеркало, с помощью которого претворялся в жизнь образ того или иного “порядка”»⁴². Такая смерть идеологического субъекта истории, его центростремительной логики и предзаданной идентичности означает возможность создания множественного субъекта политики.

42 Беньямин В. *Центральный парк*. М.: Grundrisse, 2015. С. 18.

Будущее в настоящем¹

АНДРЕЙ
ОЛЕЙНИКОВ

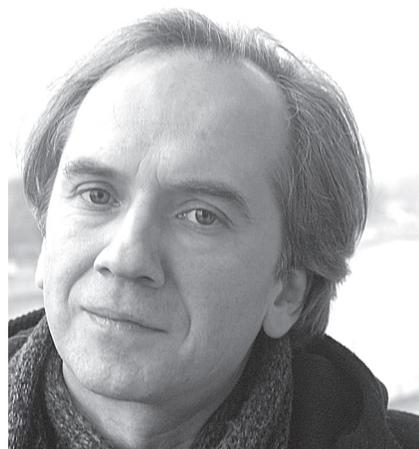
«И эта критика будет генеалогической в том смысле, что она [...] из контингентности, которая сделала нас теми, что мы есть, выделит возможность больше не быть теми, что мы есть, не делать то, что мы делаем, и не мыслить то, что мы мыслим. Она, [...] насколько это возможно, стремится придать новый импульс бесконечной работе свободы».

МИШЕЛЬ ФУКО²

«Сегодня стало едва ли не модно говорить о контингентности в политической теории, философии и историографии. И эта мода – новое явление. В 1960-е и 1970-е доминировал социологический жаргон структур, функций и процессов, предполагающий “необходимость”. [...] Почему же контингентность в такой моде сегодня?»³

С такого неподдельного недоумения начиналась редакционная статья, написанная на исходе прошлого века авторитетным историком понятий Кари Палоненом для выходящего на английском языке «Финского альманаха политической мысли», специально посвященного понятию контингентности. На мой скромный взгляд, спустя двадцать с небольшим лет мы продолжаем жить во все том же «сегодня», поскольку спрос на это понятие и связанную с ним проблематику отнюдь не становится меньше. Его поддерживает не только неослабевающий интерес к социологии Никласа Лумана, «обществу риска» во всех его вариациях, но также совершенно новый, заявивший о себе только в текущем столетии интеллектуальный ландшафт, сформированный акторно-сетевой теорией и спекулятивным реализмом. Поэтому, не боясь эпигонства, мы можем заново задаться вопросом о причинах непроходящей моды на контингентность и предложить на него свой, неизбежно контингентный, ответ. В этом тексте меня будет интересовать, как это понятие работает в современной теории истории. Я сосредоточусь на контингентности в значении *возможности быть иным*. По точному замечанию Палонена, именно эта сторона контингентности представляет наибольший интерес для политической теории:

- 1 Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Восприятие исторического времени в классической и современной политической философии» за 2022 год.
- 2 FOUCAULT M. *What Is Enlightenment?* // RABINOW P. (Ed.). *The Foucault Reader*. New York: Pantheon Books, 1984. P. 46.
- 3 PALONEN K. *Contingency in Political Theory* // Finnish Yearbook of Political Thought. 1999. Vol. 3. № 1. P. 5.

Андрей Андреевич Олейников (р. 1968) – философ, специалист по теории истории, преподаватель Московской высшей школы социальных и экономических наук, старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС.

«В этом смысле контингентность отсылает к благоприятному случаю [*occasion*], удобной возможности [*opportunity*] или Шансу в веберовском смысле. Она одновременно содержит элементы ревизуемости, видоизменяемости, изменчивости и так далее. Обратной стороной этих аспектов являются такие нюансы, как своевременность, хрупкость, разрушаемость, неизбежность неудачи или упадка и прочее. По отношению ко времени контингентность – это всегда нечто неожиданное и непредсказуемое, нечто такое, что невозможно контролировать»⁴.

Я постараюсь показать, что эти стороны и оттенки контингентности становятся важнейшими и для той теории истории, которая внимательна к изменениям, происходящим в представлениях об устройстве исторического времени. В особенности это касается того места, которое в нем занимает будущее. Перестав ассоциироваться с целью некоторого направленного исторического процесса, сегодня будущее оказывается в чрезвычайно двусмысленном положении. Оно либо вообще выводится за рамки современного «режима историчности», озабоченного исключительно настоящим, либо обнаруживает свою крайнюю враждебность по отношению к нему, вынуждая признавать его случайность и изменчивость. В последнем случае оно становится просто другим именем для обозначения контингентности. Иначе говоря, нынешнее будущее мало похоже на козеллековский «горизонт ожиданий»: оно действует в самом настоящем, подрывая его изнутри. Далее я поделюсь своими соображениями о том, как можно мыслить такое историческое будущее.

ЧТО ТАКОЕ «РАДИКАЛЬНЫЙ ИСТОРИЗМ»?

В XIX веке, когда изучение истории превратилось в профессиональное занятие, были предприняты немалые усилия, чтобы исключить контингентность из набора аналитических категорий, с помощью которых можно объяснять значимые социальные и политические изменения. «Историческая школа XIX века не оставила ни следа от случайности», – пишет Райнхарт Козеллек в своей работе о случае как о «последнем прибежище» в историографии⁵.

«То, что в эпоху предисторического понимания истории относилось к компетенции Фортуны, в новое время становится идеологией, которая заставляет прибегать ко все новым манипуляциям, позволяющим представить случайность в облачении неотвратимой закономерности»⁶.

4 Ibid. P. 6.

5 Козеллек Р. *Случайность как последнее прибежище в историографии* // THESIS. 1994. № 5. С. 171–184.

6 Там же.

Оптика профессиональной науки, другими словами, была нацелена на поиск отнюдь не случайных, но необходимых причинно-следственных связей, в чьих терминах объяснялось историческое движение из прошлого навстречу настоящему, в котором живет историк. И в той мере, в какой это движение признавалось закономерным и последовательным, историческая наука не обнаруживала никакого видимого интереса к контингентности.

АНДРЕЙ ОЛЕЙНИКОВ
БУДУЩЕЕ В НАСТОЯЩЕМ

Сегодня будущее оказывается в чрезвычайно двусмысленном положении. Оно либо вообще выводится за рамки современного «режима историчности», озабоченного исключительно настоящим, либо обнаруживает свою крайнюю враждебность по отношению к нему, вынуждая признавать его случайность и изменчивость.

Интерес к контингентности становится заметным, когда настоящее утрачивает свойства самоочевидности, гомогенности, равенства самому себе, – а это происходит благодаря критике модели необратимого и однонаправленного времени, которая начинается с Ницше и, проходя практически через весь XX век, вызывает к жизни новый тип исторического мышления. С подачи британского философа Марка Бевира я предпочитаю называть этот тип мышления *радикальным историзмом*⁷. Он приходит вслед за характерным для XIX века так называемым *девелопментальным историзмом*. Последний, как объясняет Бевир, предполагал эволюционный взгляд на исторический процесс – к примеру, мог представлять нарратив о последовательном и неизбежном триумфе избранной нации или неуклонном научном или социальном прогрессе. Он тяготел к телеологическому объяснению произошедших изменений и поощрял взгляд на историографию как на научное знание, производящее верифицируемые истины. В ряду «отцов-основателей» девелопментального историзма Бевир называет Огюста Конта, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, Карла Маркса и Герберта Спенсера. Радикальный историзм, представленный фигурами Фридриха Ницше и Мишеля Фуко, напротив, видит в истории «серию контингентных, случайных присвоений, модификаций и преобразований старого в новое»⁸. Он внушает сомнения в закономерности и необратимости тех событий, которые при-

7 BEVIR M. *Historicism and Critique* // *Philosophy of the Social Sciences*. 2015. Vol. 45. № 2. P. 227–245.

8 Ibid. P. 230.

вели к возникновению политических и социальных порядков, действующих в настоящем. К историографии он относится как специфической повествовательной конструкции, создаваемой в различных прагматических целях; но, когда эти цели – критические, она может принимать форму *генеалогии* в том значении, которое придавали этому понятию Ницше и Фуко.

Однако Бевир, предложив чрезвычайно пронизательную концепцию радикального историзма, оставил без всякого рассмотрения характеризующий его темпоральный режим, который, несомненно, должен отличаться от линейной темпоральности историзма предшествующего типа. В одной из своих недавних статей⁹ я попытался обосновать мое собственное видение этого темпорального режима, каковое в общих чертах сводится к следующему.

Во-первых, этот режим порывает с идеей онтологической несовместимости прошлого и настоящего, догматизированной в представлении о недопустимости анахронизма, который нередко считается «самым тяжким грехом историка». Как показал в одной из своих работ Жак Рансьер, анахронизма не существует: «Но существуют разные способы выстраивания связей, которые мы можем, оценив положительно, назвать анахрониями»¹⁰. Это может быть событие или «значащая последовательность» событий, которые нельзя объяснить через сведение их к «оригинальному» контексту или «духу времени». Иначе говоря, история совершается не в одном времени, а сразу в нескольких временах. Она, как пишет Рансьер, «существует лишь постольку, поскольку люди “не похожи” на свое время, поскольку они действуют в разрыве со “своим” временем, с той временной линией, которая помещает людей на их место, внушая им “использовать” свое время тем или иным образом»¹¹. Схожую мысль, но на совершенно другом языке задолго до Рансьера выразил американский философ Артур Данто, указав в своем анализе нарративных предложений исторического текста на отсутствие в них сколько-нибудь необходимой связи между прошедшим событием, подлежащим объяснению (*explanandum*), и другим, более поздним событием (*explanans*), в терминах которого объясняется первое.

«[Фразу] “в 1713 году родился автор «Племенника Рамо»” не мог бы произнести никто из тех, кто разделил с госпожой Дидро радость рождения сына. Будущее изменяет прошлое. Не может быть “идеального хрониста”, который фиксировал бы события одно за другим, в порядке их прохождения»¹².

9 Олейников А. *Время истории* // Логос. 2021. № 4. С. 5–30.

10 РАНСЬЕР Ж. *Понятие анахронизма и истина историка* // Социология власти. 2016. № 2. С. 203–223.

11 Там же. С. 221.

12 См.: ДАНТО А. *Аналитическая философия истории*. М.: Идея-Пресс, 2002.

Во-вторых, современность не равна настоящему, но представляет, по словам Питера Осборна, «разрозненное единство множества времен»¹³. Это означает, что так называемое «настоящее» не продолжает так называемого «прошлого», а сопresentствует с ним в составе чрезвычайно подвижной, никогда не равной себе темпоральной констелляции, которую Эрнст Блох называл «современностью несовременного»¹⁴, Вальтер Беньямин – *Jetztzeit*¹⁵, а Луи Альтюссер – «конъюнктурой»¹⁶. Ее нельзя упорядочить, синхронизировать, привести к какому-то общему знаменателю иначе, как политическими и идеологическими средствами. Поэтому не случайно, что идея превосходства настоящего над прошлым (равно как и идея анахронизма) рождается в Европе раннего Нового времени, когда формируется концепция суверенной власти¹⁷. Эта власть строится не только на принципе территориально единства – она заявляет о своей монополии на настоящее время, легитимируя ее необратимостью прошлого.

Так называемое «настоящее» не продолжает так называемого «прошлого», а сопresentствует с ним в составе чрезвычайно подвижной, никогда не равной себе темпоральной констелляции.

В-третьих, в политическом смысле контингентности этого историзма больше соответствует концепция учредительной (а не суверенной) власти, как она разрабатывается Антонио Негри и другими политическими теоретиками, подчеркивающими ее конфликтную социальную природу и несводимость к учрежденной власти. Она манифестирует себя не столько через принятие новой конституции, сколько через делегитимацию той, что существовала до сих пор: «В понятии учредительной власти заложена идея, что прошлое больше не объясняет настоящего и только будущее сможет его объяснить»¹⁸. Схожим образом Альтюссер в работах по алеаторному материализму использовал макиавеллевское понятие благоприят-

13 OSBORNE P. *Global Modernity and the Contemporary: Two Categories of the Philosophy of Historical Time* // LORENZ CH., BEVERNAGE B. (Eds.). *Breaking up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. P. 79.

14 См.: БЛОХ М. *Erbschaft dieser Zeit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1962.

15 См.: БЕНЬЯМИН В. *О понятии истории* // Он же. *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. М.: РГГУ, 2012. С. 237–253.

16 См.: ALTHUSSER L., BALIBAR E. *Reading «Capital»*. London: NLB, 1970.

17 См. по этой теме: FASOLT C. *The Limits of History*. Chicago: The University of Chicago Press, 2004.

18 NEGRI A. *Insurgencies: Constituent Power and the Modern State*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. P. 10.

ного момента (*occasione*), объясняя возможность счастливого взаимодействия фортуны и доблести государя, которое может продлиться сколь угодно долго, а может оказаться очень коротким. Свершившийся факт такого взаимодействия отнюдь не гарантирует его последующей длительности, скорее указывает на его неизбежную временность. Альтюссер писал:

«[История] есть не что иное, как постоянное упразднение свершившегося факта другим еще не установленным фактом. [Он будет упразднен] без нашего предварительного знания о том, как и когда произойдет то событие, которое его отменит, и произойдет ли оно вообще»¹⁹.

Иначе говоря, будущее поощряет видеть в настоящем стечение обстоятельств, счастливый союз которых не может длиться бесконечно. Будущее отказывает настоящему в легитимности, но зато утверждает его исключительную новизну. Поэтому мы можем говорить о том, что радикальный историзм позволяет современному историческому мышлению совершить макиавеллиевское «возвращение к началам» (*ridurre ai principii*) и заново осознать свои милленаристские истоки. Джон Покок в своем *opus magnum* объясняет это так:

«Апокалиптика служила мощным инструментом секуляризации, средством вернуть процесс искупления в измерение социального времени, от которого Августин попытался его отделить и изобразить его как продолжение или преобразование существующих земных процессов. [...] Таким образом, размышления о конце света помогли открыть путь к современной светской историографии»²⁰.

БУДУЩЕЕ В ТЕОРИИ КАРЛА МАННГЕЙМА

Принимая во внимание отмеченные особенности радикального историзма – критику *status quo* и склонность объяснять настоящее с точки зрения будущего, – можно говорить об изначально свойственном ему утопическом измерении, если понимать утопию так, как предлагал это делать Карл Маннгейм: как «“трансцендентную по отношению к действительности ориентацию”, которая, переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей»²¹. Самого Маннгейма вряд ли можно было бы отнести к сторонникам радикального историзма. Его способ представ-

19 ALTHUSSER L. *The Underground Current of the Materialism of the Encounter* // IDEM. *Philosophy of the Encounter. Later Writings, 1978–1987*. London: Verso, 2006. P. 174.

20 Покок Дж. *Момент Макиавелли*. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 89–90.

21 МАНХЕЙМ К. *Идеология и утопия* // Он же. *Диагноз нашего времени*. М.: Юрист, 1994. С. 164.

ления исторической динамики остается скорее девелопментальным. Тем не менее разработанная им классификация четырех основных типов утопического сознания, где каждому отдельному типу соответствует свой способ структурирования исторического времени, составляет неоценимый (и, кажется, по достоинству мало кем оцененный²²) вклад в теорию истории. Напомню вкратце, что, согласно Маннгейму, три первых типа социальной утопии – хилиастический (XVI век), либерально-гуманистический (XVIII–XIX века), консервативный (XVIII–XIX века) – характеризуются через преувеличенное значение, которое придается одному из трех измерений времени: настоящему – хилиастами, будущему – либералами и прошлому – консерваторами. Последняя форма утопического сознания – социалистическо-коммунистическая (XIX–XX века) – выступает как интегральная по отношению ко всем предшествующим, поскольку отмечена равным вниманием ко всем трем временам. Маннгейм называет присущее ей ощущение исторического времени «многомерным». Эта многомерность явно парадоксальна. С одной стороны, она выглядит как наиболее объемное и дифференцированное ощущение времени, поскольку прошлое и будущее виртуально присутствуют в настоящем, создавая «эластичную структуру»²³ истории. С другой стороны, в этой структуре возрастает роль «детерминирующих факторов», оставляющих все меньше простора для свободного политического действия:

«Основное намерение состоит теперь не в том, чтобы действовать, исходя из свободных импульсов, произвольно выбирая “здесь и теперь”, а в том, чтобы фиксировать в существующей структуре благоприятную для действий точку. Задача политического деятеля состоит теперь в том, чтобы сознательно укреплять те силы, динамика которых действует в нужном ему направлении, и придавать всем противодействующим ему силам нужное ему направление или, если это невозможно, хотя бы парализовать их. [...] Восприятие истории подчиняется, таким образом, стратегическому плану настоящего»²⁴.

Противостояние действительности, которое является конститутивной чертой любой утопии, достигнув своей кульминации в условиях гегемонии социалистических и коммунистических идей, едва ли не сразу и фактически полностью снимается. Признаком истощения революционного потенциала утопии является исчезновение с политической арены радикального анархизма, который Маннгейм считает «наиболее чистой фор-

22 Важным исключением является работа: TOSCANO A. *Fanaticism: The Uses of an Idea*. New York: Verso, 2010.

23 МАНХЕЙМ К. *Идеология и утопия*. С. 206.

24 Там же.

мой современного хилиастического сознания»²⁵. Политическая борьба теперь, по его мнению, ведется «отнюдь не с утопических позиций»:

«Противнику совсем не стремятся доказать, что он поклоняется ложным богам; задача состоит в том, чтобы уничтожить социально-витальную интенсивность его идеи посредством выявления ее исторической и социальной обусловленности»²⁶.

Акцент на этой обусловленности, признание неизбежной зависимости от нее все больше склоняют носителей социалистическо-коммунистических идей к переходу на «формально-консервативную позицию»²⁷. Эта тенденция, в глазах Маннгейма, грозит уничтожить сам смысл истории:

«Тогда возникнет величайший парадокс, который будет заключаться в том, что человек, [...] после столь длительного, полного жертв и героических моментов развития достигший, наконец, той высшей ступени сознания, когда история перестает быть слепой судьбой, когда он сам творит ее, вместе с исчезновением всех возможных форм утопии утратит волю создавать историю и способность понимать ее»²⁸.

Нельзя сомневаться в том, что у Маннгейма были свои, и весьма веские, причины опасаться исчезновения утопии. Но в данном случае интереснее другое. Его типология оказывается необыкновенно удобной, чтобы продемонстрировать разницу в понимании будущего между сторонником деволюционного и радикального историзма. Для первого будущее – это отложенная в бесконечность идеальная цель исторического движения. Ее принципиальная недостижимость служила в рамках породившей ее либерально-гуманистической утопии необходимым условием осмысленности проживаемого здесь и теперь момента. Будущее задавало норму настоящего. Проблема с таким будущим наступает тогда, когда оно мыслится достижимым. Это происходит в рамках социалистическо-коммунистической утопии, когда «идея обусловленности, присущая консервативному сознанию», проникает «в прогрессивную, стремящуюся изменить мир утопию»²⁹. В результате удельный вес «детерминирующих факторов» чрезмерно возрастает, и историческое движение останавливается признанием разумности существующей в настоящий момент действительности. Настоящее ста-

25 Там же. С. 208.

26 Там же. С. 209.

27 Там же. С. 208.

28 Там же. С. 219.

29 Там же. С. 203.

новится столь же неотличимо от будущего, как и идеология – от утопии. И такое состояние дел Маннгейм считает характерной особенностью «современной констелляции»³⁰.

Будущее, волнующее радикального историста, совершенно иного свойства. У него гораздо больше общего с экстатически переживаемым настоящим хилиастов, чем с прогрессистским будущим либералов или социалистов. Оно находится не в большей или меньшей дали, но непосредственно в самом настоящем, образуя в нем «брешь, через которую то, что было чисто внутренним чувством, прорывается наружу и внезапным ударом преобразует внешний мир»³¹. Ведь хилиаста «интересует не столько само тысячелетнее царство, сколько, чтобы оно было здесь и теперь, возникло бы из земной жизни как внезапный переход в инобытие»³². Хилиизм, по точному замечанию Альберто Тоскано, «является доктриной контингентности; [...] темпоральность хилиизма – это темпоральность *кайроса*: “момента времени, захваченного вечностью”, но также вечностью, зависящей от решения»³³. Следует также помнить, что хилиизм в типологии Маннгейма представляет самую нетерпимую к существующей социальной действительности и потому самую чистую форму утопического сознания. В то время как либерализм, консерватизм и социализм «не что иное, как различные ступени (но вместе с тем и противостоящие друг другу формы) этого все более отходящего от хилиастического сознания и все более приближающегося к мирским делам [исторического] процесса»³⁴. При всей изощренности своей концепции исторического времени, которая позволяет выводить его конкретные формы из соответствующего социально-политического умонастроения, Маннгейм продолжает мыслить исторический процесс совершенно телеологически, когда в связи с поражением анархизма в борьбе с марксизмом говорит, что «разгром хилиастической утопии был потрясающим по своей резкости и брутальности, однако он с *фатальной необходимостью диктовался самим процессом исторического развития*» (курсив мой. – А.О.). Поэтому нет ничего удивительного в том пессимизме, с которым Маннгейм смотрит на свою современность, не находя там живой утопии. Его взгляд слишком консервативен. Он способен замечать только реализовавшуюся³⁵, завершенную утопию, а не утопию *in statu nascendi*, только прошедшее будущее, а не будущее в настоящем.

30 Там же. С. 207–219.

31 Там же. С. 183.

32 Там же. С. 184.

33 TOSCANO A. *Op. cit.* P. 93.

34 МАНХЕЙМ К. *Идеология и утопия*. С. 208.

35 «Применительно к прошлому мы располагаем достаточно достоверным критерием для определения того, что следует считать идеологией и что – утопией. Этим критерием является *реализация*» (Там же. С. 174–175).

БУДУЩЕЕ В НАСТОЯЩЕМ

Если в случае Маннгейма присущее радикальному историзму утопическое измерение манифестировало себя в едва живом, почти «снятом» виде по причине непрекращающейся гегемонии «детерминирующих факторов», действующих на стороне девелопментального историзма, то в нынешней ситуации его потенциал сдерживается другим темпоральным режимом, который с легкой руки Франсуа Артога получил название «презентизм». Его формирование совпало с окончанием «холодной войны» и коллапсом коммунистического блока. До некоторой степени его можно воспринимать как следствие идеи «конца истории», провозглашенного Фрэнсисом Фукуямой в его одноименном сочинении³⁶. Презентизм покончил с гегемонией девелопментального историзма (или «историцизма», если пользоваться вместо него прижившимся у нас переводом ключевого понятия из работы Карла Поппера³⁷), установив «тиранию настоящего». Презентизм, как объясняет Артог, заставляет ценить только текущий момент, подчиняет прошлое настоящему и не ждет перемен от будущего. Он пользуется историей исключительно инструментально – главным образом для оправдания и поддержания существующего порядка вещей, не видя ему никакой «разумной» альтернативы³⁸. Поэтому поиск такой альтернативы становится важнейшей задачей той части теории исторического знания, которая особенно внимательна к тому, что Юрген Хабермас называл «публичным употреблением истории».

Работы современного французского медиевиста и анархистского мыслителя Жерома Баше представляют на сегодняшний день, возможно, самый яркий пример сопротивления презентистскому режиму. Они вдохновлены утопией, практикуемой на юго-востоке Мексики движением сапатистов, в котором Баше, профессор Высшей школы социальных наук в Париже и Автономного университета штата Чьяпас в Сан-Кристобаль-де-Лас-Касас, принимает непосредственное участие с 1997 года. По его собственному признанию, это движение является «одной из самых замечательных и радикальных утопий, которые есть сегодня»³⁹. Он полагает, что сапатисты помогают формированию «новой грамматики исторических времен»⁴⁰, которая способна преодолеть презентистское «вечное настоящее», «выражающее

36 Фукуяма Ф. *Конец истории?* // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.

37 Поппер К. *Нищета историцизма* // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 49–79; № 9. С. 22–48; № 10. С. 29–58.

38 Об отличных от артоговской концепциях презентизма см.: Олейников А. *Другой презентизм* (<https://liberal.ru/authors-projects/drugoj-prezentizm>).

39 BASCHET J. *La rébellion zapatiste: Insurrection indienne et résistance planétaire*. Paris: Flammarion, 2019. P. 324.

40 Ibid. P. 233.

абстрактную темпоральность капитализма»⁴¹. Природу этого «вечного настоящего» Баше объясняет, следуя концепции Люка Болтански и Эв Кьяпелло, наступлением «второго духа» капитализма, понимая под последним структурное слияние экономики и политики, экспансию менеджерских форм контроля и подчинение общественного поведения логике рыночных отношений. В книге «Прощай, капитализм» Баше говорит о невозможности преодолеть «тиранию настоящего» путем возврата к прогрессивистской историчности модерна (или девелоппментальному историзму в нашей терминологии):

«[Требуется] заново переоткрыть будущее. И это возможно лишь при условии, что его наделят новым способом существования и выработают новый режим будущности. Нам приходится избегать вечного настоящего, характерного для постмодернистского капитализма, которое перемальвует все альтернативы и обрекает нас на тяжелое, как жернова, неолиберальное “НЕТ БУДУЩЕГО”, но тем не менее мы должны порвать с предуготовленным будущим модерна, построенном на уверенности в прогрессе и вере в неизбежное пришествие лучезарного завтра. Будущее надо принять во всей его неопределенности и непредсказуемости, но при этом оно не становится менее мыслимым и менее воображимым в самой своей открытости, полной угроз и надежд»⁴².

В книге «Сокрушение тирании настоящего» Баше формулирует задачи, которые следует выполнить, стараясь помыслить новый режим историчности. Нужно оставить позади модернистское представление о линейном и гомогенном времени и принять гетерогенную, плюралистическую и многовекторную его модель:

«История не может мыслиться как созданная по образу самого времени, как единый поток, а скорее должна предстать в виде сплетения множества течений, иногда бурных, нарочито противоречивых и составленных из разных, и порой несинхронных, ритмов»⁴³.

«Запланированному будущему модерна отдавать предпочтение некоторой конкретной и неподделенной будущности, объекту стремления к освобождению, который нам завещано воплотить в жизнь в самой гуще борьбы за его состоятельность»⁴⁴.

Выстроенная на прямых и косвенных отсылках к Беньямину и Блоху, концепция Баше, наверное, оставляет больше вопро-

41 Ibid. P. 294.

42 ИДЕМ. *Adieux au capitalisme: Autonomie, société du bien vivre et multiplicité des mondes*. Paris: La Découverte, 2014. P. 85.

43 ИДЕМ. *Défaire la tyrannie du présent: Temporalités émergentes et futurs inédits*. Paris: La Découverte, 2018. P. 230.

44 Ibid. P. 218.

сов, чем ответов в отношении «новой будущности», которую предлагает помыслить. Но в любом случае она стимулирует поиск альтернативного презентизму режима историчности и даже проецирует его эпистемологическую программу, включающую демократизацию исторической профессии, трансформацию истории из знания, «приобретаемого по следам» (то есть в отсутствие тех, кто их оставил), в «симптоматическое знание» (предполагающее сопричастие следа и того, кто его оставил)⁴⁵, упразднение антагонизма между памятью и историей, благосклонность к анахронизмам и ряд других любопытных задач, обсуждение которых заслуживает отдельного разговора.

45 Ibid. P. 257.

После прогресса. Как понимать политический спектр «лево – право» в эпоху контингентности¹

ТИМУР
АТНАШЕВ

Спектр *лево – право* более 150 лет господствует как универсальный и глобальный язык политики для избирателей, политиков и ученых, изучающих политические процессы². Более ста лет этот язык регулярно объявляется потерявшим смысл или даже дезориентирующим, особенно при сравнении того, что называется левым и правым в разных странах. Например, сегодня либерализм в США считают левым, в Италии – центром, во Франции или Швеции – правым центром, а в Японии – правым мейнстримом; в России этикетка «либерал» стала почти ругательной, а парламентская партия с прилагательным «либеральная» представляет смесь левого и правого популизма, национализма и империализма. Более того, происхождение ряда современных наук об обществе оказывается во многом связанным с фазой возникновения социального либерализма на рубеже XIX и XX веков. Я покажу, как можно снять эти противоречия узуса и собрать целый пазл. В частности, я постараюсь объяснить центральную роль и структурный *динамизм* доктрины и практики либерализма в этот период в согласии с «грамматикой» языка левого и

Тимур Атнашев
(р. 1975) – историк,
специалист в области
интеллектуальной исто-
рии, старший научный
сотрудник РАНХиГС.

- 1 Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Восприятие исторического времени в классической и современной политической философии» за 2022 год.
- 2 Подавляющее большинство избирателей в развитых странах в 2000–2010-х легко определяют свое место на оси *лево – право*; в развивающихся странах востребованность и устойчивость спектра несколько меньше, но он остается наиболее влиятельным. В теоретической и академической литературе эти полюса используются либо в качестве основного способа определения политических позиций, идеологий и программ, либо в качестве синонимов и эквивалентов других моделей спектра. См.: ARIAN A., SHAMIR M. *The Primarily Political Functions of the Left – Right Continuum* // *Comparative Politics*. 1983. Vol. 15. № 2. P. 139–58; DALTON R.J. *Left – Right Orientations, Context, and Voting Choices* // DALTON R.J., ANDERSON CH.J. (Eds.). *Citizens, Context, and Choice*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 103–125; PIURKO Y., SCHWARTZ SH.H., DAVIDOV E. *Basic Personal Values and the Meaning of Left-Right Political Orientations in 20 Countries* // *Political Psychology*. 2011. Vol. 32. № 4. P. 537–561; DALTON R.J., TANAKA A. *The Patterns of Party Polarization in East Asia* // *Journal of East Asian Studies*. 2007. Vol. 7. № 2. P. 203–223; JOU W. *Continuities and Changes in Left-Right Orientations in New Democracies* // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43. № 1. P. 97–113; ASPELUND A., LINDEMAN M., VERKASALO M. *Political Conservatism and Left – Right Orientation in 28 Eastern and Western European Countries* // *Political Psychology*. 2013. Vol. 34. № 3. P. 409–417; ZECHMEISTER E.J. *The Varying Economic Meaning of Left and Right in Latin America* // *AmericasBarometer Insights*. 2010. № 38.

правого. Показав особенности функционирования этого *lingua franca*, я хотел бы поставить концептуальный вопрос о том, почему правое и левое оказались главным диалектом национальной и глобальной политики. Моя гипотеза состоит в том, что разделение на левое и правое оказывается исторически удачным ответом на структурный запрос, сформированный рождением конкурентной политики модерна³.

В контексте исторического и социально-политического осмысления *modus operandi* двух полюсов важной задачей статьи является историческая реконструкция и последовательная демонстрация последствий часто упускаемого из вида аспекта метафорики *левое – правое*, который связан с представлением о том, что левое олицетворяет и объединяет силы исторического прогресса. Я хочу показать, как полтора столетия использования политического спектра, кристаллизовавшегося в период Реставрации во Франции и распространившегося практически во все страны мира, связано с тем, что прогресс в этот период задавал горизонт ожиданий. Такое ожидание в свою очередь отражало ощутимый для критической массы политиков, интеллектуалов и избирателей (но, безусловно, не для всех и с перерывами на две войны) *опыт прогресса* ориентировочно между началом XIX века и концом 1960-х.

Кризис представлений о прогрессивном характере исторического развития и значительные политэкономические трансформации в западных обществах 1970-х поставили под вопрос саму внутреннюю логику функционирования спектра *левое – правое*. Если направленного прогресса нет, если в него больше не верят (снова речь скорее о некоторой критической массе и динамике), то левое и правое теряют исходный смысл, стрелки компаса размагничиваются. Новые представления о контингентном характере истории позволяют поставить вопрос о том, как может быть осмыслена ось *левое – правое* уже в контексте непредопределенности и случайности, которые пришли на место ожидания прогресса. В заключении я предлагаю возможное обновленное прочтение правого как сферы проверенного опыта и левого как зоны поиска и эксперимента.

Надеюсь, что предложенный в статье акцент на историософском измерении *левое – правое* дополнит более привычные и распространенные *содержательные* интерпретации значений полюсов в терминах соответствующих им политических принципов и/или социальных групп (рабочие, прекариат, буржуа-

3 Я хочу особо поблагодарить Михаила Велижева, Владислава Калинина, Андрея Олейникова и Андрея Фетисова за возможность обсудить основные аргументы статьи и за все ценные комментарии по ходу написания текста. Обратная связь позволила значительно уточнить исходные посылки. Я хочу также поблагодарить Владиславу Шаповалову за существенную помощь в редакции текста. Конкретные выводы и формулировки остаются на моей совести.

зия, «белые воротнички», интеллигенция, меньшинства, эмигранты и другие), которые отождествлялись с определенными полюсами и идеологическими принципами в конкретных странах и в конкретные исторические периоды⁴. Среди наиболее значимых пар мы можем выделить следующие: равенство – иерархия, справедливость – порядок, свобода – авторитаризм, капитал – наемный труд, солидарность – конкуренция, *status quo* (порядок) – динамика (реформы), эволюция – революция, социализм – капитализм, эмансипация – традиция, интернационализм (глобализм) – национализм, религия – секуляризм (атеизм), индивидуализм – коллективизм. Для большей части из этих пар можно найти значимые контрпримеры. Однако задача выделить если не некоторую устойчивую сущность, то проследить структурные изменения исторического репертуара этих оппозиций не кажется мне заведомо бессмысленной, поиск дает результаты и может быть продуктивным в будущем. Можно отметить популярную и обстоятельную книгу Норберто Боббио, демонстрирующего актуальность классического и скорее эссенциалистского разделения⁵, а также влиятельный подход Рональда Инглхарта и его коллег, показавших переход от социально-экономической оппозиции по оси *капитал – труд* к новой ключевой оппозиции по социокультурным вопросам эмансипация – традиция⁶.

Если направленного прогресса нет, если в него больше не верят, то левое и правое теряют исходный смысл, стрелки компаса размагничиваются.

Таким образом, я хочу предложить взгляд, который опирается на обзор исторической эволюции содержательного репертуара левого – правого, но главный акцент я сделаю на демонстрацию важности философии истории или временного измерения, которое определяет встроенное динамическое понимание левого и правого. Философия истории обычно относится к области спекулятивной теории, но здесь она задает логику функционирования политического спектра и электоральных стратегий. Левое олицетворяет будущее и прогресс, а правое – *status quo* и прошлое на воображаемом эскалаторе истории. Свершившийся в последние десятилетия переход от гегемонии представле-

4 См.: LIPSET S.M., LAZARSFELD P.F., BARTON A.H., LINZ J. *The Psychology of Voting* // LINDZEY G. (Ed.). *Handbook of Social Psychology*. Reading: Addison-Wesley, 1954. Vol. 2. P. 1135.

5 Норберто Боббио анализирует десять аргументов в пользу утери значимости разделения перед тем, как предложить свою версию, почему оно сохраняет и навсегда(!) сохранит свою фундаментальную значимость: BOBBIO N. *Left and Right: The Significance of a Political Distinction*. New York; London: Wiley, 2016.

6 INGLEHART R. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press, 1990.

ний о поступательном прогрессе к верховенству представлений о контингентом или непредопределенном характере исторической динамики позволяет попробовать – уже в форме спекулятивного предположения – обновить наше понимание левого и правого после прогресса.

1. Импульс. Как возникло и что означало ЛЕВОЕ – ПРАВОЕ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Влиятельный французский историк Марсель Гоше предложил наиболее глубокую и систематическую на сегодня интерпретацию происхождения политического спектра в Новое время⁷. Благодаря его работе мы знаем, что апокрифический рассказ о возникновении структуры «лево – право» в первые месяцы работы Национальной ассамблеи в августе 1789 года по поводу голосования о праве вето короля является ложным следом, хотя часто повторяемый рассказ и не лишен оснований. На самом деле то голосование не было решающим и не оказало большого влияния, но впервые проявилась, а затем быстро была забыта структурная логика спектра. С самого начала депутаты с разными взглядами спонтанно стали группироваться в разных частях Ассамблеи по отношению к центральной трибуне президента и голосовать совместно. Исходно сторонники больших свобод и большего равенства оказались по левую руку от председателя, вытеснив остальных в правую часть. Занимавший правую часть зала Барон де Говилль так описывает механизм спонтанного разделения двух протопартий:

«Я попробовал располагаться в различных частях зала и не находиться всегда на одном и том же месте, чтобы чувствовать себя свободнее в моих решениях. Но я был вынужден полностью отказаться от посещения левой части; иначе я был бы обречен на то, чтобы по всем вопросам голосовать в одиночестве под свист и насмешки окружающих».

Воспоминания других депутатов подтверждают наблюдение, что голосовать в одном помещении легче синхронно с соседями. А самостоятельно голосовать каждый раз по-своему, опираясь лишь на свой разум, оказалось трудно (как считали Руссо, просвещенные революционеры и республиканцы, влияние отдельных групп, клик, фракций или партий было опасным для общего блага⁸). Депутаты, опираясь на сходство взглядов, сби-

7 См. предисловие и обновленное издание работы, впервые опубликованной в 1992 году в многотомных «Местах памяти» Пьера Нора: ГАУСНЕТ М. *La droite et la gauche. Histoire et destin*. Paris: Gallimard, 2021.

8 В контексте Французской революции и в долгой традиции республиканской мысли сама идея «партии» или «фракции» порицалась как нарушающая принцип свободного формирования общей воли через обсужде-

вались в стаи и синхронизировали свое голосование по большинству вопросов с другими членами этих искусственных семей или кланов.

Разделение зала на части каждый раз воспроизводилось уже с участием новых составов депутатов Ассамблеи, а к левой и правой частям добавился важный по расположению и по размеру центр. Использование терминов «правое», «левое», «правое крыло», «левое крыло» в 1791 году обогащается неустойчивым в предпочтениях «центром», или «болотом», ставшим в дальнейшем важнейшей осью французской политики, а также «крайним левым»; депутаты также говорят о «горé», ссылаясь на вертикальное измерение парламентского амфитеатра. Но в целом тогда речь шла о технических терминах в хрониках парламентских заседаний – они указывают на прямой факт расположения в зале. Сами же участники этих групп не идентифицировали себя как левых или правых, а реальные протопартии формируются вокруг клубов – таких, как якобинцы. В поздние фазы революции символическую роль обозначения главных партий получают цвета: белый цвет защитников короля и красный – республиканцев. Поэтому Гоше называет революционный дебют оси «лево – право» фальстартом.

Полноценная структура политического поля в терминах левого и правого возникает в 1815 году, в период Реставрации. После возвращения Бурбонов «бесподобная» палата депутатов снова начала делиться на партии – вопреки ужасу, с которым французы вспоминали клубы и фракции революции. Но парламентская динамика оказалась сильнее предрассудков против разделения целого на части. Сформировалось устойчивое большинство роялистов и меньшинство оппозиции. Как описывает один из участников, выбор консервативным большинством правой части зала как места своей дислокации снова был случаен. Роялисты и консерваторы могли бы оказаться «левыми». Последующие парламенты пришли к более сложной структуре спектра, в которой центр занимали сторонники правительства и исполнительной власти, а левая и правая части зала играли роль двух оппозиций – справа и слева.

Именно эта трехчастная система задает, согласно Гоше, французскую специфику по сравнению с более жесткой двухпартийной системой британского парламента, где партия правительства противостоит партии оппозиции. Форма помещения для заседаний оказалась адекватной политическому режиму:

ние и выражение индивидуальных мнений. Радикализация революции привела к атакам против партий и фракций в пользу требования единства, включая предложение об обязательной ротации мест в зале. В 1917 году эта логика борьбы с фракциями в полной мере проявилась после большевистской революции и была использована группой Сталина для подавления других влиятельных вождей партий и рабочей демократии.

французская полусфера амфитеатра способствует и соответствует формированию более сложного спектра, а две равные части, расположенные строго напротив друг друга и разделенные столом, подчеркивают прямую конфронтацию двух партий – без перехода между ними. Французская модель политической топографии удачно сочетает идею радикальной оппозиции двух крайних начал с возможностью переходов и оттенков между двумя полюсами и большей важностью центра⁹. Около 1820 года понятия левого и правого активно принимаются как язык самоописания депутатами; и в это же время он становится понятен для избирателей, прошедших имущественный ценз.

На буквальную логику протопартийного пространства, разделенного на левое и правое, накладывается метафора исторического времени, устремленного из прошлого в будущее. Символическое зеркало Французской революции и актуальный опыт Реставрации дают депутатам и наблюдателям отчетливый образ исторической динамики.

Наконец, в этот же период на буквальную логику протопартийного пространства, разделенного на левое и правое, накладывается метафора исторического времени, устремленного из прошлого в будущее. Символическое зеркало Французской революции и актуальный опыт Реставрации дают депутатам и наблюдателям отчетливый образ исторической динамики, совмещенный с логикой спектрального разделения политических предпочтений. Справа – старая, а слева – новая Франция пытаются договориться между собой. В центре находится правительство, то есть исполнительная власть, которая в этот период имела большое влияние на парламент. Именно в этот момент рождается все еще интуитивно понятное нам, но уже не такое ясное представление о правом и левом, которое создает целостную систему для спектра борющихся партий. Исходная логика «лево – право» синтезирует пространство (лево – центр – право) и новую логику исторического времени, понятого как стадийный прогресс (будущее – настоящее – прошлое). Сторонники старого режима справа противостоят сторонникам нового слева, а реалисты в центре удерживают тактический баланс. Участники политической борьбы получили новый и

⁹ См. работу Мориса Дюверже о важности центра, или «вечного болота», для политической системы Франции практически всех послереволюционных режимов: DUVERGER M. *L'Éternel marais: essai sur le centrisme français* // *Revue française de science politique*. 1964. Vol. 14. P. 33–51.

общий язык самоописания для разных и враждующих групп. По сути – это был историософский язык линейного прогресса.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

2. *LINGUA FRANCA*. О ПРИЧИНАХ УСПЕХА ЯЗЫКА ЛЕВОЕ – ПРАВОЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

Сила и претензия на универсальность постреволюционной метафоры связаны с тем, что во внешне простом наборе представлений о правом и левом были тесно и почти бесшовно увязаны четыре разных по природе области:

1. Партийная структура в парламенте: область конкуренции между политиками за избирателей, которая формирует искусственные групповые идентичности через ощущение принадлежности к партии и борьбы с другими группами.

2. Интересы и представления различных групп, слоев или классов населения, которые в значительной степени изменяются под действием работы партийных машин и философских доктрин, сохраняя, однако, свою автономию от них.

3. Сфера философских представлений о принципах, проектах реформ и нормах в политике, которая структурируется (но тоже не теряет своей автономии) актуальными запросами избирателей и партий.

4. Сфера философских представлений об истории как закономерной смене стадий прогресса (эволюционного или революционного типа).

Новая классификация прошивает и скрепляет эти различные слои и области, так что «левыми», «центром» или «правыми» *принудительно* оказываются все социальные группы, партии, философские доктрины и направления хода истории, понятой как динамичная тотальность социального и политического опыта политического сообщества. Поэтому левое и правое не просто отражают хорошо изученную антропологами склонность к простой бинарной классификации, как это предполагает и убедительно показывает Лапонс¹⁰. Перекодировка множества вопросов и других оппозиций в категориях левого и правого не просто упрощает ориентацию, сглаживая важные различия, но предполагает и важную субстантивную связность нескольких переменных: спектра конкурирующих партий, предпочтений социальных групп, политфилософских доктрин (консерватизм, либерализм, социализм и другие) и ожидания прогресса.

Компактность и простота вполне адекватной упаковки нескольких разноприродных областей в пару или тройку понятий делают спектр «лево – право» трудно заменимым и одно-

10 См.: LAPONCE J.A. *Left and Right, the Topography of Political Perceptions*. New York: Random House, 1981.

временно трудным для рефлексии – у него нет одной сущности, но есть устойчиво работающая в конкретных исторических обстоятельствах система из четырех гибко связанных между собой регистров значений. Подобно кинестетикам, неразрывно связывающим, скажем, ощущения красного цвета, гладкой поверхности и вкуса острого перца, матрица левого и правого увязывает в головах избирателей и политиков определенные социальные группы, партии, политфилософские доктрины и представление об их месте на прогрессивной шкале «прошлое – будущее». На два из этих условий возникновения спектра я хочу обратить особое внимание – на структуру партий и историософию прогресса, – чтобы затем сделать два взаимосвязанных вывода о том, как схема «лево – право» функционирует за пределами исходных условий или границ, став универсальным языком политики модерна в XX веке.

Почему для французского политического спектра, ставшего универсальным, важна прогрессистская философия истории? Прогресс, когда и покуда протагонисты верят в него, предполагает, что «левые силы» представляют будущее. Внутри этого символического фрейма возникает стратегическая асимметрия, которая дает левым динамическое преимущество перед правыми. При этом часть правых депутатов и избирателей может не верить в прогресс, но само общепризнанное разделение на лево и право отныне несет в себе историософскую семантику, дающую левым гегемонию сегодня, а завтра обещающую им победу. Ведь эскалатор истории едет вверх и направление его движения отныне зашито в базовую интерпретацию спектра. Однако, чтобы эта символическая схема работала, то есть выглядела убедительной, важно, чтобы происходящие в политике и истории события левые могли бы представлять как явную поступь прогресса. Эскалатор может поскрипывать и даже ломаться, но должен для виду или на деле передвигать людей наверх.

Не случившееся – вопреки ожиданиям первых христиан – при их жизни Второе пришествие Иисуса Христа было позднее перетолковано в терминах неопределенного и принципиально непредсказуемого будущего, вынесенного решениями соборов и знаменитым трактатом Августина за пределы земной истории. Левым во Франции и на Западе в целом долго не пришлось выносить обещание прогресса по ту сторону секулярного горизонта. Первые 150 лет после рождения политического спектра из духа Французской революции и Реставрации были вполне драматичны, непредсказуемы и противоречивы и в этом смысле не отличались от обычного хода истории до и после. Но у них была одна важная черта. В этот период различные нарративы прогресса продолжали занимать централь-

ное место в политическом воображении, головокружительные по мощи новые технологии стремительно развивались, а большинство новых поколений граждан и избирателей жили ощущением лучше, чем их родители¹¹.

Как историки или политические аналитики мы можем либо осторожно допустить, что для таких нарративов и представлений были веские основания (эскалатор на самом деле ехал вверх), или ограничиться указанием на то, что такое движение в то время просто *казалось* очевидным значительному количеству участников философских, литературных, историографических и электоральных баталий. Для тех из нас, кто считает объективные свидетельства весомым аргументом, одним из надежных свидетельств политического прогресса в этот период будет постоянное, хотя и нелинейное, расширение избирательных прав в развитых, а затем и в развивающихся странах. Снижение и отмена ценза привели к тому, что право участвовать в выборах в 1970-е получили не 0,2–10% взрослого мужского населения, как в первых представительных режимах в начале XIX века, а почти 100% взрослых мужчин и женщин. Для левых речь шла о явном прогрессе в достижении равенства избирательных прав.

Согласно классической модели «законов Дюверже», в целом сохраняющей валидность и сегодня¹², можно выделить три типа избирательных механизмов, которые задают два с половиной типа партийных спектров. Речь идет об эмпирически наблюдаемой в разных странах логике представительных политических режимов в Новое и новейшее время. Убежденный коммунист, специалист по избирательным кампаниям и выдающийся политолог Морис Дюверже сформулировал три закона, или правила, описывающие связь между типами электоральной системы и долгосрочной партийной структурой. Кратко выводы Дюверже можно представить так: мажоритарная система выборов в парламент в один тур ведет к двухпартийной системе, пропорциональная – к многопартийной и фрагментированной. Наконец, мажоритарная система в два тура – также ведет к многопартийности, но основанной на регулярных альянсах¹³.

11 Напротив, в последнем издании «Шпигель» за 2021 год ряд материалов посвящен распространенному в обществе ощущению того, что новые поколения не будут жить лучше своих родителей: *So aufregend wird die Zukunft unserer Kinder // Spiegel*. 2021. № 52 (www.spiegel.de/familie/geboren-2021-so-aufregend-wird-die-zukunft-unserer-kinder-a-34aafd4a-ffd0-447f-a09a-deb59f7f3c5b).

12 См., например: LIJPHART A. *Patterns of Democracy*. New Haven: Yale University Press, 1999; POWELL JR.G. *Elections as Instruments of Democracy: Majoritarian and Proportional Visions*. New Haven: Yale University Press, 2000; NORRIS P. *Electoral Engineering: Voting Rules and Political Behavior*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004; SAUGER N. *L'esprit des lois? L'étude des modes de scrutin un demi-siècle après "Les partis politiques" de Maurice Duverger // Revue française de science politique*. 2005. Vol. 55. № 3. P. 524–528.

13 DUVERGER M. (Dir.). *L'influence des systèmes électoraux sur la vie politique*. Paris: Armand Colin, 1950; ИДЕМ. *Les partis politiques*. Paris: Armand Colin, 1976; ИДЕМ. *Factors in a Two-Party and Multiparty System // ИДЕМ. Party Politics and Pressure Groups*. New York: Thomas Y. Crowell, 1972. P. 23–32.

Во Франции, несмотря на частые смены конституций, в основном использовалась мажоритарная система в два тура, что определило наличие скорее многопартийной системы с альянсами, нежели устойчивое противостояние двух партий, как, например, в Англии или США. В этом смысле спектральная логика градиента «лево – право» (переходных оттенков и важности центра, а не просто черно-белой полярности) оптимально подходит французской многопартийной системе. Каждая партия во Франции (или другой стране с устойчивой многопартийностью) получает свою точную прописку на диапазоне: ультралевые, левые, левый центр, центр, правый центр, правые, ультраправые. В двухпартийных же странах «право – лево» позволяет маркировать две партии и затем различать тенденции, или крылья, внутри партий.

Как мы видим, модель «лево – право» по-разному ложится на два типа партийных систем. Но она оказалась достаточно гибкой и полезной, чтобы за сто лет распространиться из нестабильной монархической Франции эпохи Реставрации в большинство стран Европы, а затем и мира. На рубеже 1830–1840-х годов молодые Карл Маркс и Михаил Бакунин уже были членами кружка «левых гегельянцев» в тогда еще абсолютистской Пруссии; им противостояли гегельянцы правые¹⁴; это может показаться неожиданным, но Маркс вполне в духе времени был тогда убежденным либералом. Затем он радикализуется в своей критике настоящего и находит собственный голос. Для нас важно, что французские понятия стремительно захватывали новые страны. К середине XIX века европейские либералы, социалисты, марксисты или анархисты мыслили себя и опознавались другими как левые, в том числе там, где еще не было парламента и выборов. Преодолевая границы и контексты, французское *левое – правое* стало универсальным и глобальным языком политики номер один – наряду с «локальными» диалектами описания политических спектров в отдельных странах.

Два нетривиальных вывода следуют из предшествующих соображений. Во-первых, работающая, согласно своим ожиданиям прогресса, модель спектра «право – лево» приводит к тому, что левые партии, теории и программы, а также их избиратели со временем неумолимо становятся правыми. Программа будущего в случае успеха естественным образом становится программой прошлого, а новые левые должны продолжать двигаться вперед. Во-вторых, глобальный успех символической французской матрицы *левое – правое* приводит к тому, что наиболее просвещенные пользователи этого *lingua franca* на-

14 О левой и правой гегелевских традициях см., например: HARRIS H.S. *Hegelianism of the "Right" and "Left"* // *The Review of Metaphysics*. 1958. Vol. 11. № 4. P. 603–609.

чинают сталкиваться с трудностью перевода смысла левого и правого в одной стране на языки и контексты других стран. Универсальность глобального языка со временем все больше входит в противоречие с локальным и контингентным характером политических конфигураций и с разной скоростью, а иногда и направлением предполагаемого историософией движения эскалатора в разных странах, регионах и континентах.

Иначе говоря, в язык *левого – правого* заложены сразу две долгосрочные динамики, делающие его использование двусмысленным. И, чем более грамотным и эрудированным будет носитель этого языка, тем с бóльшим количеством противоречий или нестыковок он столкнется. Эти коллизии являются одной из причин регулярных деклараций о том, что левое и правое больше ничего не значат в новых условиях. Впрочем, несмотря на многообразные вызовы и сложности употребления, левое и правое сохраняют свою гегемонию и обладают убедительной внутренней логикой. Я хочу показать работоспособность языка на одном внешне запутанном и важном примере.

В язык *левого – правого* заложены сразу две долгосрочные динамики, делающие его использование двусмысленным. Чем более грамотным и эрудированным будет носитель этого языка, тем с бóльшим количеством противоречий или нестыковок он столкнется.

Либерализм (как политическая философия и как партийная принадлежность) по обе стороны Атлантики и Тихого океана представляет собой самый яркий пример того, как глобальный язык *левое – правое*, казалось бы, дает очевидный и неисправимый сбой. Как уже отмечалось выше, в Италии либералы сегодня считаются центристами, во Франции и Германии – скорее правым центром, в США либералы – это главная левая партия, в Японии либерально-демократическая партия была создана, чтобы противостоять растущему влиянию социалистов в 1955 году, и с тех пор почти без перерыва является правящей. В постсоветской России ЛДПР, скопировавшая японскую аббревиатуру в 1991 году, представляет империалистическую идеологию реванша и защиту интересов «бедных и русских» внутри страны. А современный режим глобального капитализма критически осмысливается в актуальной левой философии как неолиберальный. Что же случилось с либерализмом или что не так со спектром левого и правого? Видный специалист по истории либерализма и автор книги о нем в Оксфордской

серии констатирует с легкой досадой: либеральные идеи шведы принимают за социал-демократические:

«В скандинавских странах, особенно в Швеции, многие либеральные идеи получили распространение под этикеткой “социал-демократических”, тогда как то, что там называется либерализмом, часто связывают с индивидуализмом элит и среднего класса»¹⁵.

Я хочу показать, что почти все описанные «трудности перевода» либерализма с политических диалектов разных стран и эволюция либерализма с точки зрения его местоположения на воображаемой гражданами оси «лево – центр – право» внутри конкретной страны не противоречат исходной динамической логике кодирования партий и политических программ с помощью шкалы прогресса. Напротив, эти противоречия свидетельствуют об ее относительно исправном функционировании на национальном и глобальном уровнях.

3. ПРОГРЕСС. 150-ЛЕТНИЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ ТРИУМФ ЛЕВОГО И ПОЧЕМУ О НЕМ ЗАБЫЛИ

Ключ к разгадке того, где же «на самом деле» находится либерализм на шкале «лево – право», дает утверждение о фундаментально динамическом характере двух политических полюсов в глазах тех, кто использовал этот словарь. Либералы и либерализм в первую половину XIX века были составной частью левого движения, и это обстоятельство хорошо известно историкам. Однако гораздо в меньшей степени отрефлексировано то, что с конца XIX века в разных странах и с разной скоростью либералы *перемещались* через левый центр вправо. Внутри исходной историософской логики реализованные ключевые элементы левой программы со временем становятся правыми, по определению, а защитники ранее левой доктрины из глашатаев прогресса превращаются в защитников *status quo* или даже реставраторов и реакционеров. Промежуточной остановкой этого путешествия либерализмов или либерализма в его нескольких изводах¹⁶, естественно, оказывается центризм – особенно в многопартийных режимах, в которых центризм может быть характеристикой позиции целой партии, а не крыла или течения. Наличие устойчивой структурной позиции в «центре» многопартийного режима создает усиленный запрос на центристскую идеологию.

15 FREEDEN M. *Liberalism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press. P. 55.

16 Ibid. Джон Грей показывает два лика либерализма, связанные с разным прочтением толерантности (через общую норму или через *modus vivendi* разных норм), которые с его точки зрения исходно сочетались и имплицитно конкурировали друг с другом (GRAY J. *Two Faces of Liberalism*. Cambridge: Polity Press, 2000).

Облачная множественность значений характеризует любое важное понятие современного политэкономического словаря, особенно взятого на длительной дистанции и в масштабах десятков языковых традиций в разных частях земного шара. Эта множественность делает невозможным прямое определение «сущности» или основной черты, но не делает само использование идиомы полностью лишенным смысла или связности. Выделив несколько вполне устойчивых гнезд, или семей, значений и изучая их изменения, мы составим карту, которая не будет простой коллекцией несвязанных и случайных аргументов и высказываний. Множественность не обязательно означает тотальную потерю связности и смысла.

Заведомо очень схематично мы можем выделить несколько больших направлений, которые в разное время автономизировались и в конкретных исторических контекстах получили значение «либеральных»:

- классический европейский либерализм XIX века;
- социальный («прогрессивный», «современный») европейский и американский либерализм конца XIX – середины XX века;
- прорывной неолиберализм правого центра, возникший после Второй мировой войны как оппозиция социальной политике левых в США и Великобритании (на выборах его представляли не «либералы», а республиканцы и тори);
- новый крайний левый американский либерализм социальной эмансипации и защиты прав меньшинств рубежа XX–XXI веков.

Однако сегодняшнее разнообразие значений этой этикетки не только результат эволюции или содержательного разнообразия семьи «либерализмов». Так, Бенжамен Констан, участник Французской революции, политический философ, прошедший террор и в ответ на него впервые четко сформулировавший либеральный приоритет прав индивида над «общей волей», и, наконец, видный лидер либеральной фракции в период Реставрации, считался и считал себя левым; сегодня его фамилия и его аргументы во Франции – символ правой или даже крайней правой позиции. При этом во французской традиции, как тогда, так и сегодня эти взгляды вполне однозначно определяются как «либеральные». Хочу подчеркнуть, что здесь это не конфуз или объективное смещение, как в случае сопоставления объективно разных содержаний «либеральных» по названию программ и партий в разных странах или смены значения в одной стране. Во Франции XXI века, как и в подавляющем большинстве стран Запада, программа политика и мыслителя Константа почти полностью выполнена.

Возьмем за точку отсчета первых либеральных идеологических программ конец XVIII – начало XIX века, когда набор идей и аргументов влиятельных испанских, французских, англий-

ских и шотландских интеллектуалов впервые оформился в некоторое единство под общим узнаваемым для большинства европейских языков именем сторонников свободы – *liberals*¹⁷. Глядя на прошедшие двести лет, трудно удержаться от вывода, что многие положения и смелые гипотезы Вольтера, Смита, Мэдисона, Чудениуса, Константа, Токвиля, Милля старшего и других мыслителей этой эпохи сегодня воплощены в социальной ткани, практиках и в политических институтах не только Франции, но и, пожалуй, всех стран большого Запада: приоритет прав индивида над «коллективной волей», верховенство права, ограничение верховной власти и разделение властей, представительное правление, религиозная свобода и принцип светского государства, принципы свободного рынка *laissez-faire* в национальной экономике и свобода международной торговли. Можно (и нужно) обсуждать каждый из этих пунктов как с точки зрения полноты воплощения, так и их желательности. Часть этих принципов и институтов была сначала реализована, а затем подверглась коррекции. Но утверждение, что за два столетия эти принципы из норм, утопий и деклараций, опирающихся на очень ограниченный социальный опыт, превратились в реальную основу повседневных практик Запада, мне кажется, находится вне разумных оснований для сомнения.

С конца XIX века и по конец 1960-х в Западной Европе и в США либерализмы получили несколько новых эпитетов, указывающих на существенное изменение повестки и содержания их программ: так, в разных странах появились «социальный», «новый», «левый», «прогрессивный» и «современный» (*modern*) либерализмы. К базовым либеральным требованиям верховенства права, представительства и *laissez-faire* добавились отчасти противоречащие им требования социальной справедливости и социальных гарантий для всех¹⁸. Это изменение произошло под воздействием растущего осознания «классическими» либералами недостаточности экономических свобод для решения вопроса социальной справедливости и экстремальной бедности, растущего политического и интеллектуального влияния марксизма, профсоюзных движений, актуализированных христианских представлений о милосердии, а также – по мере расширения электоральной базы и снятия всех цензовых ограничений. Все более массовый и все менее привилегированный избиратель везде создавал запрос на большее социально-экономическое равенство.

К идеологам этих новых *гибридных* версий либерализма можно отнести таких влиятельных и разных авторов, как фило-

17 Впервые политическая партия с таким именем появляется в Испании. См.: FREEDEN M. *Op. cit.* P. 37.

18 См.: GELLNER E., CANSINO C. *Liberalism in Modern Times: Essays in Honour of Jose G. Merquior*. Budapest: Central European University Press, 1996.

соф Джон Стюарт Милль, социолог Леонард Хобхаус (основатель социологии в Британии и создатель «Sociological Review»), экономист Джон Кейнс, социолог Уильям Беверидж (фабианист, либерал и идеолог *welfare state*), политик и основатель Лондонской школы экономики Сидней Вебб, социолог Эмиль Дюркгейм, издатель Франц Дункер (издатель Маркса и Энгельса), публицист и политик Фридрих Науманн, социолог Макс Вебер и социальный психолог Джон Дьюи. В этом свете первый этап формирования социологии как самостоятельной дисциплины во Франции, Британии, Германии и позднее в США оказывается тесно связан с формирующейся в этот момент идеологией нового социального либерализма. В этой перспективе зарождающиеся социология, социальная психология, оспариваемая многими евгеника и экономика должны были стать инструментом новой рациональной и прогрессивной социальной политики государства – инструментом социального либерализма.

Массовое общество и многопартийные режимы в этот период с разной скоростью привели к имплементации этой новой либеральной (и тогда либо однозначно левой, либо левоцентристской) повестки практически во всех западных странах в таких формах, как прогрессизм, *New Deal*, *welfare state*, *Great Society* или на русском языке – государства всеобщего благоденствия. Первой масштабной и идеологически последовательной реализацией этого доктринального и электорального поворота была длинная серия реформ в Великобритании 1906–1914 годов¹⁹, проведенных Либеральной партией при участии таких политиков, как Ллойд Джордж и молодой Уинстон Черчилль²⁰. В результате были введены ограничения на продажу алкоголя, меры по защите детей, по обеспечению лучшего доступа к образованию для бедных, пенсии для людей старше 70 лет, обязательное страхование по болезни для самых низкооплачиваемых; были созданы центры занятости для безработных и, наконец, обеспечены завтраки для всех британских школьников. В 1914 году британское правительство и его бюрократия обеспечивали на деньги налогоплательщиков и избирателей 14 миллионов бесплатных завтраков ежедневно. Для либералов это было наглядное свидетельство и подтверждение прогресса, а сам прогресс был для них ключевым понятием.

Для полноты картины хочу отметить, что в период с конца XIX века по 1970-е годы реформы в логике создания тех или

19 О важности нового осознания социальной (не)справедливости ведущими либеральными мыслителями в этот период см.: HERRICK F.H. *British Liberalism and the Idea of Social Justice* // The American Journal of Economics and Sociology. 1944. Vol. 4. № 1. P. 67–79.

20 См.: RENWICK CH. *Bread for All: The Origins of the Welfare State*. Toronto: Allen Lane, 2017; SEARLE G.R. *A New England? Peace and War, 1886–1918*. New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 2004.

иных элементов большого пазла социального государства или государства всеобщего благоденствия (опирающегося везде на стремительно растущую в это время мощь бюрократии) проводили с завидным постоянством почти все без исключения партии и правительства, включая консервативные, бонапартистские, правоцентристские, фашистские, нацистские²¹, либеральные, социалистические или коммунистические.

Зарождающиеся социология, социальная психология, оспариваемая многими евгеника и экономика должны были стать инструментом новой рациональной и прогрессивной социальной политики государства – инструментом социального либерализма.

Умеренные правые партии двигались как бы задом наперед, стараясь придать консервативные формы прогрессивному содержанию – как в случае реформ Бисмарка в Германии или двух больших серий социальных реформ, проведенных Консервативной партией в Британии еще под руководством Дизраэли и позже на основе «послевоенного консенсуса» в 1950-е²². При этом в ряде ведущих стран, включая США и Великобританию, именно либеральные политики и интеллектуалы были первыми идеологами и организаторами полноценного *welfare state*²³. Аналогичные по духу социально-экономические меры были реализованы после Второй мировой войны в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Японии и даже в Иране, где после исламской революции сформировалась достаточно конкурентная представительная демократия²⁴.

Таким образом, приблизительно за 150 лет в большинстве стран Запада были достаточно успешно, хотя и не равномерно, реализованы локальные версии двух вполне левых либеральных программ:

- 21** Эли Гётц показывает, что социальная политика Гитлера была нацелена на завоевание поддержки избирателей через щедрые программы дотаций ключевым группам бенефициаров, финансируемые во многом за счет экспроприации и налогов на немецких евреев, а затем грабежа завоеванных стран: GÖTZ A. *Hitler's Beneficiaries: Plunder, Racial War, and the Nazi Welfare State*. New York: Metropolitan Books, 2007.
- 22** См.: RAISON T. *Tories and the Welfare State: A History of Conservative Social Policy since the Second World War*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1990.
- 23** Авторы сборника о формировании государств всеобщего благоденствия в Великобритании, США и Японии показывают, что как создание, так и последующее ограничение социальной политики было прямо связано с деятельностью либеральных экономистов. См. также блестящее исследование о формировании *welfare state* в послевоенной Великобритании и о центральной роли либерального политика и директора Лондонской школы экономики Уильяма Бевериджа: TIMMINS N. *The Five Giants: A Biography of the Welfare State*. London: William Collins, 2017.
- 24** См.: HARRIS K. *A Social Revolution: Politics and the Welfare State in Iran*. Oakland: University of California Press, 2017.

1. Программа классического либерализма, предоставившего всем гражданам формально равные гражданские и политические права, правовую защиту и создавшего правовую инфраструктуру для развития национального рынка и включения в мировой.

2. Программа социального либерализма, нацеленная на исправление социально-экономического неравенства, обеспечение пенсий, медицинского обслуживания, пособий по безработице и профессионального образования для всех.

При общности социальной направленности практических мер и их устойчивой поддержке либералами по обе стороны Атлантики хочу обратить внимание на одно отличие США от большинства других стран Европы и Запада. Во второй половине XX века повестка «социального либерализма» была там реализована существенно в меньшей степени, чем в других странах, а под либерализмом в США до сих пор понимается позиция, поддерживающая активное государство, нацеленное на перераспределение социальных благ для всех и умеренную регуляцию рынка, который, однако, сохраняет свою важность и автономию. При господстве североамериканской шкалы «либерализм – консерватизм» импортированная шкала *левое – правое* легко накладывается на первую и используется как прямая замена. В Западной Европе *welfare state* во вторую треть XX века был реализован почти повсеместно (это обобщающее утверждение не должно скрыть огромного национального разнообразия конкретных решений и конфигураций), а почти все европейские «либеральные» партии потеряли свою ключевую позицию и влияние на левом фланге, сместившись вправо, под давлением более влиятельных левых – набирающих популярность рабочих, профсоюзных, социал-демократических, социалистических, а в ряде стран и коммунистических партий, как во Франции, Италии, Испании или Греции.

Таким образом, в европейском политическом контексте государство всеобщего благоденствия стало ассоциироваться не с новыми версиями либерализма, которые его впервые спроектировали, а с социал-демократическими и социалистическими партиями, которые требовали его дальнейшего развития и так победили в борьбе за сердца избирателей. В согласии с динамической схемой функционирования эскалатора «право – лево» обе реализованные большие повестки левых либералов XIX–XX веков (классическую и социальную) в Западной Европе, Канаде или Австралии сделали либералов XX века либо центром, либо правыми. А место левых заняли социал-демократы и социалисты, которые требовали новых и более радикальных реформ, в том числе прямо или косвенно указывая на опыт СССР и социалистических стран. Напротив, в США социальная либе-

ральная повестка 2.0 была реализована лишь частично (хотя в XX веке речь идет о минимум трех реализованных и амбициозных программах социальных реформ – *Progressive Era, New Deal, Great Society*). В результате проект остался незавершенным, и местные либералы остались там левым мейнстримом, разделившись на центристов и более радикальных левых²⁵. До сих пор американские либералы обыденно характеризуются с помощью прилагательного «прогрессивные», указывая на то, что они олицетворяют прогресс и будущее. В Европе же будущее выглядело иначе.

4. РЕВОЛЮЦИЯ? БОРЬБА АНАРХИСТОВ, СОЦИАЛИСТОВ И ЛИБЕРАЛОВ ЗА ОБРАЗ БУДУЩЕГО

Важнейшим аспектом эволюции спектра «лево – право» в XIX и XX веках была конкуренция нескольких версий прекрасного будущего, а также связанных с ними версий конечной ступени, венчающей воображаемую лестницу прогресса. Наиболее значительную роль в борьбе за определение этого образа, помимо либеральных мыслителей, сыграли два выдающихся интеллектуальных предпринимателя и философа, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, которые вместе сумели создать фундаментальную и оригинальную научно-политическую доктрину²⁶. Доктрина была задумана как научная теория исторического прогресса и как орудие критики. На деле марксистская программа превратилась в мировоззрение миллионов образованных активистов в Западной и Восточной Европе, СССР и во всем мире. Мыслители также смогли учредить массовое международное движение, состоявшее из нескольких подпольных и легальных социал-демократических партий в Европе. Исходно партии были объединены общим представлением о том, что объективный исторический прогресс ведет к гибели капитализма и представительной демократии. Согласно открытым философами законам материалистической исторической диалектики, грядущее крушение капитализма будет означать установление сначала со-

25 Почти сразу после Второй мировой войны и на фоне начинающейся «холодной войны» в Америке возникло и в дальнейшем росло напряжение и взаимная критика между все более радикальными левыми мыслителями и левым либеральным центром. Ценным свидетельством этого напряжения служит сборник эссе «*Liberal Imagination*» литературного критика и образцового нью-йоркского публичного интеллектуала Лайонела Триллинга: «Сегодня, когда многие интеллектуалы среднего класса стремительно влевоют, полезно вспомнить, что буржуазный интеллектуал не может занять твердую позицию раз и навсегда, поскольку в нем живут противоречащие друг другу ценности, и, отстаивая одни, он невольно предаёт другие» (цит. по: Чаликова В. *Либеральное воображение (Путь Лайонела Триллинга)* // *Общественные движения и проблемы общественного сознания*. М.: ИНИОН РАН, 1986 (<http://chalikova.ru/liberalnoe-voobrazhenie-put-lajonela-trillinga.html>)).

26 См., например, классический обзор: Kołakowski L. *Main Currents of Marxism: The Founders – The Golden Age – The Breakdown*. New York; London: W.W. Norton & Company, 2005.

циализма, понимаемого как централизованная администрация экономики и общества, а затем принципиально нового и фактически идеального, гармоничного общественного и экономического строя – бесклассового общества, или коммунизма. Эволюция средств производства объективно ведет к революциям в производственных и политических отношениях. Определив рабочий класс как главного бенефициара и носителя новой научной доктрины, Маркс и Энгельс вступили в решительную конкуренцию с рядом кружков, партий и движений середины XIX века, связанных с уже распространенными тогда, но разрозненными левыми версиями будущего, понимаемого как социализм или анархизм. Прогноз, подкреплявший веру в осуществимость политических планов, заключался в том, что кризисы капитализма и уровень его монополизации будут нарастать, а в беднеющий рабочий класс, или пролетариат, в конечном счете вольется абсолютное большинство.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

Достаточно быстро практическая философия Маркса и Энгельса получила гегемоническое положение на крайне левом фланге, хотя ее ключевые прогнозы оказались неточными, а последующая ревизия в Западной Европе привела к динамичному сочетанию революционного и реформистского подходов.

Достаточно быстро практическая философия Маркса и Энгельса получила гегемоническое положение на крайне левом фланге²⁷, хотя ее ключевые прогнозы оказались неточными, а последующая ревизия в Западной Европе привела к возникновению более сложной конфигурации – к динамичному сочетанию революционного и реформистского подходов. После падения монархии в России радикальная группа марксистов смогла захватить политическую власть и с помощью террора, пропаганды и серии организационных инноваций создать новую страну и новое общественное устройство, которое было объявлено социалистическим и подлинно марксистским. Насильственная революция и диктатура пролетариата стали ключевым пунктом для расколов и затем сложных компромиссов между двумя социалистическими версиями будущего. Сама революция оказалась под вопросом. В какой мере политическое насилие и диктатура пролетариата, особенно в отсталых странах, где пролетариат оставался в меньшинстве, открывали двери в прекрасное будущее и были левой политикой? Если

27 См.: ELEY G. *Forging Democracy: The History of the Left in Europe, 1850–2000*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. P. 33.

за социальными реформами в итоге следовала революция, то крайние левые обозначали просто чуть более отдаленное будущее. А если мирные реформы давали ощутимые плоды, а революция не вела к совершенному новому миру, но скорее ухудшала положение дел для большинства, то тогда возникал вопрос: где на шкале *левое – правое* расположить революционных марксистов? На этот вопрос было сложно ответить. Вместе с тем третья радикальная левая сила, анархисты, могли утверждать, что именно им, а не коммунистам принадлежал конечный пункт назначения в истории²⁸.

На деле анархисты не получили сколько-нибудь большого электорального или политического влияния и не создали массовых движений. Напротив, к началу XX века марксистские социал-демократические партии завоевали значительные электоральные позиции в Германии, Австрии, Франции, Швеции, Болгарии, Испании и других европейских странах. Исходно часть социалистических партий опиралась на профсоюзное движение и реформизм в интересах рабочих и других групп, а другая часть крайних левых придерживалась революционных взглядов. Долгосрочный политический успех социал-демократов был во многом связан с деликатным синтезом двух подходов, как это произошло в истории Социал-демократической партии Германии²⁹. Опираясь на теорию и авторитет Маркса, но указывая на фактическую неточность ряда прогнозов, Эдуард Бернштейн поставил под сомнение два его важнейших положения: о том, что социализм может быть осуществлен только через насильственную революцию и только в мировом масштабе. Карл Каутский, Роза Люксембург и другие партийные лидеры оспаривали этот ревизионизм, но дальнейшая эволюция партии проходила между этих двух полюсов. Используя радикальное учение Маркса, но ослабляя его радикализм, социал-демократы и социалисты смогли пройти сквозь тернии неудачных революций, неустойчивых парламентских, полуавторитарных и диктаторских режимов начала XX века и уже после двух мировых войн стать в ряде европейских стран ведущими партиями. Сочетая реформаторскую умеренность и отодвинутый в далекое будущее образ коммунизма (уже без рынка, эксплуатации и парламентов), социал-демократы и социалисты за сто лет смогли воплотить несколько оригинальных версий *welfare state* и делали это гораздо дольше и радикальнее, чем это теперь кажется³⁰.

28 После периода диктатуры пролетариата и централизованного управления должны наступить настоящие свобода, равенство и самоуправление. Ленин, по сути, подтвердил эту символическую иерархию в установочном тексте «Государство и революция».

29 См.: Поттхофф Х., Миллер С. *Краткая история СДПГ. 1848–2002*. М., 2003.

30 Скажем, национализация предприятий проводилась во Франции в начале 1980-х, а обязательная 35-часовая рабочая неделя была введена правительством социалистов в 2000 году. Позднее эта реформа была значительно ослаблена, но закон действует до сих пор.

Одним из факторов успеха было рождение первого государства рабочих и крестьян на руинах Российской империи.

Социалистическая революция 1917 года, смена названия Российской социал-демократической рабочей партии на Российскую коммунистическую партию в 1918 году и созданный в Москве Коммунистический, III, Интернационал (1919), а также последующие практические успехи по-новому поставили вопрос о будущем для широкого левого движения. Отклонившись от еще одного прогноза Маркса о неизбежном начале мировой социалистической революции в развитых странах, большевики предъявили достаточно убедительную для миллионов активистов, политиков и интеллектуалов Европы и всего мира заявку на то, что настоящим будущим является советский коммунизм и СССР, созданный в декабре 1922 года как глобальный политический союз нового типа. Левая партия, как и положено в логике динамического соответствия истории, должна вести людей в будущее. После успешной социалистической революции Ленин, Троцкий и их товарищи оказались бы правыми, если бы остались во главе социал-демократической партии. Чтобы избежать этого «поправения», партия авангарда должна называться по пункту ближайшего назначения на лестнице прогресса. Коммунизм, предсказанный, но лишь эскизно намеченный Марксом и Энгельсом, был этим пунктом для лидеров русской революции. Эскизность оставляла свободу маневра, но ряд характеристик были ясны: план и администрирование вместо стихии рынка, самоуправление, равенство, справедливость, творческий характер труда, конец полицейско-бюрократического аппарата подавления, конец эксплуатации и отчуждения во всех его формах.

В течение пятнадцати лет после революции была сформулирована уточненная доктрина о том, что же такое реальный социализм. Советский социализм как будущее человечества означал отказ от частной собственности на средства производства (но сохранение денежного оборота и дифференцированных зарплат) и либеральной представительной демократии в пользу однопартийной диктатуры с формальными элементами выборности, декоративными местными советами и плановой централизованной экономикой в сочетании с социальными гарантиями, социальным равенством, социальными лифтами, творчеством масс, советским самоуправлением и обязательным для каждого трудом на благо всех. Информация о волнах дикого террора против бывших дворян, эсеров, меньшевиков, лидеров профсоюзов, миллионов крестьян, а затем и почти всех старых большевистских революционеров и управленческих кадров СССР была мало доступна или не очевидна для внешних наблюдателей вплоть до 1956 года и доклада Хрущева. Инфор-

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

мация о чудовищном, даже по тогдашним капиталистическим меркам, уровне неравенства в сталинской централизованной иерархии, кажется, не вполне осознана до сих пор и в России³¹.

В молодом СССР 1920-х внутрипартийная борьба в ВКП(б) была выиграна самопровозглашенным центром во главе со скромным секретарем аппарата. Сталин оттеснил более сильных большевиков в придуманной им борьбе с правым и левым «уклонами». Удивительным образом он как бы вывел себя из столь важной для Ленина и большевиков шкалы левого и правого, которая после запрета других партий стала распирать партию изнутри. Забегание вперед или отставание от темпа истории были объявлены двумя типичными ошибками, подрывающими единство. Логика сверки партийной линии с темпом движения исторического прогресса здесь приобрела окончательный вид – именно центр (в лице высшего руководителя) и находится в полной гармонии со скоростью исторических изменений. К середине 1930-х революционная идеология единства партии перед лицом внешней и внутренней опасности в сочетании с террором и запретом на фракции и дебаты позволила Сталину упростить политические вопросы и затем избавиться от риторики левого и правого. Движение к коммунизму отныне шло без перекосов, «левых» забеганий вперед или «правых» отставаний. На место дебатов, ошибок и уклонов пришли прямые враги, агенты и вредители. Но в международном контексте политико-идеологической конкуренции с Западом Сталин и его агенты влияния в мире успешно позиционировали себя как прогрессивных левых, олицетворяющих и в моменте создававших лучшее будущее человечества. Шкала «лево – право» теперь работала прежде всего в глобальном контексте.

Как реакция на русскую революцию и международное коммунистическое движение в большинстве европейских стран в 1920-е социал-демократы и социалисты снова стали раскалываться на более умеренные реформистские социал-демократические и социалистические партии и более революционные социалистические и коммунистические партии, ориентированные на СССР. Таким образом, «социалисты» в зависимости от местных раскладов могли быть как революционерами, так и реформистами. При этом очень успешные в электоральном

31 Начиная с 1930-х Сталин последовательно и публично высмеивал «левацкую» и одновременно «мелкобуржуазную уравниловку», обосновывал важность торговли и неравенства для реальных задач управления. Отказ от ключевых положений социализма происходил в форме апелляции к здравому смыслу и обвинений одновременно в правом и левом уклонах. См., например: Вальдера Хиль Х.М. *Легитимация социального неравенства в советской идеологии сталинского периода* // Мир России. 2015. № 4 (<https://cyberleninka.ru/article/n/legitimatsiya-sotsialnogo-neravenstva-v-sovetskoj-ideologii-stalinskogo-perioda/viewer>); NOVE A. *Income Distribution in the USSR: A Possible Explanation of Some Recent Data* // Soviet Studies. 1982. Vol. 34. № 2. P. 286–288.

смысле социалистические партии во Франции и Испании регулярно получали исполнительную власть, но поддерживали стратегически двусмысленную лояльность в отношении СССР и его революционной марксистской доктрины³². Коммунистическая партия Италии в 1972-м получила более 30% голосов и под этим именем оставалась ведущей партией страны до 1991 года, привлекая в том числе голоса образованной аристократии и буржуазии.

Ключевое обстоятельство здесь состоит в том, что в борьбе за определение того, как именно выглядит прогресс и его будущее, лидеры Советского Союза, их идеологический аппарат и внешние союзники сформулировали ряд положений, которые захватили воображение ведущих интеллектуалов и политиков Западной Европы. Таким образом, радикальные русские марксисты задали новую символическую точку на шкале «лево – право» во многих европейских странах, механически смещая все остальные партии вправо. Принятие этой координаты за сигнал спутника из будущего не было всеобщим; но сама заявка создавала новый контекст для всех. Мы можем предположить, что, помимо расширения символического горизонта, советский пример придавал локальным требованиям социал-демократов дополнительную материальную мощь и вес, делая их более приемлемыми как в лейбористской Великобритании, так и в таких антикоммунистических, но вполне социалистических странах, как Швеция и Норвегия. Благожелательное освещение и посещение влиятельным фабианцем и лейбористом Сиднеем Веббом и его супругой сталинского СССР – один из таких примеров сознательной «опоры» умеренных европейских социалистов и социал-демократов на радикальный советский проект.

Однако в развитых странах вне континентальной Европы марксистские и, еще меньше, советские коммунистические представления о будущем были гораздо менее значимы для электоральной политики и касались в основном «элит». В Великобритании марксизм занял важное место в интеллектуальной и академической жизни страны, но политическое влияние крайних левых было ограничено двухпартийной структурой, где после Второй мировой войны место главной левой партии занимали лейбористы, или «партия труда», вытеснившая с этой позиции либеральную партию вигов за счет опоры на профсоюзы и рабочих. В зависимости от конъюнктуры лейбористы описывали себя как с помощью прилагательного «социалистический», так и «прорыночный». При этом вебб-фабианский социализм, утверждавший важность строго мирного распростра-

32 BENEDETTO G., QUAGLIA L. *The Comparative Politics of Communist Euroscepticism in France, Italy and Spain* // Party Politics. 2007. Vol. 13. № 4. P. 478–499.

нения социалистических убеждений и практик без революций и экспроприаций, был самостоятельным и очень влиятельным течением и одновременно закрытым клубом в Англии с конца XIX века, откуда вышли четыре премьер-министра. Наконец, подавляющее большинство граждан в США, Австралии, Канаде, Новой Зеландии и Японии остались значительно менее чувствительны к Марксу и коммунистической картине мира, игнорируя ее или считая ее дикарской причудой развивающихся стран. Горизонт будущего в глазах избирателей в этих странах формировался иначе, хотя идея прогресса была так же важна для левых по ту сторону Ла-Манша.

В англоговорящих странах, прежде всего в Великобритании и США, представление о конечной точке движения в истории задавались различными версиями либерализма, который понимал себя как левое движение прогресса и просвещения. Как было сказано выше, в этой традиции прогресс означал постепенное, инкрементальное приближение максимально разумного и справедливого общественного устройства. Пресловутая «виговская история» господствовала достаточно долго перед тем, как стала именем нарицательным и символом наивного телеологического нарратива, в котором Англия конца XIX века выглядела вершиной человеческого прогресса. В 1957 году австрийский и британский философ Карл Поппер предлагает уточненную версию либерального исторического оптимизма и формулирует свою скрупулезную критику марксистской историософии. Он страстно и последовательно доказывает невозможность научного предсказания будущего и политическую опасность попытки исходить из такого допущения. В качестве альтернативы Поппер говорит о «постепенном социальном инжиниринге» как о реальной практике открытых обществ³³.

В Америке воображаемая ось *левое – правое* закрепляется после Второй мировой войны – возникают понятия «левое крыло» и «правое крыло» как более радикальные фланги внутри двух мейнстримных партий. Процесс происходит под воздействием активной эмиграции интеллектуалов из континентальной Европы, влияния марксизма и противостояния с СССР. Вызов, связанный с противостоянием недавнему союзнику, оказывается не только военно-стратегическим и политическим, но и философским. Мировые гегемоны не могут принять политический язык нового главного конкурента и тем самым признать его монополию на глобальное будущее и прогресс. Функционирование динамической дихотомии левого и правого в континентальной традиции предполагает, что левые олицетворяют будущее и прогресс. Заимствуя из континентальной

33 POPPER K. *The Open Society and Its Enemies*. Princeton: Princeton University Press, 1971.

Европы левое и правое как часть своего политического словаря, англоязычные страны Запада сохраняют свои двухпартийные системы и их символический язык, а также уточняют свои встречные философии истории, чтобы социализм и революция не означали светлое и закономерное будущее. Уолтер Липпман четко ставил эту задачу еще в 1937 году, стремясь показать, что только обновленная философия либерализма адекватна современной экономике и горизонтальному разделению труда, а фашизм и социализм представляют собой коллективистскую форму старого режима, основанного на вертикали подчинения³⁴. Но именно начало «холодной войны» делает противостояние горячим. Впрочем, тут важно отметить, что речь не шла об американских избирателях, а скорее именно о глобальной борьбе за умы, сердца и воображение интеллектуальных и политических элит в США и на Западе³⁵.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

В англоговорящих странах, прежде всего в Великобритании и США, представление о конечной точке движения в истории задавались различными версиями либерализма, который понимал себя как левое движение прогресса и просвещения.

В недрах спецслужб, лучших университетов и аналитических центров США формируются альтернативные версии прогрессизма – в частности, в терминах теории модернизации³⁶. Толкотт Парсонс, основатель американской социологии, опираясь на работы Вебера, Дюркгейма и других европейцев, создал зубодробительную и всеобъемлющую теорию общества, которая задала интеллектуальную левоцентристскую (по американским понятиям того времени) альтернативу марксистской историософии в США и основу для будущей теории модернизации, которую непосредственно разрабатывали, в частности, социолог Эдвард Шилз, экономист Уолт Ростоу и политолог Сэмюэл Хантингтон. Для Парсонса и коллег современные ему США уже представляют вершину исторического развития – наиболее дифференцированное и модернизированное общество в мире. СССР для него в целом олицетворяет альтернативный прорыв в современность, но это более слабая версия модерна, где плохо работают демократическая и рыночная подсистемы. Сам

34 LIPPMAN W. *Good Society*. New York: Little, Brown and Company, 1937.

35 См.: CONVERSE PH. *The Nature of Belief Systems in Mass Publics* // APTER D. E. (Ed.). *Ideology and Its Discontent*. New York: The Free Press of Glencoe, 1964.

36 См., например: КАЛХУН К. *Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал?* (www.inop.ru/reading/page68/).

Парсонс приезжал в СССР, где оказал определенное влияние на технократическую и прозападно ориентированную часть академического сообщества.

Наконец, возникает третий содержательный извод либерализма, который заключается в концептуальном и практическом обновлении политэкономии классического либерализма *laissez-faire* (1.0) до новой версии 3.0 через полемику с левым либерализмом 2.0 и европейской социал-демократией, критически низводимых до роли недоделанных или замаскированных копий советского социализма с его неизбежным ГУЛАГом, террором и плановой экономикой. Австрийский эмигрант Людвиг фон Мизес и его ученики разработали фундамент экономической теории с критикой технической неэффективности и антидемократизма планового советского социализма в сочетании с апологией свободной рыночной конкуренции и критикой большого государства и бюрократии в Америке. Здесь борьба за будущее переходит в контратаку одновременно на двух фронтах. Речь шла о последовательном теоретическом доказательстве того, что советский плановый социализм имеет ряд технически неустранимых ограничений по сравнению с конкурентным рынком. А значит, плановый социализм не может быть более эффективным общественным строем, чем капитализм, и не может представлять более прогрессивное будущее. Социализм – это опасная ошибка, девиация, которую нужно исправить, и любые формы большого государства и социал-демократии суть движение в сторону катастрофы.

Критическая оценка советского проекта и все более слышные голоса репрессированных в СССР задавали растущее давление на традиционных левых, так или иначе связанных с марксизмом и ставкой на революционное или радикальное рабочее движение. Реакция на восстание в Венгрии и его подавление советскими танками в 1956 году раскололи многие коммунистические партии³⁷. Последовавшая «оттепель» внутри СССР отражала намерение Хрущева и советских элит, переживших сталинский террор, вернуться к ленинским истокам. «Оттепель» закончилась с отставкой Хрущева и еще одним вторжением в социалистическую страну, на этот раз в Чехословакию, где начались слишком радикальные экономические и политические реформы. В момент своей реальной внутренней гуманизации и попытки возвращения к идеалу социального равенства советский проект стремительно терял привлекательность в глазах европейских левых, представая циничной диктатурой. Рост благосостояния рабочих на Западе и уменьшение их относительной доли в электоральной структуре также требовали новых подходов и идей.

37 См.: HALL S. *Life and Times of the First New Left* // *New Left Review*. 2010. № 61 (<https://newleftreview.org/issues/ii61/articles/stuart-hall-life-and-times-of-the-first-new-left>).

Новые социальные группы и новые ожидания кристаллизовались в серии ярких и почти революционных событий. Всплеск молодежных бунтов, акционизма, социальных экспериментов (включая жизнь в коммунах и свободную любовь) и новых видов творчества около 1968 года стал для западных стран своеобразным водоразделом, обозначающим потерю культурной гегемонии «старыми левыми» и подъем «новых левых» (*Old Left, New Left*). Крайние левые оказались расколоты на традиционных коммунистов, делавших акцент на классовой борьбе и ориентированных на СССР, и новых левых, отказывающихся от скомпрометировавшей себя повестки. Требования защиты интересов рабочих и профсоюзов уступают место или дополняются новыми целями, требованиями и темами: защита гражданских и политических прав меньшинств, феминизм, права геев, новые гендерные роли, право на аборт (в США), проблемы окружающей среды и легализация наркотиков. Одной из ключевых фигур этого долгосрочного обновления стал Герберт Маркузе, о котором я скажу чуть позже. Подъем требований социальной эмансипации и «культурные войны» значительно меняли социально-политический ландшафт предыдущего периода.

Резюмируя наш экскурс и не различая успехи и поражения в завоевании умов и сердец избирателей или успехи в революциях и гражданских войнах, я могу указать на несколько конкурировавших в течение двухсот лет философских версий конечной точки прогресса, расположив их для наглядности слева направо (в силу случайности выбора «лево» как полюса будущего французская шкала не соответствует нашему визуальному восприятию будущего, основанному на нашей системе письменности):

Анархия	Коммунизм	Эмансипированное сообщество меньшинств	Бесконечно улучшаемое открытое общество	Фабианский социализм	Советский плановый социализм	Европейская социал-демократия	Социальный либерализм / Модернизация	Неолиберализм	Либерализм <i>laissez-faire</i>	[Старый режим, сословное общество, феодализм, традиционное общество]
---------	-----------	--	---	----------------------	------------------------------	-------------------------------	--------------------------------------	---------------	---------------------------------	--

Приблизительно в течение 1970-х в США и Великобритании произошла мощная идеологическая, а затем – в 1980-х – и успешная политическая контратака справа, основанная на частичном возврате к классическому либерализму *laissez-faire*. Символическая попытка губернатора Рональда Рейгана отстранить от преподавания Герберта Маркузе иллюстрирует, что столкновение было не всегда идеологическим и открытым. Интеллектуально неолиберальное движение прямо восходит, в частности, к работам австрийских экономистов фон Мизеса и фон Хайека и их американских продолжателей, с 1947 года объединенных обществом Мон Пелерин. Гегемонический дис-

курс о прогрессе и будущем сменился утверждением, что лучшее будущее скорее находится в чуть обновленном и недавнем прошлом. Это был первый залп «конца истории». Одновременно с этим все больше ведущих левых мыслителей и интеллектуалов прямо атаковали идею прогресса, и, главное, историческое время стало осмысливаться в нескольких принципиально новых формах. В 1970-е – после 150 лет оспариваемых, но постоянных левых реформ и ощущения прогресса как горизонта – левый и правый полюса потеряли важнейший встроенный в этот язык компас, который связывал левую стрелку и будущее, а привычные понятия революции или классовых интересов обернулись буквально на противоположные³⁸.

В 1989 году левый либерал, ученик Хантингтона и бывший сотрудник «RAND corporation» Фрэнсис Фукуяма смог поразить читателей во всем мире сообщением о «конце истории» и окончательном торжестве либерализма именно в сфере борьбы идей³⁹. Политика Горбачева была не случайностью, а материальным выражением победы либеральной идеологии в сфере духа. Этот оспариваемый всеми сегодня аргумент звучал тогда убедительно и давал новую целостную картину в момент краха социалистических режимов. Декларация конца исторического движения влево обращалась к традиционным крайним левым и более широкому общественному мнению. На самом деле к этому моменту многие крайние левые интеллектуалы отказались от идеи прогресса и сформулировали гораздо более радикальные концепции того, что такое история. Фукуяма забивал гвоздь в гроб давно умершего представления и использовал не самую на тот момент актуальную гегелевскую историческую диалектику прогресса, вершиной которой объявлялся либерализм.

Секрет успеха был в своевременности момента (пик перестройки) и в хорошо понятном европейским левым языке исторической диалектики (который в США был гораздо менее востребован). Очевидное и стремительное благодаря политике перестройки исчезновение горизонта иного, альтернативного и лучшего, будущего породило огромный резонанс и беспрецедентный отклик на текст философа. То, что гораздо раньше прозревали Бенджамин или Альтюссер, стало вдруг понятно и наглядно для многих. Последовавший через два года распад СССР подкрепил для широкой публики диагноз о «конце исто-

38 О фундаментальных дилеммах и парадоксах осмысления левой философской мыслью новой исторической и политической реальности в ходе перестройки и в современной постсоветской России см.: МАГУН А. *Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008; МАТВЕЕВ И., ЗГУРАВЛЕВ О. *Loft Offices and Factory Towns: Social Sources of Political Polarization in Russia* // Socialist Register. 2022. Vol. 58. P. 221–240.

39 ФУКУЯМА Ф. *The End of History?* // The National Interest. 1989. № 16. P. 3–18.

рии». Однако передовой край новой левой интеллектуальной рефлексии к этому времени уже отказался от самой логики поступательной смены исторических фаз и прогресса.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

В 1970-е – после 150 лет левых реформ и ощущения прогресса как горизонта – левый и правый полюса потеряли важнейший встроенный в этот язык компас, который связывал левую стрелку и будущее, а привычные понятия революции или классовых интересов обернулись буквально на противоположные.

5. Контингентность. Слоеный пирог вместо перемены блюд

Радикальная критика теорий прогресса, включая представления о циклах и/или деградации, может быть прослежена буквально с момента зарождения первых представлений «о человеческой эпохе» Вико или «о прогрессе человеческого разума» у французских мыслителей XVIII века, включая аббата Сен-Пьера, Тюрго и Кондорсе. Для левой мысли три ключевые фигуры этой во многом теневой традиции антипрогресса – Руссо, Ницше и Беньямин – оказываются вновь востребованы позже, именно в ответ на общее осознание кризиса социалистических режимов и коммунистических партий в конце XX века. Немецкие национал-консерваторы, такие разные, как Освальд Шпенглер и Мартин Хайдеггер, соединяли неприятие слишком торговой и технической современности с активной защитой немецкого национального духа и культуры. Оптимизму универсального просвещения и прогресса, основанных на расчете, они противопоставляют величие белой расы или национального (цивилизационного) духа и внимание к Традиции. Ученица Хайдеггера, Ханна Арендт, принимала качественную специфику модерна, но, по аналогии с большим жестом учителя, возвращающего философию к периоду досократиков, предложила свою оригинальную историософию и возврат к не превзойденному до сих пор горизонту классической греческой традиции понимания политического.

Макс Вебер, помимо своей воли заложивший основу американской теории модернизации, сочетал принятие принципиальной исторической новизны современных обществ и его легально-рациональных институтов с утверждением о важности уникальных констелляций и нелинейности перехода обществ Запада

от традиционных к современным формам. При этом, как и для национал-консерваторов, горизонт будущего для него выглядел трагически и был задан господством технического – опасность тотальной бюрократизации и расчеловечивания грозила расколдовать свободного и ответственного индивида-протестанта. По другую сторону Ла-Манша британский историк Герберт Баттерфилд увековечил и развенчал «виговскую историю»⁴⁰, подчеркивая важность случайности и непредсказуемости, высмеивая прогрессизм и телеологичность. Другой британский историк и философ Арнольд Тойнби предложил оригинальную циклическую и отчасти контингентную историософию эволюции цивилизаций в терминах вызовов и ответов. Как я писал выше, после Второй мировой войны Карл Поппер также систематически атаковал саму возможность научного предсказания и прогноза в отношении сложных целостных социальных объектов. Наконец, Юрген Хабермас, перешедший в ходе своей карьеры с крайне левых постмарксистских позиций в левый либеральный центр, предложил сложную модель нелинейной эволюции человеческих сообществ, в которой коммуникативные действия осмысляются как высшая ценность. Коммуникативные действия, нацеленные на искреннее понимание другого, проникают в ткань и институты общества. Эта инфильтрация задает горизонт и смысл политическому действию и воплощает вариант нелинейного прогресса⁴¹.

Критика прогресса среди крайних левых мыслителей имеет длинную историю, включая марксистских и особенно постмарксистских теоретиков. В XX веке одним из ранних и радикальных голосов этой ревизии был Вальтер Беньямин⁴². Сциенталистское представление о прогрессе он прямо возводит к христианскому провиденциализму и эсхатологической картине мира. Научный позитивизм в истории оказывается наивной верой в торжество добра и разума во времени, служащей сильным. «Тезисы о философии истории» или в оригинальной версии заметки «О понятии истории» (1940), сохраненные и опубликованные Ханной Арендт в 1968 году⁴³, были написаны накануне вынужденного самоубийства и сразу после подписания пакта Молотова–Риббентропа. Социал-демократия, фашизм и сталинский социализм предстают для мыслителя выражением вновь и вновь воспроизводимого угнетения и подавления большинства. Левое политическое действие в такой (в обычном политическом смысле)

40 BUTTERFIELD H. *The Whig Interpretation of History*. London, 1931.

41 См.: АТНАШЕВ Т., ВЕЛИЖЕВ М., ВАЙЗЕР Т. *Двести лет опыта. От буржуазной публичной сферы к российской режимам публичности // Несовершенная публичная сфера*. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 5–83.

42 См.: FERRIS D.S. *The Cambridge Introduction to Walter Benjamin*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

43 BENJAMIN W. *Theses on the Philosophy of History* // ИДЕМ. *Illuminations*. New York: Harcourt, Brace & World, 1968. P. 253–264.

безнадежной историософии суть коллективные вспышки или отблески воспоминания о прошлом событии сопротивления и противостояния вечному угнетению.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

Эсхатологии и телеологии победителей Беньямин противопоставляет религиозный же «слабый мессианизм», связывающий современные поколения и поколения угнетенных через просветы и проломы в настоящем совместного воспоминания. Вместо грядущей революции и освобождения, града земного, в своем самом влиятельном тексте Беньямин предлагает град божий, данный в осколках и отблесках солидарной памяти. Марксистское бесклассовое общество прорывается как обещание прошлого сквозь течение истории (или даже в противоясход ему), а не является ее результатом. Задолго до 1989-го и 1991 годов крах надежд на социалистический советский прорыв задавал центральный нерв историософской рефлексии для крайних левых. Впрочем, сам процесс этой рефлексии не был ни линейным, ни всеобщим.

Вместо грядущей революции и освобождения, града земного, Беньямин предлагает град божий, данный в осколках и отблесках солидарной памяти.

Философы и идеологи Франкфуртской школы хорошо знали работы Беньямина и во многом в полемике с ним развивали свои версии отказа от прогресса и телеологии. Негативная диалектика Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера олицетворяет отказ от ставки на новое и лучшее общественное устройство. Все формы современности в диапазоне от американского монополистического капитализма до СССР или нацизма основаны на технической рациональности в освоении человеком Просвещения, природы и возникшей массовой индустрии культуры. Вместо прогресса и освобождения, на деле они приводят к отчуждению, механизации и, в конечном счете, самоубийству цивилизованного человека. Новая задача левых активистов в этом контексте не ковать новые цепи, а создать инструмент тотальной деконструкции любой замкнутой системы понятий и общественных отношений. Любое положительное утверждение об обществе и мире в конечном счете порабощает и привязывает человека к искусственной идентичности. Только в искусстве человек модерна может получить подлинный опыт трансценденции и свободы, как раз через отказ от утверждения чего-либо как ценности или правила. Герберт Маркузе представляет наиболее прагматичное крыло Франкфуртской школы. Он добавляет к сумеречному пессимизму коллег внимание к практической политике и запросам политических активистов. Маркузе дела-

ет стратегически успешную ставку на новых субъектов – меньшинства и представляющих меньшинства интеллектуалов, которые объективно угнетены или ограничены господствующими в любом обществе представлениями о норме и правильном⁴⁴.

Наконец, даже самый краткий обзор критики прогресса и детерминизма будет заведомо неполным без неомарксистской материалистической философии истории Луи Альтюссера. Несмотря на ее резкую прижизненную критику со стороны коллег по партии и интеллектуалов, в последние два десятилетия он получил огромное внимание исследователей и современных левых мыслителей. Влиятельный член и активный критик коммунистической партии Франции противопоставил работы молодого Маркса, написанные под влиянием Фейербаха, более поздним и более сциентистским произведениям, которые легли в основу марксистского канона для КПСС и французской компартии. Отказываясь от понятия исторического субъекта, в том числе от роли рабочего класса, Альтюссер в конце жизни приходит к новой теории исторического процесса, известной как алеаторный материализм. Вместо телеологии прогресса, следуя за отстраненным рационализмом Спинозы и Макиавелли, французский философ утверждает новую версию марксизма против его как сталинского, так и гуманистического вариантов⁴⁵.

Марксизм, верный исходному импульсу до так называемого «эпистемологического разрыва», должен называться историческим, но не диалектическим материализмом. Последний через гарантированный якобы «синтез» противоположностей ошибочно вводит телеологическую направленность в историю, скрытую под маской детерминизма и законов истории. Полная дегуманизация истории, по Альтюссеру, означает отказ от идеи природы человека и от идеи, что человек способен самостоятельно действовать в истории – действуют структуры и отношения. Тем более нужно отказаться от идеи, что история будто бы постепенно и последовательно ведет к торжеству человеческой субъектности (воли, свободы, способности выбирать). Классовая борьба как базовая структура социальных отношений каждый раз по-новому определяет исход конкретных столкновений и конфигураций групповых и индивидуальных действий. Люди не акторы и авторы, но носители идеологий и отношений структурной борьбы.

44 О важной роли Герберта Маркузе для новых левых см.: КО҂ AKOWSKI L. *Main Currents of Marxism...*; Хикс С. *Объясняя постмодернизм*. М.: Рипол-Классик, 2021.

45 Речь идет о сотнях статей и книг, которые делают фигуру Альтюссера центральной. В некоторых вариантах в явном виде речь идет о важности критического преодоления авторитета Маркса и ссылок на него, а имплицитно – о закреплении нового авторитета самого Альтюссера. В качестве двух примеров см.: SUCHTING W. *Althusser's Late Thinking about Materialism // Historical Materialism*. 2004. Vol. 12. № 1. P. 3–70; CAMPBELL D. *Louis Althusser and the End of Classical Russian Marxism: Spinoza, Hegel and the Critique of Dogmatic Marxism // Critique*. 2014. Vol. 42. № 4. P. 527–553.

Эта слепая и случайная необходимость материальной истории противопоставляется Альтюссером любым версиям прогресса в истории и прогнозам о будущей социальной гармонии. Наконец, под действием обвинений от французской компартии в излишней теоретичности мыслитель выдвигает ленинскую по духу интерпретацию практической роли философа. Философ не имеет привилегий знаний или теоретического различения истины от идеологии; он на практике занят осознанной и последовательной классовой борьбой в поле философии или теории⁴⁶. В работах таких философов, как Аллен Бадью, Славой Жижек и Жак Деррида, на которых Альтюссер оказал прямое влияние, происходит усложнение и истончение марксизма и его историсофии. Классовым врагом в конечном счете становится сам разум, или рации, философский инструмент *par excellence*.

С 1968-го по 1990-е годы произошла важная и качественная трансформация политэкономической динамики, которая до сих пор не вполне осмыслена с точки зрения своего воздействия на сложившиеся ранее коды и представления о левом и правом. «Контрреволюция», почти одновременно реализованная Рейганом и Тэтчер, зафиксировала пределы долгосрочной левой динамики, а распад СССР и социалистических стран закрыл вопрос о социалистическом или коммунистическом будущем. Призрак коммунизма отныне возрождают не члены Интернационала или Политбюро ЦК КПСС, а ускользающие от определенности в иронию, но по-своему верные Марксу мыслители деконструкции⁴⁷. Остановка долгого левого цикла вызвала изменение интеллектуального пейзажа, которое еще не было вполне отрефлектировано в применении к политическому спектру. Я исхожу из того, что главным новым обстоятельством, которое важно учесть, является переход от различных версий прогресса к различным версиям контингентности истории. И этот переход критически важен для самой логики функционирования спектра «лево – право» в понимании его тогдашних носителей.

В заключение мы можем предложить новое прочтение той исторической фазы, которую можно условно отсчитывать от 1968 года, когда снова вспыхнул и как будто бы быстро погас новый горизонт будущего, а затем произошла частично успешная контратака на социальный либерализм и социал-демократию, и так родилась новая версия либерализма. Вместо ожидавшегося прогрессистами восхождения или смены блюд, где каждое блюдо было исторической фазой, вплоть до коммунистического десерта, мы имеем дело с конфигурацией, которая скорее подобна слоеному пирогу. Разные фазы и социальные системы сосуществуют друг с другом, а не сменяют одна

⁴⁶ ALTHUSSER L. *Réponse à John Lewis*. Paris: François Maspero, 1973.

⁴⁷ ДЕРРИДА Ж. *Призраки Маркса*. М.: Logos altera; Ecce homo, 2006.

другую⁴⁸. Борьба идет за соотношение слоев, но никакой из ключевых ингредиентов пирога не может быть исключен без потери вкусовых качеств. Изменение повестки внутри части либеральных или консервативных, правых партий, связанные с частичным отказом от социальных гарантий для большинства и отказ левых либералов и социал-демократов от задачи устранить рынок вместе показывают эту логику переговоров и осцилляции внутри заданной конфигурации. Вопреки ожиданиям неоконсерваторов и неолибералов, а также опасениям левых государство, бюрократия, регулирование рынков и социальные гарантии оказались принципиально неустранимы. Более того, в США вопреки всему, что мы знаем об этой стране со времен знаменитого текста Вернера Зомбарта, со всей очевидностью идет новая волна классического социального либерализма, когда в центре реформаторской повестки стоят вопросы о медицинском обеспечении, страховках, безработице и более равном доступе к образованию для разных социальных групп. В Великобритании эти вопросы были поставлены и отчасти решены либералами уже сто лет назад.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПРАВОЕ КАК ОПЫТ, ЛЕВОЕ КАК ЭКСПЕРИМЕНТ

Принимая контингентность и нелинейность исторического процесса, я предлагаю считать *правыми* те представления о действующих нормах и институтах, которые основаны на положительном опыте, признанном политиками и социальными группами достаточно успешным для его защиты. *Левыми* же предлагаю считать те новые нормы и институты, которые представляют собой зону экспериментального поиска, оспаривания и инноваций для тех, кого не удовлетворяет *status quo*. *Право* – это защита и воспроизводство области накопленного опыта, *лево* – область экспериментального поиска⁴⁹. В этом смысле наиболее типичные и устоявшиеся институты будут, как правило, считаться правыми, ибо они основаны на длительном опыте, который правые одобряют и хотят закрепить. Напротив, новые и еще не использованные ранее решения и нормы будут скорее левыми. Поэтому левые часто критикуют существующее с точки зрения идеалов и норм, которые еще не

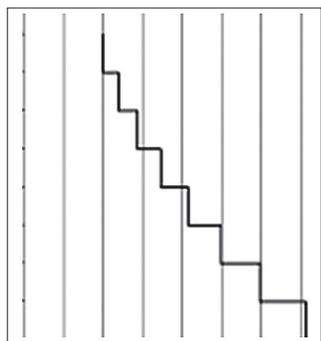
48 В изящном эссе 1978 года «Как быть консерватором-либералом-социалистом» Лешек Колаковский артикулирует ряд положений, близких нашей гипотезе: КОŁ AKOWSKI L. *How to Be a Conservative-Liberal-Socialist* // ИДЕМ. *Modernity on Endless Trial*. Chicago: Chicago University Press, 1990.

49 Одним из первых систематических изложений части аргументов, структурно близких предлагаемой в настоящей статье гипотезе, является работа Карла Мангейма «Идеология и утопия», которая задала основу будущей социологии знания в применении к политическим представлениям классов, поколений и индивидов, а также прямо увязывает темпоральность и политические доктрины.

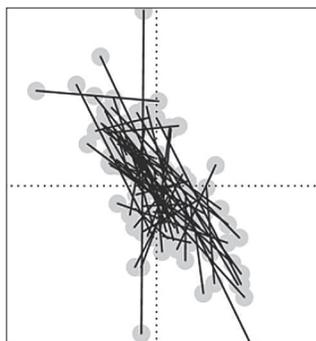
прошли проверку опытом, но обладают достаточной привлекательностью для больших групп избирателей.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

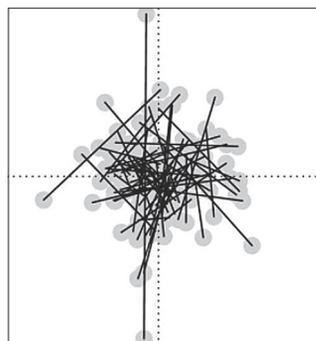
Если на воображаемой лестнице прогресса и гармонического поступательного развития политические сообщества могли двигаться только справа, представлявшего прошлое, налево, представлявшего будущее, то на карте истории, понятой как плоскость, можно двигаться в разные стороны и здесь нет привилегированного вектора. Это означает, что движение «вперед» может открыть привлекательную местность, топкое болото или опасные для жизни джунгли. Успешность экспериментов не гарантирована. Если представить каждое политическое сообщество как союз двух групп или двух типов людей, то первая группа занималась бы освоением уже захваченных и благоприятных для жизни территорий, а вторая – вкладывала бы ресурсы и усилия в поиски новых земель. При этом в рамках нашей аналогии сообществу в каждый конкретный момент приходилось бы постоянно и совместно выбирать из двух опций: оставаться на месте или собирать свою поклажу и двигаться в поисках лучшей доли.

Илл. 1. Линейный прогресс движения на плоскости.

Илл. 2. Контингентный паттерн на плоскости.

Илл. 3. Контингентный хаос на плоскости.

Для наглядности мы можем представить классическое видение прогресса как схему (илл. 1). Левые зовут общество на ступеньку вверх, а правые хотят остановить движение. Предлагаемая мной обновленная схема «лево – право» предполагает, что вектор лучшего будущего неизвестен. Движение общества может быть хаотическим и непредсказуемым – а левое и правое будут в каждый момент времени определяться конъюнктурно (илл. 3). Однако я наделяю сообщество в целом и отдельные группы способностью осмысленно оценивать прошлый опыт и действующие структуры в категориях «хорошо – плохо», «справедливо – несправедливо» и так далее. Без этой коллективной способности, одним из механизмов реализации которой явля-

ются представительные и республиканские формы политической власти, движение общества на воображаемой плоскости было бы вовсе непредсказуемым и лишенным «образа». Некоторый промежуточный или гибридный вариант может означать, что в целом есть определенный вектор движения или эволюции общества, который задает будущее как левое, а прошлое как правое, но в каждый конкретный момент времени вектор остается открытым (илл. 2). Важно, что лево, право (и центр) возникли и прошли достаточно долгую опытную проверку как мета-фрейм внутри конкурентной представительной демократии. Мы можем в разумной мере доверять прошлому опыту.

Слоеная структура современности или относительно устойчивое сосуществование систем и укладов, которые исходно казались последовательностью разных фаз, уже сломало логику и метафорику прогресса. Однако сам этот слоеный пирог с его ингредиентами может оказаться лишь временным состоянием, как им оказалась и длинная эра видимого прогресса с начала XIX века до конца 1960-х. Возможно, актуальная историческая динамика имеет даже более решительный и не predetermined характер, чем наслоение разных пластов прошлого в настоящем. Возможно, какие-то значимые структуры и сферы прошлого опыта, на которые опираются правые, вдруг могут поплыть и потерять свое место. В таком контексте правые не имеют вечной концессии проверенного опытом прошлого, а у левых нет доказательств того, что их критика существующего с точки зрения возможного обоснована, а эксперименты будут удачными.

В СССР в период перестройки мы встречаем характерный дискурс о сложности исторического прогресса для страны и партии «первопроходцев»⁵⁰. Новаторский характер советского проекта в этом контексте был призван объяснить объективные сложности и существенные недостатки реального и данного в ощущениях социализма. С одной стороны, такая риторика противоречила демонстрируемой регулярной уверенности в закономерном и гармоническом характере новой формации, а с другой стороны, она позволяла снять избыточные ожидания и критику⁵¹. В текстах Маркса речь также часто

50 Я хочу отдельно поблагодарить Андрея Олейникова за этот аргумент, стимул к написанию статьи и за ценную возможность ее обсуждения на разных этапах.

51 Ср.: «Товарищи! Наш путь первопроходцев огромен и сложен. Его кратким анализом не охватишь, не обнимешь. И тяжесть материального и нравственного наследия старого мира, Первой мировой и гражданской войн, интервенции. И новизна преобразований, связанные с ними надежды людей, темпы и масштабы вторжения нового, непривычного, не оставлявшие подчас времени, чтобы оглядеться, поразмыслить, и субъективные факторы, играющие особую роль в периоды революционных бурь» (Горбачев М.С. *Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском дворце съездов 2 ноября 1987 года* (<http://historic.ru/books/item/fo0/s00/z0000235/sto60.shtml>)).

шла о естественно-историческом поиске новых форм, скажем, в опыте Французской коммуны. «Железная логика» законов истории, которая вроде бы не вызвала сомнений в главном, сочеталась с представлением об экспериментальном и потому не всегда успешном ходе освоения конкретных новых форм в ходе и после революции. С этим набором понятий и аргументов отлично сочетались утверждения о коллективном творчестве масс как основе нового строя. Таким образом, крайние левые осмыслили себя не только как бенефициары неизбежного прогресса, но и как экспериментаторы, которые своими руками творят новое, а значит, с неизбежностью и ошибаются. В современных левых движениях за права меньшинств в США, особенно в своих наиболее радикальных вариантах культурной эмансипации *Woke* или *cancel culture*, можно увидеть не столько прообраз будущего для всего человечества, сколько зону интенсивных экспериментов с открытым исходом.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

В современных левых движениях за права меньшинств в США, особенно в своих наиболее радикальных вариантах культурной эмансипации, можно увидеть не столько прообраз будущего для всего человечества, сколько зону интенсивных экспериментов с открытым исходом.

В своей работе «Рассуждения “о конце революции”» Борис Капустин не без провокации отсылает к классическому тексту и стилю Эдмунда Бёрка, величайшего и пронизательнейшего критика революций и важнейшей фигуры для консервативной либеральной мысли⁵². Капустин парадоксальным образом возрождает эту традицию и стиль политической философии на русском языке, при этом формулируя до известной степени обратный по политическому заряду аргумент в новых обстоятельствах. Автор обращается к вопросу о революции не через деконструкцию оснований разума или вопрос о меньшинствах, а используя форму четких, рациональных, полемических аргументов. Опираясь на богатейший запас авторов и теорий, он лаконично резюмирует ключевые положения в основном тексте и отправляет остальное в фундамент или подвал примечаний. Капустин ставит представление о революции в центр специфического понимания исторического времени модерна как настоящего, принципиально открытого будущим транс-

52 Капустин Б. *Рассуждения о «конце революции»*. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.

формациям. И затем анализирует актуальный набор левых и правых представлений о «конце революций».

Обозначив центральную роль и структуру представлений о конце революции, Капустин последовательно опровергает ключевые предпосылки: предположение об однозначном смещении баланса сил и боевой мощи в пользу защитников *status quo*, о важности потери моральной привлекательности революции, о невозможности революции в развитых странах, о солидарности капиталистических стран, о недостаточности локальной революции в глобальном мире и о контрреволюционных последствиях распространения демократии. В сумме оказывается, что революция случается и вполне может случиться как структурная и спонтанная реакция *многих* как раз на критически высокий уровень видимой стабильности и устойчивости, но одновременно безнадежности и безальтернативности общественного порядка. Для автора трагизм революции связан не с ее интеллектуальными истоками, проповедью и практикой массового насилия или ошибками лидеров, а с низкой разрядкой в ответ на невыносимый (в силу отсутствия всякой надежды на перемены) ужас порядка. Революция как проявление имманентной нижней динамики истории в ответ на подавление защищающих *status quo* неустраима, но лишь вытесняема из сферы общественного сознания.

Эта развернутая попытка реконструкции и апологии левого горизонта истории как горизонта революции трагична. Капустин не просто показывает недостаточность и предрассудочный характер аргументов о конце революции. Как кажется, он парирует благоразумные аргументы против ужасов революции глупым моральным негодованием о сумраке царящего *status quo*. Революция становится не избавлением и светлым будущим, а Немезидой и заслуженным наказанием для тех, кто слишком уверен в великолепии порядка, основанного на капитале, деполитизации, бессилии общества и «химерах финансовых спекуляций». Если убрать рациональный и взвешенный анализ в основной части, то религиозные и мрачные обертоны заключительной части этой необычной и недосказанной апологии революции напоминают об историософии Вальтера Беньямина. Вновь возвращая в поле политического воображения крайне левый горизонт, автор не призывает к революции, не утверждает, что она благо, а лишь подчеркивает ее непредсказуемость и встроенную в социальную ткань капитализма *возможность*. Трактат звучит не как классическая апология, а скорее как отблеск прошлых бурь и предостережение о неустраимости горизонта революции. Предостережение для тех, кто столь успешно защищает *status quo* революционного по своей экономической природе капиталистического общества, вытесняя

слова и мысли о революции. Приняв контингентность настоящего вместо гипотезы о медленной эволюции, Бёрк мог бы разделить беспокойство автора.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

**Даже проверенный в прошлом правый опыт }
требует регулярной проверки через эксперимент. }
А неуспешный в прошлом эксперимент может }
оказаться удачным решением в будущем. }**

К нашей базовой гипотезе XXI века о том, что история лучше описывается не одномерной лестницей прогресса, а сложным и скрытым дымкой ландшафтом на плоскости, по которой на ощупь движут общество и движутся левые, трактат Капустина добавляет иной род динамизма. Общества современности, вооруженные правым тылом и левым авангардом, осваивают подвижную и зыбучую территорию, на которой нельзя «стоять на месте». И медленной консервативной эволюции в варианте Бёрка мы должны противопоставить внутренние революционные изменения общественных структур, порождаемые самим *status quo* современного капитализма. Покуда политические сообщества не готовы отказаться от собственной способности дифференцированно оценивать существующее (что нравится, что терпимо, а что неприемлемо), но признают непредсказуемый характер истории и негарантированность сохранения настоящего в будущем, то правый опыт и левый эксперимент окажутся двумя взаимодополняющими и взаимопроникающими полярностями. Даже проверенный в прошлом правый опыт тогда требует регулярной проверки через эксперимент. А неуспешный в прошлом эксперимент может оказаться удачным решением в будущем. Как и другие приспособления людей к жизни с людьми, левое и правое могут перестать работать в будущем, но я постарался показать их историческую ценность для конкурентной политики. Кто знает, когда наступит подходящее время? К этому моменту сообществу желательно понимать, что значат левое и правое после прогресса.

ЗИНАИДА
ЧЕКАНЦЕВА

История и изменение: думать вместе с Райнхартом Козеллеком¹

«История, становящаяся историей лишь в ходе и по мере ее познания, разумеется, сильнее зависит от человека, чем история, которая, совершаясь, настигает человека как уготованная ему судьба. И лишь новое теоретическое понятие открывает перед человеком поле деятельности, где он встает перед необходимостью предвидеть историю, планировать ее, “производить” (*hervorbringen*, по Шеллингу) и, наконец, “делать” (*machen*)».

РАЙНХАРТ КОЗЕЛЛЕК²

Зинаида Алексеевна Чеканцева (р. 1951) – историк, сотрудник Отдела новой и новейшей истории Института всеобщей истории Российской академии наук.

Историческое как интегральная часть мышления было изобретено сравнительно недавно, в эпоху Ренессанса. Это изобретение стало результатом длительного интеллектуального развития. Однако принято считать, что только после беспрецедентных перемен рубежа XVIII–XIX веков *историческое* стало восприниматься как неотъемлемая составляющая всякой мысли. Козеллек, вводя в науку понятие *темпорализации* истории, а также макроаналитические категории *пространства опыта* и *горизонта ожидания*, стремился показать условия возможности *исторического* как явления. Его идеи способствовали антропологизации истории, поскольку «нет такой истории, которая не конституировалась бы посредством опыта и ожиданий действующих и переживающих людей»³. В современной историографии много сделано для прояснения содержания и динамики антропоцентричных версий междисциплинарных подходов в исторической науке, сложившихся преимущественно во второй половине прошлого века. Однако стремительно меняющийся турбулентный мир поставил перед человечеством целый ряд новых вопросов, ставших серьезными вызовами для позна-

- 1 Данная статья развивает положения, изложенные автором в следующих статьях: ЧЕКАНЦЕВА З. *Антропологизация историографии и идентичность историка в XXI веке* // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. № 8(72); Она же. *Path Dependence. Политика времени и метаморфозы истории* // Вестник Пермского университета. 2020. № 3(50). С. 5–16.
- 2 Козеллек Р. *Может ли мы распорядиться историей?* Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени» (<https://strana-oz.ru/2004/5/mozhem-li-my-rasporiyazhatsya-istoriey-iz-knigi-proshedshee-budushchee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni>).
- 3 Он же. «*Пространство опыта*» и «*горизонт ожиданий*» – две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.

ния в широком смысле. Глобальной рамой для осмысления таких вызовов становится проблематика антропоцена, заменяющая базовые дихотомии устоявшихся познавательных практик *природа-культурой, межвидовой коммуникацией и агентностью*⁴. Изучение культурных практик и идей в трансдисциплинарном режиме показывает, что историография как историческое знание – это не только «среда социальных наук» (Мишель Фуко). Исследовательская деятельность историка, включающая в себя поэтическое, научное, философское и политическое измерение, в тесной связи со сложной работой памяти является носителем де-дисциплинарного начала, которое присутствует не только в профессиональном сообществе, но и в повседневной историчности индивидуальных и коллективных опытов со своими особыми темпоральностями и ритмами, которые не всегда укладываются в хронологический порядок календарного времени. Неудивительно, что история сегодня оказывается в центре трансдисциплинарных дискуссий о проблемах прошлого, настоящего и будущего.

В эпистемологическом переосмыслении истории участвуют бесчисленное количество авторов, но я хочу обратить внимание на наследие Райнхарта Козеллека, которого Хейден Уайт назвал «одним из важнейших теоретиков истории и историографии последнего полувека». Это историк и философ, в мышлении которого органично сочетаются качественная философская формализация и эмпирическая эвристика. Французский историк Александр Эскудье посвятил немецкому ученому большую статью, в которой представил его основные идеи и комплекс интеллектуальных инструментов, необходимых для исследования исторической динамики. Анализ работ Козеллека позволил Эскудье создать структурный образ исторического опыта, показать возможности концепта *темпорализация* для понимания динамики европейской модерности и обосновать необходимость сравнительно исторического подхода для ее изучения⁵. В данном эссе речь пойдет о некоторых явлениях, которые интенсивно изучаются в последние десятилетия в трансдисциплинарном режиме и меняют наши представления об историческом изменении. Это проблематика историчности, темпоральности и исторического события.

XIX век верил в историю и будущее, которое можно планировать. Это была оптимистическая вера в продуктивную силу истории, возведенная в ранг новой религии⁶. В наши дни исто-

4 BONNUEUL CH., FRESSOR J.-B. *L'événement Anthropocène. La Terre, l'histoire et nous*. Paris: Editions du Seuil, 2016; TAMM M., BURKE P. (Eds.). *Debating New Approaches to History*. London: Bloomsbury Academic, 2018.

5 ESCUDIÉ A. "Temporalisation" et modernité politique: penser avec Koselleck // *Annales: Histoire, Sciences Sociales*. 2009. Vol. 64. № 6. P. 1269–1301.

6 HARTOG F. *Croire en l'histoire*. Paris: Flammarion, 2013.

рия, по словам Алейды Ассман, «это символ веры, потерявший верующих». В культуре происходит «перенастройка времени и истории»⁷, а потребность в новой исторической оптике буквально висит в воздухе. Одним из направлений обновления стала концептуальная история, которую нередко сводят к истории понятий. Образцовым ее воплощением считается многотомный словарь немецких историков⁸. Но Козеллек писал, что для того, чтобы приносить пользу, история понятий должна быть дополнена устойчивой теорией исторического времени. «Определение того, что собой представляет историческое время», ученый считал одним из самых сложных вопросов, поставленных исторической наукой⁹. Убедительный ответ на этот вопрос до сих пор не найден, хотя самые талантливые историки многократно пытались в «материале» преодолеть философские апории темпоральности¹⁰. В масштабных и далеких от завершения дискуссиях об историческом времени, вращающихся вокруг нескольких основных вопросов (линейность, имманентность, контингентность, синхронизация), концептуально утверждается анахроничная, множественная и многослойная природа темпоральности¹¹. Поиск качественного исторического времени побуждает прояснить когнитивные возможности исторического исследования и разобраться в «грамматике историографии». Марк Блок и Жак Ле Гофф считали историю наукой об изменениях¹². Однако что такое изменение? Каким образом оно присутствует в гуманитарном знании и историографии?

Понятие *историчность*, введенное в науку Вильгельмом Дильтеем и основательно переосмысленное на рубеже XX–XXI веков¹³, фиксирует изменчивость всего сущего – однако философы воспринимают его по-разному. Одни подчеркивают бедность, размытость и неопределенность историчности¹⁴. Другие, напротив, настаивают на необходимости ее более обстоятельного включения в исследовательскую культуру. Бер-

- 7 ASSMAN A. *Conclusion: A Creed That Has Lost its Believers? Reconfiguring the Concepts of Time and History* // TAMM M., OLIVIER L. (Eds.). *Rethinking Historical Time. New Approaches to Presentism*. London; New York: Bloomsbury Academic, 2019.
- 8 BRUNNER O., CONZE W., KOSELLECK R. (Eds.). *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Bd. 8. Stuttgart: Klett-Cotta, 1972–1997.
- 9 KOSELLECK R. *Le futur passé: contribution à la sémantique des temps historiques*. Paris: Edition de l'EHESS, 1990. P. 9.
- 10 ЧЕКАНЦЕВА З.А. *Время историка // Образы времени и исторические представления. Россия – Восток – Запад*. М.: Кругъ, 2010. С. 66–78.
- 11 LORENZ C., BEVERNAGE B. (Eds.). *Breaking up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 2013; CHAKRABARTY D. *Anthropocene Time // History and Theory*. 2018. Vol. 57. № 1. P. 5–32.
- 12 ЛЕ ГОФФ Ж. *История и память*. М.: РОССПЭН, 2013. С. 18.
- 13 DELACROIX CH., DOSSE F., GARCIA P. (Dir.). *Historicités*. Paris: La Découverte, 2009.
- 14 Шлыков В. *Память прошлых других как трансцендентальная экспликация историчности: к онтологии исторического сознания*. Севастополь: СевНТУ, 2005; TRÜPER H. *The Flatness of Historicity // History and Theory*. 2019. Vol. 58. № 1. P. 23–49.

бер Бевернаж, например, предлагает заменить послевоенную философию истории, понимаемую как философия историографии, на *философию историчности*, задача которой состоит в том, чтобы изучать не только академическую ситуацию в истории, но и все возможные формы коммуникации с прошлым¹⁵. При этом она будет выходить за пределы человеческого мира и, возможно, за пределы того типа истории, который мы знаем сегодня, поскольку ученые интенсивно обсуждают возможности «более чем человеческой истории»¹⁶. В научном дискурсе историчность принадлежит к области очевидного и наряду с историзмом остается одним из методологических принципов. Ритуальные ссылки на эти окостеневшие познавательные принципы закрепляют накопившиеся в научных традициях стереотипы и упрощения. Козеллек пишет:

«Ирония семантической истории заключается в том, что как “история чистая и простая” она первоначально означала необходимость теории в нашей дисциплине... Когда эти термины “сама история” и “философия истории” впервые появились, примерно в 1770 году, они имели одинаковое значение... Со временем метаисторическая составляющая этих выражений была поглощена недавно придуманным термином “историчность”. При всей своей неопределенности понятие *историчность* и проясняющие его категории открывают такую историю (*Historik*) и метаисторию, которые исследуют мобильность вместо движения и изменчивость вместо изменения в конкретном смысле»¹⁷.

Присутствие исторического измерения в философии и во всех науках без исключения, по-видимому, связано именно с явлением историчности. Жак Рансьер полагает:

«[История –] это не просто дисциплина, это фигура мысли, которая в определенный момент устанавливает смысл историчности, доминирующий в качестве общей основы для схватывания объектов. Доминирование истории – это устойчивое преобладание определенного чувства истории»¹⁸.

Французский историк Жак Ревель писал, что историчность – это «опыт исторического времени». Однако это лапидарное определение предполагает ответ на два непростых вопроса: что такое опыт и что такое историческое время? Содержание

- 15** BEVERNAGE B. *From Philosophy of History to Philosophy of Historicities: Some Ideas on a Potential Future of Historical Theory* // *Bijdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden*. 2012. Vol. 127. № 4. P. 113.
- 16** ТАММ М., СИМОН З.В. *More-Than-Human History. Philosophy of History at the Time of the Anthropocene* // КУУККАНЕН Ж.-М. (Ed.). *Philosophy of History: Twenty-First-Century Perspectives*. London: Bloomsbury, 2020.
- 17** KOSELLECK R. *The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts*. Stanford: Stanford University Press, 2002. P. 2.
- 18** RANCIÈRE J. *Les mots de l'histoire du cinéma* // *Les Cahiers du Cinéma*. 1995. № 496. P. 52.

историчности, как показывают современные исследования, не сводится к темпоральности. Но темпоральное измерение историчности позволяет представить ее воплощением напряжения между качественным и количественным временем. При таком понимании эта категория выражает противоречие между опытом времени и его измерением. Анри Мешонник пишет:

«Очевидно, что до конца 1980-х в гуманитарных науках доминировала история, основанная на событийной хронологии. В русле так понимаемой историчности исследовать что-либо исторически, значит, изучать то, что произошло в период до и после определенного факта, существование которого можно зафиксировать на ленте времени»¹⁹.

При этом речь идет не только о специфике исторического знания, но и об историческом действии. В классическом познании историчность была искусством, позволяющим историку утверждать контроль своего времени над историческим актором прошлого. Сегодня из «общей рамки схватывания объектов» она становится «эффективной историчностью носителя действия [agent], позволяющей последнему играть со своим временем, действовать против времени, нарушать непрерывность современности». По сути, речь идет о том, что «субъекты в принципе способны делать историю» (Жак Рансьер)²⁰. Для историка историчность – это принцип, позволяющий реализовать профессиональные амбиции по приручению прошедшего. Однако этот принцип изменчив и во многом зависит от состояния исторического мышления, в русле которого историк работает. В классическом знании историчность понималась в детерминистском ключе: обнаружить и продемонстрировать историчность изучаемого фрагмента исторической реальности означало вписать его в исторический контекст эпохи. В таком случае историчность предстает как поток сменяющихся друг друга событий и процессов. При этом в порядке времени очень важна темпоральная дистанция между прошлым и настоящим, являющаяся важнейшим условием объективности полученных результатов. Наличие такой установки предопределило понимание предмета исторической науки как прошлого и породило недооценку истории современности. Прошлое не просто предшествует настоящему – но является его условием²¹.

В современной истории/историографии историки, изучая современность (прошлое или настоящего), стремятся выявить не только последовательности, но разрывы и непрерывности,

19 Мешонник А. *Рифма и жизнь*. М.: ОГИ, 2014. С. 74.

20 Цит. по: АУМЕС М. *Historicités // Labyrinthe*. 2004. № 1(17). Р. 65–68 (<http://labyrinthe.revues.org/174>).

21 БЕВЕРНАЖ Б. *Время, присутствие и историческая несправедливость // Гефтер*. 2012. 17 августа (<http://gefter.ru/archive/5835>).

проходящие через мир сегодняшний. В таком поиске историчность, понимаемая как трансформация, становится центральным понятием. В исторических исследованиях речь идет не только об историчности Истории как процесса, но и об историчности дискурса историков, рефлексивно воспринимающих свою практику и неизбежную зависимость от настоящего²².

ЗИНАИДА ЧЕКАНЦЕВА
ИСТОРИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ:
ДУМАТЬ ВМЕСТЕ С РАЙН-
ХАРТОМ КОЗЕЛЛЕКОМ

Содержание историчности не сводится к темпоральности. Но темпоральное измерение историчности позволяет представить ее воплощением напряжения между качественным и количественным временем.

Анри Мешонник, обосновав концепт радикальной историчности дискурса (*le concept d'historicité radicale du langage*), предложил философии и всем научным дисциплинам переосмыслить понятие историчности²³. Ученый полагал, что в истории «историчность – это не историцизм, который либо забывает наблюдателя (историка), либо все отдает ему, это скорее время отношения между субъектом истории и субъектом исторического описания»²⁴. Более того, он полагал, что взаимодействие между дискурсом и жизнью достигает максимума не в истории, а в поэзии: «Историчность – это не история. Это трансформация. Мерило неизвестного, которое остается неизвестным». Иными словами, историчность – это некое неуловимое явление, в котором воплощена энергия трансформации человека, социума и культуры во времени.

Значение историчности убедительно показал Франсуа Артог, введя в науку понятие *режима историчности*, сформировавшееся с учетом идей Козеллека, Леви-Стросса и Салинза²⁵. Эта синтагма, по мысли историка, означает «манеру использования социумом своих социальных рамок [или коллективной памяти в терминологии Мориса Хальбвакса. – З.Ч.] для производства установок, с помощью которых прошлое оказывает на него влияние»²⁶. Это значит, что рождение синтагмы было, помимо прочего, обусловлено и мемориальным бумом. «Форма, в которой мы думаем о прошлом, – это скорее память без границ, а не ограниченная национальными рамками история», – пишет

22 NOËL P.-M. *Les historiens québécois et la question de l'historicité de leur savoir* // *Erudit*. 2012. Vol. 53. № 1. P. 11–39.

23 MESCHONNIC H. *Critique du rythme. Anthropologie historique du langage*. Lagrasse: Verdier, 1982.

24 MARTIN S. *L'historicité radicale du langage* (www.fabula.org/cr/278.php).

25 HARTOG F. *Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps*. Paris: Seuil, 2003; BANTIGNY L. *Historicités du 20e siècle. Quelques jalons sur une notion* // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. 2013. № 117. P. 13–25.

26 Цит. по: HARTOG F., LENCLUD G. *Régimes d'historicité* // DUTU A., DODILLE N. (Dir.). *L'État des lieux en sciences sociales*. Paris: L'Harmattan, 1993. P. 29.

американский историк культуры Андреас Хюссен²⁷. Через десять лет Франсуа Артог представил *режим историчности* как способ сочленения основных модусов времени – прошлого, настоящего и будущего, подчеркивая, что это не данность, но эвристический инструмент, позволяющий изучать опыты времени или режимы темпоральности в конкретной ситуации²⁸. Сегодня *режим историчности* – идеальный тип, позволяющий размышлять о порядке времени, и важный инструмент историографической практики, применение которого показало чрезвычайное разнообразие в соотношении главных модусов времени в различных культурах на разных этапах развития.

В 2010 году мир получил убедительное художественное свидетельство того, что время – это прежде всего артефакт, культурный и интеллектуальный конструкт, который можно использовать. Художник Кристиан Марклей создал инсталляцию «Часы» – непрерывный 24-часовой видеоколлаж из сцен фильмов и телепередач, в которых упоминается время или показывают часы. Инсталляция функционирует как часовой механизм: экранное время синхронизировано с реальным временем часового пояса. В результате время в фильме воспринимается как фактическое. Однако время нематериально и непредставимо. Мы не можем его увидеть, потрогать, вообразить. Возможно, поэтому проблематику времени, как правило, связывают с пространством, которое делает время более доступным. В прошлом веке такая связь в науке лучше всего была выражена в понятии хронотоп. Фредерик Джеймисон полагал, что во второй половине XX века пространство вытеснило время²⁹. Продуктивность пространственного поворота в познании убедительно обоснована³⁰. Однако у времени есть собственная история, хотя даже физики теперь не совсем понимают, что это такое³¹. Возможно, поэтому акцент явно переместился на проблематику восприятия времени, связанную с понятием *темпоральности*.

По мнению французского социолога Клода Дюбара, время предполагает постановку вопроса о роли языка в «концептуализации проблем, связанных с различными моментами, инстанциями, концепциями, уровнями анализа и репрезентации времени как проблемы, а не как объекта знания»³².

27 HUYSEN A. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 4.

28 АРТОГ Ф. *Порядок времени, режимы историчности* // Неприкосновенный запас. 2008. № 3(59). С. 19–38.

29 JAMESON F. *The End of Temporality* // *Critical Inquiry*. 2003. № 29. P. 695–718.

30 САВЧУК В.В. *Топологическая рефлексия*. М.: Канон+; Реабилитация, 2012; Ямпольский М. *Пространственная история. Три текста об истории*. СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013.

31 ROVELLI C. *The Order of Time*. New York: Riverhead Books, 2018.

32 DUBAR C. *Régimes de temporalités et mutation des temps sociaux* (<https://journals.openedition.org/temporalites/>).

«Хайдеггер, чтобы обновить проблему времени, вынужден был придумать новые слова. Тем самым он неявно демонстрирует, что вопрос времени – это вопрос языка. Существуют несколько языков времени, следовательно, несколько способов темпорализации, фактически – несколько темпоральностей. “Исходная” темпоральность человеческого существования (*Dasein*) – это не то же самое, что историческая темпоральность поколений, которая не является “простой” темпоральностью часов, календарей и других “аксессуаров” физического времени. Эти уровни темпорализации на самом деле относятся к различным типам языка. Таких уровней как минимум три: математический язык (время мира как физическая переменная); одновременно концептуальный и эмпирический язык (историческое время социальных наук); поэтический или метафорический язык (*le temps vécu* индивидуальных проявлений). Ничто не обеспечивает суммирования или общей репрезентации этих трех “языковых игр”. Благодаря Хайдеггеру, уникальная темпоральность абстрактной философии, от Аристотеля до Канта и от Августина до Бергсона, может превратиться в темпоральности конкретных человеческих языков, особенно тех, которые являются источником и средством выражения для различных гуманитарных и социальных наук»³³.

В последние десятилетия, по мнению аналитиков, явно изменилась структура темпорального опыта. Все больше специалистов разделяют диагноз современного темпорального состояния, установленный теоретиком истории Крисом Лоренцом:

«Доминирующая концепция времени изменилась с линейной, необратимой и прогрессивной на нелинейную, обратимую и непрогрессивную. Нелинейная концепция времени позволяет нам думать о темпоральной одновременности и сосуществовании прошлого, настоящего и будущего, ибо не предполагает, что три измерения времени отделены и “закрыты” друг для друга, как в линейном времени. Они рассматриваются как взаимопроникающие: прошлое может жить в настоящем так же, как будущее может быть настоящим в настоящее время. Нелинейное время учитывает многовариантность времен и позволяет представить настоящее, прошлое и будущее как многомерные и реляционные категории»³⁴.

В результате усилий нескольких поколений исследователей в социальных науках произошел поворот от «однородного, пустого времени» (Вальтер Беньямин) к многомерным, множественным и загадочным темпоральностям³⁵. Однако в мире здравого смысла историческое время продолжает жить в рам-

33 ИДЕМ. *Du temps aux temporalités: pour une conceptualisation multidisciplinaire* (<https://journals.openedition.org/temporalites/2942>).

34 LORENZ C. *Blurred Lines: History, Memory and the Experience of Time* // International Journal for History, Culture and Modernity. 2014. № 2. P. 46.

35 JORDHEIM H. *Forum: Multiple Temporalities. Introduction: Multiple Times and the Work of Synchronization* // History and Theory. 2014. Vol. 53. № 4. P. 498–518.

как абсолютного и естественного времени, просто обозначая прошлое, последовательность или историю (со всей ее многозначностью). Историки продолжают писать историю в русле линейного телеологического времени, очень похожего на время классической физики, хотя множество сомнений по этому поводу было высказано более века назад.

Темпоральные ориентации в культуре являются основой базовых ценностей, во многом определяющей формы мышления, воображения и логику поступков. Французский социолог Жан Шесно, автор нескольких влиятельных книг о времени, писал, что «историческое познание, историческое знание и ремесло историка – это лишь один аспект более широкого взаимодействия общества и его прошлого»³⁶. Во второй половине XX века, и особенно в последние два десятилетия, проблематика времени занимает значительное место в философии и науке. Международные исследовательские программы и конференции, поток литературы и масштабность дебатов позволяют говорить о темпоральном повороте и формировании трансдисциплинарного исследовательского поля *time studies*, где одной из ключевых проблем остается преодоление понимания исторического времени, сложившегося в Европе эпохи модерности³⁷.

Понимание работы историчности с ее зыбкими темпоральностями является одним из ответов интеллектуалов на вызовы современности. Речь идет о необходимости переосмыслить разнообразные формы опыта, учитывая многочисленные темпоральные инстанции, при условии разрыва с телеологическими представлениями о темпоральном становлении людей и с классической реконструкцией преемственности, в которой не удастся избежать исторического априори. Но это предполагает выход за рамки привычного позитивизма историков³⁸.

Природу исторического изменения хорошо проявляет история изучения события. Рождения, смерти, сражения, войны, революции, дни, создавшие страну или потрясшие мир, историки исследуют давно. Символические события организуют историческую память и исторический нарратив. Важнейшие события зафиксированы в школьных учебниках, а мысль о том, что исторический процесс – это цепь событий, прочно укоренена в массовом сознании. Однако до сих пор событие остается подлинным вызовом для многих историков, прочно усвоивших редукционистскую версию события, представляющую последнее как часть реальности, простота и доступность которой не подвергается сомнению. Вездесущность, разнород-

36 *Le temps et l'histoire. Entretien avec Jean Chesneaux //* Genèses. 1997. № 29. P. 123–140.

37 TAMM M., OLIVIER L. (Eds.). *Op. cit.*

38 RIOT-SARCEY M. *Temps et histoire en débat. "Tout s'oublie" et "rien ne passe" //* Revue d'histoire du XIXe siècle. 2002. № 25. P. 7–13.

ность, загадочность, непредсказуемость обеспечили событию статус эпистемологической апории. Родоначальник «сложного мышления» Эдгар Морен, осмысливая опыт 1968 года, сравнивал событие со сфинксом³⁹. Франсуа Досс уподобляет событие фениксу, постоянно возрождающемуся из пепла⁴⁰. Воплощение этих образов – множество накопившихся в историографии интерпретаций разнородных событий и непрекращающиеся споры в науке и философии по поводу их природы.

Онтологическую неопределенность и вездесущность события очень точно выразил Мишель Фуко: «Событие – это всегда рассеивание [*dispersion*], множество. Это то, что проходит здесь и там, это многоголовое чудовище»⁴¹. Вслед за Ницше Фуко избегал поисков причин и истоков, подчеркивал важность исторических разрывов, связывая их с единичными событиями, в которых, по его мнению, и проявляются подлинные силы истории. Жиль Делёз полагал, что событие – это прежде всего смысл, рождающийся «в развилке времени» (*ligne de partage*). Размышляя о темпоральной природе событийности, Делёз пишет о двух видах времени, тесно связанных друг с другом и одновременно плохо совместимых. Это Хронос – вечное настоящее, материальный носитель ризоматической темпоральной среды. И Эон – бестелесное и неопределенное, пребывающее в непрерывном изменении темпоральное образование, в котором нет настоящего, но есть лишь растягивающиеся в сложных коммуникационных связях с другими Зонами прошлое и будущее⁴².

Историки только в период кризиса своей дисциплины 1960–1980-х годов, переоткрыв «историческое время», осознали, что ни контекстуализации, ни понимание конструктивистской природы исторического события не освобождают их от загадочных апорий событийности, ускользающей от схватывания в процессе историографической операции. Из повседневного опыта хорошо известно, что в условиях серьезных перемен не всегда удается адекватно осмыслить происходящее. Смысл его как бы подвешивается, становится неясным. Участник события или наблюдатель попадает в экстраординарную ситуацию неопределенности и непроговариваемости. Кроме того, вслед за Делёзом ученые пришли к заключению, что событие – это воплощенное становление, которое никогда полностью не принадлежит только завершенному прошлому, ибо постоянно переосмысливается и переопределяется в актуальном настоящем. Стало ясно, что историческое событие обладает длительностью,

ЗИНАИДА ЧЕКАНЦЕВА

ИСТОРИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ:
ДУМАТЬ ВМЕСТЕ С РАЙН-
ХАРТОМ КОЗЕЛЛЕКОМ

39 MORIN E. *L'événement-sphinx* // Communications. 1972. № 8. P. 173–193.

40 DOSSE F. *Événement* // DELACROIX C., DOSSE F., GARCIA P., OFFENSTADT N. (Dir.). *Historiographies. Concepts et débats*. Paris: Gallimard, 2010. Vol. 2. P. 748–749.

41 FOUCAULT M. *Leçons sur la volonté de savoir*. Paris: Seuil; Gallimard, 2011. P. 187.

42 ДЕЛЁЗ Ж. *Логика смысла*. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.

которая несводима к темпоральности фактических данных, составляющих это событие. Приближающееся событие неизбежно нагружено разного рода восприятиями, которые формировались задолго до того, как событие произошло. Кроме того, событие имеет собственную темпоральность, плотно связанную с темпоральностью тех, кто его конституировал и проживал. Носителями событийной темпоральности являются люди, конкретные индивиды и коллективы, мужчины и женщины, отношения которых к происходящему, как правило, не совпадают и нередко бывают противоположными. В итоге получается, что «событие совершается в русле очень большой длительности при посредстве структурирующих эффектов социальных и политических отношений. Более того, оно формирует память. Учитывая все это, историк может понять событие только в контексте весьма сложной системы темпоральностей»⁴³.

Линейное время классической историографии «приручало» событие, вписывая его в определенные хронологические/пространственные рамки и столь же определенные «порядки» навсегда ушедшего «прошлого». Сегодня историки, используя разные приемы, напротив, стремятся показать взрывную силу события, скрытые в нем возможности и выявляют в «материале» темпоральные особенности событийности. Все чаще событие обсуждается и исследуется как нарративная конструкция. Анализ исторического события, его структур и механизмов больше не означает изучение «пены истории». В основе такого изучения – стремление понять функционирование общества через частные и деформированные репрезентации, порождаемые вездесущей событийностью.

Несмотря на перемены в мире и науке, многие категории и установки, определяющие исторический дискурс, до сих пор связаны с моделью истории, типичной для эпохи модерна, хотя она во многом себя исчерпала. Они доминируют не только в политических и социокультурных практиках идентификации и национального самоопределения, но и в исторических исследованиях. Поэтому историки задаются вопросом: надо ли в этих условиях совсем отказываться от реконструкции «горизонта ожидания», опираясь на «незавершенные потенциалы» прошлого (Бернар Лепти)? Ответ на этот вопрос предполагает поиск новой исследовательской оптики, которая связана не столько с причинностью, сколько с *контингентностью* истории.

Понятие контингентность, давно известное в философии и науке, в историческом знании только начинает осознаваться как полезное. Длительное время его содержание сводилось

43 FARGE A. *Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux* // Terrain. 2002. № 38. P. 69–78.

к случайности⁴⁴. Но во второй половине прошлого века философы, антропологи и социологи убедительно показали, что контингентность по своей значимости в жизни людей сопоставима с явлением историчности. Еще Антуан Курно в работе «Размышления о продвижении идей и событий», опубликованной в 1872 году, писал, что история – это «особая форма связи между явлениями, смешивающими порядок и случай». Она не является серией событий, которые вытекают бы «обязательно и регулярно одно из другого в соответствии с постоянными законами». В противном случае будущее было бы предсказуемым. В то же время историю нельзя представить как череду событий, не имеющих никакой связи между собой, – при таком понимании исторический нарратив был бы невозможен. История, по Курно, находится между этими двумя формами, между необходимостью и непредвиденными обстоятельствами. Кроме того, случай формируется в результате неожиданной встречи «двух независимых причинно-следственных рядов», которые вращаются вокруг частично или полностью случайного процесса⁴⁵.

Таким образом, история не подчиняется законам и не является совокупностью чистых случайностей. В истории важную роль играет не только свобода воли людей, их выбор, но и структурные эффекты. Контингентность хорошо проявляется в событии, оказавшемся результатом встречи серии независимых причин. Ее также можно формализовать в терминах слияния/согласования возможностей: контингентность в таком случае предстает как то, что вытекает из общей конъюнктуры, открытой ко множеству возможных сценариев. При таком понимании контингентность оказывается составной частью подхода, предполагающего анализ события без применения априорных объяснительных схем⁴⁶.

Контингентность – это не только возможность иного варианта развития событий, связанная со свободой выбора человека и структурными эффектами разной природы, но и носитель особой темпоральной «энергии». Темпоральное существование контингентно, поскольку становление может быть понято через постоянную смену состояний, а «неуловимость настоящего указывает на контингентность всего существующего во време-

ЗИНАИДА ЧЕКАНЦЕВА

ИСТОРИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ:
ДУМАТЬ ВМЕСТЕ С РАЙН-
ХАРТОМ КОЗЕЛЛЕКОМ

44 Например, в статье Козеллека термин «контингентность» был переведен как «случайность»: Козеллек Р. *Случайность как последнее прибежище историографии* // THESIS. 1994. № 5. С. 171–184.

45 JEANPIERRE L., NICODÈME F., SAINT-GERMIER P. *Possibilités réelles* (<https://journals.openedition.org/traces/5614>).

46 ЕРМАКОВ И. *Contingence historique et contiguïté des possibles* (<https://sociology.wisc.edu/wp-content/uploads/sites/466/2019/08/2013-Ermakoff-Contiguïte-des-possibles.pdf>). Замечу, что контингентность истории не тождественна истории контрафактической. См. о последней: НЕХАМКИН В.А. *Контрфактические исторические исследования в системе научного познания* // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 131–140.

ни»⁴⁷. Кроме того, контингентность плотно вписана в интерсубъективность, а значит – и в процесс коммуникации⁴⁸. Это понятие позволяет выразить ощущение метафизической глубины в трансформациях мира, стимулируя создание новых исследовательских подходов⁴⁹.

Стремительно обновляющаяся повестка социальных и гуманитарных наук вовсе не означает, что новые идеи быстро входят в реальную жизнь. Последнее требует глубоких структурных преобразований в мировой политике, которая основана на переговорах национальных государств и международных организаций. Кроме того, устоявшиеся научные и образовательные структуры, стержнем которых остается дисциплинарная специализация, за последние полвека тоже не слишком изменились. Все это консервирует устоявшиеся нормы дисциплин, переживающих не лучшие времена. Одни аналитики говорят об архаичности дисциплинарных практик, о засилье наивного эмпиризма, о перегруженности всех дисциплин, в том числе социальных и гуманитарных, массой предрассудков. Другие, в том числе историки, полагают, что только «правильная» дисциплинарность может обеспечить продуктивную междисциплинарность. В последние десятилетия происходит радикальная трансформация в структуре исследовательских практик. Наряду с дисциплинами важное место в производстве знания занимают трансдисциплинарные *studies: gender studies, cultural studies, memory studies, area studies, diaspora studies, technoscience studies, times studies...* Список можно значительно расширить. Возможно, им принадлежит будущее. Гениальный образ ризомы, «сад расходящихся тропок» Борхеса и множество идей, порожденных проблематикой изменения в художественном мире, которые активно осваивают философы и ученые, убеждают в том, что необычайная сложность нашего турбулентного мира и недооцененная связанность в нем всего и вся может быть понята только с помощью «созвездия знаний» вкупе с обыденным мышлением.

47 Литвин Т.В. *Интериорность, чувственность, контингентность – почему эти понятия принципиально непереводимы?* (<http://articult.ruh.ru/articult-07-3-2012/t-v-litvin-the-performances-of-the-play-sensuality-contingently-why-these-concepts-are-fundamentally.php>).

48 Рационализировать контингентность не менее сложно, чем понятия коллективной памяти и идентичности. Один из современных историков остроумно назвал последнюю «мерцающей». Но то же самое можно сказать о случайности, о коммуникации, о различии. См.: Назарчук А.В. *Теория коммуникации в современной философии*. М.: Прогресс-традиция, 2009.

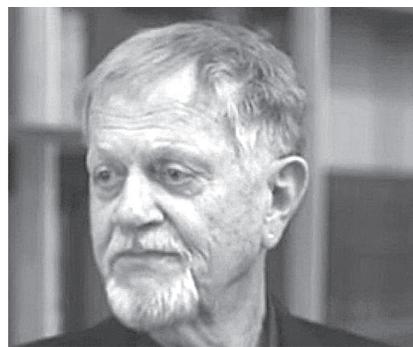
49 Один из таких подходов я использовала при изучении Французской революции XVIII века. Отказавшись от исследования революции в контексте преемственной связи между прошлым и настоящим, я перенесла ее рассмотрение в перспективу будущего для того, чтобы понять, как это событие проявило себя в социуме после «десяти лет, которые потрясли мир: 1789–1799». Каким образом революцию интерпретировали ученые? Для чего и как ее вспоминали? Как воспринимали простые люди? Такой подход позволяет выявить скрытые в событии возможности (Чеканцева З.А. *Французская революция как событие будущего: между научным дискурсом и зеркалами памяти* // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 16–38).

Правда и обстоятельства. Что (все-таки) подобает говорить о Холокосте?¹

ХЕЙДЕН
УАЙТ

При каких обстоятельствах будет грубо, бестактно или просто неуместно спросить: «Правда ли это?» – когда дело касается дискурса, который явным образом отсылает к реальному миру прошлого, настоящего или будущего? И если имеются определенные высказывания (выражения, намеки, предположения, заявления, предложения или утверждения) о реальном мире, применительно к которым вопрос «Правда ли это?» оказывается неуместным, то какого рода отклики (если они вообще допустимы) на подобные высказывания были бы уместны?

Я задаю эти вопросы в контексте продолжающейся дискуссии о том, что составляет «подобающую» репрезентацию Холокоста – события, столь травматичного, что, когда его неопровержимые доказательства стали достоянием гласности, многие люди и общественные группы поначалу отнеслись к ним с недоверием. На смену недоверию пришло негодование: как «современная», «просвещенная», «христианская» и «гуманистическая» немецкая нация могла предать идеалы европейской цивили-

Хейден Уайт (1928–2018) – американский историк и теоретик историописания, один из основоположников «лингвистического поворота» в историографии, профессор Стэнфордского университета (США) и Калифорнийского университета в Санта-Круз (США).

1 Статья представляет собой вторую главу книги Хейдена Уайта «Практическое прошлое», русский перевод которой готовится к выходу в издательстве «Новое литературное обозрение». Перевод осуществлен по изданию: WHITE H. *The Practical Past*. Evanston: Northwestern University Press, 2014.

**ПРАКТИЧЕСКОЕ
ПРОШЛОЕ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА И СУД
ИСТОРИИ: ВОКРУГ
КНИГИ ХЕЙДЕНА
УАЙТА**

зации, достойным представителем которой она являлась? Но даже после этого вопрос о том, что означает «Окончательное решение еврейского вопроса», что это событие говорит о европейских ценностях как таковых, о современности, Германии, «евреях», иудаизме и «Европе», оставался насущным и казался неразрешимым. Для историков – профессиональных хранителей западного исторического сознания, культивирующих пресловутую историческую науку, – главный вопрос, поставленный Холокостом, заключался в его сущности как специфически «исторического» события, в том, как его можно вписать, включить в нормативный нарратив европейской истории и наилучшим образом к нему приспособить. В то же время ощущение, что Холокост был «необычным», «новым» и, возможно, даже «уникальным» событием в истории Европы создавало возможность для радикального пересмотра этой истории, чтобы по достоинству оценить то проникновение в реальную природу европейской цивилизации, которое это событие, по-видимому, позволяло сделать. И в самом деле, «экстремальный», если не уникальный, характер Холокоста поднял важнейшие вопросы о теоретических предпосылках, лежащих в основании современных западных представлений об «истории», методологиях, используемых современными профессиональными историками для познания исторического прошлого, а также протоколах и техниках, используемых для предъявления исторической реальности в их дискурсах.

Эти вопросы стали еще более затруднительными из-за того, что современные медиа сделали возможной запись и распространение большого числа личных свидетельств людей, переживших Холокост. Более того, многие свидетели этого события теперь могли требовать, чтобы их воспоминания были учтены в «официальной» или «доксологической» хронике, создаваемой историками на основе изучения доступных им письменных и вещественных источников. Кроме того, в то время как историки в обыкновенном для них черепащем темпе занимались реконструкцией того, что на самом деле произошло в ходе «Окончательного решения еврейского вопроса» и/или Холокоста, область исследований Холокоста (*Holocaust studies*) наводнило множество мемуаров, автобиографий, романов, пьес, фильмов, стихотворений и документальных фильмов. Многие историки опасались, что появление этих произведений приведет к эстетизации, релятивизации, фикционализации, превращению в китч и мифологизацию того, что было бесспорным фактом (или совокупностью фактов) и что, следовательно, могло быть «надлежащим образом» изучено только при помощи более-менее научных методов. С точки зрения многих историков это означало, что при рассмотрении любой репрезентации

«Окончательного решения» или Холокоста первый и главный вопрос, который необходимо задать, звучит следующим образом: «Правда ли это?». И если ответ на этот вопрос оказывается отрицательным или содержит некоторую двусмысленность, то данная репрезентация должна быть отвергнута не только как искажающая реальность, но, учитывая причиненные жертвам Холокоста страдания, как ущемляющая их моральное право на правдивое и точное описание пережитых ими событий.

Но как насчет огромного массива свидетельств выживших? Должны ли они соответствовать тому же критерию правдивости, который предъявляется повествованию историка о том или ином событии прошлого? Безусловно, мы должны требовать, чтобы свидетель, рассказывающий о своем опыте, по крайней мере стремился говорить правду, но является ли соблюдение корреспондентной теории истины тем, что интересует нас в таких свидетельствах главным образом? Очевидно, это должно интересовать нас в первую очередь в случае, когда свидетельские показания даются в суде, где основная цель – установить, что произошло и кто несет за это ответственность. Но когда важно выразить, каково это – быть подвергнутым такому обращению, которое испытали на себе жертвы Холокоста, – то кажется неуместным требовать, чтобы эти свидетельства соответствовали корреспондентному идеалу истинности. Даже когерентная теория истины, кажется, не слишком подошла бы для оценки весомости свидетельства жертвы. В этом случае вопрос «Правда ли это?» может быть только «риторическим».

Позже я вернусь к статусу свидетельства жертвы. Сейчас же я хочу продолжить рассуждение об уместности вопроса «Правда ли это?» при оценке художественных, и в особенности литературных, трактовок Холокоста. Конечно, художественная и литературная трактовка Холокоста представляет проблему для историков, наделяющих это событие своего рода сакральным статусом. Особенно если «художественное» отождествляется с «эстетическим», а «литература» – с «вымыслом» (*fiction*). Я хочу поставить под вопрос необходимость этих двух типов отождествления.

Если за Холокостом признается онтологический статус, который запрещал бы его образную репрезентацию, и единственное, что мы можем делать – это благоговеть и чтить память жертв, то очевидно, что любую художественную или литературную трактовку Холокоста следует считать своего рода богохульством. Такое отношение заведомо исключило бы любую историографическую трактовку Холокоста в той мере, в какой она могла бы использовать эстетические или фикциональные стратегии в составе ее демонстрации (*presentation*). Но, по крайней мере на мой взгляд, именно это и делает нарративная

ХЕЙДЕН УАЙТ

ПРАВДА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.
ЧТО (ВСЕ-ТАКИ) ПОДОБАЕТ
ГОВОРИТЬ О ХОЛОКОСТЕ?

трактовка Холокоста или отдельных его эпизодов. Именно по этой причине философ (и мой дорогой друг) Берел Ланг рекомендует отказаться от любых попыток нарративизировать Холокост и вместо этого предлагает остановиться на хронике – простом перечислении фактов в порядке их происхождения, установленном путем буквального прочтения документальных источников.

Берел Ланг совершенно прав, когда рассматривает нарративы и нарративизацию, или, проще говоря, рассказывание историй, не как достоверное отображение реального хода событий, а скорее как «опасное дополнение» к их строго правдивому описанию². Для него изложение событий Холокоста в форме рассказа – это еще один пример фигурации, которая жертвует буквальным описанием событий в угоду эстетической прихоти или игре. Эстетическая трактовка Холокоста, по его мнению, подчиняет правду факта эгоистичному стремлению художника продемонстрировать свою искусность и двусмысленному воздействию риторической и поэтической фигурации. Здесь Берел Ланг занимает сторону Карло Гинзбурга с его попытками защитить правду историка от разъедающего воздействия скептицизма и релятивизма. Гинзбург выступает против релятивизма, поскольку тот отвергает возможность существования одного-единственного верного взгляда на мир, и против скептицизма, поскольку тот, по его мнению, исключает возможность существования истины как таковой. Плюрализм и скептицизм поощряют индифферентное отношение к истине и такое отношение к ценностям, которое можно обобщить фразой «всякая точка зрения имеет право на существование»³. Ланг выступает против эстетизации и фикционализации событий, обладающих таким моральным весом и онтологическим содержанием, как Холокост.

В своем докладе на конференции «“Окончательное решение” и границы репрезентации», организованной Саулом Фридлендером и Вульфом Канштайнером в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе в 1990 году, я стоял на том, что проблема репрезентации Холокоста не должна осмысляться в традици-

2 Берел Ланг – главный сторонник идеи, что Холокост является «буквальным событием», то есть событием, о котором не следует говорить ничего, кроме чистой правды. По мнению Ланга, Холокост – это событие, которое по своей природе исключает любую декоративную, поэтическую, риторическую и «художественную» обработку, кроме почтительного безмолвия. С философским тактом и этической пронизательностью он развивает, уточняет и совершенствует свою идею в целом ряде работ: LANG B. *The Representation of Limits* // FRIEDLANDER S. (Ed.). *Probing the Limits of Representation: Nazism and the «Final Solution»*. Cambridge: Harvard University Press, 1992; IDEM. *Holocaust Representation*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2000; IDEM. *Philosophical Witnessing: The Holocaust as Presence*. Lebanon: Brandeis University Press, 2009; см. также: WOLLASTON E. «What Can – and Cannot – Be Said»: *Religious Language after the Holocaust* // *Journal of Literature and Theology*. 1992. Vol. 6. № 1. P. 47–57; BRATTERMAN Z. *Against Holocaust-Sublime* // *History and Memory*. 2000. Vol. 2. № 2. P. 7–28.

3 GINZBURG C. *Just One Witness* // FRIEDLANDER S. (Ed.). *Op. cit.* P. 82–96.

онных (относящихся к XIX веку) категориях – таких, как реализм, история, репрезентация, эстетика, вымысел, идеология, дискурс, повествование и миметическая концепция описания. Само явление Холокоста сделало очевидным, что новая реальность, заявившая о себе во Второй мировой войне, в сочетании с модернистским взглядом на природу дискурса, репрезентации, истории и самого искусства поставила под сомнение довоенные представления о них – если не продемонстрировала их полную несостоятельность.

Я не собираюсь пересказывать соображения, изложенные мной тогда. Вместо этого, я попытаюсь разобраться с тем, как представлять (*to present*) Холокост в качестве исторического феномена – «новый», если не сказать «аномальный», характер которого в истории современной Европы я охотно признаю, – принимая во внимание все последствия вопроса «Правда ли это?», заданного применительно ко всякой репрезентации Холокоста в историографии, литературе, кино, фотографии, философии, социальной науке и так далее.

Проблема репрезентации Холокоста не должна осмысляться в относящихся к XIX веку категориях – таких, как реализм, история, репрезентация, эстетика, вымысел, идеология, дискурс, повествование и миметическая концепция описания.)

Это касается и таких откровенно художественных версий свидетельств жертв, как мемуары Примо Леви «Человек ли это?» («*Se questo é un uomo*»), комикс Арта Шпигельмана «Маус» и фильмы «Ночной портье» («*Il portiere di notte*») Лилианы Кавани, «Список Шиндлера» Стивена Спилберга и «Жизнь прекрасна» («*La vita è bella*») Роберто Бенини. Хотя очевидно, что все эти художественные произведения говорят о реальном историческом событии – Холокосте, – многие историки не только рассматривают их как «неисторические», но и полагают, что они фикционализируют и эстетизируют событие, которое по своей природе обладает моральным правом на строго правдивое изложение⁴.

И именно здесь я хочу поставить под сомнение допустимость, уместность, тактичность и адекватность вопроса «Правда ли это?» в отношении *всех* дискурсов, отсылающих к реальным историческим событиям в ходе их разработки. Мой ответ

⁴ Недавно я познакомился с молодым историком, который рассказывал студентам о книге Леви «Человек ли это?» в рамках курса о Холокосте. Он поведал мне, что его все время беспокоил вопрос, какая часть текста «выдуманна», а какая несет в себе фактическую информацию.

ХЕЙДЕН УАЙТ

ПРАВДА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.
ЧТО (ВСЕ-ТАКИ) ПОДОБАЕТ
ГОВОРИТЬ О ХОЛОКОСТЕ?

будет примерно следующим: да, всегда уместно задавать вопрос «Правда ли это?» в отношении любого описания прошлого, заявляющего о себе как об *историческом* описании. Однако я считаю, что вопрос «Правда ли это?» вторичен для дискурсов, отсылающих к реальному миру (прошлого или настоящего), но недеklarативных по своему модусу. Это прежде всего касается художественных (словесных, музыкальных и визуальных) репрезентаций реального мира (прошлого или настоящего), которые в своем современном виде, как правило, избирают модусы, отличные от простой декларации – например, вопросительный, повелительный и сослагательный⁵.

Поставленный мной вопрос – «В каких случаях спрашивать “Правда ли это?” не имеет смысла?» – часто обсуждается как проблема моральности говорения правды. Например, в каких случаях правильнее или предпочтительнее соврать, или, иными словами, могут ли обстоятельства сложиться таким образом, что будет «лучше» соврать, чем сказать правду? Этот вопрос меня не интересует. Меня интересует, следует ли отказаться от вопроса «Правда это или ложь?» по отношению к определенному виду дискурса, парадигмой которого является свидетельская литература и примером которого могут служить модернистские литературные произведения о Холокосте⁶. Этот вопрос интересует меня по причине убежденности некоторых историков в том, что история и все утверждения об истории или прошлом должны «говорить правду». Более того, принцип историографических утверждений заключается в том, что они не должны «лгать», «искажать», а также отрицать, упускать, отвергать и дезавуировать те «факты», которые были выявлены в «реальности» прошлого. Все это довольно плохо, согласно моральной эпистемологии, лежащей в основании значительной части современных размышлений об историческом письме – но намного, намного хуже фикционализировать историю, преподнося «вымышленные» вещи как «факты», превращая «факты» в вымысел или смешивая факты и вымысел, подобно таким низ-

5 PRESNER T. *Subjunctive History: The Use of Counterfactuals in the Writing of Disaster* // *Storiografia: Rivista annuale di storia*. 2000. № 4. P. 23–38.

6 Безусловно, существует множество работ, авторы которых говорят о том, что художественная или поэтическая обработка Холокоста неизбежно «эстетизирует» его, как будто «эстетизировать» значит приукрашивать событие или представлять его как нечто желаемое. Аналогичным образом некоторые теоретики считают, что «литературная» обработка Холокоста неизбежно фикционализировать его, как будто литературное письмо сводится исключительно к письму фикциональному. Проблема заключается в самих понятиях «эстетический» и «литературный». Я полагаю, что эстетика имеет дело с эффектом чувственного восприятия объекта, сцены или события и познавательным значением такого эффекта. Когда я называю что-либо «литературным», то имею в виду использование определенных приемов, техник и символизаций для надления значением реально существующих или вымышленных вещей. Другой взгляд на дискуссию о том, «что надлежит показывать об Освенциме» см. в: ALPHEN E. VAN. *Caught by Images: On the Role of Visual Imprints in Holocaust Testimonies* // *Journal of Visual Culture*. 2000. Vol. I. № 2. P. 205–222; DIDI-HUBERMAN G. *Images in Spite of All: Four Photographs from Auschwitz*. Chicago: University of Chicago Press, 2008.

ким жанрам, как исторический роман, историческое кино или так называемая «докудрама» (предполагается, что она представляет собой «драматизацию» некоей исторической реальности). Такого рода преступление, грех или проступок сродни возмутительной «мифологизации» реальности или «метаисторическому» подходу к исторической действительности в духе Гегеля, Маркса, Ницше, Шпенглера, Тойнби и других.

Я считаю, что «дискурс» Холокоста включает в себя не только упомянутые мной вопросы, но также истории или исторические трактовки Холокоста, поскольку они, пытаясь отвечать на сугубо «фактические» вопросы, затрагивают также вопросы теории: начиная с того момента, когда историк задается вопросом «Что это?», и заканчивая тем моментом, когда в уже опубликованной книге или статье мы встречаем утверждение «произошло такое-то событие». *Теоретический* вопрос «Что я вижу перед собой?» относится к тому же дискурсу, что и ответ, представленный в виде набора фактов, которые складываются в утверждение «То, что вы видите перед собой, – это Холокост, геноцид, истребление и другие подобные преступления». И, поскольку теоретический вопрос «Что это?» относится к тому же дискурсу, что и ответ «это X», мы не можем с полным основанием (то есть без тавтологии в логике) указать на ту или иную историю Холокоста, написанную тем или иным историком, как на *пример* «подобающего» изложения событий.

Что значит *подобающее*? – это одновременно вопрос фактический (как оно выглядит, каковы его атрибуты или что оно сделало?) и вопрос нравственный (какова его «природа», «сущность», «суть», применительно к которой мы можем говорить о «правильности» вещи, то есть о ее «самотождественности» своему ходу, динамике, желанию, суждению, действию и так далее). *Аутентичность* (обстоятельства, при которых вещь всегда *кажется* тем, чем она является, или всегда *является* тем, чем она кажется) можно также определить как совершение правильных действий в правильное время в правильном месте с правильными задачами, предметом и целью, с использованием правильных средств для совершения именно этого действия и никакого иного. Трудность жить в соответствии с этим идеалом аутентичности обнаруживается в ситуациях, когда речь идет о «природе» вещи, которая оценивается с точки зрения ее аутентичности или тождественности самой себе.

Таким образом, если в подтверждение определенного представления о том, чем является Холокост, чем он мог бы или должен считаться, я привожу конкретную репрезентацию Холокоста как пример того, что нужно понимать под аутентичной и правильной его демонстрацией (*presentation*), мое суждение об этом должно восприниматься как асерторическое, катего-

ХЕЙДЕН УАЙТ

ПРАВДА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.
ЧТО (ВСЕ-ТАКИ) ПОДОБАЕТ
ГОВОРИТЬ О ХОЛОКОСТЕ?

ХЕЙДЕН УАЙТ

ПРАВДА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.
ЧТО (ВСЕ-ТАКИ) ПОДОБАЕТ
ГОВОРИТЬ О ХОЛОКОСТЕ?

рическое или проблематическое, то есть как суждение в модусе гипотезы, императива или вопроса. Если это *ассерторическое* суждение, тогда пример может использоваться в качестве модели, которая производит гипотезы, требующие проверки в виде расспроса. Если это *категорическое* суждение, тогда пример необходимо рассматривать как парадигму или исходный образец, который определяет не только вопросы, которые следует обращать к предмету изучения, но также и моральную позицию, подобающую для данного исследования. Наконец, *проблематический* пример представляет собой апорию, то есть затруднение при решении, считать ли данный пример категорическим или ассерторическим. Здесь я следую за размышлениями Канта в его «Основоположениях метафизики нравов»⁷.

Кант считал, что в случае с этическими вопросами мы не можем законно пользоваться примером, чтобы предложить искомый принцип, с помощью которого можно «подобающим образом» направлять исследование, поскольку этот принцип нужно искать в операциях разума, очищенного как от нравственных, так и от эстетических «интересов». Но, если вопрос в том, что считать подобающим – а это вопрос нравственный, – чистый (или научный) разум не может предложить нам принцип для определения «того, что подобает». Если я говорю о том, что *следовало бы* делать при создании репрезентации такого события, как Холокост, относясь с должным вниманием к его истинной «природе», и при этом рекомендую один способ рассмотрения данного феномена, отдавая ему предпочтение перед другим, мое утверждение стоит воспринимать как своего рода рекомендацию или императив. Например: «Попробуйте воспользоваться данным способом изложения истории Холокоста (например подходом Кристофера Браунинга, а не Дэниэла Голдхагена)» или же: «Пишите историю Холокоста только так и никак иначе!».

Ни в одном из этих случаев вопрос «Правда ли это?» не будет правильной реакцией на высказывания вроде «Попробуйте это!» или «Сделайте это!». Правда ли, что я должен попробовать написать свою историю Холокоста, используя модель X? Или же: правда ли, что я должен не только писать историю Холокоста определенным образом, но также излагать ее в определенном модусе (под этим я подразумеваю особую почтительность, благоговение и внимание по отношению к предмету исследования)? Ведь вопрос «Правда ли, что я должен сделать [именно это]?» является деонтологическим, то есть это вопрос об обязательстве, и правильной реакцией на него будут встречные вопросы: «Кто так говорит?» или «Кому или чему я обязан делать [именно это]?» И если ответ на этот вопрос –

7 КАНТ И. *Основоположения метафизики нравов* // Он же. *Собрание сочинений: В 8 т.* М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 184–191.

«Вы должны поступать так в силу самой природы события, историю которого вы пишете», – то, как видите, мы возвращаемся к изначальному вопросу: какова природа события под названием Холокост?

Затруднение, в котором увяз дискурс о Холокосте, в том, что мы можем говорить правду о чем бы то ни было в различных модальностях, не только отвечая на простые декларативные предложения, – именно такой способ обычно рассматривается философами как модель утверждений, претендующих на истинность. Конечно, на высказывание вроде: «Дело обстоит так (или – это правда), что снег белый и что кошка сидит на коврике» – можно отреагировать вопросом «Правда ли это?». Но на высказывания в форме вопроса («Где кошка?»), пожелания («Вот бы у меня была кошка») и даже императива («Найди кошку!») нельзя отреагировать вопросом «Правда ли это?».

Конечно, все это элементарно. Но, применяя идею модальности не только к предложениям, но к целым дискурсам, мы сможем допустить, что романы, пьесы, истории и, возможно (кто знает?), даже философские дискурсы могут быть изложены в различных модусах, лишаящих даже фактические утверждения их декларативной силы. Ограничиваясь интересующей меня областью и гипотезой, что существует больше одного модуса, позволяющего «говорить правду о прошлом», я хочу сказать, что исторический роман и беллетризованная история – это примеры недеklarативных дискурсов. Их истина может заключаться не столько в том, что они *утверждают* (*assert*) в модусе сообщения фактической истины, сколько в том, что они *означают* (*connote*) в других наклонениях и залогах, известных грамматике: иными словами, в вопросительной, конативной или коактивной и сослагательной *модальности* и в действительном, страдательном и среднем (*voice of transumption*) *залоге*. Таким образом, например, вопрос «Правда ли это?» имеет меньше смысла применительно к стихотворению, роману или истории в модальности вопроса или пожелания, чем применительно к высказыванию в модальности приказа. «Правильной» реакцией на приказ может быть «Да, сэр» или «Нет, сэр», но при этом (если речь не идет о приказе, отданном в рамках армейской иерархии или отношений раб-господин) не будет неуместным высказывание в сослагательном наклонении: «Я предпочел бы отказаться» – как в случае рассказа «Писец Бартлби» Германа Мелвилла.

Подобные рассуждения перемещают нас в область теории речевых актов, где правильность реакции на высказывание «зависит от контекста» и соответствия «условиям успешности» (то есть правильности). В случае исследований прошлого существует ряд различных способов обращения, наблюдения,

ХЕЙДЕН УАЙТ

ПРАВДА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.
ЧТО (ВСЕ-ТАКИ) ПОДОБАЕТ
ГОВОРИТЬ О ХОЛОКОСТЕ?

приветствия или иного инвестирования в прошлое. Например, можно рассматривать прошлое как место, из которого происходит кто-то или какая-то группа. Или (что совсем другое дело) можно считать прошлое местом появления кого-то. Опять же, можно воспринимать прошлое как то, что произошло или было сделано до нас. В свою очередь такое чувство прошлого можно счесть достоянием или бременем, от которого необходимо избавиться, но в обоих случаях это присутствие (*presence*), *повидимому, являющее собой* (аподиктически) загадку (головоломку, которую нужно разгадать, как в романе Томаса Пинчона «Выкрикивается лот 49») или аномалию (настоящую проблему, которая может оказаться неразрешимой, как в романе Тони Моррисон «Возлюбленная»).

Я хотел бы напомнить, что теория речевых актов, согласно ее создателю Джону Лэнгшо Остину, преследовала цель покончить («сыграть Старого Гарри») с двумя фетишами: «фетишем истинности/ложности» и «фетишем факта/оценки»⁸. Как отмечает Остин, ключевые для теории речевых актов примеры содержатся в классе речевых актов, которые он называет «бехабитивы» и которые включают в себя такие действия, как «извинение», «поздравление», «похвала», «выражение соболезнования», «проклятие» и «вызов»⁹.

Согласно Остину, бехабитивы – один из пяти классов речевых актов. К четырем оставшимся классам речевых актов относятся: вердиктивы (вынесение вердикта, оценка), экзерситивы (назначение, голосование, приказ), комиссивы (обещание, объявление о намерении, поддержка) и экспозитивы (аргументы в дискуссиях и беседах, иллюстрации, примеры). Остин отмечает, что последние два класса речевых актов – экспозитивы и бехабитивы – «доставляют [...] наибольшее количество неприятностей».

«Бехабитивы беспокоят [...] тем, что они слишком неоднородны, экспозитивы – тем, что они невероятно многочисленны и важны, а также тем, что их легко перепутать с другими классами, хотя, безусловно, они обладают определенной уникальностью, хотя, в чем она заключается, даже я не могу дать себе отчета. Можно было бы вполне показать, что все эти аспекты представлены во всех выделенных мной классах»¹⁰.

Иными словами, согласно самому Остину, в попытке определить сущность речевых актов он сталкивается с трудностями. Его дискурс – экспозитивный, но он оставляет открытым эти-

8 Остин Дж. *Как совершать действия при помощи слов* // Он же. *Избранное*. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 125.

9 Там же. С. 126.

10 Там же.

ческий (или бегахбитивный) вопрос: что мне следует делать, принимая во внимание данное описание феномена под названием речевые акты?

Итак, допустим, что меня как историка интересует история современной Германии; история еврейских сообществ в современной Европе; «места» «Окончательного решения еврейского вопроса», Холокоста, геноцида, истребления и так далее в этих историях; значение этого события для понимания того, что на самом деле произошло в то время и в том месте, которые относятся к этим историям. И поскольку я знаю об «особой», «экстремальной» и «исключительной» природе этого события – о том, что оно смущает не только европейцев, но и уязвляет самолюбие (*amour propre*) многих других групп и что оно несет угрозу их чувству индивидуальной и групповой идентичности, – можно предположить, что я так же знаю, что это событие имеет не только фактуалистическое (как, где и когда оно произошло), но также этическое значение, поскольку оно представляет собой нарушение фундаментального принципа человеческой цивилизации: ты не должен относиться к другому человеку, как если бы он был не вполне человеком, что также является правилом современного гуманистического историологического исследования; ты должен относиться ко всякому человеку в истории как к причастному *человечности* (*humanitas*), которую разделяют все люди. С учетом этих допущений возникает вопрос: говорят ли те сведения, которые мы получаем при изучении этого события, не только о том, *что* и *как* произошло, но также, что более важно, о том, какие условия сделали это событие возможным? То есть, если верить Аристотелю (а кто мы такие, чтобы ему не верить?), из области философии и истории мы переходим в область *poiesis*: «поэзии», или литературного искусства, понимаемого как вид познания, который направлен на возможное, а не на действительное (это область истории, как ее понимал Аристотель) или всеобщее (это область философии, как ее понимал Аристотель). Более того, на этой стадии рассуждения я собираюсь предположить, что теорию речевых актов Остина (который был достаточно практичным человеком, чтобы участвовать в планировании высадки в Нормандии) можно рассматривать как теорию поэтической функции языка (отличной от референтивной, экспрессивной, конативной, фактической и метаязыковой функций). Ведь что есть поэтическое высказывание, как не совершение действия при помощи определенного модуля, манеры или стиля?¹¹

ХЕЙДЕН УАЙТ

ПРАВДА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.
ЧТО (ВСЕ-ТАКИ) ПОДОБАЕТ
ГОВОРИТЬ О ХОЛОКОСТЕ?

11 Якобсон Р. *Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Сборник статей /* Под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 197–203 (в русском переводе статья была опубликована с сокращениями, см. оригинал: ЯКОБСОН R. *Closing Statement: Linguistics and Poetics //* СЕВЕКО Т. (Ed.). *Style in Language*. New York: Wiley, 1960. P. 353–357. – *Примеч. перев.*.)

ХЕЙДЕН УАЙТ

ПРАВДА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.
ЧТО (ВСЕ-ТАКИ) ПОДОБАЕТ
ГОВОРИТЬ О ХОЛОКОСТЕ?

Теперь давайте вспомним, что Остин рассматривает речевой акт как «иллокутивный»: то есть человек, произнося ту или иную фразу, не только что-то говорит, но и делает; он либо меняет отношение автора высказывания к миру, либо отношение одной части мира к другой, либо отношение мира к самому автору высказывания. И, если это так – а многие из комментаторов Остина согласны с этим, – значит, мы можем рассматривать дискурсы, одним из которых является «историография», в качестве речевых актов. Эти речевые акты, сообщая что-то о мире, стремятся изменить либо сам мир, либо что-то отношение к миру, либо отношения между различными вещами в этом мире. Иными словами, при помощи теории речевых актов Остина мы можем представить дискурс или такую совокупность дискурсов, как «историография», в виде праксиса, то есть как действие, которое стремится изменить мир или повлиять на него тем самым *способом*, при помощи которого оно о нем говорит. (Я думаю, что на этом принципе основывается идея, что суд вправе признать отрицание Холокоста преступлением и в качестве наказания назначить штраф, тюремное заключение или любую другую меру пресечения. Человек, отрицающий Холокост, не только что-то сказал, он также что-то *сделал* своими словами; то есть своими словами он изменил или попытался изменить отношения в реальном мире так же, как если бы он использовал проклятье или магическое заклинание. Вот почему историки, выступавшие против криминализации отрицания Холокоста, были правы, когда указали на одну упущенную судьями деталь – а именно, что если отрицание факта, установленного историками, является преступлением, то стирается различие между невинной ошибкой и злым умыслом. Если кто-то отрицает Холокост, то уместнее спросить не «Правда ли это?», а скорее «Что побуждает его отрицать это событие?».)

Если отрицание факта, установленного историками, является преступлением, то стирается различие между невинной ошибкой и злым умыслом.

Примером текста, который явно рассказывает о реальных событиях, и конкретно – о мире Освенцима, но применительно к которому было бы бестактно задавать вопрос «Правда ли это (с исторической точки зрения)?», могут служить мемуары Примо Леви. В них рассказывается о последних месяцах Второй мировой войны, проведенных Леви в Освенциме. Книга «Человек ли это?»¹² содержит множество декларативных вы-

¹² Леви П. *Человек ли это?* М.: Текст, 2001. С. 11.

сказываний, которые предполагают, что их нужно воспринимать как истинные в буквальном смысле слова (то есть как референциально истинные и семантически значимые). Но название мемуаров Леви взято из стихотворения, которое служит эпиграфом ко всей работе и паратекстуальной парадигмой ее предполагаемого смысла-эффекта (*meaning-effect*). Стихотворение называется «Шма» (еврейская декларация веры в Израиль), и начинается оно с обращения, но не к читателю, а к анонимному «вы»:

Вы, что живете спокойно
В теплых своих жилищах,
Вы, кого дома по вечерам
Ждет горячий ужин и милые лица,

Подумайте, мужчина ли это –
Тот, кто не знает покоя,
Кто работает по колено в грязи,
Кто борется за хлебные крохи,
Кто умирает по слову «да» или «нет»?

Подумайте, женщина ли это –
Без волос и без имени,
Без сил на воспоминанья,
С пустыми глазами, с холодным лоном,
Точно у зимней лягушки?

Представьте, что все это было:
Заповедую вам эти строки.
Запечатлейте их в сердце,
Твердите их дома, на улице,
Спать ложась, просыпаясь.
Повторяйте их вашим детям.

А не то пусть рухнут ваши дома,
Пусть болезнь одолеет,
Пусть отвернутся от вас ваши чада¹³.

Voi che vivete sicuri
Nelle vostre tiepide case,
Voi che trovate tornando a sera
Il cibo caldo e visi amici:
Considerate se questo é un uomo
Che lavora nel fango
Che non conosce pace
Che lotta per mezzo pane
Che muore per un si o no?
Considerate se questo é una donna

ХЕЙДЕН УАЙТ

ПРАВДА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.
ЧТО (ВСЕ-ТАКИ) ПОДОБАЕТ
ГОВОРИТЬ О ХОЛОКОСТЕ?

13 Рус. перев. Евгения Солоновича с небольшим изменением дан по: Там же. С. 11. – *Примеч. науч. ред.*

ХЕЙДЕН УАЙТ

ПРАВДА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.
ЧТО (ВСЕ-ТАКИ) ПОДОБАЕТ
ГОВОРИТЬ О ХОЛОКОСТЕ?

Senza capelli e senza nome
Senza piú forza di ricordare
Vuoti gli occhi e freddo il grembo
Come un rana d'inverno
Meditate che questo é stato:
Vi comando queste parole.
Scolpitele nel vostro cuore
Stando in casa andando per via.
Coricandovi alzandovi;
Ripetele ai vostri fi gli.
O vi sfaccia la casa,
La malattia vi impedisca,
I vostri nati torcano il visi da voi.

Хотя использование стихотворения или молитвы в качестве эпитафии к мемуарам не является чем-то необычным, оно призывает читателя задуматься над смыслом жизни в Освенциме, ибо рассказывает нам о способности человека унижать себе подобных. «Подумайте», предлагает вторая строфа стихотворения, не сделало ли унижение, которому подвергались *Häftlinge* (заключенные) лагерей, их меньше, чем «мужчины» и «женщины». Само предложение «подумать» никак не комментируется в стихотворении, но в двух первых строках следующей строфы читателю говорят: «Представьте [*meditate*], что все это было: / Заповедую вам [*commando*] эти строки»¹⁴. Затем следует проклятие в адрес тех, кто не «запечатлеет их в (своем) сердце», ложась спать и просыпаясь, дома или на улице и не «повторит их [своим] детям».

А не то пусть рухнут ваши дома,
Пусть болезнь одолеет¹⁵,
Пусть отвернутся от вас ваши чада.

Стоит отметить, что это не тот эпитафия, который ожидаешь увидеть в начале «исторического» описания жизни или воспоминаний о каком-то ее эпизоде. Угроза проклятием – это не тот речевой акт, который обычно используется в качестве эпитафии. Такой эпитафия указывает на то, что последующее повество-

14 Переводчики стихотворения Рут Фельдман и Брайан Суонн перевели итальянское слово *meditate* на английский как *consider* («представьте» в рус. перев. Евгения Солоновича. – *Примеч. перев.*). Я решил оставить *meditate*, так этот глагол имеет значение «размышлять о чем-то». *Consideration* – это особый способ соединения образов и мыслей, как в монтаже или коллаже. *Meditation* может последовать за *consideration*. Итак, я могу объяснить, почему строка, в которой читателю велит «представить [*meditate*], что все это было», оканчивается двоеточием, а за ней следует фраза «заповедую вам эти строки». Императив *meditate*, переведенный Фельдман и Суонном как *consider*, действительно предполагает *commando*, («заповедую» в рус. перев. Солоновича. – *Примеч. перев.*), которое ближе к английскому *obey*, а не *commend*. Это анафорическое повторение строки «Considerate se...», но здесь то, что «могло быть», теперь произошло.

15 Фельдман и Суонн переводят «La malattia vi impedisca» как «Disease render you powerless» («Пусть болезнь одолеет» в рус. перев. Солоновича. – *Примеч. перев.*).

вание будет чем угодно, но только не хладнокровным и объективным изложением фактов или документальной хроникой.

Тем не менее, как я попытался продемонстрировать это в своем прочтении «Человек ли это?» в журнале «Parallax», особая *литературность* текста Леви, его скорее поэтическая, нежели документальная, природа освобождает его от тех вопросов, которые могли бы быть заданы в зале суда¹⁶. Это не означает, что он «вымышленный», и, конечно же, не означает, что он «эстетический». Это лишь означает, что он использует литературные приемы (например обращается к традиционным литературным или мифологическим сюжетным структурам – в частности, к нисхождению в ад у Данте), фигуры и принципы лингвистической связи и психологической ассоциации скорее тропологические, чем логические, по своей сути.

Леви использует тропы (катахрезу, метонимию, иронию, синекдоху и так далее) и фигуры (превращая людей в «характеры» и «типы», которые мы находим в мифах, легендах и романах), чтобы описать реальную ситуацию, где ежедневно приходится делать выбор и принимать решения о жизни и смерти. Во многих отношениях текст Леви соответствует жанровым принципам исповеди, ведь он, как и другие выжившие, ищет оправдания.

Но, конечно, дело не только в искуплении грехов самого Леви. Его текст – это описание того, на что похожа жизнь и смерть в концентрационном лагере Освенцим. Это не воображаемый мир, однако едва ли можно описать его, не используя поэтических средств. Я неоднократно отмечал, что Леви не сообщает никакой фактической информации, которую нельзя было бы отыскать в справочнике. Вместо того, чтобы рассказывать нам о том, «что произошло», он рассказывает о том, «как это можно почувствовать», насколько унижительно это – «выживать в Освенциме».

Находимся ли мы тогда в области вымысла?

Едва ли.

В предисловии к итальянскому изданию «Человек ли это?» Леви обсуждает проблему жанровой принадлежности книги. Он пишет: «Я знаю о недостатках в построении книги и прошу извинить меня за них». Но затем он добавляет: «Если не фактически, то как идея она родилась в дни лагеря». Необходимость «рассказать “остальным”, сделать “остальных” участниками» приняла среди выживших «характер настолько неотложной и настойчивой потребности, что вступила в соперничество со всеми иными потребностями; при этом главным стимулом к написанию книги стала попытка внутреннего ос-

ХЕЙДЕН УАЙТ

ПРАВДА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.
ЧТО (ВСЕ-ТАКИ) ПОДОБАЕТ
ГОВОРИТЬ О ХОЛОКОСТЕ?

16 WHITE H. *Figural Realism in Witness Literature* // Parallax. 2004. Vol. 10. № 1. P. 113–124.

вобождения»¹⁷. «Отсюда, – добавляет он, – ее фрагментарный характер: отдельные главы писались не в логической последовательности, но в зависимости от того, о чем не терпелось рассказать в первую очередь». Повторная переработка материала, его распределение и соединение в главы были сделаны позже. Таким образом, Леви, чтобы снискать расположение читателей (*captatio benevolentiae*), публикует книгу без прикрас, со всеми ее недостатками, как мы и сказали. Но тут не обходится без лукавого предупреждения в адрес историков: «*Mi pare superfluo aggiungere che nessuno dei fatti e inventato*»¹⁸.

То есть Леви будто бы увидел книгу во сне и затем приступил к работе над ней, размышляя о том, что ему приснилось. Что это говорит о фактическом содержании книги? Леви дает лаконичный и неоднозначный ответ: «Мне представляется излишним добавлять, что ни один из фактов не является вымышленным»¹⁹.

Не могу не отметить, что последнее предложение может быть прочитано двояко: либо «ни один из фактов не является вымышленным» (в этом случае сохраняется вероятность, что другие вещи – не факты – могут быть вымышлены), либо «ни один из фактов не является вымышленным» (в этом случае нам попросту сообщают то, что мы ожидаем услышать, – то есть, что факты установлены или приведены, а не «выдуманы»). В любом случае в этом предложении Леви предупреждает нас, что его повествование – это нечто большее, чем факты, или вымысел, или вообще что-то третье. И почему бы нет? Описывая условия жизни в лагере, он отмечает, что различие между фактом и вымыслом становилось там столь же расплывчатым, как и различие между добром и злом. Все существовало в «серой зоне», которую Леви опишет в своей более поздней работе «Канувшие и спасенные». Его идея, как мне кажется, заключается в том, что в реалиях лагеря найти смысл происходящего так же сложно, как и найти смысл любой жизни в «истории».

Итак, представляет ли опыт жертв Холокоста и тех, кому удалось пережить его, новый вид опыта, доселе неизвестный «истории»? И если да, то что можно сказать об этом опыте, что не нарушило и никоим образом не умалило бы этого ощущения исключительности? Мое предположение заключалось в том, что на основании любого строго фактического описания мы не можем установить, был ли Холокост новым событием, событием нового типа или просто событием старого типа, принявшим

17 Леви П. Указ. соч. С. 9–10.

18 LEVI P. *Se questo é un uomo* // Идем. *Opere*. Roma: La Biblioteca di Repubblica-Espresso, 2009. P. 5. (В оригинальном тексте Уайт сначала цитирует эту фразу Леви по-итальянски и только в следующем абзаце – в английском переводе. – Примеч. ред.)

19 Леви П. Указ. соч. С. 10.

другой облик. Если это событие нового типа, событие, свойственное нашей современности, то этим объясняется наше беспокойство перед традиционными историографическими его трактовками. Выше я предположил, что прямолинейный декларативный модус, которому отдают предпочтение традиционные историки, не применим к огромному массиву свидетельской литературы по той причине, что историк должен интересоваться вопросом «Правда ли это?». Далее я предположил, что свидетели таких экстремальных событий, какими изобилует прошлый (и наш собственный) век, вполне могут писать или говорить о них в других экспрессивных модусах – таких, как вопросительная, повелительная или сослагательная модальность. Я готов пойти дальше и предположить, что, когда речь идет о художественной версии таких свидетельств, как книга «Человек ли это?» Примо Леви, вопрос о достоверности изложенных в них фактов имеет гораздо меньшее значение. Это скорее вопрос модальности, а не мимесиса.

*Перевод с английского Константина Митрошенкова и
Армена Арамяна под научной редакцией Андрея Олейникова*

ХЕЙДЕН УАЙТ

ПРАВДА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.
ЧТО (ВСЕ-ТАКИ) ПОДОБАЕТ
ГОВОРИТЬ О ХОЛОКОСТЕ?

Практическое прошлое, историческая истина и суд истории

Беседа Игоря Кобылина с Андреем Олейниковым,
Михаилом Велижевым и Ильей Будрайтским

Игорь Игоревич Кобылин
(р. 1973) – редактор
журнала «Неприкосно-
венный запас».

Игорь Кобылин: Дорогие коллеги, прежде всего позвольте поблагодарить вас за то, что согласились принять участие в этом разговоре. Я думаю, что сегодня тему «практического прошлого» сложно переоценить и в теоретическом, и в практическом плане. Тем более, что у нас есть и формальный повод: в этом номере «НЗ» в качестве препринта мы публикуем главу «Правда и обстоятельства» из книги Хейдена Уайта, которая увидела свет в 2014 году и которая так и называется – «The Practical Past» – «Практическое прошлое». Целиком книга скоро выйдет в издательстве «Новое литературное обозрение».

А совсем недавно НЛЮ выпустило еще одну знаменитую книгу, представляющую собой своего рода «практическое вмешательство» историка в судебное разбирательство. Я имею в виду работу «Судья и историк» Карло Гинзбурга, которая теперь есть и по-русски в прекрасном переводе Михаила Велижева¹. Эта книга, напомню, посвящена процессу над Адриано Соффри, бывшим лидером леворадикального формирования «Lotta Continua», которого – спустя почти двадцать лет после убийства комиссара полиции Луиджи Калабрезе – обвинили в подстрекательстве к этому преступлению. Гинзбург и Соффри дружили еще со студенческой юности, и «Судья и историк» – это убедительная попытка Гинзбурга, использовавшего арсенал своих профессиональных навыков историка-исследователя, показать абсолютную необоснованность обвинений в адрес друга.

Практическое измерение исторического исследования здесь очевидно. Как известно, Уайт и Гинзбург довольно жестко полемизировали друг с другом: выпады против Уайта есть в «Судье и историке», а критическое упоминание Гинзбурга читатель может найти в публикуемом здесь фрагменте из книги Уайта. Я надеюсь, что мы к этой полемике еще вернемся в ходе разговора – она явно сложнее, чем противостояние «позити-

1 См.: Гинзбург К. *Судья и историк. Размышления на полях процесса Соффри*. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

виста», старомодно ценящего факты (Гинзбург), и «постмодерниста», сводящего все к нарративам и релятивизирующего историческую истину (Уайт). Но, даже признавая расхождения в позициях этих двух историков (и теоретиков истории), важно увидеть общее для них обоих. И, по точному наблюдению Константина Митрошенкова – рецензента русского перевода «Судья и историка» и одного из переводчиков «Практического прошлого», – этим общим и будет «акцент на “практическом” измерении занятий историка, их связи с современностью»².

В связи с этим мой первый вопрос – о самом понятии «практического прошлого». Что именно для вас – практикующих(!) историков и теоретиков – означает «практиковать» историческое прошлое? Какие способы такой практики вообще существуют и какие риски (научные и/или политические) они предполагают? Андрей, я предлагаю вам начать – вы довольно давно занимаетесь этой уайтовской темой³ и, кроме того, редактировали перевод «Практического прошлого».

Андрей Олейников: Мне кажется, нам стоит сразу начать с различия, которое предлагает Уайт в той книге, чтобы мы могли разобраться, насколько оно нам понятно, согласны ли мы с ним в принципе или нет. Он разводит два вида прошлого: «историческое прошлое», существующее в текстах историка, которого никто никогда в реальности не переживал, поскольку это конструкт, создаваемый прежде всего с познавательными целями. Другой вид прошлого – это так называемое «практическое прошлое», с которым академические историки тоже имеют дело, но не в силу своих профессиональных обязанностей, а поскольку они живые люди. Этот вид прошлого не является их монополией, поскольку оно открыто любому человеку, так или иначе выстраивающему некоторую жизненную стратегию, планирующему какие-то важные решения на долгую перспективу. Это прошлое не обязательно индивидуальное, оно может быть также коллективным. Уайт заимствует это различие у Майкла Оукшотта, полагая, что оно может быть полезно для того, чтобы показать, что история не должна восприниматься исключительно как дело тех, кто изучает исторические документы. У прошлого есть также особое – а может быть, даже главное – предназначение, которое Цицерон называл «*magistra vitae*». Таким образом, вопрос для нас сегодня может стоять так: «Насколько мы согласны с этим различием Уайта?». Это различие возникло у него в связи с давним недовольством

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
И СУД ИСТОРИИ

Андрей Андреевич Олейников (р. 1968) – философ, специалист по теории истории, преподаватель Московской высшей школы социальных и экономических наук, старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС.

² Митрошенков К. *Историк против фейковых новостей*. О книге Карло Гинзбурга «Судья и историк» (<https://gorky.media/reviews/istorik-protiv-fejkovyh-novostej/>).

³ См.: Олейников А. *Стоит ли «практиковать» прошлое?* // Новое литературное обозрение. 2017. № 1(143). С. 354–361.

профессиональной историографией. Он считал, что с теми вызовами, с которыми человечество сталкивается начиная со второй половины XIX века, не говоря уже о XX веке, лучше справляется не история, а те жанры, которые предлагают какую-то беллетризованную картину прошлого. Уайт был уверен, что модернистский и постмодернистский романы позволяют нам обходиться с этим практическим прошлым гораздо лучше, чем профессиональная историография. История именно как профессия, по его словам, вообще «не может достойно участвовать в дискуссиях по главным политическим, этическим, идеологическим проблемам, беспокоящим общество». Именно в силу того, что историки озабочены прежде всего достоверностью информации, которую они реконструируют из источника, озабочены фактами, они стараются принципиально не вмешиваться в публичную политику. По этим причинам Уайт отказывал современной историографии в серьезной общественной роли. Прав он был или нет? Другой повод для того, чтобы мы могли задуматься об общественной роли современной историографии, дает недавний перевод книги «Судья и историк» Карло Гинзбурга, который сделал Михаил Велижев. В ней тоже ставится вопрос об общественной роли историка. Это две разные задачи или же все-таки одна? Уайт считает, что это две разные задачи: реконструировать прошлое с опорой на источники и выполнять наставническую, жизнестроительную функцию. А у Гинзбурга это две разные задачи или все-таки одна? Вот этот вопрос я предложил бы обсудить.

«Практическое прошлое» открыто любому человеку, так или иначе выстраивающему некоторую жизненную стратегию, планирующему какие-то важные решения на долгую перспективу. Это прошлое не обязательно индивидуальное, оно может быть также коллективным.

И.К.: Прежде, чем дать слово Михаилу и Илье, я хотел бы немного уточнить вопрос. То, что предлагает Уайт, похоже на некоторую вариацию кантианского различения между частным и публичным применением разума. Частное применение, по Канту (хотя для нас это контринтуитивно – мы привыкли к другому пониманию частного/публичного), это применение разума на службе или на каком-то гражданском посту. Здесь высказывающийся рассматривается как некая часть общественного механизма. Офицер не может критиковать приказ,

священник – сомневаться в законе Божьем и так далее. Но если они выступают как *свободные ученые*, обращаясь ко *всей* читающей публике, то они могут критиковать и сомневаться – и эти критика и сомнения как раз и будут публичным применением разума. Уайт, как кажется, распространяет это различие на само сообщество ученых: есть те историки, кто высказывается в рамках профессиональной корпорации и в основном для квалифицированных членов корпорации; а есть те, кто обращается не к профессионалам – в рамках частного применения разума, – а ко всей читающей публике, которая не столько озабочена гносеологическими проблемами доказательств, сколько пытается опереться на прошлое именно в практическом смысле. Михаил, как вам кажется, насколько это различие оправдано?

Михаил Велижев: Что касается позиции Уайта, то она представляется мне, с одной стороны, не вполне правильной, но, с другой стороны, очень полезной для историков. Я считаю, что профессиональные историки, к которым я отношу и себя, должны держать в уме очерченную Уайтом дихотомию. Это один из самых главных и интригующих интеллектуальных вызовов, стоящих перед современной историографией. Разумеется, существует бесконечное количество специалистов, которые занимаются относительно узкими сюжетами и в профессиональном смысле делают это очень хорошо, так что сомнений в их научной состоятельности и идентичности не возникает. Однако при создании больших историографических нарративов историку следует (вернее, было бы здорово, если бы он так делал) порой обращаться не только к профессиональному сообществу, но и к тем читателям, которые проблемами этого сообщества не обременены. Например, книга Андрея Леонидовича Зорина «Появление героя» посвящена не только конкретной исторической коллизии – истории Андрея Тургенева, – но и тому, как вообще мы можем интерпретировать любовь и рассуждать о ней применительно к прошлому. Исторический материал нередко побуждает нас задавать ему вопросы, похожие на те, что мы сегодня считаем для себя значимыми. Ответы, которые давали люди прошлого, отличаются от наших, но постановка научного вопроса в книге Зорина такова, что по ее прочтении мы не можем не задуматься о том, в каких терминах мы сами говорим о любви. Такого рода историография мне лично чрезвычайно интересна. Важно подчеркнуть, что историку, когда он делает высказывание, имеющее значение для современного контекста, не обязательно напрямую говорить о современности, он может повествовать о своих сюжетах, но его высказывание способно звучать актуально.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
И СУД ИСТОРИИ

Михаил Брониславович Велижев (р. 1980) – специалист по русской и европейской интеллектуальной истории Нового времени, профессор школы филологических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Историк может использовать те преимущества, которые дает ему его профессия. Историографические труды представляют интерес для публики, и это отнюдь не исключает того, что современный читатель любит романы и свое чувство принадлежности к истории измеряет другими критериями. Одно другому не противоречит, в идеале разные нарративные перспективы сложным образом коррелируют между собой. Я бы стремился уйти от конфликтности, о которой пишет Уайт. История и историография последних десятилетий показывают, что компромиссы существуют, и книга Гинзбурга о процессе Софрии в определенном смысле как раз и есть пример плодотворного вторжения историка в современность.

И.К.: Конечно, когда речь идет о любви, вопросов – во всяком случае поначалу – вроде бы не возникает. Но как только мы начинаем касаться политики (ну, или тех аффектов, которые легче политизируются, – страха, например), то тут же профессиональный историк оказывается настороже: практиковать прошлое в этом смысле означает инструментализировать его, делать его оружием в текущей политической борьбе – а значит, ставить объективную истину на службу текущим интересам. Илья, как вам видится эта ситуация – насколько оправданы подобные опасения?

Илья Будрайтскис: Спасибо огромное за приглашение поучаствовать в дискуссии – тем более, что я испытываю симпатию к обеим фигурам, которые являются ее объектами. Между ними в самом деле можно найти точки соприкосновения вопреки ожесточенным полемическим выпадам друг против друга. Я, к сожалению, еще не полностью прочитал книжку Уайта про практическое прошлое, но даже из внимательного чтения его главного труда «Метаистория» следует, что проблема для него выглядит глубже, чем противопоставление практической истории (которая стремится делать выводы) и нейтральной позитивистской истории (которая выводов не делает). Уайт пытается выявить в любой структуре исторического повествования некое скрытое, остаточное моральное высказывание, которое так или иначе зашито в саму природу исторического нарратива. Поэтому условно нейтральная позиция историка на самом деле тоже является неким скрытым моральным суждением. Однако остается вопрос, что же это за суждение и в столкновении с какими другими суждениями оно участвует? В «Метаистории» Уайт, как известно, выявляет несколько нарративных моделей, одна из которых определяется им как ироническая – он ее атрибутирует Буркхардту и Шопенгауэру, – но ее можно распространить на большую часть професси-

Илья Борисович Будрайтскис (р. 1981) – политический теоретик, преподаватель Московской высшей школы социальных и экономических наук.

онального исторического сообщества. Ведь любой нейтральный историк-позитивист, который работает с конкретным материалом, все равно выходит даже в своих специфических научных работах на уровень общего здравого смысла: «Да, я написал книгу об Иване Грозном или Мао Цзэдуне – но зачем я вообще всем этим занимаюсь?». И далее, как правило, следует синтезирующее суждение, которое так или иначе соответствует такой иронической модели истории: история ничему не учит, и нужно наслаждаться лишь игрой парадоксов.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
И СУД ИСТОРИИ

Уайт пытается выявить в любой структуре исторического повествования некое скрытое, остаточное моральное высказывание, которое так или иначе зашито в саму природу исторического нарратива. Поэтому нейтральная позиция историка тоже является неким скрытым моральным суждением.

В своем анализе Уайт стремится выявить скрытое моральное содержание практически любого исторического повествования. Ироническая позиция в данном случае служит уклонением от праксиса в кантианском смысле – как решения, поступка, мотивированного тем содержанием, которое следует из этого исторического повествования. Если исходя из него следует признать невозможность поступка и абсолютную власть фортуны, то, собственно, никакого практического смысла эта история не имеет. Эта печальная истина сама по себе, безусловно, является обобщающим высказыванием о смысле истории. И попытка оспорить такого рода высказывание сближает перспективы Уайта и Гинзбурга. Ведь с точки зрения Гинзбурга кто является настоящим судьей, выносящим суждение? Тот, кто не готов согласиться с объективной ценностно нейтральной рамкой, которая набрасывается на любые конкретные события. Судья, как и историк, с позиции факта сопротивляется сеткам интерпретации, которые пытаются представить себя как единственно возможную данность. Поэтому, конечно, критика Гинзбурга – это не критика с точки зрения позитивиста, который критикует постмодерниста, говорящего о том, что все это не более чем нарратив. Это критика идеологии, которая пытается обнаружить в каждом конкретном факте негативность, трещину в той картине реальности, которая представляется властью. Гинзбург очень четко говорит о том, что знание об объективной реальности – это всегда фигура власти. А подлинный историк всегда пытается с позиции факта бросить этому вызов и сделать прак-

тическое суждение, которое приносит новое обстоятельство в «объективную» взаимосвязь обстоятельств.

И.К.: Илья любопытно развернул эту проблему: мы имеем дело не с позитивизмом, а с критической попыткой расколоть навязанную буржуазную картину мира, обнаружить факт как негативность. Но все-таки – с каких позиций ведется эта критика? Можно ли определить ее только как зеркально противоположную той идеологической полноте, которую навязывает власть? То есть определить ее как своего рода чистую негативность, как не-идеологию?

М.В.: Прежде всего нужно сделать одно замечание по поводу кульга факта. Гинзбург пишет в начале книги, что для него как для историка доказательство и истина не являются пустым звуком – как раз в связи с его инвективами в адрес Уайта. Однако при всем том между судьей и историком имеется четкое различие, которое является для Гинзбурга как автора «Судьи и историка» принципиальным. Прошлое недоступно непосредственному наблюдению. Историк занимается формулированием гипотез о прошлом, их фальсификацией и верификацией. Он исследует то, что Гинзбург называет контекстом как «пространством исторически обусловленных возможностей». Когда мы говорим о факте, то нужно понимать, что Гинзбург выступает не за власть факта, а за власть ответственных гипотез. В другой книге – «Загадка Пьеро» – он исповедует прекрасный принцип: историку следует выдвигать смелые гипотезы, а смелость гипотезы компенсируется строгостью ее проверки.

Когда судья выносит приговор, он не имеет права основываться на гипотезах и догадках. Он решает человеческие судьбы от имени государства, обладающего легитимным правом на насилие. Поэтому логика судьи совершенно другая: историк может написать – «вероятно» или «возможно», дело обстояло определенным образом по определенным причинам, судья так делать не должен. Напомню замечательный пример из «Судьи и историка»: если прямых доказательств преступления нет, но есть свидетельства, которые касаются других преступлений тех же самых людей, то есть косвенные свидетельства автоматически становятся релевантными для всех предполагаемых преступлений, что мотивируется необходимостью борьбы с терроризмом и мафией. Гинзбург считает эту логику порочной.

И.К.: А в каком тогда жанре написана книга «Судья и историк»? Ведь это не просто историческое исследование – это вмешательство в реальную ситуацию.

М.В.: Да, именно так. Гинзбург прямо говорит о своей цели: книга пишется в определенный исторический момент – между решениями двух судебных инстанций. Он публикует текст, чтобы убедить, с одной стороны, общественное мнение и, с другой стороны, судей в том, что Софри не виновен. Вопрос не в том, виновен или не виновен Софри (хотя Гинзбург уверен в его невиновности), а в том, что обвинению не удалось доказать вину Софри – и это с моральной точки зрения чудовищно. Исторический бэкграунд помогает Гинзбургу обнаружить проблему, существующую в современном итальянском законодательстве. С позиции историка он совершает общественно важный политический жест. Гинзбург делает за судей их работу. При этом он не становится судьей. Судья – это тот человек, которого государство наделило полномочиями решать судьбы людей. Гинзбург не имеет таких полномочий, поэтому его высказывание и решение судьи обладают принципиально разной валентностью. Судьи должны подчиняться определенному кодексу – и это важнейший моральный смысл книги. Как историк Гинзбург опирается на античную традицию, где история и право близки друг к другу.

И.К.: Я все-таки повторяю вопрос: а как именно историографическая процедура должна сочетаться с политической ангажированностью?

А.О.: В одной из бесед Илья сказал, что Гинзбург – вслед за Беньямином – предлагает как бы «чесать историю против шерсти». То есть он разрушает ту историю, которую слепило следствие, и показывает, что она не имеет под собой никаких серьезных оснований. Вся она выстроена на домыслах, на эквивоках. Работа, которую совершает Гинзбург, действительно «практическая» в терминологии Уайта. Один из основных тезисов Гинзбурга заключается в том, что историк и судья нуждаются в доказательстве. Но у того практического жеста, который делает Гинзбург, ясной политической цели я не вижу. Человек, который пострадал от бездоказательного судебного решения – Адриано Софри, – его близкий друг. Гинзбург отдает ему долг дружбы, старается восстановить подлинную картину произошедшего, но за этим нет, как мне кажется, никакой политики в смысле Беньямина. Гинзбург пишет историю – но у нее непонятный статус на самом деле. С одной стороны, она отвечает академическим критериям и может быть опубликована в научном журнале, но, с другой стороны, у нее есть практическая задача: он хотел, чтобы судьи прочитали этот текст и задумались о том, насколько они были неправы, когда выносили обвинительный приговор Софри. Сошлюсь на мнение Перри Андерсона, который считает,

что в этой работе Гинзбург поступает в действительности не так, как следовало бы поступать условно «нормальному» историку, потому что такой историк написал бы работу об этом процессе не с целью повлиять на решение суда, а просто описать, как так случилось, что возникло это дело против «Lotta Continua», кто в нем был заинтересован и так далее, постарался бы с разных сторон осветить, как ведут себя состязающиеся стороны и тому подобное. Но он такого сочинения не пишет. Получается, что эта книга одновременно отступает от канона беспристрастной историографии *sine ira et studio*, но не дотягивает до политического манифеста в стиле Бенямина. Мне такая позиция представляется какой-то промежуточной, она не вполне мне понятна.

М.В.: Очень коротко по поводу неартикулированной политической позиции Гинзбурга. Он считает, что беспристрастность историка – это преимущество его подхода. Тот факт, что он защищает друга, задает дополнительное ограничение: ему следует особенно быть беспристрастным. Он не должен высказывать своих политических симпатий, и это усиливает его позицию. Приведу пример. Сейчас ректор Шанинки Сергей Эдуардович Зуев находится в тюрьме. Представим, что мы четвером беремся написать текст, посвященный доказательству его невиновности. Наши политические взгляды не совпадают, но в тот момент, когда мы пишем наш труд, эти разногласия могут стираться. У нас есть конкретная задача: показать, что решение суда с правовой точки зрения не мотивировано или, наоборот, политически обусловлено, там нет состава преступления, а есть чисто политическая задача. Будет ли наше высказывание политическим? На мой взгляд, безусловно. При всем том в процессе работы над текстом, аналог которого мы видим в книге Гинзбурга, мы будем стараться не принимать в расчет наши политические разногласия – мы будем критиковать государство за определенный набор неправомερных действий. И Гинзбурга можно проанализировать таким же образом: он показывает нам фундаментальную уязвимость политического порядка, который в 1990 году существует в Италии. Андрей, Илья, Игорь, согласны со мной? Или мой пример – натяжка?

И.Б.: Это очень важное перенесение на современную ситуацию, которую предложил Михаил. Но Гинзбург говорит, что суд над Соффи напоминает ему как историку суды средневековой инквизиции. В чем особенности судов инквизиции, с материалами которых работал Гинзбург или другие классики микроистории (например Ле Руа Ладюри)? Это суды, основанные на целостной картине мира, исходя из которой результат следствия был предопределен. Это был крайне идеологизированный

суд, в сам механизм которого было заложено финальное решение. Взаимодействие с судом инквизиции с точки зрения силы аргументов, которые повлияли бы на его позицию, было бы крайне наивно и некорректно. В своем анализе процесса Софьи Гинзбург реконструирует картину мира судей, определяющую тот тип связи, которое следствие додумывает, чтобы эту картину подтвердить. Это тот самый принцип логического доказательства, который находится в центре критики Гинзбурга.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
И СУД ИСТОРИИ

М.В.: Он говорит о заговоре карабинеров.

И.Б.: Да, Гинзбург вполне ясно воспроизводит мотив суда, определяемый историческим контекстом: массовое левое молодежное движение конца 1960-х, его столкновения с государством, и отложенная на двадцать лет месть этого совокупного государства, где суд, полиция и следствие неразделимы. Конечно, рассматривать позицию Гинзбурга лишь как сумму фактов, которые гипотетически могут повлиять на мнение суда, мне кажется недостаточным. У Гинзбурга есть определенная политическая позиция, которая направлена против самого института власти, *каждое суждение которого предопределяется общей картиной реальности*. Задача историка, работающего с конкретными фактами, выглядит в этом смысле абсолютно политической, потому что историк делает акцент на том, что выпадает из этой общей картины реальности. В этом смысле микроисторики делают нечто сходное с работой модернистского искусства, в котором деталь всегда восстает против целого. Так что оставаться на стороне факта и критиковать «логическое доказательство» – это вполне ясная политическая и моральная позиция, направленная против государства и институтов власти.

Задача историка, работающего с конкретными фактами, выглядит в абсолютно политической, потому что историк делает акцент на том, что выпадает из этой общей картины реальности.

М.В.: Очень интересное рассуждение Ильи о Гинзбурге как о критике власти, но мне кажется, что все-таки речь идет о свержинтерпретации. Я не вполне согласен с оценкой контекста. Я думаю, Гинзбург имел в виду конкретный тип конфигурации власти – сращение институтов юстиции: не должны карабинеры и суд действовать сообща, им следует существовать отдельно и действовать по прозрачным правилам. Если этого не происходит, то это плохо.

И.К.: К Илье вопрос. Я отошлю к рецензии на английский перевод «Судьи и историка», которую написал – уже довольно давно – Кирилл Кобрин⁴. Он там критикует Гинзбурга, сравнивая его с Фуко. Согласно Кобрину, Гинзбург, даже критикуя, продолжает играть по правилам этого самого буржуазного суда. В отличие от Фуко, который как раз в споре с маоистами призывал поставить под вопрос сами судебные практики, Гинзбург не проделал этой археологической работы. Но мой вопрос шире: можем ли мы сегодня говорить о логике самой истории, можем ли мы сказать, что сама история «высказывается» в своем диалектическом движении и историку нужно лишь уловить и в конечном счете совпасть с ритмом этого диалектического движения? И тогда вопрос об укорененности критической позиции будет снят – вместо кантианского произвола мы получаем гегельянское совпадение с самой «сутью дела»?

И.Б.: Спасибо за этот вопрос. Когда я готовился к нашему разговору и пересматривал свои конспекты Уайта, я поразились, насколько его позиция близка гегелевской философии истории. И Гинзбург в начале книги тоже обращается к Гегелю, отмечая, что именно он вводит позицию судящей истории. Но, как мне кажется, важно отметить, что для Гегеля судит именно история, а не сами историки. Историк всегда находится в конкретном моменте времени, и его суждение определяется именно этим. Позитивистская, «объективная» история пытается исключить историка из его собственного времени. Она деисторизирует исследователя, выносящего нейтральные суждения, которые как бы истории не принадлежат. Позиция Гегеля состоит в том, что он рефлектирует принадлежность к определенному историческому моменту. Позиция Уайта в этом смысле очень близка гегелевской.

И.К.: Но позиция историка-гегельянца, конечно, довольно парадоксальна: если он еще в истории, то, сколько бы он ни рефлектировал, принадлежность к конкретному моменту, подлинный смысл этого момента будет от него ускользать. Понять истинное значение какого-либо периода можно лишь после того, как история – в качестве истории разума – закончится. Настоящая историография начинается после конца истории.

И.Б.: Да, но это не мешает историку-гегельянцу стоять на почве действительности. Действительность – как учит Гегель – является одновременно и ложной и истинной. Ложной, поскольку она ограничена представлениями своего времени, а истинной –

4 Кобрин К. *Историк и анархисты* (https://ruthenia.ru/logos/personalia/kobrin/2/8_historian.htm).

поскольку здесь фиксируется конкретный момент становления истины. Гегель начинает свою философию истории с классификации разных видов историй: поэтической, которая оживляет события, и критической, которая отсекает все лишнее, чтобы выявить основные тенденции. Дальше Гегель анализирует античных историков именно с точки зрения их принадлежности к одному из двух типов исторического нарратива и их соответствия тому моменту, когда они действовали как историки. Можно по-разному трактовать философию Гегеля – вот Альтюссер считал, что гегельянская политика в принципе невозможна. Но есть и другая точка зрения: Карл Левит полагал, что разделение на левых и правых гегельянцев – это разделение на политику и историю. Поскольку философия после Гегеля закончилась, то можно либо политизироваться, либо историзироваться. Либо философию можно реализовать на практике, либо реализовать ее как метод изучения прошлого.

И.К.: Михаил, у меня к вам вопрос как к практикующему историку: конечно, сегодня, когда любой эссенциализм взят на подозрение, все эти марксистские отсылки к «сути дела» или «логике дела» (под этим, как правило, подразумевалась объективная диалектика реальной истории) выглядят еще наивнее «позитивистской» веры в факты, но не слишком ли мы сами наивны в своей критике чужих наивностей? Все-таки, признавая все опасности эссенциализма, можно ли сегодня говорить о суде истории?

М.В.: Все-таки важно понимать: Гинзбург говорит, что историк не должен быть судьей. Он не должен судить, не должен оценивать. У меня недавно был спор с историком Никитой Петровым на одной из конференций в «Мемориале». Я делал небольшой доклад как раз про книгу «Судья и историк», где, в частности, утверждал, что Гинзбург призывает избегать оценок. И Петров сказал мне: «Откуда вообще взялась эта глупость, что история не должна оценивать? Важнейшей задачей истории является именно оценка!» Нужно отметить, что для историков существенна разница между объектами исследования: если историк занимается второй половиной XX века, то практически любое – даже нейтральное – высказывание становится политическим. Оно политизируется, поскольку немедленно попадает в поле современных дебатов об исторической памяти, исторической политике и так далее. Историки, которые пишут о более ранних временах, порой избавлены от подобных параллелей, хотя и здесь есть исключения. Существуют знающие специалисты, которые пишут, например, о николаевской эпохе (имеется в виду Николай I) как об идеальном периоде

русской истории: Уваров поднял русское образование на невероятную высоту, а Николай являл собой идеал правителя. Понятно, что прямых соответствий здесь не обнаружить: Российская империя и современная Россия – это два совершенно разных государства, однако параллели регулярно проводятся и являются оценочными.

Историк не должен быть судьей, но когда он высказывается о современности, то способен использовать свой опыт, накопленный внутри дисциплины, для того, чтобы ставить перед читателями целый ряд актуальных в разные эпохи вопросов.

Я хотел бы вновь вернуться к одному из высказанных мной тезисов. Гинзбург-историк существует в иной парадигме, чем та, которую мы обсуждаем. Это парадигма выдвижения и тестирования гипотез. Наука предоставляет в наше распоряжение инструмент, позволяющий отделить валидные гипотезы от ложных или менее валидных с помощью критики источников и практики классического историко-филологического комментария. Историческая наука за пятьсот лет накопила достаточное количество знаний на сей счет. И я считаю, что внесение подобной ясности в историческую науку – это очень правильная вещь. Я бы не согласился с Уайтом: с его точки зрения, любые аргументы валидны. Нарративы равны друг другу, и неважно, какая доказательная база под них подведена. Между тем для Гинзбурга именно это и является важнейшим элементом профессионального поиска. Я как практикующий историк, занимающийся историей русской общественной мысли XIX века, считаю, что работы Гинзбурга актуальны и в каком-то смысле даже новы для нас. Большая часть трудов, которые я вынужден читать, состоят в пересказе источников и в упоминании всем известных фактов. Нацеленность на неизвестное, на постановку научной проблемы, на верификацию гипотез в этих сочинениях зачастую полностью отсутствуют. Давайте спросим себя: есть ли у науки моральные основания и является ли историк судьей? Едва ли. Историк не должен быть судьей (он существует внутри своих профессиональных границ, о валидности которых мы можем спорить), но когда он высказывается о современности, то способен использовать свой опыт, накопленный внутри дисциплины, для того, чтобы ставить перед читателями целый ряд актуальных в разные эпохи вопросов – о природе государства и власти, например.

А.О.: Чрезвычайно интересно было бы определить позицию Гинзбурга в широком плане, учитывая уже сказанное. Я допускаю, что мы имеем дело с политической позицией, которую не так просто определить. Мне кажется все же, что она иного свойства, чем позиция Бенямина: представляется, что мы имеем дело с такой по-хорошему воинственной позицией профессионального историка, который уверен, что установление фактов – это дело не только внутриакадемическое. И поэтому он, собственно, и занимается делом Соффи. И поэтому он нападает на Уайта – он действительно нападает на него: с его подачи в 1990-м возникла серьезная полемика на конференции в Лос-Анджелесе, организованной Солом Фридлендером (по итогам которой вышел сборник «*Probing the Limits of Representation*»). Причем Уайт к этой полемике не был готов, а Гинзбург хорошо подготовился, проштудировал его труды, поднял бэкграунд, показал, что он увлекался Кроче – Уайт действительно же был италянистом, занимался историей папства, – и утверждал, что Уайт реанимирует определенные стороны философии истории Джованни Джентиле. Гинзбург был убежден, что релятивизм Уайта неуместен в случае таких масштабных трагедий, как Холокост. А Уайт думал ровно наоборот: в случае с катастрофами такого масштаба нет смысла устанавливать какие-то отдельные факты – это уже бессмысленно, это избыточное занятие. Когда ты сталкиваешься с отрицанием Холокоста, невозможно доказать, что твой оппонент ошибается. Уайт решительно покидает пространство корреспондентной истины, которое остается святым для Гинзбурга. Но в книге «Судья и историк» есть одно место, где позиция Гинзбурга становится неотличимой от позиции Уайта, – это страница 112. Здесь Гинзбург вспоминает об «Орландо» Вирджинии Вулф. Вспоминает в связи с вымышленной, хотя и созданной на документальной основе, биографией «Жака Простака», которую написал в 1820 году Огюстен Тьерри. То, что говорит об «Орландо» Гинзбург, вполне, как мне кажется, мог бы сказать и сам Уайт:

«“Орландо” [...] можно считать экспериментом в сходном, хотя и не в прямо аналогичном направлении, учитывая, что здесь вымысел превалирует над историографической реконструкцией. Главный герой романа, чудесным образом преодолевающий столетия, – это андрогин, самое маргинальное существо, какое только можно себе представить. Это обстоятельство подтверждает, что повествовательный прием, о котором я пишу, решает не чисто техническую задачу: это сознательная попытка предположить, что скрытые исторические процессы существуют в том числе и потому, [...] что их трудно обнаружить на страницах документов»⁵.

5 ГИНЗБУРГ К. Указ. соч. С. 112.

Иначе говоря, здесь Гинзбург оправдывает вымысел так же, как это делает в своих текстах Уайт. Но думаю, что это вообще малохарактерный для Гинзбурга эпизод – он все-таки предпочитает иметь дело не с вымыслом, а с «уликами».

В общем, мне кажется, что не стоит представлять Гинзбурга в качестве историка-активиста, хотя ему присущ определенный воинственный академизм. Если вспомнить метафору *Weltgeschichte als Weltgericht*, то, согласно Гинзбургу, этот суд допускает возможность обмена аргументами. Это суд, где сохраняется возможность предъявлять доказательства и, может быть, даже оспаривать вердикт Господа Бога.

М.В.: У меня короткий комментарий. В статье «Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю» Гинзбург говорит о Толстом: когда у Толстого нет конкретного документа, он компенсирует его отсутствие с помощью повествовательных техник. Историк не может так поступать. В «Судье и историке» Гинзбург утверждает, что историку следует выдвигать гипотезы, все время оговаривая, что это лишь «возможно», «предположительно» и так далее.

И.Б.: Я хотел бы коснуться метода Гинзбурга. Из его знаменитой книги «Сыр и черви» хорошо видно, насколько Гинзбург далек от «истории понятий» – для него ключевым является самозарождение некоего сознания, которое не было предопределено никакой интеллектуальной рамкой. Гинзбург подчеркивает, что диссидентство мельника Меноккио не было частью какого-то большого дискурса – например, европейской Реформации. В принципе, у Гинзбурга объяснение феномена Меноккио вполне грамшианское и соответствует идее Грамши об органической интеллигенции.

Еще я хотел бы вернуться к примеру с Толстым. Претензии Толстого к истории были примерно такими же, как и его претензии к литературе. Литература, которая не имеет практического – в почти кантианском смысле, к которому апеллирует Уайт, – значения, литература, которая просто демонстрирует нам игру страстей, является не просто бессмысленной. С точки зрения Толстого, такая литература, лишенная практического значения, является именно ложной, в ее основе лежит ложное послание. Так же и история, в которой могут постоянно меняться акценты, но нет никакой практической ориентации, тоже представляет собой ложную целостность. И, если вернуться к обсуждаемой книге Гинзбурга, он очень коротко говорит о Школе «Анналов», которая совершила переход от судящей истории к истории понимающей. И это действительно так. Можно вспомнить «Апологию истории» Блока, где это

основной мотив – что судить нельзя. Но Гинзбурга такая позиция не устраивает, поскольку метод, который предлагала Школа «Анналов», – это метод суждения о частях исходя из целого, а этим целым представлялась гомогенная историческая эпоха. Историк, с этой позиции, должен анализировать структуры сознания каждой отдельной эпохи. Идея Гинзбурга, напротив, в том, что необходимо искать улики, которые заставляют сомневаться в самой структуре. Историк ищет улики, которые выявляют неполноту исторической картины.

И.К.: Спасибо, Илья. И спасибо всем вам за участие в разговоре – его тема далеко не исчерпана, и я надеюсь, что мы к ней еще неоднократно вернемся.

КРУГЛЫЙ СТОЛ
ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
И СУД ИСТОРИИ

ОТТО
ЛЮХТЕРХАНДТ

Борьба с экстремизмом в России: взгляд со стороны

Отто Люхтерхандт
(р. 1943) – профессор
юридического факуль-
тета Университета
Гамбурга (Германия).

В конце апреля 2021 года прокуратура Москвы обратилась в Московский городской суд с запросом об объявлении региональных штабов Алексея Навального и его Фонда борьбы с коррупцией (ФБК) экстремистскими организациями, а также об их запрете и ликвидации¹. Этот демарш был предпринят не в ходе уголовного процесса, а в рамках применения закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 2002 года² – то есть в административном порядке и в суде общей юрисдикции. Судебное заседание проходило в закрытом режиме, но все же представители прокуратуры на пресс-конференции сочли возможным сообщить, что обвинение в экстремизме основано на том, что сторонники Навального стремятся разрушить конституционный строй России по примеру инициаторов «цветных революций» – а это предполагает применение насилия³. Суд поддержал недопущение публики на свои заседания, сославшись на то, что среди доказательных материалов имеются представленные Федеральной службой безопасности документы, содержащие государственную тайну.

- 1 См.: Никитинский Л. *Секретные штабы* // Новая газета. 2021. 28 апреля. (В результате фонд и сеть штабов объявлены «экстремистскими организациями» и ликвидированы по решению суда. – *Примеч. ред.*)
- 2 После принятия этого закона соответствующие изменения и дополнения были внесены в иные нормативные акты Российской Федерации.
- 3 Никитинский Л. *Указ. соч.*

**ПРАКТИКИ
ПОЛИТИЗАЦИИ**

По сообщениям средств массовой информации, незамедлительно после демарша прокуратуры правоохранительные органы развернули жесткое наступление на штабы и сотрудников Навального, сопровождавшееся обысками и конфискациями. С правовой точки зрения подобные меры трудно считать безупречными, поскольку рассмотрение запроса о признании организаций «экстремистскими» в административном судебном процессе означало, что до вынесения судебного решения деятельность вышеупомянутых структур можно было просто приостановить: ведь теоретически суд мог отклонить обращение прокуратуры. Тем не менее в этом случае судья не стал блокировать поспешно начатую чиновниками ликвидацию структур ФБК.

Решительным ужесточением борьбы с экстремистской деятельностью стало принятие 4 июня 2021 года закона «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и статью 4 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”». Этот нормативный акт лишает граждан, которые взаимодействуют с запрещенными и распущенными организациями, признанными судом «экстремистскими» или «террористическими», пассивного избирательного права: рядовых членов или сотрудников – на три года, руководителей – на пять лет. При этом требованиям закона придали обратную силу: рядовые активисты и руководители не допускаются к выборам, если они, соответственно, до принятия нового закона состояли в названных организациях в течение одного года и трех лет⁴. Лишение граждан, объявленных «экстремистами», пассивного избирательного права едва ли совместимо с положениями части 2 статьи 32 Конституции Российской Федерации; скорее всего оно было связано с назначенными на 19 сентября 2021 года выборами в Государственную Думу. Дело в том, что кампания «Умного голосования», запущенная сторонниками Навального, имела тогда большие шансы сократить парламентское представительство «Единой России» и нарушить функционирование думского большинства из четырех пропрезидентских партий, поддерживаемого в нижней палате с 2003 года. Власть не могла не отреагировать на эту неприятную для нее перспективу.

Судебная процедура в отношении организаций Навального и явно связанный с ней закон, отстранявший «экстремистов» от получения депутатских мандатов, задали тон качественно новому применению российского законодательства об экстремизме в политических интересах нынешнего режима.

⁴ Подробнее см.: Вишневский Б. *Новые лишеныцы* // Новая газета. 2021. 7 мая.

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ

Оправдывает ли закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года подобные действия или же речь идет о более или менее грубом злоупотреблении его нормами? Ниже будет показано, что мы скорее имеем дело с последним. Занимаясь этим вопросом, невозможно не заметить, что законодательство об экстремизме эволюционировало вместе с режимом Владимира Путина; закон со временем менялся, причем в таком ключе, что его использование против радикальных критиков режима неуклонно становилось проще и легче. В центре этого процесса было меняющееся определение самого понятия «экстремизм».

Часть 1 статьи 1 закона в первоначальной редакции 2002 года определяет экстремизм в перечне из девяти пунктов, содержание которых можно свести к следующему:

- 1) насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации;
- 2) подрыв безопасности Российской Федерации;
- 3) захват или присвоение властных полномочий;
- 4) создание незаконных вооруженных формирований;
- 5) осуществление террористической деятельности⁵;
- 6) возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;
- 7) унижение национального достоинства;
- 8) осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-то социальной группы;
- 9) пропаганда исключительности, превосходства или неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности.

Нормативное ядро приводимого перечня составило цитирование запретов, уже содержащихся в части 5 статьи 13 Конституции Российской Федерации и защищающих высшие ценности, которые провозглашены в ее первой главе. Говоря конкретнее, в указанном месте упоминаются запреты, препятствующие созданию и деятельности тех общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное измене-

⁵ С 2006 года, когда в упомянутый закон были внесены поправки, этот пункт сформулирован так: «Публичное оправдание терроризма и другой террористической деятельности».

ние основ конституционного строя и нарушение целостности страны, подрыв безопасности государства, создание незаконных вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Они стоят в начале цитируемого списка. Добавляемые к ним запреты на иные формы «экстремистского» поведения – в частности, на террористическую деятельность – не вносят ничего принципиально нового. Разумеется, все перечисляемые в законе «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистские действия и без того явно противоречат конституционным предписаниям; по-видимому, в тексте нормативного акта они появились исключительно из-за того, что он принимался сразу после завершения второй чеченской войны⁶. Фактически рассматриваемый здесь закон расширил действие части 5 статьи 13 Конституции Российской Федерации, распространив его с общественных объединений и политических партий, как предусматривалось прежде, на организации в целом, средства массовой информации и индивидуальных граждан – и связав выстроенную правовую конструкцию с фундаментальными ценностями Конституции.

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

БОРЬБА С ЭКСТРЕМИЗМОМ
В РОССИИ: ВЗГЛЯД
СО СТОРОНЫ

Законодательство об экстремизме эволюционировало вместе с режимом Владимира Путина; закон со временем менялся, причем в таком ключе, что его использование против радикальных критиков режима неуклонно становилось проще и легче.

В свете сказанного представляется, что название закона от 25 июля 2002 года было выбрано законодателем неверно: говоря о «противодействии экстремистской деятельности», нормативный акт на самом деле подразумевает *антиконституционную* деятельность – то есть более уместным в данном случае был бы закон «О защите Конституции Российской Федерации». Важно также подчеркнуть, что предписания, ограничивающие свободы и, в особенности, связанные с уголовным правом, необходимо формулировать с максимальной точностью. Будучи рассмотренными под таким углом зрения, некоторые упомянутые в законе «О противодействии экстремистской деятельности» запреты кажутся недостаточно четкими. Например, трактовка такого понятия, как «подрыв безопасности Российской Федерации», задается поистине безбрежным толкованием термина «безопасность», представленным в законе «О безопасности» от 28 декабря 2010 года. Совсем или почти не определены

⁶ Подробнее см.: LUCHTERHANDT O. *Das neue Terrorismusbekämpfungsgesetz Russlands vom 10 März 2006* // WGO. Monatshefte für Osteuropäisches Recht. 2006. № 2. S. 106–115.

границы таких используемых в законе понятий, как «социальная рознь», «унижение национального достоинства», «ненависть либо вражда в отношении какой-то социальной группы». Запрет, накладываемый на пропаганду исключительности и превосходства, будучи примененным к религиозным объединениям, вступает в конфликт с монопольным притязанием на истину, которое характерно для большинства религий и конфессий, включая, кстати, и Русскую православную церковь.

Тем не менее процитированный выше реестр экстремистских эксцессов, предложенный законом «О противодействии экстремистской деятельности», в 2002 году не вызвал настороженности у публики, для которой его разработка и принятие прошли незамеченными. Показательно, например, что «Новая газета», бдительно стоящая на страже гражданских свобод в России, не обратила на него должного внимания: сообщив читателям о появлении этого акта, она не стала анализировать его содержание⁷ – даже специалисты-правоведы проигнорировали это юридическое нововведение.

Подоплека появления интересующего нас акта на свет пока не стала, насколько известно, предметом научного исследования. Но, как представляется, небезосновательным будет предположение, что Кремль запустил инициативу, нацеленную на борьбу с экстремизмом, после того, как Россия 15 июня 2001 года, в ходе учреждения Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) подписала совместно с Китаем, Казахстаном, Киргизстаном, Таджикистаном и Узбекистаном Конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом⁸. В документе затрагивались те «проблемные поля», которые в тот момент в разной мере, но существенно беспокоили сооснователей организации. Конвенция определяет ключевое для нашего анализа понятие следующим образом:

«Экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» (пункт 3 части 1 статьи 1).

Важно отметить, что между данной Конвенцией и российским законом есть два концептуальных различия. Во-первых, Конвенция, в отличие от закона, серьезно ограничивает сферу

⁷ См.: Новая газета. 2002. 29 июля. С. 1, 7.

⁸ См.: Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14 июня 2001 года (<http://kremlin.ru/supplement/3405>).

действия экстремизма, а во-вторых, увязывает его *исключительно с применением насилия*. Это обстоятельство было подчеркнуто Венецианской комиссией Совета Европы, которая по заказу Парламентской ассамблеи Совета Европы подготовила в 2012 году экспертизу российского закона «О противодействии экстремистской деятельности»⁹. Иначе говоря, разрабатывая свой закон, Российская Федерация явно предпочла расширительный подход к противодействию экстремизму: если в варианте, выносимом на первое чтение, его базовое понятие, как и в шанхайской Конвенции, определялось через насилие как ключевой признак, то ко второму чтению такая трактовка по неизвестным причинам была отброшена, причем критики не заметили предложенного новшества¹⁰.

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

БОРЬБА С ЭКСТРЕМИЗМОМ
В РОССИИ: ВЗГЛЯД
СО СТОРОНЫ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ

Поскольку этот текст написан с позиции немецкого юриста, целесообразно кратко остановиться на правовом регулировании рассматриваемой в нем сферы в Германии. Ни на федеральном уровне, ни на уровне земель ФРГ нет законов, регулирующих противодействие экстремизму; более того, само понятие «экстремизм» не используется ни в федеральном, ни в земельном законодательстве. Стороннего наблюдателя такое положение дел не может не удивлять. Тем не менее имеются веские причины, объясняющие отсутствие в современном немецком праве понятия «экстремизм». Во-первых, это обусловлено очевидной содержательной неопределенностью и расплывчатостью соответствующего термина. Во-вторых, концепт экстремизма широко используется в политической борьбе, где различные силы зачастую злоупотребляют им в полемических целях, сражаясь со своими оппонентами и опровергая их мнения. В-третьих, четкость правовых понятий остается жестким требованием демократического правового государства и считается весьма значимым конституционным принципом. Наконец, в-четвертых, даже не обращаясь к интересующему нас понятию терминологически, Конституция ФРГ и конституции шестнадцати федеральных земель обязывают государственные ведомства защищать Основной закон исходя из укорененных

9 См.: EUROPEAN COMMISSION FOR DEMOCRACY THROUGH LAW (VENICE COMMISSION). *Opinion on the Federal Law on Combating Extremist Activity of the Russian Federation*. № 660/2011. CDL-AD (2012)016. Strasbourg, 20 June 2012. § 28, 36. ([www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2012\)016-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2012)016-e)).

10 ВЕРХОВСКИЙ А.М., ЛЕДОВСКИХ М.А., СУЛТАНОВ А.Р. *Осторожно, экстремизм! Анализ законодательства о противодействии экстремистской деятельности и практики его применения*. Воронеж: Элист, 2013. С. 34 и след.

в нем конкретных принципов, ценностей и норм, содержательно очень похожих на соответствующие положения первой главы российской Конституции.

Стоит отметить, что с определенного времени в публичных дискуссиях в Германии все чаще слышны требования более активной «борьбы с экстремизмом». Они направлены в первую очередь против правого экстремизма, поскольку в последние годы немецкое общество было возмущено убийствами и прочими насильственными преступлениями, совершенными правыми радикалами на расистской и антисемитской почве. Это побудило федеральное правительство и отдельные федеральные министерства принять специальные программы по борьбе с правым экстремизмом, расизмом и антисемитизмом¹¹. Одновременно звучат призывы ужесточить борьбу и с левыми радикалами, но они не столь значимы, поскольку именно в правом экстремизме граждане видят абсолютно недопустимые рецидивы нацистского прошлого Германии¹².

Следует подчеркнуть, что в немецком общественном мнении и в политике немецкого правительства понятие экстремизма неразрывно увязывается с *насильственными* действиями. В силу сказанного в Германии только политически мотивированные насильственные преступления «справа» и «слева» обозначаются как экстремистские. Так как в их основе лежит применение насилия, они преследуются как уголовные преступления независимо от того, идет ли речь об убийстве, ограблении, нанесении телесных повреждений, взрыве, поджоге и так далее. Несмотря на то, что борьба с экстремизмом в Германии ограничена мероприятиями по уголовному преследованию, государство пытается искоренять и духовные причины экстремизма. Обращаясь к науке и образованию, оно целенаправленно раскрывает сущность политических идеологий, вдохновляющих и питающих экстремизм. Подобные идейные течения критикуются и запрещаются, поскольку на них не распространяются конституционные гарантии, защищающие свободу выражения мнений и свободу средств массовой информации. Там, где пропагандируется применение силы как средства разрешения политических проблем и агрессивно атакуются конституционные основы демократического правового порядка, Конституция перестает работать.

Если обратиться в свете всего упомянутого к России, то можно, с точки зрения государственного права, сделать интересное

11 См. материалы Министерства внутренних дел ФРГ: *Bundesregierung beschließt Maßnahmen zur Bekämpfung von Rechtsextremismus und Rassismus. Pressemitteilung des Bundesinnenministeriums vom 12.05.2021* (www.bmi.bund.de/SharedDocs/pressemitteilungen/DE/2021/05/kabinettausschuss-rechtsextremismus.html).

12 См. статистику экстремистских преступлений в ФРГ: *Statistiken zu Extremismus in Deutschland* // Statista. 2022. 24 Januar (<https://de.statista.com/themen/5644/>).

наблюдение: здешнее профессиональное сообщество юристов и публика в целом не заметили или не захотели заметить, какие опасности вытекают из того, что относительно точное понятие «противоречие Конституции» (или «враждебности Конституции») подменяется юридически неопределенным, откровенно политизированным и даже популистским термином «экстремизм». Иное толкование сути явления, с которым вы собираетесь бороться, влечет за собой и изменение методики борьбы с ним. С таким туманным политическим феноменом, как «экстремизм», борьба может организовываться в двух направлениях: во-первых, экстремистские акции должны предотвращаться на ранней стадии *административным* путем, а во-вторых, их необходимо преследовать с помощью *уголовного* права. Эта двойная стратегия выходит далеко за рамки тех запретов, которыми часть 5 статьи 13 Конституции Российской Федерации обставляет учреждение и деятельность общественных организаций и политических партий¹³. Людям, которые жили при советском строе, столь широкое определение экстремизма может напомнить о статье 70 Уголовного кодекса РСФСР, где составом преступления были антисоветская агитация и пропаганда. Как известно, используя этот инструмент, советское тоталитарное государство с помощью КГБ и прокуратуры пресекало и преследовало все неудобные виды политической активности¹⁴.

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

БОРЬБА С ЭКСТРЕМИЗМОМ
В РОССИИ: ВЗГЛЯД
СО СТОРОНЫ

Людям, которые жили при советском строе, широкое определение экстремизма может напомнить о статье 70 Уголовного кодекса РСФСР, где составом преступления были антисоветская агитация и пропаганда.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА

Итак, принятый 25 июля 2002 года закон «О противодействии экстремистской деятельности» направлен на профилактику экстремизма: «экстремистская деятельность» должна быть пре-

13 Интересно, что аккредитованные в Москве иностранные журналисты в то время тоже не обратили внимания на принимаемый закон: скорее всего на фоне террористической атаки 11 сентября 2001 года стратегия президента Владимира Путина по борьбе с экстремизмом показалась им вполне приемлемой. В то время российское руководство вообще ориентировалось на сотрудничество с США и Западом в целом.

14 Подробнее см.: LUCHTERHANDT O. *UN-Menschenrechtskonventionen, Sowjetrecht, Sowjetwirklichkeit: Ein kritischer Vergleich*. Baden-Baden: Nomos, 1980. S. 107 ff. Среди деяний, которые криминализировала статья 70 УК РСФСР в редакции 1960 года, были «агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления советской власти, либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространения в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространения либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания» (https://pravo.by/ImgPravo/pdf/UK_RSFSR_1960.pdf).

сечена еще на стадии планирования и подготовки – более того, профилактика, как подчеркивается в законе, приоритетна (статья 5). Прокуратура наделена полномочиями вынести лицу, уличенному в подготовке экстремистской деятельности, предостережение о ее недопустимости и потребовать прекратить ее (статья 6). Если требования, предъявленные в ходе предостережения, не исполнены, то прокуратура может привлечь лицо, которое предостерегалось, к ответственности в установленном порядке; причем предостережение может быть обжаловано в суде (часть 3 статьи 6). Генеральная прокуратура уполномочена применить и более жесткие санкции: она может выносить формальное предупреждение общественным и религиозным организациям, потребовав от них прекратить экстремистскую деятельность. Если деяния, содержащие признаки такой деятельности, вновь повторяются в течение двенадцати месяцев, то допускающая это организация должна быть ликвидирована (статья 7). Процедура предостережения обставлена большим числом предписаний: это сделано для того, чтобы попутно предотвратить распространение «экстремистских материалов» в СМИ и интернете (статьи 8, 11–13). Одна из самых жестких мер, предусмотренных законом, связана с имеющимся у прокуратуры особым полномочием: обращаясь в суд с требованием признать организацию экстремистской, она может принять решение о ее запрете или приостановлении ее деятельности *до вынесения судебного вердикта* (статья 10). Накопленная судебная практика показывает, что оспорить эти превентивные меры прокурорского реагирования практически невозможно.

Законом от 27 июля 2006 года определение экстремистской деятельности, изложенное в пункте 1 статьи 1 рассматриваемого нормативного акта, было расширено еще на шесть позиций. В них экстремизм определяется как деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо редакций средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, подготовке и совершению действий, направленных на:

1) воспрепятствование законной деятельности органов государственной власти, избирательных комиссий, а также законной деятельности должностных лиц указанных органов, комиссий, соединенное с насилием или угрозой его применения;

2) публичную клевету в отношении лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, соединенную с обвинением указанного лица в совершении деяний, указанных в статье 1, при условии, что факт клеветы установлен в судебном порядке;

3) применение насилия в отношении представителя государственной власти либо на угрозу применения насилия в отношении представителя государственной власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей;

4) посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность;

5) нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан в связи с их убеждениями, расовой или национальной принадлежностью, вероисповеданием, социальной принадлежностью или социальным происхождением;

6) создание и (или) распространение печатных, аудио-, аудио-визуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования и содержащих хотя бы один из признаков, предусмотренных статьей 1.

Следует признать, что подобное расширение делает определение экстремизма еще более расплывчатым. Статья 1 претендует на то, чтобы определить, что является «экстремизмом», но пятнадцать перечисленных в ней деяний все же не позволяют истолковать экстремизм в духе здравого смысла – то есть увидеть в нем преследование радикальных и фанатичных целей, вытекающих из односторонних идеологических установок и достигаемых посредством насилия¹⁵. Добавленные в действующий российский закон деяния, вне всякого сомнения, с таким подходом никак не связаны.

За два десятилетия существования закона «О противодействии экстремистской деятельности» размытость и неопределенность «экстремистских деяний», располагающая к злоупотреблениям, отнюдь не повлекла за собой его массового применения. Об этом свидетельствует, в частности, анализ двух списков, составляемых российским Министерством юстиции: официального списка экстремистских материалов и перечня объединений или организаций, ликвидированных и запрещенных в соответствии с анализируемым здесь законом¹⁶. С момента вступления закона в силу около восьмидесяти объединений были запрещены российскими властными органами. Уже в октябре 2002 года суд в Омске наложил первый такой запрет; ему было подвергну-

15 О российском и немецком подходах см.: Коршунова О.Н. *Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия*. СПб.: Юридический центр, 2006. С. 150 и след.; Jesse E., Mannewitz T. (Hrsg.). *Extremismusforschung. Handbuch für Wissenschaft und Praxis*. Baden-Baden: Nomos, 2018.

16 См.: *Федеральный список экстремистских материалов* (<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7821/>); *Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»* (<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/>).

то праворадикальное, шовинистическое и пропагандирующее насилие «Русское национальное единство» (РНЕ), хотя на протяжении последующего десятилетия подобные запреты оставались редкостью. Среди других наиболее громких запретов того периода можно упомянуть ликвидацию Московским городским судом леворадикальной Национал-большевистской партии (апрель 2007 года) и близкого к РНЕ «Славянского союза» (апрель 2010 года).

В последние десять лет, однако, число запретов заметно возросло. Одну половину запрещенных за это время организаций составили небольшие политические группы, ориентированные на крайне правый радикализм и великорусский шовинизм: всего были ликвидированы около двадцати таких групп. Другая половина запретов пришлась на миниатюрные и эксцентричные религиозные объединения, возглавляемые харизматичными лидерами и проповедующие крайности того или иного толка. В этой группе, правда, было одно заметное исключение, а именно, организация «Свидетели Иеговы». 20 апреля 2017 года Верховный суд России запретил четыреста зарегистрированных в стране отделений этой организации (в совокупности в них состояли около 170 тысяч членов), объявленной экстремистской, и распустил ее¹⁷. При этом членам организации было запрещено участвовать в публичных, общественных и политических мероприятиях, в особенности – в выборах. В целом, как представляется, вышеописанные судебные запреты, вынесенные во исполнение части 5 статьи 13 Конституции – за исключением «Свидетелей Иеговы», – в основном были обоснованными. Но эту положительную судебную практику определенно разрушает обращение с ФБК и штабами Навального.

Важно обратить внимание и еще на одну особенность. Поначалу основной акцент в борьбе с экстремизмом государство делало на запрет не общественных объединений и политических партий, а «экстремистских материалов» – текстов и изображений на бумажных или иных носителях. Число запрещаемых материалов нарастало по экспоненте: если в 2007 году их было четырнадцать, то на конец апреля 2021-го – около 5200. В содержательном плане в списке заметно преобладают материалы радикально исламистского толка; за ними следуют антисемитские, расистские, шовинистические, националистические материалы. (В списке, по мнению некоторых исследователей, имеются и такие позиции, запрет которых в перспективе правового государства представляется проблематичным и сомнительным¹⁸.) Все

17 См.: Верховный суд запретил деятельность «Свидетелей Иеговы» в России // РИА «Новости». 2017. 20 апреля (<https://ria.ru/20170420/1492720045.html>); ARNOLD V. *Russia: Jehovah's Witnesses Banned, Property Confiscated* // Forum18. 2017. April 20 (https://forum18.org/archive.php?article_id=2274).

18 Подробнее см.: ВЕРХОВСКИЙ А.М., ЛЕДОВСКИХ М.А., СУЛТАНОВ А.Р. *Указ. соч.*

они запрещались в качестве «экстремистских», то есть на таком же основании, на котором производился запрет общественных и иных организаций.

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ
БОРЬБА С ЭКСТРЕМИЗМОМ
В РОССИИ: ВЗГЛЯД
СО СТОРОНЫ

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА

Принятый в 2002-м закон «О противодействии экстремистской деятельности» с поправками от 2006 года обращается к уголовному праву, поскольку «экстремистская деятельность» объявляется в нем преступлением против основ конституционного порядка и государственной безопасности. В этой связи статья 280 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК) изменила свое название: «Публичные призывы к насильственному свержению государственного строя» превратились в «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». Кроме того, в УК были включены статья 282.1 «Организация экстремистского сообщества» и статья 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации».

Изменения, внесенные в статью 280, были особенно важными, так как именно они изменили достаточно определенное в государственно-правовом смысле понятие «призыв к насильственному свержению государственного строя» на гораздо менее четкое понятие «призыв к осуществлению экстремистской деятельности». Во-первых, новая формулировка из-за своей неясности почти не ограничивает органы следствия и судебные органы, словно предлагая произвольно применять обвинения в экстремизме. Во-вторых, в такой перспективе получается, что уголовно преследуется не сам экстремизм, а отдельные признаки разных форм антиконституционной и противоправной деятельности, сведенные законодателем в собирательное понятие из полутора десятков пунктов. Все они перечислены в цитируемой выше статье 1 закона «О противодействии экстремистской деятельности», но при этом не включены в Уголовный кодекс: ни 280, ни 282.1, ни 282.2 статья УК явно на нее не ссылаются.

Совсем другой набор «экстремистской деятельности» был представлен в статье 282.1 в ее первоначальном варианте, принятом в 2002 году. Тогда к «преступлениям экстремистской направленности» были отнесены составы, которые не относятся к защите государства напрямую, но квалифицируются в основном как нарушения общественного порядка. Среди них перечислялись: нарушение права на свободу совести и вероисповедания (статья 148 УК); воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (статья 149 УК); хулиганство, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия,

либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо связанное с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка (часть 2 статьи 213 УК); вандализм (статья 214 УК); уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (статья 243 УК); надругательство над телами умерших и местами их захоронения (статья 244 УК); публичные призывы к экстремистской деятельности (статья 280 УК); возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства (статья 282 УК). Следовательно, понятие «экстремизм» объединяло деяния, характеризующиеся различным нормативным весом и несоизмеримыми степенями нарушения закона. Но нынешнее консолидированное понятие «экстремизм» затмевает деяния, лежащие в основе состава преступления, а также их отличия друг от друга. Они выпадают из поля зрения правоприменителей: в сухом остатке остаются только «экстремизм», «экстремистский» и «экстремистская направленность». В итоге экстремизм из правового понятия превращается в политический термин; в таком качестве он становится оружием против тех, кого власти считают врагами существующего режима.

Экстремизм из правового понятия превращается в политический термин; в таком качестве он становится оружием против тех, кого власти считают врагами существующего режима.

Объединение в одном понятии различных видов активности существенно облегчает расширительное применение закона – прежде всего в отношении тех видов деятельности, которые не относятся к специальным составам преступления, но тем не менее покрываются понятием экстремизма. Особенно показателен в этом смысле термин «преступления экстремистской направленности». В результате описанных выше новаций понятие «экстремизм» постепенно обособилось как от государственно-правовых, так и уголовно-правовых норм, которые должны лежать в его основе, – и само превратилось в самостоятельный состав преступления. Подобную эволюцию с самого начала поощрял законодатель, который, принимая закон о противодействии экстремистской деятельности, внедрил понятие «экстремизм» в десяток других законов – с очевидной целью утвердить новый репрессивный институт правовой защиты в государственном порядке России. Указанные изменения за-

тронули Гражданский кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, законы о средствах массовой информации, об общественных объединениях, о благотворительных фондах, о прокуратуре, об оружии, о пограничной службе, о свободе совести, о профсоюзах, о религиозных объединениях, о политических партиях, о препятствовании отмыванию денег.

Тенденция рассматривать экстремизм в качестве отдельного состава правонарушения получила свое логическое завершение в новелле уголовного законодательства, принятой 24 июля 2007 года. Поправка исключила из части 1 статьи 282.1 УК упомянутые выше конкретные деяния «экстремистской направленности», заменив их перечисление общим примечанием следующего содержания:

«Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом “е” части первой статьи 63 настоящего Кодекса»¹⁹.

О каких составах преступления идет здесь речь, из этой формулировки не ясно. Обходится стороной и перечень экстремистских составов преступления из статьи 1 закона «О противодействии экстремистской деятельности». Иначе говоря, «экстремизм» как будто бы становится пустым обозначающим («преступления экстремистского характера»), формально приглашающим репрессивные органы произвольно наполнять его тем содержанием, которое представляется им нужным. Именно поэтому Венецианская комиссия Совета Европы, оценивая в 2012 году российский Закон о противодействии экстремистской деятельности, убедительно показала, что закон несовместим с принципами правового государства:

«С точки зрения Комиссии, Закон об экстремизме, вследствие широкого и неточного словоупотребления, в особенности в “основных понятиях”, определяемых в Законе – таких, как определение “экстремизма”, “экстремистской деятельности”, “экстремистских организаций” или “экстремистских материалов”, – предоставляет слишком широкое усмотрение в своем толковании и применении, что ведет к произволу»²⁰.

19 В пункте «е» статьи 63 УК перечисленные мотивы относятся к отягчающим обстоятельствам.

20 EUROPEAN COMMISSION FOR DEMOCRACY THROUGH LAW (VENICE COMMISSION). *Op. cit.* § 74. (Неофициальный перевод выполнен информационно-аналитическим центром «Сова». – Примеч. перев. РОО Центр «Сова» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – Примеч. ред.)

Итоговый вывод Венецианской комиссии вполне закономерен:

«Закон об экстремизме часто используется против организаций и лиц, которые критикуют правительство, и зачастую применяется для ущемления прав и свобод граждан. Одновременно с этим вызывает озабоченность, что в результате расплывчатости положений Закона и обширного простора для действий, оставляемого правоприменителям, оказывается неправомерное давление на организации гражданского общества, средства массовой информации и отдельных лиц, что, несомненно, вредит свободной и эффективной реализации прав человека и основных свобод»²¹.

КРИТИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ

Борьба с терроризмом, ведущаяся с 1990-х и связанная с чеченскими войнами, не позволила российскому социуму своевременно обратить внимание на проблемы, порождаемые законом «О противодействии экстремистской деятельности». Они начали попадать в поле зрения российских общественных организаций и правозащитников только с 2006 года. Первыми о своей обеспокоенности заявили общество «Мемориал» и близкие к нему общественно-политические деятели²². В научной среде с критическими замечаниями в адрес этого нормативного акта начали выступать некоторые ученые-правоведы, хотя их сочинения едва ли были замечены широкой публикой²³.

На изменение ситуации существенно повлияло обозначившееся в 2012 году, после возвращения Владимира Путина в президентское кресло, ужесточение отношения государства к гражданскому обществу в целом и правозащитным организациям в частности²⁴. С этого времени научные и публицистические статьи о «противодействии экстремизму» начали выходить в массовом порядке²⁵. В 2013 году Центр защиты средств массовой информации подготовил подробный анализ российского законодательства о противодействии экстремизму и практике его применения²⁶. Подвергнув закон критике, авторы

21 Ibid. § 63.

22 См.: SCHMIDT C. *Der Journalist, ein potentieller Extremist. Der russische Extremismusbegriff seit Juli 2006* // Osteuropa-Recht. 2006. № 5-6. S. 409–415. (В декабре 2021 года Верховный суд Российской Федерации удовлетворил требование Генеральной прокуратуры Российской Федерации о ликвидации международного историко-просветительского общества «Мемориал». – Примеч. ред.)

23 См., в частности, следующие работы: КОРШУНОВА О. *Указ. соч.*; ДЬЯКОВ С. В. *Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства*. СПб.: Юридический центр, 2012.

24 LUCHTERHANDT O. *Missachtung der Verfassung. Eine Zwischenbilanz der Ära Putin* // Osteuropa. 2020. № 6. S. 39 ff.

25 В тематической подборке литературы, посвященной противодействию экстремизму и вышедшей в 2006–2017 годах, перечислены 86 публикаций: <https://antiterror.utmn.ru/materialy/502535/>.

26 ВЕРХОВСКИЙ А. М., ЛЕДОВСКИХ М. А., СУЛТАНОВ А. Р. *Указ. соч.* Среди прочего в этой брошюре был опубликован перевод экспертизы Венецианской комиссии, упоминавшейся выше.

аналитического обзора обратили внимание на не всегда добросовестное применение лингвистических экспертиз, играющих ключевую роль в квалификации тех или иных материалов как «экстремистских».

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ
БОРЬБА С ЭКСТРЕМИЗМОМ
В РОССИИ: ВЗГЛЯД
СО СТОРОНЫ

Конституционный суд Российской Федерации впервые занялся законом «О противодействии экстремистской деятельности» только в сентябре 2011 года, но с тех пор ни одна жалоба на него не была удовлетворена: судьи во всех случаях признали жалобы недопустимыми и оставили их без рассмотрения по существу. Основанием для подобных решений служило то, что, во-первых, предписания закона «О противодействии экстремистской деятельности» легитимированы нормами части 5 статьи 13 и части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации об ограничении основных прав, а во-вторых, любое решение прокуратуры может быть обжаловано в суде. В силу этих обстоятельств, по мнению судей, установить факт антиконституционности соответствующей процедуры не представляется возможным²⁷.

СТАТИСТИКА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

Судебный департамент Верховного суда Российской Федерации в 2018 году проанализировал статистику приговоров, вынесенных с 2011-го по 2017 год на основе шести экстремистских составов преступления²⁸. Данные свидетельствуют, что в абсолютных цифрах число приговоров по этим подлинно политическим уголовным делам по сравнению с обычными преступлениями (кражами, убийствами, нанесением телесных повреждений и так далее) относительно невелико. Но картина заметно меняется, если принимать в расчет описанные выше практики административного преследования и подавления «экстремистской деятельности», а также то, что все эти меры, вместе взятые, призваны запугать оставшиеся в стране оппозиционные силы.

Статистика показывает, что приговоры в группе преступлений, связанных с экстремизмом, сильно различаются. В анализируемый период времени совокупное число приговоров по ним не превышало ста за год, причем большая часть при-

27 См. постановления Конституционного суда Российской Федерации от 29 сентября 2011 года, 19 июня 2012 года, 24 сентября 2012 года, 18 октября 2012 года, 2 июля 2013 года, 23 октября 2014 года, 17 февраля 2015 года, 24 марта 2015 года, 16 июля 2015 года, 27 октября 2015 года, 22 декабря 2015 года, 28 февраля 2017 года, 20 апреля 2017 года, 21 сентября 2017 года, 17 сентября 2018 года, 2 октября 2018 года, 28 мая 2020 года.

28 См.: Курилова А. *Судебная статистика вошла в экстремистский рост* // Коммерсант. 2018. 19 апреля (<http://kommersant.ru/doc/3607022>). Данные газеты дополнены собственными расчетами автора.

ходила на такие составы, как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (статья 280 УК) и разжигание ненависти и вражды и унижение человеческого достоинства (статья 282 УК). Динамика приговоров по этим двум доминирующим составам различна. В то время, как число приговоров по статье 280 УК в 2011–2017 годах составляло около десяти ежегодно, с 2016-го оно превысило сто в год. Кривая приговоров из-за возбуждения вражды и ненависти (статья 282 УК) показывает другой тренд: здесь число приговоров растет значительно быстрее – со 146 в 2011-м до 604 в 2017-м. Этот состав доминирует в уголовном преследовании экстремизма.

В отношении приговоров по статье 282 УК статистика выявляет значительную разницу между двумя абзацами предписания: число приговоров в связи с возбуждением ненависти и вражды и ущемлением человеческого достоинства сократилось по квалифицирующему признаку применения силы (предусмотренному частью 2 этой статьи) с 35 в 2011-м до одного в 2017-м. Именно это обстоятельство позволило Совету по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте Российской Федерации рекомендовать в августе 2018 года включить применение силы в состав необходимых признаков экстремистских деяний²⁹.

Дополнения, внесенные 28 декабря 2018 года и рассматривающие разжигание ненависти и вражды, а также унижение человеческого достоинства как административное правонарушение (статья 20.3.1 Кодекса об административных правонарушениях), направлены, как показывает статистика, не на декриминализацию указанного состава, но на расширение перечня санкций за счет денежных штрафов и ограничений свободы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Борьба с политическим экстремизмом – легитимная цель любого государства. Политический опыт показывает, что причины и проявления экстремизма в современных государствах могут различаться в зависимости от их исторических, религиозных, культурных и прочих особенностей. Сравнивая страны между собой, можно увидеть, что существенную роль играют действующие в каждой из них конституции и базовые принципы, определяющие государственность. Для квалификации политического поведения как «экстремистского» имеет значение, признает ли конституция права человека, основные

²⁹ См. рекомендации Совета, касающиеся совершенствования законодательства о противодействии экстремизму и практики его применения: www.president-sovet.ru/presscenter/news/read/4875/. В обосновании своей позиции Совет ссылается на узкое определение экстремизма в шанхайской Конвенции 2001 года.

свободы, верховенство права, разделение властей, демократию, рыночную экономику (как во Франции, Италии или Германии) или конституция исходит из принципов религиозной теократии, исламского права, коммунистической доктрины (как в Иране, Пакистане, Саудовской Аравии или Китайской Народной Республике).

Так как политический экстремизм, по сути, выступает радикальным отрицанием существующего политического порядка, реализация признанных в государстве индивидуальных и коллективных свобод будет зависеть от того, где пролегают границы поведения, квалифицируемого государственными органами как «экстремистское». Если говорить о Российской Федерации, то в ее Конституции 1993 года обращают на себя внимание главы 1 и 2, устанавливающие фундамент российской государственности. Среди перечисляемых там базовых норм и принципов можно обнаружить приоритет прав человека и основных свобод, признание идеологического многообразия и свободы совести, приверженность демократии, правовому государству, федерализму, миролюбию во внешней политике. Однако конституционное закрепление всех этих принципов позволяет поставить ряд критических вопросов в отношении российского законодательства о противодействии экстремизму, его эволюции с 2002 года и практического применения. Наиболее серьезные возражения вызывает сама трактовка понятия «экстремизм». Как отмечалось выше, российский закон «О противодействии экстремистской деятельности» позволяет считать экстремистскими и такие виды деятельности, которые *не связаны с применением насилия*. Законодатель сделал решительный выбор в пользу такого регулирования, которое по сравнению с шанхайской Конвенцией, принятой незадолго до этого, оказалось значительно более суровым. Между тем, принимая во внимание пункт 5 статьи 13 Конституции Российской Федерации, такое ужесточение трудно обосновать.

Корректировка законодателем Уголовного кодекса, касающаяся борьбы с экстремизмом и произведенная посредством изменения статей 280.1, 280.2, 282.1, 282.2, 282.3 – и в особенности введения такого состава, как «преступления экстремистской направленности» (статья 282.1), – позволила расширить поле обвинения в экстремистской деятельности, сделав контуры понятия «экстремизм» еще более неопределенными. Учитывая предъявляемое уголовному праву требование максимально точно формулировать составы уголовных преступлений, руководствуясь при этом принципом защиты прав и свобод человека и гражданина, нынешние правовые предписания, касающиеся борьбы с экстремизмом, выглядят еще более сомнительными. Эти сомнения подтверждаются положениями статьи 54 Консти-

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

БОРЬБА С ЭКСТРЕМИЗМОМ
В РОССИИ: ВЗГЛЯД
СО СТОРОНЫ

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

БОРЬБА С ЭКСТРЕМИЗМОМ
В РОССИИ: ВЗГЛЯД
СО СТОРОНЫ

туции Российской Федерации, провозглашающей в отношении основных прав граждан принципы *nullum crimen sine lege* (нет преступления без закона) и *nulla poena sine lege* (нет наказания без закона). Наконец, законодательство о противодействии экстремизму вызывает критические замечания и в плане его соответствия конституционно гарантированным правам на свободу мысли, слова, средств массовой информации, объединения (статьи 29–31 Конституции), а также права на участие в выборах (статья 32): оно слишком сильно ограничивает реализацию указанных прав.

Хотелось бы надеяться, что Конституционный суд Российской Федерации в ближайшее время сможет уделить внимание законам, регулирующим противодействие экстремизму, на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации.

*Авторизованный перевод с немецкого Галины Михалевой,
профессора факультета востоковедения и социально-
коммуникативных наук РГГУ*

Политические репрессии и политическая наука

ДАНИЛА
КРАСНОВ

«Правительства всех времен – отнюдь не моралисты. Они никогда не сажали и не казнили людей за что-нибудь. Они сажали и казнили, чтобы не».

Александр Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ»

ВВЕДЕНИЕ

Попытки вытеснить с политического поля конкурентов предпринимаются с тех самых пор, как впервые оформились властные отношения: любая власть, как известно, заинтересована в максимизации своих компетенций и ликвидации всяких ограничителей. Соответственно, и причисление граждан, разделяющих радикальные или просто отклоняющиеся от «генеральной линии» убеждения, к разряду опасных для общества элементов тоже является весьма давней практикой. Одним из возможных маркеров, широко используемых автократами, выступает ярлык «экстремиста»¹. Недемократические режимы, желая собственной консервации на максимально возможные сроки, вообще не могут обходиться без технологий, предполагающих те или иные разновидности политических репрессий: несменяемая власть категорически не приемлет адресуемых ей призывов сделаться сменяемой – и потому в рукаве у нее всегда есть карта, на которой начертано слово «насилие». Попытки отвергающих демократию элит увековечить свое господство, выкорчевывая «экстремизм», стали предметом всестороннего анализа, предпринимаемого социологами и политологами. В выросшем из этого интереса массиве литературы анализируются самые разные аспекты подобной монополизации власти, от мягких ограничений на институциональное политическое участие, которым подвергаются «экстремисты», до их жесткого преследования за пределами правового поля.

Данила Краснов
(р. 2001) – политолог.

ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕПРЕССИЯ?

Понимая под репрессиями «государственное насилие», мы с легкостью можем их идентифицировать, но, к сожалению,

¹ Подробнее см.: GURIEV S., TREISMAN D. *Informational Autocrats* // The Journal of Economic Perspectives. 2019. Vol. 33. № 4. P. 100–127.

такое определение трудно признать достаточным – в нем обходятся стороной важнейшие нюансы². Где, собственно, тот порог, после преодоления которого социальный контроль превращается в политическую репрессию? Может ли одно и то же политическое действие быть репрессивным в одном контексте и не быть репрессивным в другом? Что заставляет диктатора в какой-то момент переходить от простого «подмораживания» страны и блокирования перемен к активному подавлению акторов, их добивающихся? Получение ответов на эти вопросы облегчается в том случае, если мы будем опираться на относительно широкий, но все же вполне консенсусный подход и вслед за Дженнифер Эрл определим репрессию как «такое государственное или частное действие, которое направлено на предотвращение, взятие под контроль или иное ограничение того или иного неинституционального и коллективного действия (например какой-то разновидности протеста), включая также и его инициацию»³. Важное дополнение, впрочем, заключается в том, что порой объектом репрессии могут становиться и индивидуальные действия – наряду с коллективными.

Несменяемая власть категорически не приемлет адресуемых ей призывов сделаться сменяемой – и потому в рукаве у нее всегда есть карта, на которой начертано слово «насилие».

В зарубежных исследованиях, посвященных диапазону возможного действия, который открывается перед политическими акторами, принято различать две переменные: одной из них выступают «политические возможности», а другой – «структура политических возможностей». При этом отмечается, что в конкретных политических системах вторая переменная менее подвержена изменчивости, нежели первая. Тем не менее специалисты подчеркивают, что акторы, обращающиеся к политическим репрессиям, могут задаваться целью повлиять как на одну, так и на другую переменную⁴. Проще говоря, произвольное регулирование политических возможностей или пред-

- 2 О дефинициях репрессий см.: EARL J. *Tanks, Tear Gas and Taxes: Toward a Theory of Movement Repression // Sociological Theory*. 2003. Vol. 21. № 1. P. 44–68; OLIVER P.E. *Repression and Crime Control: Why Social Movement Scholars Should Pay Attention to Mass Incarceration as a Form of Repression // Mobilization*. 2008. Vol. 13. № 1. P. 1–24.
- 3 EARL J. *Political Repression: Iron Fists, Velvet Gloves, and Diffuse Control // Annual Review of Sociology*. 2011. Vol. 37. № 1. P. 263.
- 4 KRIESI H., KOOPMANS R., DYVENDAK J.W., GIUGNI M. *New Social Movements in Western Europe: A Comparative Analysis*. Abingdon: Routledge, 1996. P. 167–198.

установленность их структуры в «ручном режиме» – важный индикатор наличия политических репрессий. Когда структура политических возможностей, открывающихся перед гражданами конкретной страны, стабильна и неизменна, законсервирована и зацементирована, можно ожидать, что ее власти будут готовы практиковать репрессии: пресекая любой шанс на нежелательные перемены, без насилия не обойтись. Социальный протест в таких контекстах рассматривается в качестве аномалии – богатый материал для анализа того, как все это работает, в свое время предоставляла Латинская Америка⁵.

Соответственно, чем более гибкой и открытой предстает структура политических возможностей, тем более естественными в ее рамках будут считаться общественная мобилизация и, как следствие, разнообразные проявления недовольства. В демократических государствах низкий уровень репрессий естественным образом влечет за собой более высокий уровень протестной активности. Но демократии, как и диктатуры, неоднородны, а структуры политических возможностей в них могут заметно различаться: есть более стабильные, а есть менее стабильные. Проверая эту гипотезу, Кристиан Давенпорт сопоставляет непохожие друг на друга демократии, действовавшие в мире с 1976-го по 1996 год⁶. Обобщив данные по 135 странам, он делает вывод, что особенно мощным сдерживающим эффектом в отношении политических репрессий обладают конкурентные избирательные системы.

Вполне естественным следует признать то, что заметный отпечаток на «репрессивный профиль» общества накладывает степень присущей ему централизации или, напротив, децентрализации. Понятно, что рассредоточение власти снижает эффективность репрессий, инициированных центральным правительством. Полиция и военные, как известно, всегда выступают в роли агентов, реализующих волю тех политических акторов, которым они напрямую подотчетны⁷. Но в федеративных или регионализированных государствах полицейские функции нередко децентрализуются или локализуются. В подобных системах связь между запросом центральной власти на репрессии и практическим осуществлением этих репрессий непосредственно на улицах оказывается не прямой и многоступенчатой⁸. В некоторых ситуациях наличие опосредующих звеньев, контролируемых местными политическими элитами, способно

5 См., например: BROCKETT C.D. *The Structure of Political Opportunities and Peasant Mobilization in Central America* // *Comparative Politics*. 1991. Vol. 23. № 3. P. 253–274.

6 DAVENPORT C. *State Repression and Political Order* // *Annual Review of Political Science*. 2007. Vol. 10. P. 1–23.

7 PORTA D., REITER H. *Policing Protest: The Control of Mass Demonstrations in Western Democracies*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. P. 1–32.

8 Подробнее см.: EARL J., SOULE S. *Seeing Blue: A Police-Centered Explanation of Protest Policing* // *Mobilization*. 2006. Vol. 11. № 2. P. 145–164.

заметно осложнить реализацию одобренного наверху репрессивного курса⁹.

АССОРТИМЕНТ РЕПРЕССИЙ И ИХ ТИПОЛОГИЯ

Важной особенностью репрессий как методики политического контроля выступает то, что они, минимизируя или предотвращая прямые вызовы политической власти в виде протестной или активистской деятельности, имеют, как правило, точечную направленность: они адресованы отдельным личностям или группам, но почти никогда – обществу целиком. Современные политологи, рассуждающие о разнообразии репрессивного арсенала, прежде всего обособляют друг от друга «горизонтальные» и «вертикальные» репрессии: если в первом случае речь идет о репрессивном воздействии в отношении рядовых граждан, то во втором случае подразумевается репрессивное давление на представителей элит, в том числе и поддерживающих автократа¹⁰. Нет нужды говорить о том, что «горизонтальные» репрессии всегда оказываются более массовыми, хотя, возможно, отнюдь не более эффективными, несмотря на значительное число затрагиваемых ими людей. В то же время эффект, производимый попытками комбинировать «горизонтальные» и «вертикальные» репрессии, не однозначен: укрепляя устойчивость авторитарного правления в отношении одних вызовов, подобные комбинации усугубляют его уязвимость перед другими вызовами. К примеру, снижение градуса «горизонтальных» репрессий, затрагивающих обычное население, при параллельном ужесточении «вертикальных» репрессий, задевающих элиты, может снизить вероятность революции, но одновременно повышает риск путча или заговора¹¹. Наконец, наблюдатели фиксируют также и то, что на тип применяемых автократом репрессий влияют особенности национальной экономики: так, наличие высоких доходов от природных ресурсов оборачивается тем, что авторитарные режимы реже репрессируют собственные элиты и чаще обращаются к репрессиям в отношении рядовых граждан¹².

Если говорить об иных критериях классификации, то, несомненно, заслуживает внимания относительно новое выделе-

9 См.: CUNNINGHAM D. *Ambivalence and Control: State Action against the Civil Rights-Era Ku Klux Klan* // *Qualitative Sociology*. 2009. Vol. 32. № 4. P. 355–377; IRONS J. *Who Rules the Social Control of Protest? Variability in the State-Countermovement Relationship* // *Mobilization*. 2006. Vol. 11. № 2. P. 165–180.

10 См., например: BOVE V., PLATTEAU J.P., SEKERIS P.G. *Political Repression in Autocratic Regimes* // *Journal of Comparative Economics*. 2016. Vol. 45. № 2. P. 410–428.

11 Ibid.

12 См.: ACEMOGLU D., EGOROV G., SONIN K. *Dynamics and Stability of Constitutions, Coalitions, and Clubs* // *American Economic Review*. 2012. Vol. 102. № 4. P. 1446–1476.

ние так называемых «оппортунистических» репрессий, характерная особенность которых состоит в том, что они возникают на фоне глобальных или внутренних кризисов – например, пандемии COVID-19¹³. Оппортунизм в данном случае означает широкую избирательность доминирующих акторов в применении репрессивных мер. Иначе говоря, аргументы, обосновывающие необходимость тех или иных ограничений, предъявляются всему обществу, но решения о том, кого конкретно в кризисных условиях репрессировать, власть, в том числе и авторитарная, принимает произвольно: сопутствующая всякому кризису неопределенность ей выгодна.

ДАНИЛА КРАСНОВ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Снижение градуса «горизонтальных» репрессий, затрагивающих обычное население, при параллельном ужесточении «вертикальных» репрессий, задевающих элиты, может снизить вероятность революции, но одновременно повышает риск путча или заговора.

Несмотря на то, что к репрессиям обращаются режимы любого типа, в авторитарных государствах им присуще большее разнообразие, нежели в демократиях. Среди их практических воплощений можно найти использование пулеметов и танков против безоружных граждан, применение «эскадронов смерти» для ликвидации активистов и журналистов, помещение инакомыслящих в специальные психиатрические учреждения¹⁴ и многое другое. Разумеется, в демократических странах меню гораздо беднее; даже робкая попытка государственных органов установить регулярный надзор над объединениями, подозреваемыми в экстремизме, влечет за собой бурное общественное обсуждение, а практическое внедрение подобных мер обставляется тысячами правовых условностей¹⁵. Тем не менее вполне закономерен вопрос: всегда ли свобода рук авторитарных режимов оборачивается большей стабильностью и устойчивостью? Однозначного ответа нет, хотя статистически подтверждено нечто другое: случаи дестабилизации здесь

13 GRASSE D., PAVLIK M., MATFESS H., CURTICE T. *Opportunistic Repression: Civilian Targeting by the State in Response to COVID-19* // International Security. 2021. Vol. 46. № 2. P. 130–165.

14 См., например, классический материал на эту тему: FARAONE S. *Psychiatry and Political Repression in the Soviet Union* // American Psychologist. 1982. Vol. 37. № 10. P. 1105–1112.

15 В указанном отношении весьма показателен опыт Федеративной Республики Германии. См., например: WIEDMANN-SCHMIDT W. von. *Verfassungsschutz beobachtet AfD nun bundesweit* // Der Spiegel. 2021. 3 Mai (www.spiegel.de/politik/deutschland/rechtsextremismus-verdachtsfall-verfassungsschutz-beobachtet-afd-nun-bundesweit-a-136d80ce-4549-4a23-8174-19ad70f20643); MEISTER A., BISELLI A., REUTER M. *Wir veröffentlichen das Verfassungsschutz-Gutachten zur AfD* // Netzpolitik. 2019. 28 Januar (<https://netzpolitik.org/2019/wir-veroeffentlichen-das-verfassungsschutz-gutachten-zur-afd/>).

выливаются в гораздо более деструктивные формы – начиная с террористических атак и заканчивая государственными переворотами. Вместе с тем авторитарные режимы, как показывают сравнительные исследования, гораздо более подготовлены к подобным перегрузкам, нежели их демократические альтернативы¹⁶. Обратной же стороной такой перманентной мобилизационной готовности выступает то, что авторитарный режим, всецело ориентирующий себя на противодействие «экстремизму», иногда до такой степени ограничивает гражданские права, что, по мнению некоторых исследователей, сам превращается в «террориста с большой буквы»¹⁷.

Согласно свежим данным «Freedom House», с 2019-го по 2021 год около половины стран, ранее маркированных как «свободные», перешли в группу «частично свободных». Согласно экспертам указанной неправительственной организации, произошло это из-за ограничения политических прав и гражданских свобод, внедряемых демократическими правительствами, что, как отмечалось выше, свидетельствует о той или иной интенсивности политических репрессий. Из-за этого сдвига в конце 2021 года восемь из каждых десяти обитателей Земли жили в «частично свободных» или «несвободных» режимах¹⁸. Отмечается также продолжение циклической полосы упадка демократии, протяженность которой составляет уже шестнадцать лет. Сокращение свобод в последние годы, по мнению «Freedom House», объясняется в основном последствиями пандемии, но наряду с этим среди набирающих силу тенденций упоминаются «продвижение авторитарных норм» и «отказ от притворства конкурентных выборов». Словно подкрепляя эти выкладки, авторы другого недавнего исследования говорят о начале «третьей волны автократизации», которая характеризуется оскудением демократического лагеря из-за все более широкого применения политических репрессий по всему миру¹⁹. Вместе с тем имеющиеся на сегодня эмпирические исследования не подтверждают самоочевидного на первый взгляд предположения о том, что консолидированные автократии чаще и масштабнее обращаются к репрессиям, нежели режимы иных типов – например, гибридные²⁰. Согласно этим выкладкам, охват и градус репрессий определяются, как правило, не столько

16 См., например: SLINKO E., BILYUGA S., ZINKINA J., KOROTAYEV A. *Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-Analysis* // Cross-Cultural Research. 2017. Vol. 51. № 1. P. 26–50.

17 СТОНЛ М. *The State as Terrorist: Insights and Implications* // Democracy and Security. 2006. Vol. 2. № 1. P. 1–25.

18 См.: РЕПУСЦИ S., СЛИПОВИЦ А. *The Global Expansion of Authoritarian Rule*. Freedom House, 2022 (<https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2022/global-expansion-authoritarian-rule>).

19 LÜHRMANN A., LINDBERG S. *A Third Wave of Autocratization Is Here: What Is New about It?* // Democratization. 2019. Vol. 26. № 7. P. 1095–1113.

20 REGAN P.M., HENDERSON E.A. *Democracy, Threats and Political Repression in Developing Countries: Are Democracies Internally Less Violent?* // Third World Quarterly. 2002. Vol. 23. № 1. P. 119–136.

природой режима, сколько глубиной и остротой тех кризисов, с которыми ему приходится сталкиваться. Соответственно, реагируя на какое-то масштабное потрясение – например, на всемирную эпидемию или иное стихийное бедствие, – диктатуры и демократии в некоторых случаях будут использовать один и тот же репрессивный инструментарий. Именно поэтому многочисленные комментаторы считают пришествие COVID-19 сильнейшим стрессом для либеральных демократий Запада²¹.

ДАНИЛА КРАСНОВ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

В конце 2021 года восемь из каждых десяти обитателей Земли жили в «частично свободных» или «несвободных» режимах.

БОГАТАЯ ПРАКТИКА РЕПРЕССИЙ

Политические репрессии – старый и проверенный инструмент автократов. В Новое время их применение шло в ногу с оформлением демократической государственности, поскольку диктатура выступает таким же продуктом «массовой политики», как и демократия. С одной стороны, автократы эпохи модерна в самых разных уголках планеты использовали одни и те же базовые методики; с другой стороны, в применении универсального репрессивного арсенала они могли быть довольно изобретательными. К примеру, парагвайский «национальный лидер» Альфредо Стресснер, управлявший страной с 1954-го по 1989 год, мог десятилетиями держать арестованных оппозиционеров в камерах самых обычных полицейских участков. Отличительным маркером его режима были также ополченцы «*Pu Nandi*» (в переводе с индейского языка гуарани это означает «оборванцы»), которых привлекали к организации массовых мероприятий в поддержку диктатора, а также к расправам с его противниками²². Эти полувоенные формирования, действовавшие в основном в парагвайской глубинке, играли важную роль в импровизированной системе «сдержек и противовесов», созданной диктатором: являясь альтернативной вооруженной силой, подчиняющейся региональным боссам президентской партии «Колорадо», они ограничивали амбиции армейского командования²³. Кстати, деятельность

21 См., например: ВЕЙДНЕР Ш. *Вирус и террор: о невысказанных и пугающих сходствах между коронавирусным кризисом и «войной с террором»* // Неприкосновенный запас. 2021. № 2(136). С. 166–194.

22 Подробнее см.: GUNSON P., THOMPSON A., CHAMBERLAIN G. *The Dictionary of Contemporary Politics of South America*. Abingdon: Routledge, 1989. P. 239.

23 Подробнее см.: WICKHAM-CROWLEY T.P. *The Rise (and Sometimes Fall) of Guerrilla Governments in Latin America* // Sociological Forum. 1987. Vol. 2. P. 473–499; ИДЕМ. *Terror and Guerrilla Warfare in Latin America, 1956–1970* // Comparative Studies in Society and History. 1990. Vol. 32. № 2. P. 201–237.

подобных сельских милиций – а их можно найти не только в Латинской Америке, но также в Африке или Азии – отсылает к важной теоретической теме, затрагиваемой сегодня политологами: а именно к вопросу о том, в какой степени региональные органы, структуры, элиты способны содействовать выживанию диктаторских режимов и укреплять их²⁴.

Создание «эскадронов смерти» – а в Парагвае наряду с «Pu Nandi» действовали также «Macheteros de Santani», «Garroteros», «Grupos de Acción Anticomunista» – не было прихотью диктатуры: без таких организаций режим очень быстро лишился бы жизнеспособности. Оценивая их деятельность, надо иметь в виду, что, несмотря на безграничный диапазон практикуемого ими насилия, оно всегда имело четкую локализацию, определяемую не стихийно, а централизованно. Стремясь к тотальному контролю над обществом, диктатура не делает исключений для собственных отрядов профессиональных убийц. «Caravana de la muerte» в Чили, «Fuerzas Armadas de Regalado» в Сальвадоре, «Mano Blanca» в Гватемале, «Alianza Anticomunista Argentina» в Аргентине, «Comandos Caza Tupamaros» в Уругвае – всеми этими и другими подобными организациями в диктаторских государствах руководили представители спецслужб или вооруженных сил, выдававшие им инструкции и фактически лицензировавшие убийства²⁵. Это разумно, поскольку ликвидация оппозиционеров – слишком важное дело, чтобы доверять его стихийной инициативе.

Разумеется, применение террористических группировок не исключает иных, более «цивилизованных» способов расправы над оппозиционерами. Автократы нередко обращаются за содействием к полностью подконтрольному им национальному правосудию, которое помогает консолидировать элиты, мобилизуя их на борьбу с внутренними угрозами²⁶. Суды не только обеспечивают юридическое функционирование авторитарного поведения, но и наделяют его желанной аурой легитимности. При диктатуре, по словам Роберта Кавера, право оказывается «проекцией воображаемого будущего на реальность»²⁷, и как раз через суды автократы проецируют это воображаемое

24 DEBRE M.J. *The Dark Side of Regionalism: How Regional Organizations Help Authoritarian Regimes to Boost Survival // Democratization*. 2021. Vol. 28. № 2. P. 394–413.

25 Подробнее см.: KING J.C. *Repression, Domestic Threat, and Interactions in Argentina and Chile // Journal of Political & Military Sociology*. 1998. Vol. 26. № 2. P. 191–211; OSIEL M.J. *Constructing Subversion in Argentina's Dirty War // Representations*. 2001. Vol. 75. № 1. P. 119–158; PAGLIARINI A. *"De onde? Para onde?" The Continuity Question and the Debate over Brazil's "Civil"-Military Dictatorship // Latin American Research Review*. 2017. Vol. 52. № 5. P. 760–774; VERDUGO P. *Chile, Pinochet, and the Caravan of Death*. Coral Gables: North-South Center Press, 2001.

26 См.: SHEN-BAYN F. *Strategies of Repression: Judicial and Extrajudicial Methods of Autocratic Survival // World Politics*. 2018. Vol. 70. № 3. P. 321–357.

27 COVER R.M. *Violence and the Word // The Yale Law Journal*. 1986. Vol. 95. P. 1604 (<https://cpn-us-w2.wpmucdn.com/sites.gatech.edu/dist/c/359/files/2021/09/Violence-and-the-Word-1986.pdf>).

будущее на широкую публику. Такой вариант выглядит особенно привлекательным для устоявшихся диктатур, где правила игры можно поддерживать посредством квазиправовых норм – в отличие от диктатур молодых, где подобные нормы не имеют особого значения.

Важно отметить, что репрессии остаются лишь одним из многих инструментов, посредством которых авторитарные режимы поддерживают несправедливые правила игры между государством и гражданами. Более того, повышая эффективность методик, не связанных с насилием напрямую, репрессии можно минимизировать. Так, большую пользу автократу может принести затейливо выстраиваемая информационная асимметрия, в ходе которой элиты и общество обеспечиваются достоверной информацией на неравных условиях. Именно на этом, по мнению Дэниела Трейсмана и Сергея Гуриева, основывается новый тип авторитарного правления, называемый ими «информационной автократией»:

«Вместо того, чтобы ради повышения собственной популярности и устранения угроз грубо запугивать граждан, [автократу] гораздо удобнее манипулировать информацией – покупая молчание элиты, подвергая цензуре СМИ и активно занимаясь пропагандой»²⁸.

Иными словами, нынешние высокотехнологичные диктатуры вполне могут избегать наиболее одиозных разновидностей репрессий, не переставая при этом быть диктатурами.

Действительно, в последнее время обнаруживают себя более изощренные и новаторские методики «бархатных» репрессий, связанные с цифровыми трансформациями современного социума. По мере того, как протестующие во всем мире все шире используют цифровые технологии политической активности, автократы с нарастающей интенсивностью пытаются взять эту сферу под контроль – хотя, как свидетельствует опыт «арабской весны», получается это далеко не всегда²⁹. В этой связи исследователи пишут о том, что диктатуры – по крайней мере не самые дикие – повсеместно пытаются не отставать от цифровизации социальной жизни; в частности, некоторые из них уже начали совершенствовать системы слежки за гражданами, используя искусственный интеллект³⁰. Имеющаяся у автократий способность без лишних церемоний собирать личные данные своих подданных, а потом по своему усмотрению

28 GURIEV S., TREISMAN D. *Op. cit.* P. 123.

29 См., например, случай Марокко: LAWRENCE A. *Repression and Activism among the Arab Spring's First Movers: Evidence from Morocco's February 20th Movement* // *British Journal of Political Science*. 2017. Vol. 47. № 3. P. 699–718.

30 FELDSTEIN S. *The Road to Digital Unfreedom: How Artificial Intelligence Is Reshaping Repression* // *Journal of Democracy*. 2019. Vol. 30. № 1. P. 40–52.

применять их для построения поведенческих моделей выступает их новейшим преимуществом. Изошренность манипуляции нарастает параллельно с противодействием манипуляции. А это означает, что у специалистов, изучающих политические репрессии, стабильно будет появляться новый материал для исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новейшие исследования убедительно свидетельствуют, что политические репрессии в самых разных их разновидностях продолжают практиковаться элитами многих стран; как и в прежние времена, это делается для искажения или подавления политической воли граждан. Классификация политического насилия интересует сегодня многих ученых, которые связывают репрессивные характеристики недемократических режимов со структурой политических возможностей, выделяют «горизонтальные» и «вертикальные» репрессии, подчеркивают «оппортунистический» характер репрессивных стратегий, используемых в начале XXI века. Кроме того, специалисты уделяют внимание корреляции экономического профиля общества с типом преобладающих в нем репрессий, интересуются склонностью «информационных автократий» избегать прямого политического подавления, отмечают все более очевидное тяготение демократических государств к репрессивным приемам в условиях социальных кризисов. Зарубежные политологи все чаще говорят о начале «третьей волны автократизации», которая на наших глазах захлестывает весь мир, включая и устоявшиеся демократии.

Зарубежные политологи все чаще говорят о начале «третьей волны автократизации», которая на наших глазах захлестывает весь мир, включая и устоявшиеся демократии.

При этом смыслы современных процессов многоаспектны. С одной стороны, сегодня, как и в предшествующие тысячелетия, держатели власти всеми силами стремятся закрепить свои статусы и гарантировать извлечение ренты с подвластных территорий и граждан. С другой стороны, неустанные попытки авторитарных режимов предотвращать, контролировать или ограничивать неинституциональные коллективные действия – а именно это и было названо выше «политической репрессией» – систематически подрывают доверие между обществом

и элитами, минимизируя шансы диктатур на долговременный социально-экономический прогресс.

В конечном счете правители, приносившие развитие доверившихся им обществ в жертву жадности и прочим маниям, редко становились кумирами и героями. Проходит время, и о диктаторе, наводившем ужас на подданных либо жестокостью, либо глупостью, а то и прелестным сочетанием обоих качеств, начинают вспоминать с ненавистью. Склонность к масштабным репрессиям слабо сочетается с народной любовью, сколько бы Макиавелли и прочие почтенные умы не убеждали нас в обратном. В войнах памяти, знакомых многим государствам, пережившим мрачные периоды авторитарного правления, диктаторы, как правило, всегда проигрывают, пусть даже на это порой уходит немало времени. Это, впрочем, можно считать скорее утешением для нас, ныне живущих; в качестве предостережения тиранам будущего такое правило едва ли работает. Таким образом, о диктатурах и репрессиях будут писать еще очень и очень много – и в России ближайших десятилетий этот пласт гуманитарного знания будет скорее всего востребован.

ДАНИЛА КРАСНОВ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Пандемия и общественно-политический раскол

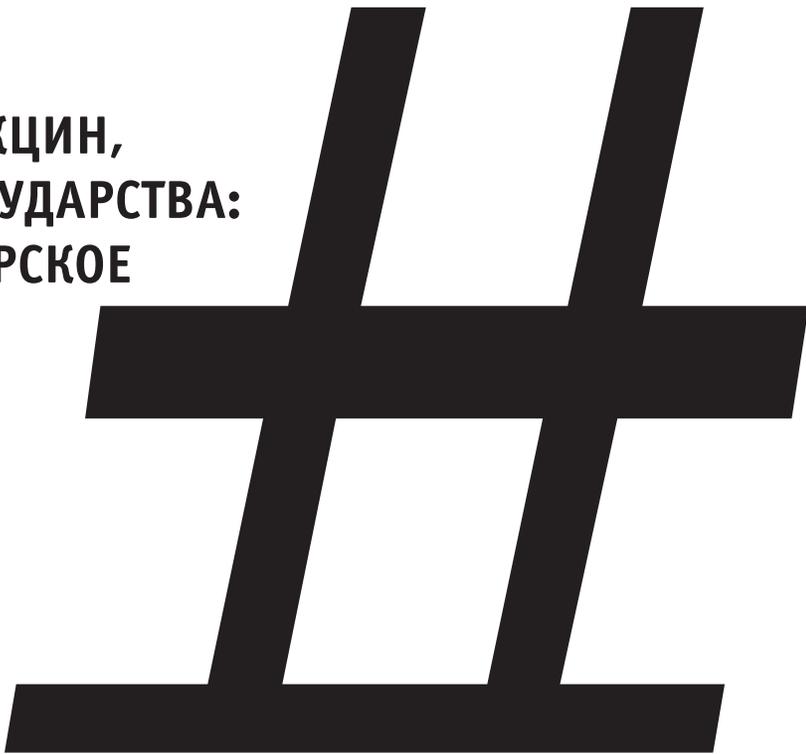

Николай Митрохин (р. 1972) – историк, социолог религии и публицист. Научный сотрудник Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете (Германия).

В середине января 2022 года в одном из областных центров правобережной Украины я встречался с местным оппозиционером-антимайдановцем. В качестве места для интервью он предложил кафе в самом центре города, представив его так: «Это настоящее бандитское кафе. Там на QR-коды не смотрят. Мне это важно». Кафе действительно оказалось «бандитским» – не только по сомнительному контингенту посетителей, но и по эстетике и ассортименту заведения, казалось бы, навсегда оставшихся в 1995-м. При этом ни в одном из трех других заведений общественного питания города, в которых мне довелось столоваться – куда более модных и современных, – QR-коды (вопреки закону) тоже не проверялись. Но упомянутый выше собеседник (местный историк) об этом не только не знал, но, похоже, гордился принадлежностью к избранному обществу «бандитов»: «со мной тут не тронут».

Происходящее в последние два с лишним года вокруг COVID-19, развитие оппозиционных или альтернативных официальному и медийному мейнстриму мнений (и действий) будет изучаться, описываться и анализироваться еще много лет. Предлагаемый вашему вниманию блок статей – одна из первых попыток такого рода. Она, возможно, не только и не столько аналитическая, сколько *фиксирующая* материал быстро происходящих изменений настроений общества. Глубокое проникновение в матери-

**ПРОТИВ ВАКЦИН,
ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА:
АНТИВАКСЕРСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ
В ЕВРОПЕ**

ал сегодня невозможно и потому, что пандемия как событие еще не завершилась, а стало быть, люди, выступающие против большинства и официальной линии, не склонны особенно распространять информацию о себе и своей деятельности.

Вместе с тем очевидно, что скептическое отношение к угрозе начала полномасштабной пандемии (условный *коронаскептицизм*), характерный для первой половины 2020 года, последовавшая за ним критика властей, которые принимали строгие дисциплинарные антиковидные меры (условно *ковидскептицизм*, с середины 2020-го), и отрицание необходимости вакцинации (*антиваксерство*, с начала 2021-го) – три разных явления, а не одно. Несмотря на то, что, по всей видимости, основное ядро противников антипандемийных мер прошло все три этапа отрицания, многие нынешние противники вакцинации – или же, к примеру, критики властей за чрезвычайно (по их мнению) жесткие или непоследовательные меры – не разделяют всего комплекса отрицания опасности ситуации.

Сложность и многослойность того, что в современной публицистике понимается под антиваксерским движением, обсуждается в материалах блока. В следующих абзацах я – как инициатор и составитель подборки – позволю себе выразить ряд соображений, которые пришли мне в голову в ходе наблюдений (и отчасти – в процессе полевых исследований в рамках моего проекта по изучению постсоветской религиозности) за событиями 2020–2022 годов. Причиной интереса автора к данной теме послужило то, что, несмотря на явную и очевидную опасность пандемии с самого момента ее начала, несколько групп френдов автора в социальных сетях, представляющие совершенно разные и в других вопросах ни в чем не пересекающиеся страты (например либертарианцы-западники и весьма консервативные православные), заняли скептическую позицию, а потом начали яростную пропаганду против антипандемийных мер. Аналогичным образом целый ряд родственников автора, с которыми существовал (казалось бы) консенсус по медицинским вопросам, заняли четкую антиваксерскую позицию (которая, впрочем, впоследствии была частично пересмотрена). Кроме того, автору, занимающемуся академическими исследованиями постсоветского православия, в 2020 году пришлось комментировать многочисленные обвинения в адрес православных в пособничестве распространению коронавируса.

НЕВЫГОДНО ДЛЯ МЕНЯ ЛИЧНО ИЛИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТЫ, С КОТОРОЙ Я СВЯЗАН

Наиболее очевидный и нередко напрямую проговариваемый мотив отрицания пандемии связан с тем ущербом, который ее

НИКОЛАЙ МИТРОХИН

ПАНДЕМИЯ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ

признание и следование мерам по борьбе с ней может причинить акторам. Нарушение хода обычной жизни само по себе является сильным фактором – и тут прежде всего вызывала протесты необходимость носить маски. Однако для многих групп антипандемийные меры затрагивают их прямые интересы. Например, значительная часть мелкого бизнеса, равно как и многие культурные, спортивные или религиозные организации, заинтересованы в постоянном притоке людей, их относительно тесном контакте с персоналом/сотрудниками/служителями и как можно более продолжительном пребывании в помещении. Именно оборот посетителей обеспечивал для них доходность, прямую или символическую.

{ Для преодоления моральной ответственности, налагаемой обществом, отрицание важности антипандемийных мер имеет существенное значение.

Для людей младше сорока лет пандемия, особенно в первые полтора года (до появления омикрон-штамма), не несла существенных личных рисков (исключая тех, у кого были определенные заболевания), поэтому для них было вполне естественным игнорировать ограничения, пусть из-за этого могли пострадать старшие поколения их семей. Для соблюдения ограничений нужно иметь либо эмпатию к возможным жертвам, либо подчиняться государственному принуждению. Для преодоления моральной ответственности, налагаемой обществом, отрицание важности антипандемийных мер имеет существенное значение.

Однако здесь возникает вопрос: почему среди «отрицателей» много людей немолодых и не связанных с мелким бизнесом или получением доходов от культурной, спортивной или религиозной деятельности?

НЕДОВЕРИЕ К «ДИВНОМУ НОВОМУ МИРУ», ВЛАСТИ, ПРЕССЕ – И НОВЫЕ ПЛОЩАДКИ

Вторая половина 2010-х стала временем быстрых изменений в сфере социальных норм. Группа социальных движений от *MeToo* до *Black Lives Matter* оказала влияние на формирование и внедрение «новой этики» и нового языка описания – воспринятого и активно пропагандируемого мейнстримными медиа западного мира и основной частью политической элиты. На уровне крупных компаний и системы образования эти стандарты активно внедрялись в повседневные практики работы и учебы. Однако для значительной части общества подобные из-

менения не были желательны и приемлемы или просто казались слишком быстрыми. А вот активное навязывание нового языка и норм со стороны мейнстрима казалось не просто подозрительным, но и вызывало недоверие к этим институтам, а также силам, стоящим за ними. Противодействие выразилось как в формах поддержки политиков, противостоящих «дивному новому миру», так и во внимании к тем авторам и медиа, которые могли бы объяснить происходящее в том ключе, в котором события виделись скептикам. Это привело к новой волне интереса к конспирологическим идеям и информационным площадкам, на которых они развивались.

Особенно это касалось старшего поколения, которому предлагалось отказаться от языка, которым они привыкли разговаривать, многих тем, на которые они привыкли шутить, некоторых бытовых привычек (и даже пищи), – и воспринять лексику и идеологические установки, существовавшие доселе либо среди активистов, либо в университетской среде. Очевиден стал конфликт как между разными поколениями (бумеры против зумеров), так и между социальными стратами – людей с университетским образованием (но порой без постоянной работы) и людей без такового, но, как правило, занятых не самым высокооплачиваемым трудом.

Именно на этом фоне мейнстримные политические и медиазлиты попытались убедить все население в опасности нового вируса. Они настаивали на необходимости прежде всего самоограничения, но также подчинения вводимым в административном порядке правилам, касавшимся прежде всего личной телесности (ношение масок и перчаток, дезинфекция рук), а также складывались в новый ансамбль поведения в общественных местах.

Неудивительно, что центрами сопротивления этим мерам – в географическом и социальном разрезах – стали именно те, кто и раньше сопротивлялся «новому мировому порядку». От президентов Путина, Трампа и Болсонару (первые двое, впрочем, вскоре пошли на попятную, осознав масштабы проблемы) до консервативных в религиозном отношении групп и целых регионов (как, например, Саксония в Германии). Сопротивление наступлению на «свободу» – как это быстро было сформулировано еще в середине 2020 года – не стоило особенно дорого. За него практически не надо было платить: агитация или выходы на площади обходились бесплатно. Лишь в начале 2022-го против активных организаторов антиковидных протестов повсеместно начали возбуждать уголовные и административные дела и правоохранительные органы всерьез занялись их деятельностью (например в Германии, Канаде и Украине). В России, правда, это сделали на год раньше, но только в отно-

шении одной из подобных групп – общины Средне-Уральского монастыря под руководством схиигумена Сергия (Романова). В результате он оказался за решеткой за свои антигосударственные и радикально-ксенофобские видеообращения.

НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ И МЕР СО СТОРОНЫ ВЛАСТИ, РАСКОЛ В МЕДИЦИНСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Деятельность «отрицателей» во многом опиралась на массовое раздражение населения не только строгостью мер, предпринимаемых властями, но и их непоследовательностью. Изначально эпидемиологи (и власти многих государств) предупреждали, что, подобно прежним пандемиям подобного уровня опасности, новая продлится два года и количество переболевших составит более половины населения. Однако многие и сторонники и противники ограничительных мер оказались не готовы к тому, что меры не просто вводятся на этот период, но и окажутся эффективными лишь отчасти – более того, что они будут постепенно частично ужесточаться. По большому счету, в первые полгода пандемии никто публично не разъяснял, что вирус может мутировать, и что новые мутации будут охватывать новые группы населения, и что прививки не станут панацеей. Наоборот, активная агитация за прививки подразумевала, что, когда процент привившихся перейдет определенный порог (порядка 65–70% населения), пандемия утихнет. Как мы могли видеть, абсолютно никакие из этих прогнозов не оправдались и вакцинация, существенно смягчив последствия для заболевших, не остановила распространения новых штаммов вируса.

В течение двух лет власти, борясь с очередными волнами коронавируса, то вводили, то ослабляли защитные меры, создавая у многих наблюдателей впечатление, что государство не знает, что делает, или что оно просто не справляется со своими обязанностями в данной сфере. Это впечатление поддерживал очевидный раскол в среде медицинских работников и низовых представителей властей. Первый раз сомнения в необходимости антипандемических мер мне довелось прочесть у леволиберального немолодого гуманитария из центральной России, который, казалось бы, должен был быть сторонником мейнстримной интерпретации событий, однако его друг, тоже очень немолодой заслуженный врач-эпидемиолог, убедил его, что данная пандемия выглядит слабее, чем те, с которыми тому приходилось бороться в прошлом, а следовательно, делать тут ничего не надо. Вторым сомневающимся стал мой коллега

средних лет, с профессиональным медицинским образованием и опытом работы в малом бизнесе, который в течение нескольких месяцев потратил немало усилий, доказывая читателям своей страницы в социальной сети, что пандемия COVID-19 – это совсем не то, о чем говорят власти, а смертность от нее, согласно его вычислениям, не так велика. И, наконец, третий сигнал поступил от одного из московских родственников, которого его друг – врач-хирург в очень престижной московской клинике – настоятельно убеждал не прививаться «Спутником» или другими вакцинами, поскольку он сам и его коллеги не видели оснований им доверять. В России ситуация осложнялась тем, что российские вакцины, несмотря на активное их продвижение властями в мире и рекламу внутри страны, так и не получили международной аккредитации, а значит, со стороны части населения не выглядели вызывающими доверие.

НИКОЛАЙ МИТРОХИН
ПАНДЕМИЯ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ

В течение двух лет власти, борясь с очередными волнами коронавируса, то вводили, то ослабляли защитные меры, создавая у многих наблюдателей впечатление, что государство не знает, что делает, или что оно не справляется со своими обязанностями.

Феномен врачей (и медсестер) «отрицателей» остается достаточно распространенным. В *YouTube* и на специальных антиваксерских сетевых площадках можно найти уже десятки роликов, в которых медики (в основном из младшего и среднего медицинского персонала) настоятельно рекомендуют не прививаться. Аналогичный раскол наблюдается и во властной среде.

Российский бард Семен Слепаков в своем клипе «Или нет», опубликованном в начале 2022 года, описал эту ситуацию с позиции рядового охранника мэрии, которому мэр громко советует привиться, а идущий за ним заммэра шепотом настоятельно не рекомендует этого делать. После чего охранник вспоминает всю непоследовательность властей в отношении вакцинации и введения санкций против невакцинированных – и остается в недоумении, как же ему поступать.

Доступ к медицинской или квазимедицинской АЛЬТЕРНАТИВЕ, В КОТОРУЮ ВЕРИШЬ

Раскол в рядах официальной медицины и доверие к перебежчикам на сторону «отрицателей» является частью общего конфликта альтернативных медицинских практик с институализи-

рованной системой здравоохранения, поддерживаемой и спонсируемой государством. В Европе и Северной Америке альтернативные системы лечения, направленные на «щадящий» режим выздоровления и использующие «природные силы» и «энергию», получили свое развитие с 1910–1920-х в рамках антропософской медицины, связанной с именем Рудольфа Штайнера. Особую популярность она имела в германоязычных странах (особенно в альпийском регионе) и Скандинавии. Одно из подобных направлений, известное как «гомеопатия», получила распространение во всем мире. В 1960–1970-е по мере роста движения *New Age*, ставящего во главу угла поиски «новой духовности» и «возвращения» к природе, бурное развитие в западных странах получили и другие медицинские и околomedicalные практики – йога, акупунктура – и прочие, гораздо более экзотические методы. Все они основывались на «естественных», то есть существующих (или якобы существующих) в природе и народных традициях методах и веществах, ставя под сомнение «искусственные», созданные в рамках западной позитивистской медицины и фармакологии, подходы. Ненамеренные промахи и намеренные преступления больших фармакологических компаний, о которых стало известно в этот период, придавали этой аргументации убедительность. Активные сторонники альтернативной медицины довольно недоверчиво относятся к «бигфарме» (*big farma*) и ее новейшим, якобы еще недостаточно опробованным разработкам; для них стремительно разработанная и массово введенная в оборот вакцина (вакцины) была крайне подозрительна. Именно этим – «незаконченностью процесса апробации» и «неестественностью» – зачастую мотивируется отказ от вакцинации сторонников этих учений (с чем автору данной статьи пришлось столкнуться на примере некоторых его родственников в Германии). Видимо, здесь значительную роль играет еще тот факт, что подобные идеи популярны у образованных женщин с частичной, неполной занятостью, которым не надо ходить каждый день на работу (то же относится и к самозанятым).

В результате возникает определенный конфликт между общими правилами, которым должны подчиняться мужчины (и некоторые женщины), «вписанные в систему», работающие в средних, больших организациях, и женщинами, которым комфортно в своей кажущейся «несистемности» и «альтернативности». Особенно это проявляется в столь сложном и многоплановом аспекте, как забота о своем здоровье и здоровье своих детей.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР, КОТОРЫЕ СТРЕМЯТСЯ ОСЕДЛАТЬ ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

НИКОЛАЙ МИТРОХИН
ПАНДЕМИЯ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ

При наличии таких больших страт людей, не доверяющих официозу, ситуацией решили воспользоваться различные акторы. Социальные сети открывают миру миллионы новых лиц, жаждущих популярности, из них десятки тысяч смогли – пусть и на короткое время – обойти социальные границы, установленные официальными СМИ, и стать звездами. Пандемия открыла дорогу к популярности для активных домохозяек и медицинских сестер, свидетельствующих о темных манипуляциях врачей; бывших кинозвезд, которые таким образом получили шанс вернуть себе популярность; политиков и общественных деятелей второго ряда, которые, поддержав недовольных антиковидными мерами, обрели возможность пропагандировать и другие свои идеи. Фактически речь пошла о создании широкой консервативной коалиции, которая – на основе отрицания пандемии – могла бы дать бой «дивному новому миру» левой, и особенно леволиберальной, политики.

Антиваксеры видят себя членами «клуба для умных и свободных», описывают себя и своих единомышленников как контркультуру избранных, считая оппонентов полуграмотными, трясущимися от собственных страхов невротиками.

Все это привело к формированию новой идентичности, субкультуры протеста и его языка. Антиваксерское движение в русскоязычном мире сейчас активно формирует и продвигает новый язык с набором терминов, не нуждающихся в объяснении. В частности, там популярна риторика о «братьях», под которыми понимается любой единомышленник (возможно, даже не реальный, а предполагаемый), – классический термин, символизирующий единство агрессивных сообществ. Антиваксеры видят себя членами «клуба для умных и свободных», «не такими, как все», «не зомби», «непродавшимися». Они описывают себя и своих единомышленников как контркультуру избранных, считая оппонентов полуграмотными, трясущимися от собственных страхов невротиками.

Разумеется, при наличии подобного массового, но неформального движения находится множество малоизвестных широкой публике политиков, которые видят в данной ситуации шанс возглавить протест и выйти на более высокий уровень

политической карьеры – или восстановить свои прежние позиции. Более серьезными игроками являются политические организации, не получившие доступа в большую политику – обычно из-за своего радикализма. Они постоянно стремятся найти тему, которая позволила бы им мобилизовать более широкие группы поддержки. Пандемия подарила им этот шанс.

* * *

Как мы видим, скептические или антиваксерские настроения лишь частично опираются на страхи и фобии. Этот феномен имеет довольно очевидные социальные и политические корни и позволяет высветить те общественные страты, где влияние государства и общественно-политического мейнстрима, дискурса «больших СМИ» незначительно. Это важный урок для общества, здравомыслящих политиков и ответственных медиа. Будет печально, если они не сделают из него никаких выводов.

Против вакцинации: новое социальное движение в России, его формы и методы

ДМИТРИЙ
ДУБРОВСКИЙ*

В России движение против вакцинации (антивакционное движение, далее – АВД) развивалось – вобрав в себя разнообразные реакции на меры государства против пандемии COVID-19 – не на пустом месте. Оно появилось гораздо раньше – прежде всего как результат активного сопротивления родителей обязательной вакцинации детей¹.

Наше предположение таково: в настоящее время АВД обладает всеми чертами социального движения, характеристики которого задаются, с одной стороны, очевидной гетерогенностью его самого, с другой, – вариативностью методов, которые оно использует в качестве ответа на государственную кампанию вакцинации. В качестве нового социального движения АВД характеризуется неконвенциональными формами выражения общественного протеста – на что влияет и рост авторитарных тенденций в политике властей, и общее недоверие к государственным институтам со стороны общества.

Предлагаемая статья посвящена специфике АВД в России и является попыткой объяснить разнообразие взглядов и позиций как самих сторонников АВД, так и их специфику («отрицатели распада СССР» соседствуют с ультралибертарианцами, которые называют вакцинацию «советской практикой несвобо́ды»). Также речь пойдет о широком спектре форм гражданского неповиновения, которые использует движение.

АВД и «КУЛЬТУРА НЕДОВЕРИЯ»

Одним из системных кризисов современной общества является кризис доверия; Уильям Бек даже использует термин «общество недоверия»². Недоверие прежде всего связано с тем, что граждане, не разбираясь в сложных научных схемах и объяснениях и не понимая их, создают для защиты общественных

Дмитрий Дубровский (р. 1970) – доцент факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург). Сфера научных интересов – история прав человека, спорт и политика, академическое сообщество и право.

* Внесен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

1 ВЛУМЕ S. *Anti-Vaccination Movements and Their Interpretations* // *Social Science & Medicine*. 2006. Vol. 62. № 3. P. 628–642.

2 ВЕСК U. *Risikogesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986 (рус. перев.: БЕК У. *Общество риска: на пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция, 2006).

интересов механизмы, которые должны «обязать ученых объяснить ход их собственных мыслей и оправдывать их собственное поведение». В таком случае – рассуждает Бек – институционализированное недоверие становится гарантией учета общественных интересов в работе науки. При этом гражданин отдается на милость специалистов, которым он «делегировать власть при одновременном поиске новых путей контроля и надзора за их деятельностью».

Это подогревает общественное движение, которое подозревают науку – в частности, медицину – в утаивании существующих рисков. Государство же подозревается если не в прямом заказе, то в попустительстве такой политике. В яркой форме это проявляется именно в отношении к массовой вакцинации, где уровень образования и понимания обычными людьми проблем вирусологии требует высокой степени доверия к государственным институтам, включая медицинские программы.

АВД, несомненно, появилось как реакция все еще отчасти традиционного общества на медиализацию населения и в целом основывалось на религиозных аргументах³. Впоследствии, с дальнейшей секуляризацией социума некоторые врачи, особенно представители «альтернативной медицины», видели в этом движении способ своей легитимации и часто становились авторитетами уже для нерелигиозного антивакцинаторского движения⁴. Не менее важным в истории становления АВД в Европе оказался и социальный фактор: известно, что еще в викторианской Англии насильственный характер вакцинации бедных вызывал серьезное сопротивление. Последние 25–30 лет антивакцинаторское движение, когда-то почти исчезнувшее, получило новое дыхание; исследователи, сравнивавшие риторику АВД конца XIX века и нынешнюю, приходят к выводу, что последняя напрямую заимствует аргументы первой. Тем не менее имеет смысл рассматривать АВД именно как социальное движение, с присущими ему общими для всего мира чертами. Еще в начале 2000-х исследования АВД показали, что для этого социального движения общими являются следующие позиции:

- побочные реакции от вакцин скрываются;
- вакцинация приводит к различного рода заболеваниям (аутизму, СПИД и так далее);
- вакцинация подрывает (временно или полностью) иммунитет;
- вакцинацию устраивают исключительно в интересах фармацевтических компаний;
- вакцинация и меры, с нею связанные, нарушают гражданские права свободы;

3 DURBACH N. *Bodily Matters the Anti-Vaccination Movement in England, 1853–1907*. Durham: Duke University Press, 2005.

4 BLUME S. *Op. cit.* P. 628–642.

– заболевание все равно проходит, потому так называемый «холистический подход» предпочтительнее вакцинации⁵.

Пандемия COVID-19 не добавила ничего особенно нового к этому набору аргументов. Однако в нынешней ситуации важную роль в развитии и сплочении АД сыграл рост правого популизма в Европе⁶ – и особенно возможности интернета⁷, который способствовал не только быстрой мобилизации движения, но и активному распространению антивакцинаторских слухов⁸ и различных теорий заговора⁹.

Все вместе – бурный рост «альтернативной медицины» в «обществе недоверия», усиление правого популизма и социальное расслоение – хорошо укладываются в общую характеристику антивакцинаторского движения в России, где общественная «культура недоверия»¹⁰ усиливается недоверием к государственным институтам и инициативам¹¹. Это привело к тому, что значительное количество российских граждан отказались вакцинироваться.

Согласно опросам «Левада-центра»¹², доля людей, критически относящихся к прививочной кампании, почти не меняется, составляя более половины населения¹³. Около 7% отказников заявили, что им порекомендовали уклониться от прививки врачи их поликлиники. Это неудивительно: согласно социологическому опросу, проведенному в июне 2021 года по заказу газеты «Коммерсант», около трети врачей в России не собираются прививаться¹⁴. Конечно, мотивы людей, отказывающихся от прививок, весьма разнообразны: для некоторых злом является вообще любая прививка; а у большого количества людей отказ от вакцинации основан на недоверии к конкретной вакцине и конкретному государству, которое эту вакцину произвело.

- 5 WOLFE R.M., SHARP L.K. *Anti-Vaccinationists Past and Present* // *British Medical Journal*. 2002. № 325. P. 430–432.
- 6 KENNEDY J. *Populist Politics and Vaccine Hesitancy in Western Europe: An Analysis of National-Level Data* // *European Journal of Public Health*. 2019. Vol. 29. № 3. P. 1–5.
- 7 КАТА А. *A Postmodern Pandora's Box: Anti-Vaccination Misinformation on the Internet* // *Vaccine*. 2010. Vol. 28. № 7. P. 1709–1716; ИДЕМ. *Anti-Vaccine Activists, Web 2.0, and the Postmodern Paradigm – An Overview of Tactics and Tropes Used Online by the Anti-Vaccination Movement* // *Vaccine*. 2012. Vol. 30. № 25. P. 3778–3789; ŽUK P., ŽUK P. *Right-Wing Populism in Poland and Anti-Vaccine Myths on YouTube: Political and Cultural Threats to Public Health* // *Global Public Health*. 2020. Vol. 15. № 6. P. 790–804.
- 8 LARSON H.J. *Stuck. How Vaccine Rumors Start – And Why They Don't Go Away*. Oxford: Oxford University Press, 2020.
- 9 JOLLEY D., DOUGLAS K.M. *The Effects of Anti-Vaccine Conspiracy Theories on Vaccination Intentions* // *PLoS ONE*. 2014. № 9(2). P. 89–177.
- 10 КОРМИНА Ж. *Дрожжи-убийцы: гастрономическая конспирология и культура недоверия в современной России* // *Антропологический форум*. 2015. № 27. С. 142–143.
- 11 См.: www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/.
- 12 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*
- 13 См.: www.levada.ru/2021/08/09/vaktsinatsiya/.
- 14 *Вакцина пошла по врачам* // *Коммерсант*. 2021. 18 июня (www.kommersant.ru/doc/4858763).

Мы предлагаем считать *участниками АВД* не тех, кто согласно социологическим опросам попадает в категорию отказников, но тех из них, кто тем или иным образом включен в разнообразный репертуар действий, связанных либо с активным, либо с пассивным сопротивлением государственной вакциниаторской кампании. Эта группа, как представляется, вполне соотносится с составом АВД в других странах; среди них – критики существующей системы здравоохранения, сторонники различного рода «альтернативной медицины», участники крайне правых движений (в России странном образом представленные, в частности, «гражданами СССР»). Отдельная категория, которая парадоксально смыкается с предыдущими, – это те, кто критически настроен к современной российской власти и не доверяет именно российской вакцине. Последних к антивакцинаторам можно причислить лишь условно: по возможности они прививаются зарубежными вакцинами. Возмущение у этой категории часто вызывает не столько кампания вакцинации, сколько ее квазиобязательный характер, а также многочисленные ограничения в отношении непривитых – в частности, использование QR-кодов.

Бурный рост «альтернативной медицины» в «обществе недоверия», усиление правого популизма и социальное расслоение хорошо укладываются в общую характеристику антивакционного движения в России, где общественная «культура недоверия» усиливается недоверием к государственным институтам и инициативам.

РОССИЙСКОЕ АВД – АВТОРИТЕТЫ И СОРАТНИКИ

Российское АВД в немалой степени опирается на «научный дискурс» и активно привлекает людей с медицинским образованием и степенями для объяснения, почему «вакцина против коронавируса невозможна» и почему «вакцинация либо бессмысленна, либо напрямую опасна». Как правило, все задействованные «эксперты» являются сторонниками «альтернативной медицины»¹⁵. Они активно участвуют в Независимой ассоциации врачей (НАВ), созданной в декабре 2019 года, в самом начале распространения COVID-19. Немалая часть членов

15 ERITSYAN K.Y., ANTONOVA N.A., TSVETKOVA L.A. *Studying Anti-Vaccination Behavior and Attitudes: A Systematic Review of Methods // Psychology in Russia*. 2017. № 1. P. 153.

НАВ представляет «альтернативную медицину» – это специалисты по «биорезонансной медицине», гомеопаты, остеопаты, фитотерапевты и так далее¹⁶. Деятельность НАВ включает в себя «просветительскую деятельность», издание книг, проведение конференций. Также Ассоциация подготовила документ под названием «Комплексное экспертное заключение “Анализ иммунопрофилактических препаратов для профилактики SARS-CoV-2”». Его главный тезис таков:

«Вакцинацию следует проводить только по медицинским показаниям. Вакцины имеют серьезные побочные действия и противопоказания, а также содержат токсичные компоненты. Вакцинация в том виде, в котором она существует сейчас, – пережиток прошлого и опасное для здоровья нации воздействие».

Документ венчается выводом: смертность от применения вакцины превышает возможную убыль населения от самого вируса. Члены НАВ, подписавшие этот документ, аффилированы с различными альтернативными медицинскими институтами, но их деятельность не получила институциональных признаков международного признания (публикации и проекты). При этом их подписи – видимо, сознательно – не содержат наиболее раздражающих маркеров, указывающих на связь с «альтернативной медициной». Так, соавтор доклада Наталия Радомская (обычно характеризует себя как «гомеопата, мануального терапевта, реабилитолога, рефлексотерапевта, фитотерапевта») в тексте названа «врачом-вирусологом», хотя закончила медико-биологический факультет и не имеет никаких научных работ, но известна при этом как отрицатель ВИЧ-инфекции¹⁷. Светлана Герасенко (в тексте – «высшее медицинское образование, специализация “инфекционные болезни”») – учредитель и вице-президент Сибирской гомеопатической ассоциации. Екатерина Капустина («к.м.н., защитившаяся по теме детской аллергии, последние восемь лет классический гомеопат») обучалась, в частности, в Международной академии классической гомеопатии. У Капустиной заметное количество научных публикаций и солидный индекс Хирша (8), однако все это заканчивается 2014 годом (дата начала работы в качестве «классического гомеопата»). Другой активист НАВ – доктор медицинских наук Денис Иванов – специалист по «клеточным технологиям лечения» и соавтор работы «Эффект донор-акцептерного переноса проходящим электромагнитным излучением сано- и патогенных характеристик биообъекта и создание новых медицинских технологий».

16 Любопытно, что одна из активных членов НАВ – Алина Лушавина – автор социологических статей и выступлений, посвященных антивакцинаторскому движению как социальному.

17 См.: https://vk.com/wall-69659144_130437?z=photo-68250378_456239204%2Fc7e500f775f290ed64.

ДМИТРИЙ ДУБРОВСКИЙ
ПРОТИВ ВАКЦИНАЦИИ:
НОВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ...

Сторонники «альтернативной медицины» предлагают и альтернативные же методы лечения COVID-19.

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ЛЕЧЕНИЕ COVID-19

При всем разнообразии послужного списка членов НАВ следует отметить и возможный финансовый аспект их гражданской борьбы против вакцин и вакцинации: многие из них связаны с фирмами, продающими либо услуги по альтернативному лечению от коронавируса, либо дорогие программы восстановления после него¹⁸.

Одна из ярких активисток, связанных с АД, Светлана Пеунова (Лада-Русь) – владелица центра народной медицины «Путь к Солнцу», «Академии развития Светланы Пеуновой», а позже центра «Лада-Русь», где она названа «автором метода профилактики социально-стрессовых расстройств и безлекарственно-го оздоровления». Помимо всего прочего, сайт центра предлагает регулярные «советы астролога». Коронавирус Пеунова называет обманом, распространяемым для «уничтожения массы населения с целью пользоваться ресурсами планеты единолично»¹⁹. Лечить болезни она предлагает собственным методом, улучшающим «энергоинформационный обмен» и основанным на «осознании пациентом полной ответственности за происходящее с ним». Еще одна участница АД, доктор Порожская, так и формулирует: «Если не верить в коронавирус, то им не заболеешь». «Врач-отрицатель» Владислав Шафалинов, утверждающий, в частности, что «если прекратить тестирование, то и пандемия прекратится»²⁰, участвовал в кампании по исключению COVID-19 из списка опасных заболеваний. При этом он и его семья владеют компаниями «Центр прикладных медицинских технологий академика Дикуля» и «Ваш доктор», предлагающими платную госпитализацию больных COVID-19; доход этих фирм за время пандемии вырос на 52 миллиона рублей. Другой врач-активист АД, Павел Воробьев, дистанционно консультирует больных в «Медицинском бюро Павла Воробьева – клинике ответственного самолечения». Психолог и «биорезонансный терапевт» Наталья Архипова продвигает в качестве метода борьбы с коронавирусом «электрические разряды», утверждая, что это создает «целебное электромагнитное излучение». Наконец, Алина Лушавина считает, что причина всех заболеваний –

18 *Ковид-мародеры в белых халатах* // Экспресс-газета. 2022. 12 января (www.eg.ru/society/1823112-kovid-marodery-v-belyh-halatah/).

19 См.: https://vk.com/video-33738385_456240156?list=18a0da12b53c78c836.

20 *Шафалинов назвал неочевидный «метод борьбы» с ростом Covid: «может, пандемия вообще прекратится»* // Царьград-ТВ. 2022. 14 января (https://tsargrad.tv/news/shafalinov-nazval-neochevidnyj-metod-borby-s-rostom-covid-mozhet-pandemija-voobshhe-prekratitsja_477881).

глисты и, вместо вакцинации, надо пройти курс по очищению организма. Другой такой же «врач» предлагает выводить коронавирус физическими упражнениями и травяным чаем²¹.

ДМИТРИЙ ДУБРОВСКИЙ
ПРОТИВ ВАКЦИНАЦИИ:
НОВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ...

РОССИЙСКОЕ АВД И ПРАВЫЕ ПОПУЛИСТЫ

Существует прямая связь между антивакцинаторским движением и правыми популистами; и те и другие уверены, что COVID-19 – следствие мирового заговора. Этот феномен распространен во всем мире, и им давно уже занимаются исследователи²². Общая картина недоверия к медицине хорошо совмещается с недоверием к государству и его институтам – и с уверенностью в наличии «внешнего управления» (или даже «мирового правительства»). Нынешняя пандемия воспринимается в этом контексте как еще одно доказательство существования такого заговора. Появляющиеся в России общественные антипрививочные проекты не только часто созданы врачами (в основном из «альтернативной медицины»), убежденными в наличии мирового заговора, но и предсказуемо аффилированы с политиками-националистами и правыми популистами.

Активность АВД в сети была недавно исследована Ассоциацией интернет-технологов, которые, в частности, оценили совокупную аудиторию пабликов и лидеров общественного мнения по этой тематике в 34 миллиона аккаунтов. В «Одноклассниках» и «ВКонтакте» «число уникальных пользователей, взаимодействовавших со 100 антиваксерскими пабликами за последний месяц, достигает 2 млн». Эксперты Ассоциации увидели связь между содержанием АВД-сайтов и онлайн-деятельностью радикальных традиционалистов и популистов, а также – «альтернативной медицины» (в частности, восточной). Можно указать, к примеру, на движение «Сорок сороков» и его *YouTube*-канал, *YouTube*-канал «Сталинград», сообщество «Общенародный союз возрождения России», паблики «Антиутопия и утопия», «Ведический мир». Среди прочих центров, где аккумулируется активность АВД, называется Общенародный союз возрождения России (ОСВР)²³.

Описанная выше Независимая ассоциация врачей напрямую связана с ОСВР, который является очередной реинкарнацией партии «Воля», – запрещенной в России в качестве «экстремистской организации». В частности, иски о признании незаконной регистрации антиковидной вакцины «Спутник» подавались от

21 Ковид-мародеры в белых халатах.

22 SPEED E., MANNION R. *Populism and Health Policy: Three International Case Studies of Right-Wing Populist Policy Frames* // *Sociology of Health & Illness*. 2020. № 42(8). P. 1967–1981.

23 *Антиваксерство в сети* // Коммерсант. 2021. 26 ноября (www.kommersant.ru/doc/5090785).

имени НАВ и ОСВР²⁴. Это не удивительно: НАВ была создана в момент формирования ОСВР, в частности, из медиков – бывших сторонников «Воли». Ссылка на интернет-страницу лидера партии «Воля» Светланы Пеуновой была на сайте ОСВР, – заблокированного в настоящее время как раз за распространение антивакцинаторского материала (однако аккаунты в «Живом журнале» и «ВКонтакте» остаются доступными)²⁵.

Не удивительно, что публичные выступления членов НАВ, в частности, на их «научно-практических конференциях», полны жалоб и возмущений по поводу «антинародного характера» вакцинации: в них члены НАВ публично называют вакцинацию «эвтаназией», которая призвана «принудительно ограничить срок жизни» и даже «привести к смерти»; разумеется, все это инициировано Западом. На одной из конференций утверждалось:

«Сейчас Россией правят люди, которые пришли к власти в 1993 году, после цветной революции, государственного переворота по сценарию ЦРУ. [...] Поэтому вакцинация – это] сокращение населения, геноцид, в частности, нашего народа, нашей страны»²⁶.

В упомянутом выше документе Лиги защиты прав пациентов пандемия описывается как заговор элит, руководимых США и реализующих свою программу через Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ).

В листовках, которые активисты АД раздавали жителям Самары, вакцинация также упоминается в контексте теории мирового заговора – прежде всего против России. На иллюстрации, сопровождающей текст, дважды изображена молодая мать с ребенком. Слева на нее падают бомбы, справа – летят шприцы: «В 1945 году фашисты убивали оружием, а в 2021 – вакцинами?». Текст листовки утверждает, что «план эпидемии» был «придуман Фондом Рокфеллера», который некогда «финансировал Гитлера», а отец нынешнего руководителя фонда «был другом Билла Гейтса», который хочет «сократить население с помощью вакцин». Этому служат внедряемые в вакцины «нано-чипы», а результате этой прививочной кампании на тела людей планируется ставить «квантовые татуировки с номерами», как в концлагере²⁷.

Недоверие к государству и уверенность в его «антинародном характере» связывает АД с другими группами и движе-

24 См.: <https://stoppanika.ru/news/415-zavtra-budet-predjavlen-isk-po-vakcinam.html>.

25 АХМЕТЬЕВ М. *Граждане без СССР. Сообщества «советских граждан» в современной России*. М.: Сова, 2022. С. 78.

26 ГОРБУНОВА Е. «Это геноцид, фашизм и эвтаназия»: как антипрививочники стали ядром сомнительного политического движения // *Фонтанка.ру*. 2021. 21 июня (www.fontanka.ru/2021/06/21/69982430/).

27 *Сектанты Пеуновой атаковали Самару листовками о прививочном геноциде* // *Tltgorod.ru*. 2021. 15 ноября (<https://tltgorod.ru/news/?theme=62&news=120160>).

ниями, критикующими или отрицающими современный российский строй. Особенно стоит обратить внимание на связь между АД и различного рода сообществами «граждан СССР». Эти группы описаны в недавно вышедшей монографии Михаила Ахметьева, где можно найти ряд упоминаний об активной поддержке, которую эта политическая группа оказывает АД. Как указывает автор, активное участие в антивакцинаторской кампании можно считать одной из основных форм деятельности «граждан СССР»²⁸. В частности, недавно одна из таких групп выпустила указ о «запрете вакцин и ковид-центров»²⁹.

ДМИТРИЙ ДУБРОВСКИЙ
ПРОТИВ ВАКЦИНАЦИИ:
НОВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ...

АД и ЕГО ОРГАНИЗАЦИИ: РИТОРИКА и ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Противники вакцинации и прочих антипандемийных мер используют традиционные методы гражданского сопротивления, в то же время критикуя противодействующие им власти за нарушения прав человека.

Сайт НАВ постоянно публикует материалы о смертельной опасности, которую несет с собой вакцина, о ее побочных эффектах, о невозможности создать вакцину от COVID-19, «потому что это ОРВИ» и «от него не может быть вакцин». Другая форма их деятельности – проведение конференций и публичных мероприятий с целью «информирования общества об опасностях вакцинации». 30–31 декабря 2020 года члены НАВ явились в Роспотребнадзор и Миндздрав и потребовали от чиновников «провести расследование» ситуации с вирусом и «поговорить с народом». Акция была проведена в сотрудничестве с Лигой защиты прав пациентов (см. ниже). Учитывая предпраздничные дни, шансов застать кого-то на рабочем месте почти не было, тем не менее тот факт, что к ним никто не вышел, активисты НАВ объявили «отказом разговаривать с народом».

Показательным примером публичной активности АД является деятельность Алины Лушавиной. Она заявляет, что «кампания против НАВ – это работа ЦРУ», а ВОЗ, организуя вакцинацию, «проводит генную терапию», в результате которой «людям меняют геном» без их согласия³⁰. Лушавина утверждает, что НАВ собрала ужасающую статистику смертности из-за вакцинации («мы насчитали 10 000 смертельных исходов»). Вакцинацию детей она называет «опытами над детьми», цель которых «воспитать послушное стадо».

28 АХМЕТЬЕВ М. *Указ соч.* С. 29.

29 Там же. С. 100.

30 См.: <https://zen.yandex.ru/video/watch/60e5d28f7e453743e252b020>.

В октябре 2021 года НАВ провела «международную конференцию» с участием европейских «групп защиты детей» и некоторых других общественных антивакцинаторских организаций³¹. На ней упомянутый выше Павел Воробьев заявил, что «люди идут прививаться как бараны», согласившись со словами ведущей: «Мы получаем новый тип трансгенных людей»³². По его словам, «никакой пандемии нет», это «фейк мирового масштаба», который «кому-то нужен», а все происходящее вокруг нее – «передел рынков»³³.

Другая активная организация противников вакцинации, которая была создана задолго до нынешней пандемии, – Лига защиты прав пациентов³⁴. Ее сайт демонстрирует весь спектр критического отношения как к пандемии коронавируса, так и к политике ВОЗ. На главной странице глава организации Александр Северский заявляет: он «как юрист» может утверждать: «у нас нет пандемии и эпидемии». Он уверен: смертность растет не от COVID-19, а «от стирания иммунитета» и «внутрибольничных инфекций». Более того, рост заболеваемости коронавирусом Северский связывает с наращиванием вакцинации. Что касается ВОЗ, то за ней «стоит те, кто запланировал определенную последовательность действий», это «точно план». При этом согласие России выполнять требования ВОЗ Северский называет «избирательным», примером «борьбы элит»; губернаторы на местах, по его словам, симулируют и саботируют политику центра. Введение QR-кодов он называет «потерей всех прав, борьба за которые шла в течение тысячелетий». Вывод Северского таков: «Они это делают в своих интересах, а не в наших – это то, что отличает капитализм от социализма».

Руководимая Александром Северским Лига защиты прав пациентов сосредоточила свои усилия на противодействии вакцинированию и антиковидным ограничениям. Ее активисты обращаются в суд – в частности, по поводу ношения масок (опасно для здоровья людей), пишут заявления в ФСБ, утверждая, что само объявление пандемии Всемирной организацией здравоохранения – это «акт международного терроризма», принимают «Декларацию против паники и массового ограничения прав». В последней – которая размещена на сайте *citizengo.org* для сбора подписей (к моменту написания статьи их около 50 тысяч) – говорится, что никакой пандемии нет, есть пандемия паники, ковид ничем не отличается от обыкновенного гриппа, а

31 «Назвать это вакциной нельзя»: честные врачи и правозащитники разоблачили вакцинофашизм на конференции в Петербурге // ИА «Катюша». 2021. 22 октября (www.katyusha.org/view?id=17594).

32 См.: www.youtube.com/shorts/leL6hSKyKnc (в настоящее время удален YouTube).

33 Коронавирус – «фейк всемирного масштаба»: ситуация полностью выдуманная? // EurAsia Daily. 2020. 20 февраля (<https://eadaily.com/ru/news/2020/02/28/koronavirus-feyk-vsemirnogo-masshtaba-situaciya-polnostyu-vyumannaya>).

34 Лига защиты прав пациентов: ligar.ru.

смертность объясняется протиковидными мерами и вакцинацией. Подписавшиеся требуют «от органов власти, включая международные», объявить о завершении пандемии, отменить все ограничения прав, обязательное ношение масок, «полноценно проверить препараты для лечения COVID-19», «не допустить обязательную вакцинацию непроверенными вакцинами» и, наконец, пригласить в органы власти «специалистов по вопросам эпидемиологии, вирусологии и тому подобному, без мотивированного учета мнения которых не допускать принятие решений по ограничению прав граждан»³⁵. В последнем пункте, видимо, имеются в виду, в частности, члены НАВ, подписавшие эту декларацию. Среди них можно обнаружить и имена соавторов так называемого «комплексного экспертного заключения» «Исследование решений, принятых органами власти в ходе вспышки заболевания COVID-19», которое также можно обнаружить на сайте Лиги³⁶. В этом документе говорится об «ограничении прав» и «защите Конституции». В тексте «комплексного экспертного заключения» подчеркивается легальность предлагаемых действий – «обращение в прокуратуру, Следственный комитет РФ, суд, митинги, манифестации, пикеты».

К этому «комплексному экспертному заключению» добавлен ряд приложений, уточняющих его основные положения. Приложение «Пандемия COVID-19 – проект ВОЗ и Всемирного банка» подготовлено Ольгой Четвериковой, крайне консервативным православным конспирологом³⁷. Четверикова раскрывает «заговор ВОЗ и фармацевтических компаний», цитируя бывшего сотрудника Всемирного банка:

«Скорее всего ВОЗ получила приказы “сверху” – от тех людей, которые также управляют Трампом и “лидерами” Европейского союза и его стран-членов, от тех, кто стремится управлять миром с помощью Единого мирового порядка».

Автор делает следующий вывод:

«Сценарий пандемии, [которому следует ВОЗ], был разработан заранее и был направлен на создание условий для глубокой перестройки экономики и всей системы управления мировым сообществом в интересах глобальных кругов, связанных со Всемирным банком и ФРС США и готовящих ускоренный переход к новому технологическому укладу».

35 Прекратить панику! (<https://citizengo.org/ru/signit/183028/view>).

36 Комплексное экспертное заключение «Исследование решений, принятых органами власти в ходе вспышки заболевания Covid-19» (https://ligap.ru/netcat_files/File/Экспертиза.pdf).

37 Директор центра геополитики Института фундаментальных и прикладных исследований МГУ, автор таких книг, как «Трансгуманизм в российском образовании», разоблачающей «планы реформаторов-трансгуманистов», нацеленных на «превращение детей в рабов», и «Цифровой тоталитаризм», который предлагает «новый взгляд» на связи «сектантов, оккультистов, ТНК и реформаторов».

Другое приложение, озаглавленное «Роль российских (и русскоязычных) медиа в формировании настроений в России в период “пандемии” COVID-19», подготовлено сотрудницей Московского педагогического государственного института Зоей Милославской, которая называет себя «экспертом по медиа-террору». В тексте описывается освещение пандемии в медиа; автор упрекает ведущие средства массовой информации в «игнорировании информации об альтернативном взгляде на COVID-19 авторитетных ученых». Интересно, что тут же содержатся упреки медиа в распространении различных теорий заговора (чем на самом деле занимается автор первого из упомянутых приложений!) и недостаток фактчекинга. Милославская видит в этом сознательную линию; по ее мнению, СМИ – особенно государственные – для того, чтобы «избежать консолидированного ответа общества на проводимую политику или же максимально сгладить его», прибегают к политике «разделяй и властвуй», высмеивая и стереотипизируя противников вакцинации и нарушителей введенных государством антиковидных ограничений. В результате использования «манипулятивных техник» происходит «разложение гражданского общества», «потеря внутреннего покоя», «большая отложенная волна заболеваемости вследствие бесконтрольного ношения СИЗ [средств индивидуальной защиты]». Сложившуюся ситуацию автор называет «информационной войной».

ПУБЛИЧНАЯ АКТИВНОСТЬ АВД: МЕДИАПРОЕКТЫ

Наиболее яркими медиапроектами АВД являются сайт «Стоппаника» и портал «Стопвакцизм».

Сайт «Стоппаника» (*stoppanika.ru*) с характерным подзаголовком «За ваши права и свободы!» содержательно совпадает с другими проектами движения. На нем помещено открытое письмо президенту Путину, ведется сбор подписей под письмом к патриарху Кириллу по поводу QR-кодов, выложена резолюция «научно-практической конференции» ковид-диссидентов, а также приводятся различные выступления экспертов и поддерживающих антивакционную кампанию деятелей. В текстах встречается термин «вакцизм» и ведется «перечень коронавакцистов», которые обвиняются в «ковидобесии». Тон материалов на сайте подчеркнуто миролюбив: даже в главном разделе «Призыв» все обращения к различным группам (в частности, с призывом «защищаться от медицинского фашизма») предполагают исключительно гражданские формы защиты. Наиболее радикальный призыв обращен к президенту и правительству: «Уходите, мы вам не верим!». Правда, другой материал сайта

использует более резкую риторику: «Вы сами голосовали за этих убийц». Показательно, что один из главных авторов сайта – Валерий Парфенов, бывший политический заключенный, отсидевший срок за призыв к референдуму «за ответственную власть»³⁸ и связанный с движением «Армия воли народа», в России признанной «экстремистской организацией». Среди тех, кто поддерживает призыв к сопротивлению, глава праворадикальной организации «Союз православных мирян» Анатолий Артюх, «общественный уполномоченный по защите семьи в Санкт-Петербурге и Ленинградской области» Ольга Баранец, а также болгарский политолог, активный борец с вакцинацией Пламен Пасков³⁹.

Другой медиапроект, «Стопвакцизм» (*stopvaccism.org*, также есть группы в «ВКонтакте» и *Telegram*), петербургского ковид-диссидента Дениса Шульги так же активно использует технологии гражданского общества по организации общественных кампаний. На этом сайте ведется «список жертв» вакцинирования, основанный на принципе «после значит из-за» – любая смерть, хронологически следующая за вакцинацией, считается доказательством «вредоносности» вакцины. Всем «пострадавшим» юрист Денис Шульга предлагает обращаться к нему за юридической помощью, при этом сам он, по его словам, работает *pro bono*.

Как мы видим, медиапроекты, связанные с АД, сочетают риторику правопопулистских движений с традиционными технологиями деятельности гражданского общества – петициями, общественными кампаниями, бесплатной юридической поддержкой.

АВД: ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА

Наиболее известные фигуры, которые поддерживают АД, – актриса Мария Шукшина и телеведущая Екатерина Андреева. Шукшина неоднократно утверждала, что антипандемийные меры «преувеличены» и вообще вся кампания против COVID-19 ведется с целью «запугать население»⁴⁰. Она была среди инициаторов различных конференций (в том числе упомянутых выше) и «круглых столов», вроде проведенного в марте 2021 года под названием «Инфодемия – оружие массового ВОЗдейст-

38 См.: <https://memohrc.org/ru/defendants/parfenov-valeriy-nikolaevich>.

39 См., например: <https://stoppanika.ru/articles/81-rezolyucija-konferencii-osobennosti-vakcinoprofilaktiki-ot-covid-19-v-rossii.html>. Ольга Баранец, в частности, известна как активный эксперт праворадикального сайта «Русская народная линия»; выступила с предложением создать комиссию по реабилитации Григория Распутина.

40 См.: <https://news.rambler.ru/world/45229918-mariya-shukshina-napisala-razoblachitelnyy-post-o-covid-vygodno-zapugat-chtoby-vse-boyalis/>.

ДМИТРИЙ ДУБРОВСКИЙ
ПРОТИВ ВАКЦИНАЦИИ:
НОВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ...

вия». На последнем было заявлено, что «для сопротивления инфодемии COVID-19 нам нужны не только факты, но и скоординированная стратегия всего общественно-научного сообщества⁴¹. Сама Шукшина заявляла, что «коронавирус – это проект сторонников глобализации и объявление войны Российской Федерации»⁴².

Медиапроекты, связанные с АД, сочетают риторику правопопулистских движений с традиционными технологиями деятельности гражданского общества – петициями, общественными кампаниями, бесплатной юридической поддержкой.

Другим необычным примером использования гражданских технологий в АД стало выступление актера Егора Бероева на церемонии вручения телевизионной премии ТЭФИ. Бероев вышел на сцену с желтой звездой Давида на груди. Актер призвал аудиторию «не допустить вражды и сегрегации общества» на основании того, привит человек или нет, потому что «это однажды уже было, и наши деды заплатили кровью за то, чтобы это не повторилось»⁴³.

Другим очевидным примером использования гражданских техник сопротивления является бойкот: в Санкт-Петербурге местный ресторатор публично выступил против проверки посетителей QR-кодов и призвал коллег по бизнесу поддержать его инициативу. Более ста заведений последовали его примеру⁴⁴.

АВД КАК СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Как мы видим, АД демонстрирует все черты, присущие обычному социальному движению. Прежде всего это гражданские формы деятельности – публичные обращения, иски, гражданские кампании, участие знаменитостей, организация публич-

⁴¹ См.: <https://mrrt.ru/dezinformacziya-i-koronavirus>.

⁴² Цит. по: www.delfi.lt/ru/detektor-lzhi/lozh/izvestnaya-rossijskaya-aktrisa-rasprostranyaet-fejki-koronavirus-oruzhie-protiv-rossii.d?id=86356071.

⁴³ «Не допустите сегрегации общества на умных и глупых». Актер Егор Бероев выступил в защиту непривитых людей, прицепив к груди желтую звезду // Meduza. 2021. 23 июня (<https://meduza.io/feature/2021/06/23/moe-telo-moe-delo-akter-egor-beroev-vystupil-v-zaschitu-nepriivtyh-lyudey-natsepiv-na-grud-zheltuyu-zvezdu>). (Издание «Meduza» внесено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента. – Примеч. ред.)

⁴⁴ Возяков А. Бизнес против власти: бойкот QR-кодов стал кошмаром для Смольного // Деловой Петербург. 2022. 15 января (www.dp.ru/a/2022/01/15/Biznes_protiv_vlasti_boj).

ных протестов (например в Казани⁴⁵), распространение листовок (например в Самаре⁴⁶). Особенностью этого движения в силу того, что оно направлено против государственного внедрения медицинских мер стала опора на «научное знание», которое якобы ставит под сомнение достоверность распространяемой государством информации и необходимость соответствующих ограничений.

Антивакционное движение в России имеет те же основные черты кризиса доверия к государственным институтам, включая «традиционную медицину», что и подобные социальные движения во всем мире. Популярность «альтернативной медицины» в России, которая остается достаточно высокой еще с момента ее взлета в 1990-е⁴⁷, подогревает высокую степень недоверия к медицине государственной. Одновременно кризис доверия к государственным институтам – который в России уживается с достаточно высокими рейтингами президента Путина – вызывает скептическое отношение к программе вакцинации, особенно учитывая ее экстраординарный характер. Ядро АВД в России, как и во многих других странах, составляют приверженцы правоконсервативной или правопопулистской идеологии, которые видят в вакцинации проявление мирового заговора, считают ВОЗ инструментом «внешнего контроля» в реализации антироссийских целей.

Способы сопротивления, характерные для АВД, мирные и ненасильственные; они так и не способствовали мобилизации населения для массовых протестов. За исключением нескольких эпизодов, которые связаны не столько с внутренней логикой действий самого АВД, сколько с введением системы QR-кодов, все методы борьбы подчеркнуто легальные, вполне соблюдающие писанные и неписанные правила нынешнего российского режима, для которого даже формально разрешенные законом публичные протесты являются «экстремизмом». Набор гражданских техник в АВД можно сравнить скорее с арсеналом ненасильственного сопротивления (*non-violent resistance*)⁴⁸. Все это может быть охарактеризовано как «альтернативная гражданская кампания».

ДМИТРИЙ ДУБРОВСКИЙ

ПРОТИВ ВАКЦИНАЦИИ:
НОВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ...

45 Григорьев А. Психушки для поклонников СССР: советская медицина ближе, чем думают ностальгирующие // Идель-реалии. 2021. 1 декабря (www.idelreal.org/a/31587537.html).

46 Сахасрара Пеуновой: как самарская целительница стала политиком и борцом с рептилоидами // Дело. 2021. 14 ноября (<https://oboz.info/sektanty-podpolshhiki-peunovoj-atakovali-samaru-listovkami-o-privivochnom-genotside/>).

47 Клепикова А., Пироговская М. Медицина как культурная система? (Предисловие к материалам коллоквиума «Социальные исследования медицины в постсоветской России») // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 110–122.

48 MARKUS B., ВЕТНКЕ F.S., ЛАМБАХ D. *The Democratic Dividend of Nonviolent Resistance* // Journal of Peace Research. 2016. Vol. 53. № 6. P. 758–771.

Движение противников антиковидных мер в Германии

Список противников антиковидных мер, введенных властями Федеративной Республики Германия, настолько пестр, что охватить его в рамках одной статьи представляется задачей совершенно невозможной. Вероятно, и авторам будущих монографий не удастся создать полный перечень организаций, СМИ, общественных деятелей, принявших участие в противостоянии тем или иным мерам, будь то локдаун, обязательное ношение масок или вакцинация.

Поэтому ниже мы ограничимся разбором только некоторых феноменов протестного движения: казалось бы, самых немислимых идеологических альянсов, союзов с политическими оппонентами и форм борьбы. Не будучи специалистом в вопросах медицины и вирусологии, автор будет исходить из устоявшегося научного консенсуса о реальной опасности вируса и по возможности избегать оценки эффективности антиковидных мер германских властей. Стремясь отразить разнообразие взглядов тех, кто придерживается противоположной официальной точки зрения, опираясь на открытые источники, в данной статье тем не менее рассматриваются позиции исключительно немецкоязычных групп и активистов. Таким образом, такие акторы, как, к примеру, радикальные исламисты или СМИ русскоязычной диаспоры, оказались за рамками исследования.

От панических закупок к антимасочным протестам

С февраля 2020 года в немецких магазинах стала исчезать туалетная бумага. Ее продажу в одни руки ограничили. Причиной стало поведение граждан, которые скупали этот товар первой необходимости в немислимых ранее количествах. В социальных сетях насмешки над паникерами, а также гневное осуждение несолидарного поведения сограждан, совершающих «хомячки закупки» (*Hamsterkäufe* – термин, имевший хождение в годы обеих мировых войн), стали весьма популярны. Буквально через месяц ситуация изменилась коренным образом. Теперь уже осуждались не паникеры, а те, кто недостаточно серьезно воспринимал пандемическую угрозу. С введением первого локдауна, ограничения контактов и установлением

Евгений Казаков (р. 1982) – историк, научный сотрудник Немецкого музея эмиграции в Бремерхафене, ассоциированный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета.

«масочного режима» у тех, кто не верил в существование вируса, и у тех, кто был не согласен с аргументами о его опасности, появилось общее поле деятельности. Уже 28 марта 2020 года в Берлине состоялась первая крупная протестная демонстрация. Заявку на ее проведение подали журналисты и театральные деятели Анзельм Ленц и Хендрик Зоденкамп, до того имевшие имидж левых арт-активистов¹. 18 апреля в Штутгарте состоялась манифестация «в защиту Конституции», инициатором которой стал программист Михаэль Бальвег, который еще в середине марта защищал антипандемийные меры².

Характерно, что и представители левоальтернативной богемы в Берлине, и озабоченный экономической ситуацией средний класс в Штутгарте видели себя защитниками конституционного строя от посягательств грядущей диктатуры. Хотя организаторы первых демонстраций создали собственные политические структуры – Ленц и Зоденкамп «Центр коммуникации демократического сопротивления» (*demokratischerwiderstand.de*), а Бальвег «Латеральное мышление 711» (*querdenken-711.de*), – стать лидерами протеста в общенациональном масштабе им не удалось. В ряды протестного движения, которое к лету сильно выросло и стало собирать многотысячные демонстрации, потянулись самые разные политические силы, причем организаторы мероприятий не смогли или не захотели помешать участию в них откровенно праворадикальных элементов.

В то время как на парламентском уровне некоторые требования протестующих были подхвачены правой партией «Альтернатива для Германии» (АдГ, «Alternative für Deutschland»), а также частью партии «Левых» («Die Linke»), объединившихся вокруг Сары Вагенкнехт, на тот момент депутата бундестага, среди демонстрантов все большую роль начали играть сторонники различных конспирологических теорий³.

Участников протестов можно условно разделить на скептиков, признающих существование вируса, но считающих, что опасность его сознательно раздувается, и отрицателей, которые уверены, что вирус – выдумка неких темных сил, преследующих свои тайные цели. При этом объяснения, кто и зачем выдумал вирус, взаимозаменяемы (Билл Гейтс, Джордж Сорос, масоны, США, «мировое еврейство», Ватикан, КНР и так далее) так же, как и версии того, какую угрозу несут антипандемийные меры (геноцид путем вакцинации, чипирование, личная диктатура Ангелы Меркель).

ЕВГЕНИЙ КАЗАКОВ
ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВНИКОВ
АНТИКОВИДНЫХ МЕР
В ГЕРМАНИИ

1 LAUDENBACH P. *Selbstvermarkter Anselm Lenz: Aluhüte am Rosa-Luxemburg-Platz* // die tageszeitung. 2020. 7 Mai (<https://taz.de/Selbstvermarkter-Anselm-Lenz/!5681197/>).

2 FREUDENREICH J.-O. *Aufruhr in Stuttgart* // kontextwochenzeitung. 2021. 17 November (www.kontextwochenzeitung.de/gesellschaft/555/aufruhr-in-stuttgart-7835.html).

3 КУВИЦКИ W. *Die erdrückte Freiheit. Wie ein Virus unseren Rechtsstaat aushebelt*. Frankfurt am Main, 2021.

Одни протестующие ощущали себя защитниками допандемического порядка, представляющегося им вполне демократичным, другие, наоборот, видели в мерах властей окончательное доказательство несовершенства парламентской демократии. В ситуации, когда государство тратит немалые деньги для поддержания экономики, одни видели новый социализм, который губит средний класс и трудолюбивый мелкий бизнес, а другие, наоборот, – доказательство власти транснациональных корпораций (в данном случае – фармакологических) над миром. Ненависть к США и Израилю совершенно спокойно сочеталась с паническими страхами по поводу исламизации западного мира, нападки на Грету Тунберг – с призывами избегать современную медицину и лечиться травами или с помощью оккультных практик. Но всех немецких ковид-диссидентов объединяло и объединяет глубокое недоверие к исходящей из официальных источников информации, к главным СМИ страны, к рекомендациям ВОЗ и ведущих вирусологов. Кристиан Дростен, глава Института вирусологии берлинской больницы Шарите и консультант федерального правительства, стал едва ли не главным объектом ненависти протестующих, которые поочередно обвиняли его в некомпетентности, коррупции, диктаторских амбициях. Другими словами, протесты против антипандемических мер – это в первую очередь глубокий кризис доверия.

И представители левоальтернативной богемы в Берлине, и озабоченный экономической ситуацией средний класс в Штутгарте видели себя защитниками конституционного строя от посягательств грядущей диктатуры.

«ОБЫЧНЫЕ ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ» И ПРИМКНУВШИЕ К НИМ

Праворадикальные силы быстро стали играть заметную роль в движении и довольно легко сломали не особо сильное сопротивление неопытных гражданских активистов. Можно сказать, что в протестное движение подались все те силы, которые и без того находились в фундаментальной, конспирологически обоснованной оппозиции государственному строю ФРГ. Например, националистическое движение «рейхсбюргеров», отрицающих существование федеративной республики и считающих себя гражданами «суверенного германского рейха» в границах

1937 года⁴. Некоторые их идеи активно используются наиболее скандальными спикерами протестных манифестаций – рэпером Ксавьером Найдю (*xaviernaidoo.de*) и Аттилой Хильдман (*attilahildmann.de*) – вначале снискавшим известность в качестве веганского повара, а с 2015 года активным критиком миграционной политики правительства Меркель. Тезис об узурпации власти в Германии некими антинациональными силами в различных вариантах распространяет уже много лет бывший радиоведущий Кен Йебсен (Кайван Суфи Сияваш), предоставляющей на своем интернет-канале *apolut.net* место как умеренным, так и радикальным ковид-диссидентам. Поскольку конспирология плюралистичнее научной картины мира, тиражирование взаимоисключающих объяснений не вызывает недоверия аудитории.

Представления о том, что в ФРГ установлена диктатура, власть узурпирована Ангелой Меркель, Конституция фактически не действует, а «этническим немцам» грозит вымирание или геноцид, получили широкое распространение в ходе антиэмигрантских выступлений 2015 года, участники которых влились в новое протестное движение против пандемических ограничений. В Саксонии и Тюрингии, где позиции ультраправого крыла АдГ особенно сильны, антипандемийные протесты носили более радикальный характер – включая совершенно неожиданное требование восстановления монархии⁵. Активно участвуют в протестах и ряд христианских фундаменталистов.

Недоверие к современной медицине привело в протестное движение крайне гетерогенную эзотерическую сцену Германии – антропософов⁶, неоязычников, постхиппи, ориентированных на восточные религиозные традиции, адептов гомеопатии и всевозможных «народных целителей». Эзотерически-религиозная составляющая протестов была особенно сильна в богатых южных землях – Баварии и Баден-Вюртемберге.

Но, кроме таких ожидаемых в данном случае участников, в движение влилось немало людей, до того крайне далеких от враждебного отношения к либеральной демократии или, напротив, критиковавших ее с левых позиций и не помышлявших о каких-либо «диагональных фронтах»⁷. Ощущение, что

ЕВГЕНИЙ КАЗАКОВ

ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВНИКОВ
АНТИКОВИДНЫХ МЕР
В ГЕРМАНИИ

4 RATHJE J. *Reichsbürger, Selbstverwalter und Souveränisten. Vom Wahn des bedrohten Deutschen*. Münster, 2017.

5 См.: <https://freie-sachsen.info/wofuer-wir-stehen>.

6 BIERL P. *Wurzelrassen, Erzengel und Volksgeister: die Anthroposophie Rudolf Steiners und die Waldorfpädagogik*. Hamburg, 2005; В Австрии начался локдаун, а в Баварии ситуация с ковидом объявлена «катастрофической». В низких темпах вакцинации там винят антропософов // Meduza. 2021. 23 ноября (<https://meduza.io/feature/2021/11/23/v-avstrii-nachalsya-lokdaun-a-v-bavarii-situatsiya-s-kovidom-ob-yavlenakatastroficheskoy-v-nizkih-temпах-vaksinatitsii-tam-vinyat-antroposofov-an-tro-po-kogo>). (Издание «Meduza» внесено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента. – Примеч. ред.)

7 Понятием *Querfront* («диагональный фронт») определяют случаи смешения левой и правой идеологии – такие, как, к примеру, евразийство или национал-большевизм.

государство нарушает конституционные свободы – или, наоборот, бросает граждан в беду, – заставило их думать, что сам по себе вирус вторичен по отношению к тем ограничениям гражданских и экономических прав и возможностей, которые были введены правительством в рамках антиковидной политики, – следовательно, имеет место некий злой умысел.

Поскольку конспирология плюралистичнее научной картины мира, тиражирование взаимоисключающих объяснений не вызывает недоверия аудитории.

Так, например, медик, бывший депутат бундестага от Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Вольфганг Водарг, не прибегая к националистической и ксенофобской риторике, стал доказывать, что вирус существует уже давно, а принимаемые меры не оправданы⁸. Тезисы, что приводящие к убыткам локдауны не нужны, встречают симпатию среди предпринимателей и публицистов рыночно-либерального направления⁹. Не отрицая существования COVID-19, крупнейшая газета концерна Акселя Шпрингера «Бильд» – самое многотиражное ежедневное издание ФРГ – регулярно критикует слишком жесткий курс федерального правительства¹⁰. Одновременно критика фармацевтических концернов, получающих в ситуации пандемии гигантскую прибыль, вполне может рассчитывать на поддержку части левых¹¹.

Все фракции скептиков и отрицателей объединяет уверенность, что государственная власть нарушает их права, что большинство СМИ не воспринимают их аргументы всерьез, – и это еще больше усиливает их опасения. Подобное представление лежит в основе причудливых политических альянсов, оно может объединить даже анархистов¹² со сторонниками возрождения «рейха». К тому же действия правительства, которое прибегает к риторике, а отчасти и к юридическим механизмам чрезвычайного положения, при этом официально его не объявляя, действительно вызывают немало вопросов именно с точки зрения права. (Впрочем, в данной статье мы не будем обращаться к легальной стороне проблемы, отметив

8 WODARG W. *Falsche Pandemien: Argumente gegen die Herrschaft der Angst*. München, 2021.

9 См., например, сайт Гуннара Кайзера: www.gunnarkaiser.de/about.

10 REICHELT J. *Schluss mit dem Starrsinn in der Corona-Politik!* // Bild. 2020. 27 April (www.bild.de/politik/kolumnen/kolumne/coronavirus-kommentar-von-julian-reichelt-schluss-mit-starrsinn-in-der-corona-politik-70279506.bild.html); ПИАТОВ Ф. *Drosten-Studie über ansteckende Kinder grob falsch. Wie lange weiß der Star-Virologe schon davon?* // Bild. 2020. 25 Mai (www.bild.de/politik/inland/politik-inland/fragwuerdige-methoden-drosten-studie-ueber-ansteckende-kinder-grob-falsch-70862170.bild.html).

11 См.: <https://freie-linke.de/>.

12 См.: <https://de.indymedia.org/node/152521>.

лишь, что меры немецких властей и в самом деле уязвимы для юридической критики.)

Любопытно, что призывы бороться за свободу, противостоять «диктатуре», отстаивать права человека, высказываемые участниками протестного движения, могут обернуться как критикой цифровых технологий отслеживания распространения вируса, так и неподдельным возмущением по поводу требований соблюдать правила гигиены¹³. Театральный режиссер Франк Касторф, десятилетиями имевший репутацию «прогрессивного интеллектуала», в апреле 2020 года заявил в интервью журналу «Шпигель»: «Я не хочу, чтобы фрау Меркель мне указывала, когда мне надо мыть руки»¹⁴.

ЕВГЕНИЙ КАЗАКОВ

ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВНИКОВ
АНТИКОВИДНЫХ МЕР
В ГЕРМАНИИ

«ОТ ФАШИСТА СЛЫШУ!»: «ДИКТАТУРА ЗДОРОВЬЯ» VS. СОЦИАЛЬНЫЙ ДАРВИНИЗМ

Параллели с фашизмом обильно используются всеми участниками дебатов об антипандемийных мерах. Откровенно конспирологически настроенные отрицатели пандемии говорят о грядущем геноциде, сравнивают самоизоляцию с концлагерьями, а непривитых – с евреями в нацистской Германии. Распространены также сравнения с режимом апартеида в ЮАР¹⁵. Среди протестующих – в первую очередь тех, кто не верит в версии про массовое убийство путем вакцинации и в прочие уже совсем экзотические версии происходящего, – имеет хождение тезис о грядущей «диктатуре здоровья»¹⁶ (термин вошел в оборот еще до пандемии¹⁷). В разных вариантах сторонники этого тезиса опасаются, что государство, начав с массовой вакцинации от вируса, примется принуждать граждан к здоровому образу жизни – и, в конце концов, желание защитить всех от заражения окончательно отберет у людей свободу выбора. В другом варианте этого тезиса встает вопрос о том, «всех ли надо спасать». Напомним, что в начале пандемии главной группой риска были пожилые люди, о которых многие противники принимаемых мер говорили, что они часто умирают «не от COVID-19, а с COVID-19, но от других заболеваний»¹⁸.

13 GRÜNEKLEE G., HENI C., NOWAK P. *Corona und die Demokratie. Eine linke Kritik*. Berlin, 2020.

14 *Theaterregisseur Castorf über Corona-Politik: «Ich möchte mir von Frau Merkel nicht sagen lassen, dass ich mir die Hände waschen muss»*. Interview von Wolfgang Höbel // Der Spiegel. 2020. 28 April.

15 HEINI C. *Die unheilbar Gesunden: Ein intellektuelles Tagebuch, das Plastikwort Inzidenz und die Impf-Apartheid*. Berlin, 2021.

16 THORWARTH K. *Sahra Wagenknecht fürchtet wegen Impfpflicht eine "Gesundheitsdiktatur"* // Frankfurter Rundschau. 2021. 21 November.

17 NAWROTH P.P. *Die Gesundheitsdiktatur: Weshalb uns Medizin und Industrie einen Lebensstil empfehlen, der nicht hält, was er verspricht*. Kulmbach, 2016.

18 В опровержение данного тезиса см.: *Großteil der Coronatoten «an» statt «mit» COVID-19 gestorben* // Ärzteblatt. 2021. 9 Februar.

Оппоненты обвиняют сторонников такой аргументации в социальном дарвинизме¹⁹. Действительно, тезисы, что с вирусом предпочтительнее бороться «естественным путем», что «всех все равно не защитить», да и призывы рисковать жизнью людей ради сохранения экономической стабильности трудно понять иначе. И если те, кто не верит в вирус, еще могут искренне считать, что не рискуют ничьей жизнью, то некоторые эзотерики или, например, анархо-примитивисты открыто говорят о «естественности» гибели сограждан²⁰. Впрочем, вопрос о том, что важнее – человеческая жизнь или экономический рост – в условиях рыночной экономики стоит на повестке не только во время пандемии – и выбор отнюдь не всегда делается в пользу жизни²¹. Недоверие к фармацевтическим продуктам так же не случайность – она подпитывается многочисленными скандалами, связанными с коррупцией и лоббизмом в здравоохранении. Иными словами, это недоверие абсолютизирует вполне конкретный общественный опыт.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ, ЗАТУХАНИЕ, ТРАНСФОРМАЦИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДВИЖЕНИЯ

Пожалуй, самой громкой акцией противников ограничительных антипандемийных мер стала попытка проникнуть в здание бундестага во время двадцатитысячной демонстрации в Берлине 29 августа 2020 года²². После этого их оппоненты окончательно перестали воспринимать ковид-диссидентов как городских сумасшедших; превалирующим стало отношение к этому движению как к опасным врагам демократии²³. Это, конечно, вызывает бурный протест со стороны самих ковид-диссидентов, которые настаивают, что радикалы составляют лишь незначительное меньшинство в их рядах. Однако до сегодняшнего дня так и не было принято серьезных попыток запретить участвовать в демонстрациях хотя бы откровенным неонацистам²⁴.

19 MASKOS R., WEIGAND S. *Geht sterben! Die Corona-Krise zeigt, dass auch in der Linken sozialdarwinistisches Gedankengut verbreitet* // konkret. 2020. № 7. S. 14–15; KASAKOW E. *Sozialdarwinistische Rebellion* // analyse & kritik. 2020. № 662. S. 22.

20 Zündlumpen. Anarchistische Zeitung aus München. 2020. 16 März. № 57.

21 Так в апреле 2020 года, в разгар первой волны пандемии, жесткие правила были смягчены, чтобы обеспечить немецкий агропром сезонными рабочими из стран Восточной Европы. См.: LINDNER N. *Einreiseverbot für Saisonarbeiter. Wenn die Erntehelfer in der Coronakrise fehlen* (www.deutschlandfunk.de/einreiseverbot-fuer-saisonarbeiter-wenn-die-erntehelfer-in-100.html).

22 Тот факт, что штурмующие шли под кайзеровским флагом, придал событию особый эффект.

23 *Verfassungsschutz: Zukunft der "Querdenker" völlig offen* // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2020. 21 Dezember; BENZ W. (Hrsg.). *Querdenken. Protestbewegung zwischen Demokratieverachtung, Hass und Aufruhr*. Berlin, 2021; ЛИТСЧКО К. «Nie war ein Systemwechsel so greifbar» *Neonazis bei den Coronaprotesten* // KLEFFNER H., MEISNER M. (Hrsg.). *Fehlender Mindestabstand. Die Coronakrise und die Netzwerke der Demokratiefeinde*. Freiburg, 2021. S. 183–200.

24 MEISNER M. *Corona-Proteste: Die Radikalisierung der bürgerlichen Mitte* // Blätter für deutsche und internationale Politik. 2022. № 3. S. 9–12.

Тем не менее это движение попыталось участвовать в парламентской политике. Возникли сразу несколько партий, которые, однако, быстро раскололись. 4 июля 2020 года была создана Базис-демократическая партия Германии («Basisdemokratische Partei Deutschland» – *dieBasis*), одним из лидеров которой стал Вольфганг Водраг, а наиболее известными кандидатами – популярный среди ковид-диссидентов микробиолог Сухарит Бхакди и его супруга и коллега Карина Райс. Партия в целом избегала правой риторики, но, видимо, поэтому и проигрывала в популярности среди протестующих более радикальной АдГ. На выборах в бундестаг в сентябре 2021 года Базис-демократическая партия получила 735 451 голос за своих кандидатов (1,6%) и 630 153 голоса за партийный список (1,4%), наибольших успехов добившись в Баден-Вюртемберге (2,1% и 1,9% соответственно)²⁵. На фоне растущего числа вакцинированных дальнейшие перспективы партии неопределенны. Впрочем, дебаты об обязательной вакцинации могут мобилизовать потенциальных сторонников. Нынешний федеральный канцлер Олаф Шольц (СДПГ) до парламентских выборов высказывался против обязательной вакцинации всех не имеющих противопоказаний взрослых, но в декабре 2021 года заявил, что готов поддержать и эту меру, однако новое коалиционное правительство пока так и не предприняло решительных шагов к ее осуществлению. В результате Шольц навлек на себя гнев как противников, так и сторонников закона об обязательной вакцинации²⁶.

ЕВГЕНИЙ КАЗАКОВ
ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВНИКОВ
АНТИКОВИДНЫХ МЕР
В ГЕРМАНИИ

Вопрос о том, что важнее – человеческая жизнь или экономический рост – в условиях рыночной экономики стоит на повестке не только во время пандемии – и выбор отнюдь не всегда делается в пользу жизни.

На сегодняшний день уже вышло несколько исследований, посвященных феномену пандемических протестов. При этом исследователи, используя разные методы сбора данных, пришли к весьма разным результатам. Так, социологи Оливер Нахтвей, Роберт Шеффер и Надине Фрай провели анкетный опрос среди 1150 участников *Telegram*-каналов и сделали вывод, что имеют дело с «левым движением, которое движется направо». При этом большинство опрошенных черпали ин-

25 См.: www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2021/ergebnisse/bund-99.html.

26 Ross A. *Friedrich Merz und Olaf Scholz: Zwei Verzagte vor der Impfpflicht* // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2022. 15 Februar.

формацию только из «альтернативных» СМИ, а из партий до начала пандемии отдавали предпочтения «зеленым»²⁷.

Другим путем пошли исследователи коммуникации Тильман Клавиер и Фабиан Прохазка, опросившие сочувствующих протестам студентов. Среди них была непропорционально высока доля сторонников АдГ (40%), и большинство из них активно потребляли как мейнстримные СМИ, так и альтернативные источники информации²⁸.

Впрочем, понятия «левые» и «правые» в Германии слишком широки, чтобы в данном контексте ими можно было бы содержательно оперировать. Часть левых изначально были открыты идеям конспирологии и антиамериканским настроениям, но что привело в лагерь противников мер «антинемецких левых»²⁹, которые с 1990-х неустанно критиковали как раз эти явления? Да, немецкий консерватизм открыл тему экологии раньше левых и издавна тяготел к мистицизму и эзотерике, но как объяснить сегодняшние протестные настроения поклоняющихся техническому прогрессу и не верящих в изменение климата либерально-консервативных авторов?

Противники ковид-диссидентского движения нередко выражают надежду, что со спадом пандемии оно исчезнет само по себе. Но не стоит забывать, что нынешние антипандемийные меры отменяет еще не скоро, а конспиролог всегда готов увидеть в любой неприятности или беде результат сделанной во время пандемии прививки.

27 NACHTWEY O., SCHÄFER R., FREI N. *Politische Soziologie der Corona-Protteste. Grundausswertung* (https://edoc.unibas.ch/80835/1/20210118133822_6005813e51e0a.pdf).

28 KLAWIER T., PROCHAZKA F. *Wer hat Verständnis für die „Querdenker“? Ergebnisse einer repräsentativen Befragung* (www.db-thueringen.de/servlets/MCRFileNodeServlet/dbt_derivate_00053857/Studie%20Verst%C3%A4ndnis%20f%C3%BCr%20Querdenker.pdf).

29 DIELE A. *Klappe halten, impfen lassen, darauf läuft hinaus, was unter einem solidarischen Durchimpfen verstanden wird* // Bahamas. 2021. № 88. S. 45–53.

New Age и антиваксерское/ ковид-диссидентское движение в Латвии

МАРИЯ
КУГЕЛЬ

ВВЕДЕНИЕ. НАБРОСОК ПОРТРЕТА ИДЕЙНОГО АНТИВАКСЕРА

Согласно опросам общественного мнения, типичный житель Латвии, который не хочет вакцинироваться, имеет низкий уровень образования и доходов, он социально изолирован и чаще всего живет не в столице. Однако не таковы здешние *идейные* антиваксеры. Лидеры движения, в основном, образованны, не бедны и прекрасно социализованы. Они имеют вполне устойчивое мировоззрение, в основе которого лежит мистическая философия *New Age*, антиэлитаризм и антиглобализм, правый популизм, враждебное отношение к современной науке и технике (своего рода новый луддизм), а также идеи эконоанархизма и ненасильственного сопротивления. Добавим к этому поэтические мифы латвийской «Атмоды»², черпавшей вдохновение в национальном романтизме «младолатышей»³ и в неоязычестве. Их взгляды вобрали в себя все основные западные конспирологические теории о пандемии коронавируса и вакцинах от него. В названиях большинства организаций и интернет-ресурсов идейных антиваксеров присутствуют ключевые слова «свобода» и «народ». Они объединяются в низовые (*grassroots*) организации: основывают группы взаимопомощи, подпольные телестудии, потребительские кооперативы и полуофициальные школы, налаживают контакты с зарубежными единомышленниками – и уже энергично пробиваются в политику. Это в основном успешные люди, прекрасно владеющие новыми технологиями. Парадоксальным образом именно они демонстрируют иррациональность и тоффлеровский футушок, защитную реакцию психики на стремительные и радикальные изменения, вызванные ускорением технологического и социального прогресса, а также – пандемией коронавируса.

Мария Кугель (р. 1966) – журналист-расследователь, писатель, корреспондент «Радио Свобода»¹ по странам Балтии.

- 1 «Радио Свобода» внесено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*
- 2 «Пробуждение» (лат.) – название движения за «национальное возрождение» Латвии.
- 3 Латышское общественно-культурное движение времен «национального возрождения», существовало в 1850–1880-е.

БЕДНЫЕ ПРОТИВ ПРИВИВОК

Вакцинация от вируса SARS-CoV-2 в Латвии началась 28 декабря 2020 года. Разрешенные вакцины «Johnson & Johnson», «Moderna», «Oxford/AstraZeneca», «Pfizer/BioNTech» широко доступны. С 1 июня 2021 года каждый, привившийся полным курсом любой из этих вакцин или официально переболевший COVID-19, может получить цифровой сертификат с QR-кодом, который существенно расширяет возможности путешествий и посещения различных мест внутри страны, работающих только в «зеленом», то есть, эпидемиологически безопасном, режиме. Однако в середине октября 2021-го, спустя десять месяцев с начала вакцинации, Латвия по доле привитого населения занимала в ЕС пятое место с конца – после Хорватии, Словакии, Румынии и Болгарии. Полностью привиты были только 47,2% жителей⁴. Низкие показатели вакцинации стали главной причиной того, что страна, успешно пережившая начальную волну пандемии, к октябрю 2021 года вышла на первое место в мире по заболеваемости⁵. Был введен трехнедельный жесткий локдаун; работникам госсектора и тем, кто находится в близком контакте с клиентами, с 15 ноября без сертификата о вакцинации работать было запрещено. С 15 декабря без сертификата запретили работать очно всем⁶. Людям без QR-кодов оставили возможность, фактически, только покупать продукты и предметы первой необходимости в небольших магазинах шаговой доступности. В результате уровень вакцинации в начале января 2022-го перевалил за отметку 68%⁷.

Однако некоторые упорные противники вакцинации предпочли терпеть экономические и бытовые трудности и вакцинироваться отказались. К 15 ноября 2021 года – последнему сроку получения сертификатов – уволились 600 школьных педагогов, что создало серьезный кадровый дефицит в отрасли⁸. Прогрел случай Вальдорфской гимназии: там уволились или были отстранены от работы четырнадцать педаго-

4 Кугель М. *Бунт против прививок. В Латвии из-за ковида ввели режим ЧП* // Радио Свобода. 2021. 14 октября (www.svoboda.org/a/bunt-protiv-privivok-v-latvii-iz-za-kovida-vveli-chrezvychaynoe-polozhenie/31509434.html). («Радио Свобода» внесено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента. – Примеч. ред.)

5 *Это официально: Латвия вышла на первое место в мире по темпам заболеваемости Covid-19* // Rus.LSM.lv. 2021. 18 октября (<https://rus.lsm.lv/statja/novosti/analitika/eto-oficialno-latvija-vishla-na-pervoe-mestov-mire-po-zabolevaemosti-Covid-19.a426175/>).

6 *Более 40% новых безработных не привиты против Covid-19* // Rus.TVNET.lv. 2022. 17 января (<https://rus.tvnet.lv/7431526/bolee-40-novyh-bezrobotnyh-ne-privity-protiv-Covid-19>).

7 См.: <https://ourworldindata.org/Covid-vaccinations?country=LVA> (приводится информация на 13 января 2022 года).

8 *Из школ уволились 600 педагогов без ковид-сертификатов, но учителей не хватало и до этого* // rus.DELFI.lv. 2021. 8 декабря (<https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/iz-shkol-uvolilis-600-pedagogov-bez-kovid-sertifikatov-no-uchitelej-ne-hvatalo-i-do-etogo.d?id=53848441>).

гов⁹. Против обязательной вакцинации протестовали и пожарные. Среди безработных, зарегистрировавшихся на бирже труда с 15-го по 21 ноября, 62% не были вакцинированы¹⁰. Расцвела торговля поддельными сертификатами¹¹.

Нежелание вакцинироваться, согласно опросам, прямо коррелирует с уровнем образования и дохода. 53% респондентов с основным¹² образованием сообщили, что скорее всего или определенно прививаться не будут. Таковых среди опрошенных со средним образованием оказалось 33%, с высшим – 18%. Среди респондентов с низкими доходами противников вакцинации 44% – на 13 процентных пунктов больше, чем среди группы людей со средне-низким доходом. По роду занятий – наибольшая доля среди неработающих. Антиваксеров и вакцинных скептиков значительно больше за пределами столицы, в городах, чем на селе, и максимальная их доля в самом «латышском» регионе – Курземе. В то же время среди русскоязычных их немного больше, чем среди латышей. Самая упорствующая возрастная группа – 35–44 года¹³. Среди женщин их немного больше, чем среди мужчин¹⁴.

Профессор факультета социальных наук Латвийского университета Байба Бела говорит, что жители Латвии, как и всего бывшего советского блока, выделяются в Европе своим вакцинным скепсисом:

«Если в среднем по ЕС 85% жителей убеждены, что вакцины в целом эффективны, то в Латвии – 68%. В Европе 80% убеждены, что вакцины тщательно тестируют перед разрешением к использованию, в Латвии – 68%. Что касается вакцин против COVID-19, 60% жителей Латвии считают, что они недостаточно испытаны. В Латвии также существенно больше людей, чем по ЕС в целом, верят, что вакцины вызывают серьезные побочные эффекты. [...] Психологи, наверное, могли бы объяснить это [...] защитными механизмами психики. Потому что 20% всех жителей считают, что ковид – болезнь несерьезная. Это свидетельствует об [...] острой реакции отрицания реальности».

Еще одна, не менее важная причина, – низкое доверие к правительству:

9 АНСТРАТЕ В. Из-за невакцинированных учителей родители подумывают о переводе детей в другие школы // Rus.LSM.lv. 2021. 3 ноября (<https://rus.lsm.lv/statja/novosti/obschestvo/iz-za-nevakcinirovannih-uchiteley-roditeli-podumivayut-o-perevode-detey-v-drugie-shkoli.a428572/>).

10 Более 40% новых безработных не привиты против Covid-19.

11 Кугель М. Бунт против прививок...

12 Обязательное основное образование в Латвии составляет девять классов.

13 SPUNDIŅA L. Aptauija: Lielākie vakcinācijas pret Covid-19 pretinieki ir cilvēki ar pamatizglītību un zemiem ienākumiem // LSM.lv. 2021. 5 septembris (www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/aptauja-lielakie-vakcinacijas-pret-Covid-19-pretinieki-ir-cilveki-ar-pamatizglitiba-un-zemem-ienakumiem.a419941/).

14 Кугель М. Бунт против прививок...

МАРИЯ КУГЕЛЬ

NEW AGE И АНТИВАКСЕРСКОЕ/
КОВИД-ДИССИДЕНТСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ЛАТВИИ

«Люди критикуют власти, какие бы ограничения они ни ввели. Часто, особенно за пределами Риги, мне доводилось слышать: “Мы не будем делать того, что приказывают рижские господа!”. Я полагаю, что так же отчасти объясняется вакцинный скепсис русскоязычных: “Это ваше правительство!”. В нем есть элемент протеста. Солидная часть общества эту вакцинацию воспринимает как навязанную им»¹⁵.

ЛАТВИЙСКИЕ АНТИВАКСЕРЫ В ИНТЕРНЕТЕ

«Фронт народной власти»

Антиваксеры прекрасно ориентируются в интернет-среде и пользуются разнообразными онлайн-инструментами для консолидации движения и распространения информации. Они основывают собственные страницы и группы в *Facebook*¹⁶, создают фейковые профили, захватывают чужие группы¹⁷ и используют группы дружественных общественных организаций. Союзники антиваксеров – популистские общества и движения, которые во время пандемии переняли ковид-диссидентскую риторику.

Группа *#TAUTAMOSTIES «Par Godīgu Latviju»* («Народ, просыпайся! За честную Латвию»), с 3,5 тысячами подписчиков в 2018 году, была основана для предвыборной кампании право-популистской партии KPV LV. Расшифровывается эта аббревиатура как «*Kam pieder valsts?*» («Кому принадлежит страна?»). Партия прошла в Сейм второй и попала в правительственную коалицию, однако вскоре развалилась и сейчас существует в сильно усеченном виде под другим названием.

Еще один союзник – «*Tautas varas fronte*» («Фронт народной власти»), основанный в 2018 году. До пандемии он не очень успешно пытался приобрести публичность сбором подписей против ратификации Стамбульской конвенции¹⁸, за роспуск Сейма, организовывал местное движение «желтых жилетов» для борьбы с повышением цен на топливо и диктатом банков.

Двое из трех учредителей – предприниматель Валентин Еремеев и бывший лыжник-олимпиец Роберт Раймо – до 2018 года

15 Там же.

16 Здесь и далее при упоминании *Facebook* и *Instagram* – деятельность компании «Meta Platforms Inc.» по реализации продуктов – социальных сетей *Facebook* и *Instagram* – запрещена на территории Российской Федерации Тверским районным судом 22 марта 2022 года по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

17 BĒRZIŅA S. *Pārņemta sludinājumu lapa un viltus profili: kā dezinformatori negodīgi audzē auditoriju* // Re:Baltica. 2020. 21 decembris (<https://rebalta.lv/2020/12/parnemta-sludinajumu-lapa-un-viltus-profilika-dezinformatori-negodigi-audze-auditoriju/>).

18 Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и с домашним насилием. Подписана 11 мая 2011 года.

принадлежали к «Союзу Зеленых и крестьян» («Zaļā un Zemnieku savienība») – системному оппозиционному объединению, электорат которого известен своим консерватизмом. Раймо в 2015-м был зампредом Царникавской краевой думы, а в 2018-м выдвигался на выборы в Сейм¹⁹. Еремеев руководил рижским отделением входящей в «Союз Зеленых и крестьян» «Латвийской Зеленой партии» («Latvijas Zaļā partija»), однако вышел оттуда в 2018-м²⁰.

В 2004–2005 годах Валентин Еремеев был экономическим представителем Латвии в Китае²¹. У него есть семейный бизнес по производству косметики на основе лечебных грязей, официально принадлежащий жене. Его косметику в зарубежных командировках продвигал в свое время президент Латвийской академии наук Ояр Спаритис. Он же пригласил Еремеева руководить научным фондом Академии по созданию имиджа, коммерциализации технологий и изобретений²².

С началом пандемии Еремеев обратил свой пыл против ковид-ограничений и ношения масок. В декабре 2020 года группа «Фронта народной власти» в *Facebook* имела почти однанадцать тысяч подписчиков. Имелась своя студия, из которой еженедельно транслировались интервью с единомышленниками²³. Тогда же Еремеев пригласил в эфир фельдшера Марину Корнатовскую. Она работала помощником врача в переоборудованной для приема ковидных пациентов клинике токсикологии и сепсиса Рижской Восточной клинической университетской больницы. В этом интервью, а также в видео- и аудиозаписях, выложенных в *Facebook*, Корнатовская пересказывала классические сюжеты теории заговора о COVID-19: это вымышленная болезнь, статистика заболеваемости и смертности сфальсифицирована, переполненность больниц – миф, а вакцины для людей смертельны. Но, кроме того, «фельдшер Марина» рассказывала, что якобы наблюдала на рабочем месте: как врачи вводят больным «обычной» пневмонией огромную дозу миорелаксанта, подавляющего дыхание, чтобы затем подключить к ИВЛ и убить их или впоследствии изобразить выздоровление. Еще одна запись повествовала о том, что на острове Кипсала, в центре Риги, выставочный центр с привле-

МАРИЯ КУГЕЛЬ

NEW AGE И АНТИВАКСЕРСКОЕ/
КОВИД-ДИССИДЕНТСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ЛАТВИИ

19 RAITS R. *Bijušais Carnikavas novada domes deputāts nav pakļāvis policijas prasībām* // Aprīnkis.lv. 2020. 11 decembris (www.aprinkis.lv/index.php/sabiedriba/kriminala-informacija/21475-bijusais-carnikavas-novada-domes-deputats-nav-paklavies-policijas-prasibam).

20 *Zaļo partiju pamet Jeremejevs; lems par Kļaviņu un Kalnozolu* // TVNET. 2018. 12 novembris (www.tvnet.lv/6451570/zalo-partiju-pamet-jeremejevs-lems-par-klavinu-un-kalnozolu).

21 RAITS R. *Op. cit.*

22 SPRINĢE I., LIEPIŅA I., JEMBERGA S., VĒBERE I. *Štata protestētājs Valentīns Jeremejevs* // Re:Baltica. 2021. 20 novembris (<https://rebaltica.lv/2021/11/stata-protestetajs-valentins-jeremejevs/>).

23 КУГЕЛЬ М. *Против масок, вакцин и правительства* // Новая газета – Балтия. 2020. 29 декабря (<http://novayagazeta.ee/articles/34574/>).

чением армии переоборудуется в больницу-«концлагерь» для пациентов с COVID-19. Ее ролики пользовались огромной популярностью не только в Латвии, но во всем русском сегменте *Facebook*, и прежде, чем соцсеть заблокировала их за дезинформацию, некоторые набирали более полутора миллионов просмотров. На Валентина Еремеева и Марину Корнатовскую завели уголовное дело о хулиганстве за распространение ложных новостей. Организацию закрыли, все ее сетевые ресурсы заблокировали²⁴.

Память воды и фестиваль саморазвития Яниса Плявиньша

Facebook и *YouTube* цензурят недостоверную информацию о COVID-19 и вакцинах, а власти преследуют антиваксеров и ковид-диссидентов за распространение ложных новостей и нарушение эпидемиологических ограничений. Поэтому те осваивают закрытые группы в *Facebook*, альтернативные платформы без цензуры вроде сервиса для загрузки видео *Bitchute* и шифрованные каналы связи – такие, как мессенджер *Telegram* и почта *Protonmail*, а также активно развивают собственные платформы.

С мая 2020 года действует сайт ковид-диссидентов и антиваксеров «Mainam pasaulis» («Меняем мир») на латышском и русском (правда, русская версия не обновляется с февраля 2021-го), с разнообразными механизмами монетизации от пожертвований до продажи рекламы и мерча – футболок с символикой и лозунгами движения. Владелец – один из лидеров антиваксерского движения Янис Плявиньш, занимающийся продажами питьевой водой под маркой «Memory Water». Компания была оштрафована Центром защиты прав потребителей за рекламу, вводящую в заблуждение: продавец утверждал, что его «структурированная нановода», продававшаяся в аптеках по цене, значительно выше средней, – «живая», обладает «памятью», натуральна, заряжена позитивной энергией и повышает биоэнергетический уровень человека.

Плявиньш также основал бренд еды для веганов и вегетарианцев «VegSet». Продукты распространяются по торговым сетям. Миссия компании-производителя, носящей название «Prana Energy», – «изменить мир, предлагая здоровые продукты питания, свободные от жестокости». На ее сайте здоровый образ жизни пропагандируется наряду с традиционными цен-

24 Кудрявцев Н. Дело о фейках по Covid-19: Еремеев арестован, фельдшера Марину отпустили // Kriminal.lv. 2020. 10 decembris (<https://kriminal.lv/news/fejkovye-novosti-o-Covid-19-zaderzhany-feldsher-marina-i-valentin-eremeev/178195-fejkovyje-novosti-o-Covid-19-zaderzhany-feldsher-marina-i-valentin-eremeev>).

ностями и ахимсой²⁵. В 2019 году «Prana Energy» получила европейское финансирование в рамках поддержки национального экспорта. Обе фирмы принадлежат жене Плявиньша.

Янис Плявиньш также проводит фестиваль коучинга и саморазвития «Меняем мир!». Среди его участников – тренеров личностного роста, шаманов, преподавателей ведической философии, инструкторов по йоге, ясновидящих и банных мастеров – многие демонстрируют ковидный и вакцинный скепсис.

Существуют еще несколько сайтов, *YouTube*-каналов и платформ для видеоблогов. Большая часть видеоконтента для них весьма профессионально изготавливается в одной подвальной студии в центре Риги²⁶. Например, передачи, размещенные на платформе для видеоблогов «BrīvvalstsTV» («Телевидение свободного государства») – по сути дела настоящего онлайн-телевидения, действующего в Латвии без необходимой регистрации²⁷. Один из ведущих – латвийский географ, преподаватель и политик, в 1988-м один из создателей Латвийского Народного фронта, позже – автор проекта административно-территориального деления Латвии Валдис Штейнс. Сегодня Штейнс – конспиролог-мистик, публикуется в эзотерическом журнале «Mistērija» («Мистерия»).

YouTube-канал на русском языке «Мамыкин ТВ» принадлежит бывшему журналисту, экс-депутату Европарламента от пророссийского «Русского союза Латвии» Андрею Мамыкину (за интервью с Мариной Корнатовской он был уволен с госслужбы²⁸). Сайтом «Brīvības platforma» («Платформа свободы») с одноименным Telegram-каналом владеет один из организаторов «Mainam pasauli», «внесистемный публицист» Айвис Василевскис. Василевскис пишет большую часть текстов на этих сайтах, выдавая, по собственному признанию, по два в день, участвует в создании видеоконтента «BrīvvalstsTV» и ведет с соратниками собственные ток-шоу «Brīvības modinātājs» («Будильник свободы») и «Brīvības studija» («Студия свободы»). Еще у него есть личная страница *Aivisvasilevskis.info*. Текст с заголовком «Конец буржуазной демократии – что дальше?» гласит:

МАРИЯ КУГЕЛЬ

NEW AGE И АНТИВАКСЕРСКОЕ/
КОВИД-ДИССИДЕНТСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ЛАТВИИ

25 Веб-страница компании «VegSet»: <https://vegset.com/en/home>. Ахимса – древний индийский принцип поведения и образа действий, при которых первым требованием является нанесение вреда.

26 *Vairāki kovidskeptiķu un vakcinācijas pretinieku raidījumi top pagrabā Rīgas centrā* // NRA.lv. 2021. 14 novembris (<https://nra.lv/latvija/363593-vairaki-kovidskeptiku-un-vakcinācijas-pretinieku-raidījumi-top-pagrabarigas-centra.htm>).

27 *NEPLP soda vietnes «Brīvvalsts TV» satura veidotājus par nelikumīga pakalpojuma sniegšanu* // LSM.lv. 2021. 2 decembris (www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/neplp-soda-vietnes-brivvalsts-tv-satura-veidotajus-par-nelikumiga-pakalpojuma-sniegsanu.a432759/).

28 *Мамыкин уволен из Государственной инспекции труда* // Rus.TVNET.lv. 2021. 15 oktobris (<https://rus.tvnet.lv/7362695/mamykin-uvolen-iz-gosudarstvennoy-inspekci-truda>).

«Мы переживаем конец политическое эры Запада – конец буржуазной демократии, опирающейся на конституции, права, парламенты и разделение власти. [...] Форма будущего управления должна быть максимально децентрализованной»²⁹.

Согласно его интервью другому активисту – коронаскептику, евангельскому³⁰ священнику Марцису Енцитису (он ведет еженедельное ток-шоу в *YouTube*) – у Василевскиса высшее юридическое и экономическое образование, он поклонник Аюрведы, побывал в Индии. С начала 2000-х участвовал в разных политических объединениях, из последних – в правоконсервативной популистской партии «No sirds Latvijai» («От сердца – Латвии»). Выдвигался от нее на выборы в Европарламент.

Современная медицина, по мнению Василевскиса, – изобретение Фонда Рокфеллера:

«Этот бывший нефтяник уничтожил медицину как таковую – натуральные витамины, гомеопатию, – и на их место пришла синтетическая медицина, [...] которая лечит симптомы болезни, но не ищет причин».

Он сторонник так называемого «холистического» подхода в медицине:

«Каждый человек уникален. Нет таких лекарств, таких инъекций, которые годятся всем. Болезнь – это язык тела, которым оно сообщает тебе, что у тебя что-то не в порядке. Нет духовного роста – ты начинаешь болеть».

Айвис Василевскис считает, что электромагнитное излучение в принципе вредно для человека:

«Эпидемия “испанки” в начале XX века точно совпала с тем моментом, когда мир покрыли радиоволны. Азиатский грипп в 1960-х совпал с интенсивным развитием сети военных радаров. Нынешний “грипп” совпал с распространением 5G. С распространением электросетей в мире эпидемии гриппа стали регулярными. С каждым поколением мы становимся все более больными».

Василевскис называет 5G военной технологией, необходимой элитам для внедрения тотального контроля. Полагает, что вместе с вакциной в кровь вводят оксид графена, чтобы можно было управлять человеком удаленно: «Вакцинация и строительство вышек 5G – это составные части одного плана, связанного с цифровым контролем». Василевскис расценивает обязательную вакцинацию как онтологическую угрозу:

29 VASIĻEVSKIS A. *Burūāzijas demokrātijas gals – kas tālāk?* (<https://aivisvasilevskis.info/2021/12/30/buruzazijas-demokratijas-gals-kas-talak/>).

30 То есть священник одной из общин евангельских христиан. – *Примеч. ред.*

«После этой инъекции произойдет полное изменение сознания, фактически тебя отключат от высшей связи. [...] Я потеряю связь с самим собой, а это равноценно смерти. Буду ходячим “овощем”, который ничего не может ни чувствовать, ни понимать. Это нападение не только на физическое тело, но на душу. Это, фактически, не инъекция, а инициация в новый мировой порядок. Как в сатанистском культе»³¹.

В рубрике «Саморазвитие» раздела «0 свободе» на сайте «Mainam rasauli» опубликована реклама фестиваля коучинга и тексты его участников – например, размышления шамана Иво Пуриньша. Пуриньш – одна из авторитетных фигур антиваксерского движения. Он называет себя мастером тольтекской астрологии и жрецом календаря Майя, участвовал в популярном российском телешоу «Битва экстрасенсов». По его словам, получил посвящение от индейских шаманов в Латинской Америке. Пуриньш транслирует в *Facebook* ежедневные проповеди, в которых утверждает, что COVID-19 – это сектантская религия, а массовая вакцинация против него – план искусственной селекции человечества.

Еще один активный антиваксер и коронаскептик Андрис Циекурс в тексте под названием «Как разглядеть тонкий мир» рассказывает об обретении человеком паранормальных и чудесных способностей. Он основал студию «Сеть Света» («Gaismas timeklis»), в которой проходят различные занятия и лекции эзотерической направленности: по медитации, холодинамике, регрессивной терапии, расстановки Хелингера и так далее. Имеется одноименный *YouTube*-канал с ток-шоу. Программист Циекурс до недавнего времени зарабатывал в компаниях, обслуживающих быстрые кредиты. Сегодня он участвует в создании многочисленных и весьма развитых онлайн-проектов антиваксеров. Интересно, что на домашней странице технологических компаний, в которых Циекурс был совладельцем, под его фото удалили фамилию, оставив только имя: его бывший бизнес-партнер полагает, что это произошло после того, как Циекурс стал снимать видео против 5G³².

На площади

В рубрике «В мире» раздела «0 свободе» на сайте «Mainam rasauli» 9 декабря 2020 года некая организация «Латвийский альянс свободы» публикует открытое письмо на английском, адресованное президенту США Дональду Трампу:

31 *Aivis Vasiļevskis sarunā «Nedēļas personība»* (www.youtube.com/watch?v=KvhUm1qsHDs).

32 Спринье И., Лиепиня И., Емберга С., Вебере И. *Просто Андрис Циекурс* // *Re:Baltica*. 2021. 9 decembris (<https://ru.rebaltica.lv/archives/3674>).

МАРИЯ КУГЕЛЬ

NEW AGE И АНТИВАКСЕРСКОЕ/
КОВИД-ДИССИДЕНТСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ЛАТВИИ

«Дорогой мистер Президент! Поскольку темные дни скоро минуют и Свет зальет планету, мы обращаемся к Вам в разгар битвы, чтобы голоса возлюбленных детей Божьих слились в один согласный хор, восстанавливающий Мир и Справедливость на Земле. 12 декабря, в 12 часов мы собираемся заполнить улицы нашей столицы, Риги, и Латвия убедится, что ее граждане доброй воли сами несут ответственность за свою жизнь, а не Глубинное государство или элита. Вместе мы стоим за наши будущие поколения, за лучший мир для всех и каждого, мир, в котором царят Безусловная Любовь, Мир, Дружба и Справедливость! На Бога уповаем! Вместе мы стоим! Аминь»³³.

12 декабря 2020 года (*sic*: 12.12.2020), в 12:00 в Риге прошел митинг под названием «Осознанность» за отмену обязательного ношения масок, несоразмерных ограничений и тогда еще только планируемой вакцинации. На импровизированной сцене поставили два кресла: для президента Эгила Левитса и премьер-министра Кришьяниса Кариньша. Ключевых лиц латвийского государства пригласили на дебаты, однако кресла простояли пустыми до конца акции, собравшей несколько сот человек. Протестующие требовали отставки президента и премьер-министра.

Заявку на это мероприятие в Рижскую думу подал президент «Клуба защиты среды» («Vides aizsardzības klubs», ВАК), бывший депутат Верховного совета Латвийской Республики и депутат Сейма двух созывов Арвид Улме. Он основал и возглавил «Клуб» в 1987 году. Эта диссидентская экологическая организация стояла у истоков восстановления независимости и организовала множество массовых демонстраций. В 1990 году Улме стал соучредителем «Латвийской Зеленой партии». В 2018-м, когда картотека агентов КГБ ЛССР была выложена в сеть, в ней нашлась его карточка с псевдонимом *Zāle* (Трава). Взывая к протесту против ковидных ограничений от имени «Клуба» (сама организация открестилась от призывов своего руководителя), Улме распространил в соцсетях листовку:

«Организуем собрание для принятия Плана действий по устранению объявленного в стране Чрезвычайного режима. В сложившейся ситуации “Клуб защиты среды” как первый знаменосец Атмоды больше не может стоять в стороне и наблюдать, как идеалы Атмоды превращаются в пепел. Призываю представителей всех городских и краевых отделений ВАК прийти со своими конкретными предложениями и инициативами по устранению этой кризисной ситуации. Напоминаю, что собрания ВАК открыты для всех, и призываю отделения объединить всех единомышленников для устранения существующей природной и человеческой экологической катастрофы.

33 *Latvijas Brīvības Alianses atklāta vēstule Trampam // Mainam pasauli. 2020. 9 decembris (https://mainampasauli.news/latvijas-brivibas-alianses-atklata-vestule-trampam/).*

Также напоминаю всем нам известную Истину, что все, что происходит в физическом и природном мире, – следствия событий, происходящих в нашей духовной сфере. Идеалы Атмоды разрушены потому, что [...] мы допустили всеобщую деградацию морали и основных ценностей народа. Все нужно начать заново – с Начала. С того места, где мы отдали власть диктатуре партийной коалиции, которая своими грязными ногами замарала прямую демократию как таковую и шаг за шагом уничтожила участие органов самоуправления в защите интересов своих жителей. Призываю представителей *IAK*, которые не могут явиться в Ригу в назначенный срок, организовать собрания в своих самоуправлениях с единственным требованием – защитить их права на работу, учебу, вдох и выдох и Жизнь».

МАРИЯ КУГЕЛЬ
*NEW AGE И АНТИВАКСЕРСКОЕ/
КОВИД-ДИССИДЕНТСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ЛАТВИИ*

Соратники Улме призывали в соцсетях к акциям протеста против создания тоталитарной системы, власти бюрократии, нарушения прав человека и угрозы современного коммунизма в Латвии, бессмысленных согласований и проектов, слежки, контроля, ограничения личной жизни, цензуры, культа материализма, атеизма, уродования семьи, популяризации гендерной теории и так далее.

Дата и время мероприятия были выбраны по инициативе духовного вдохновителя ковид-диссидентов, шамана Иво Пуриньша. Он утверждал, что с точки зрения нумерологии это наиболее подходящий момент для коллективной медитации, которая должна была способствовать переключению Латвийского государства с неправильного гороскопа на правильный. Следовало собрать воедино все энергетические силы для мирного молчаливого стояния, чтобы правоохранители ощутили внутренний свет и силу протестующих³⁴.

ЗАРУБЕЖНЫЕ СВЯЗИ

Латвийские антиваксеры не только черпают вдохновение в англоязычном сегменте интернета, но и пытаются наладить прямые связи с зарубежными единомышленниками. Так, например, Улме и многие его сторонники перед митингом поделились обращением к латвийскому народу европейской представительницы «Фонда защиты здоровья детей» («Children's Health Defense») Роберта Кеннеди-младшего, бельгийской журналистки Сенты Депуйдт, с анонсом ее онлайн-выступления перед протестующими³⁵.

34 Кугель М. *Против масок, вакцин и правительства*.

35 Роберт Френсис Кеннеди-младший – сын бывшего сенатора Роберта Ф. Кеннеди, племянник убитого президента США Джона Фицджеральда Кеннеди и последовательный антипрививочник – обвинил главу «Microsoft» Билла Гейтса в намерении установить диктатуру над системами здравоохранения в мире путем «стратегической филантропии», которая якобы является источником прибыли для принадлежащих Гейтсу фармацевтических предприятий. На сайте своей организации Кеннеди пишет, что вакцины, разработанные

Сента Депуйдт – активная антипрививочница – считает вакцинацию причиной аутизма. Она уверяла латвийских слушателей, что угроза, которую представляет собой вирус, не превышает угрозы утраты свободы и установления господства искусственного интеллекта.

«Конечно, мы можем поддерживать наше здоровье, не закрывая школ и экономики! Конечно, мы можем нарастить больничные мощности и укреплять естественный иммунитет! И даже переизобрести демократию. Пришел черед Латвии продемонстрировать европейским нациям свою сильную позицию. Вы проснулись, вы встали на ноги и стали частью глобального движения людей, которые хотят жить в истинной честности, свободе и достоинстве».

Обращение Депуйдт, снабдив его собственным переводом, выложил в *Facebook* пишущий под ником *Dainis W. Michel* Дайнис Михелис, – живущий в Вене американский латыш, обладатель, вероятно, нескольких паспортов. Он также участвовал в антимасочном митинге и был задержан полицией за нарушение антиковидных ограничений.

В ПОЛИТИКЕ И В ЦЕРКВИ

Антиваксеры и коронаскептики постепенно консолидируются в политических партиях и готовятся к парламентским выборам 2022 года. Их стремление к власти используют политики – аутсайдеры и популисты, рассчитывающие на консервативный протестный электорат. Весомую поддержку им оказывают две харизматические евангельские общины.

Локомотивом политического антиваксерства является бывший лидер KPV LV Алдис Гобземс – независимый депутат Сейма, минувшей осенью зарегистрировавший собственную партию «*Likums un kārtība*» («Закон и порядок»). У его страницы в *Facebook* 65 тысяч подписчиков. Гобземс утверждает, что не является антиваксером, но борется за свободу воли. Летом 2021 года он прикрепил к одежде желтую шестиконечную звезду, присоединившись к мировому флешмобу антиваксеров, сравнивающих себя с жертвами Холокоста³⁶. Гобземс не-

компаниями Билла Гейтса, стали причиной смерти многих людей в разных странах мира. В 2016 году Роберт Кеннеди-младший встречался с президентом США Дональдом Трампом и обсуждал создание комиссии по изучению безопасности вакцин, однако проект был быстро свернут после бурной реакции прессы. По сообщению «*The New York Times*», к апрелю 2020 года частота упоминаний «заговора Гейтса» в публичном пространстве достигала 18 тысяч раз в сутки: WAKABAYASHI D., ALBA D., TRACY M. *Bill Gates, at Odds With Trump on Virus, Becomes a Right-Wing Target* // *The New York Times*. 2020. April 17 (www.nytimes.com/2020/04/17/technology/bill-gates-virus-conspiracy-theories.html).

36 Павлов Е. *Желтая звезда как символ антиваксеров* // Новая газета – Балтия. 2021. 5 июля (<http://novayagazeta.ee/articles/36323/>).

однократно организовывал акции протеста. В частности, в августе 2021 года он собрал в Риге на митинг «за добровольную вакцинацию» более четырех тысяч человек, а в декабре проехался по городам Латвии с предвыборным турне под общим названием «Рододендрон»³⁷. В результате этих несанкционированных митингов против скандального бывшего адвоката начат 21 административный процесс о неподчинении полиции, мелком хулиганстве, нарушении закона о собраниях и постановления о чрезвычайной ситуации³⁸.

Ветеран латвийской политики Айнар Шлесерс решил вернуться после десятилетнего отсутствия на политическую сцену, основав новую партию «Latvija pirmajā vietā» («Латвия на первом месте»). В середине сентября 2021-го он провел учредительный митинг «за добровольную вакцинацию», попытавшись перехватить у Гобземса повестку. Шлесерс вывел на акцию более тысячи человек, в основном молодежи и представителей среднего поколения. На этом мероприятии у микрфона отметились почти все публичные антиваксеры.

Шлесерс – дважды экс-министр и бывший вице-премьер, один из трех олигархов, определявших до 2011 года латвийскую политику. Стоял у истоков создания «Латвийской первой партии» («Latvijas Pirmā partija»), которую в народе называли «партией священников». Одним из этих священников, в свое время обеспечивавшим партию голосами своих прихожан, был основатель и старший пастор конгрегации «Новое поколение» («Jaunā Paaudze») Алексей Ледяев. Многие представители этой и других неопятидесятнических групп баллотировались по спискам «Латвийской первой партии», занимали депутатские и даже министерские посты. В его церкви, насчитывающей три тысячи прихожан, многолюдные собрания не прекращались даже во время локдаунов, причем верующие посещали их без масок. Сам Ледяев неоднократно выступал против вакцинации и отрицал опасность COVID-19. Полиция выписала ему несколько административных штрафов, а в ноябре, когда богослужения были запрещены, прокуратура даже попыталась приостановить деятельность церкви – впрочем, безуспешно³⁹.

Еще один пастор-антиваксер – лидер евангельской христианской общины «Kristus Pasaulei» («Христос миру») Марцис

МАРИЯ КУГЕЛЬ

NEW AGE И АНТИВАКСЕРСКОЕ/
КОВИД-ДИССИДЕНТСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ЛАТВИИ

37 GAIGALNIEKS M., MELNGALVIS K. «Rododendru» plaukums vai posts: eksperti par Gobzema politisko nākotni // Apollo.lv. 2021. 15 decembris (www.apollo.lv/7408355/rododendru-plaukums-vai-posts-eksperti-par-gobzema-politisko-nakotni).

38 Pret Gobzemu sāktu administratīvo pārkāpumu procesu skaits pieaudzis līdz 21 // Skaties.lv. 2021. 8 decembris (<https://skaties.lv/zinas/latvija/politika/pret-gobzemu-sakto-administrativo-parkapumu-procesu-skaits-pieaudzis-lidz-21/>).

39 Суд отклонил ходатайство Генпрокуратуры о временном запрете «Нового поколения» // Mixnews.lv. 2021. 24 decembris (<https://mixnews.lv/latvija/2021/12/24/sud-otklonil-hodataystvo-genprokuratury-o-zaprete-novogo-pokoleniya/>).

Енциитис. Он ведет на *YouTube* не только регулярные ток-шоу, но и проповеди с обвинением властей в гонениях на христиан, каковыми расцениваются запрет на богослужения и обязанность носить маски в церкви. Некоторые из этих проповедей выкладывались на канале «Нового поколения». Енциитис (как и Ледяев) активно посещают антиваксерские мероприятия и Гобземса, и Шлесерса и охотно делятся с этими политиками своей аудиторией. Шлесерс выступил с предвыборной речью в церкви «Христос миру», назвав локдаун попыткой правительства подавить голос оппозиции и не позволить ему вывести людей на улицы⁴⁰. Енциитис присоединился к партии Шлесерса и намерен баллотироваться на выборах в Сейм⁴¹. Следует отметить, что сейчас в Латвии основная часть христианских конфессий поддерживает политику правительства в борьбе с пандемией. Отдельные священники-антиваксеры встречаются и там, но их принуждают к сдержанности, и уж во всяком случае борьба с вакцинами не является позицией глав конфессий.

В августе–сентябре 2021 года учреждены и несколько более мелких партий коронаскептиков. Одна из них – «*Boikota partija*» («Партия бойкота») – детище создателя «Фронта народной власти» Роберта Раймо. Она, по словам основателя, будет пробиваться к власти «преимущественно методами ненасильственной борьбы»⁴².

Активный в интернете антиваксер, руководитель танцевальной студии Артур Бернис, зарегистрировал «*Brīvai stiprai Latvijai*» («Для свободной сильной Латвии»), объединившую несколько сотен человек, до этого не занимавшихся политикой⁴³.

В начале января был создан сайт «*Brīvvalsts*», анонсировавший начало борьбы за строительство нового Латвийского государства и создание нового общества. В промо-ролике известные фигуры антиваксерского движения появляются в рядах с элементами стилизованного костюма древних земгалав⁴⁴, с мечами и топорами в руках и собираются на вершине холма в ритуальный круг. Видео начинается патетическим обращением:

40 Андреев Н. *Можно ли остановить Ледяева?* // rus.TVNET.lv. 2021. 17 novembris (<https://rus.tvnet.lv/7387229/mozhno-li-ostanovit-ledyaeva>).

41 *О Шлесерсе, Гобземсе, вакцинах и многом другом: открытый разговор с религиозным деятелем Алексеем Ледяевым* // Otkrito.lv. 2021. 2 septembris (<https://rus.jauns.lv/article/novosti/460095-o-sleserse-gobzemce-vaksinax-i-mnogom-drugom-otkrytyi-razgovor-s-religioznym-deyatelem-alekseem-ledyaevym>).

42 *Par «Boikota partijas» valdes priekšsēdētāju ievēlēts bijušais distanču slēpotājs Raimo* // LSM.lv. 2021. 29 augusts (www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/par-boikota-partijas-valdes-priekssedetaju-ievelets-bijusais-distanču-slepotajs-raimo.a418981/).

43 *Nodibināta vēl viena «kovidskeptiķu» partija* // LA.lv. 2021. 6 septembris (www.la.lv/nodibinata-vel-viena-kovidskeptiku-partija).

44 Один из народов балтской группы, сформировавших латышскую нацию, который обитал на юге Латвии и на севере Литвы; известен упорным сопротивлением Ливонскому ордену.

«Сыны и дочери Латвии! Сегодня мы стоим на перекрестке новой эры во времени и пространстве между светом и тьмой! [...] Сейчас Латвии нужна твоя мудрость, твоя моральная позиция и чистое сердце! [...] Стань рыцарем новой эры! Как древние храбрые земгалы, защитим землю наших предков, восстановим действующую Конституцию и права человека!»

В этом тексте содержится отсылка к эпосу «Лачплесис», написанному во второй половине XIX века «младолатышом» Андреем Пумпурсом. Для новой Латвии создан государственный флаг с восьмиконечным аусеклисом в центре: утренней звездой, в латышской мифологии – символом Атмоды.

Опубликованы манифест и политическая программа «народовластия» с требованием прямой мажоритарной демократии, в основе которой лежат не партии, а местные органы самоуправления и референдум. Она включает также всеобщую воинскую повинность, семейные ценности, эффективное государственное управление с высокой личной ответственностью за результат и так далее. Не последнее место занимает эффективная, долгосрочная политика использования природных ресурсов с высокой добавленной стоимостью.

«Законов мало, законы просты, понятны, логичны и совпадают с общественным пониманием справедливости. [...] У человека не появляется необходимости знать все законы, поскольку они самоочевидны»⁴⁵.

В ТЕАТРЕ, МАГАЗИНЕ, ШКОЛЕ И НА РАБОТЕ

Анита Ш. не является активным участником движения антиваксеров, но знакома со многими из лидеров и поддерживает с ними отношения. С детства знает Арвида Улме, говорит о нем: «Это человек, который меня вырастил как личность». У Аниты высшая медицинская квалификация по специальности «медсестра», но опыт работы в здравоохранении невелик. Большая часть ее профессиональной жизни была связана с журналистикой. Однако перед пандемией она зарабатывала, проводя экскурсии, а из-за локдауна потеряла источник дохода и сейчас стабильной работы не имеет. К традиционным вакцинам в целом относится положительно, но считает, что прививки против какого-либо заболевания надо делать, только убедившись, что у человека нет естественных антител против него. Поэтому трое ее детей привиты, а четвертый ребенок – нет. В медицине признает холистический подход, науку счи-

⁴⁵ См.: <https://brivalsts.com/tautvaldiba/>.

тает коррумпированной и верит в заговор «большой фармы», аффилированной с мировыми элитами. На сайте Всемирного экономического форума, по словам Аниты, еще в 2011 году было пошагово описано все, что мы переживаем и еще переживем: «Тогда люди мне говорили правду, а я им – мол, да что там, это теория заговора».

Анита упорно избегает слова «ковид», предпочитая вместо него употреблять словосочетание «модное заболевание». Считает, что пандемии нет «по той формулировке, которая существовала перед пандемией», а статистика подтасована. Свой подход не считает конспирологическим и пытается применить расследовательские методы для доказательства своей правоты, но материал для нее неподъемен:

«У меня знакомый работает в Европейском агентстве патентов. Я попросила его достать четыре патента, выданных компаниям на эти препараты. Там ни в одном не написано, что это вакцина, там написано “экспериментальный препарат”. Он не апробирован, исследований не было. И сейчас у меня на руках есть документ, который затребовала от “Pfizer” некая американская организация по защите прав пациентов. Он составлен по данным на 28 февраля [2021 года] по итогам трех месяцев применения препарата. Сама “Pfizer” пишет, что его применение не является гарантией образования антител. Среди первых побочных эффектов описана смерть. За первые три месяца – тысячи выкидышей, осложнений, и это только первые страницы – в документе 50 страниц. При всем при том, что документации, которую предоставил “Pfizer”, так много, что расшифровщикам, способным разобраться в этом материале (а в этой организации работают всего девять человек), потребовалось бы 55 лет».

Поскольку говорить о вакцинации можно относительно того, что вакциной является, Анита отрицает тот факт, что отказывается прививаться: «Я не буду вкалывать это себе, если меня не заставят насильно, если двое военнослужащих не будут держать меня». Однако ее старшие дети вакцинировались по собственной инициативе: «Зная мое отношение, поддались тем не менее общественному давлению».

Жизненные неудобства, связанные с отсутствием QR-кода, в глазах Аниты вознаграждаются чистой совестью в ее стремлении к социальной справедливости. В частности, она не может ходить в театр, как до пандемии.

«Я считаю, что все это нарушает права человека, вся эта сегрегация. Мне подруга сказала: “Я иду в театр, очень жаль, что ты не можешь пойти со мной”. А мне не жаль! Потому, что государство поддерживает театр, который потом ставит определенные спектакли. Понятно, что скульптура, искусство, театр всегда были инструментами идеологии. Мне это неинтересно. Я вообще против

фашизма в любом его проявлении. Сейчас говорят, что некрасиво сравнивать [непривитых] с евреями, но я вижу именно такую тенденцию. Люди получают, по сути, товарный знак [QR-код] и очень этому рады».

МАРИЯ КУГЕЛЬ
NEW AGE И АНТИВАКСЕРСКОЕ/
КОВИД-ДИССИДЕНТСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ЛАТВИИ

Трое из четырех детей Аниты посещали учебные заведения Вальдорфской системы. Поэтому она хорошо знакома с ситуацией в Вальдорфской гимназии и уважает выбор учителей, которые предпочли потерю работы вакцинации:

«Вальдорфская система состоит из трех составляющих: это вальдорфская педагогика, вальдорфское сельское хозяйство и антропософия, если конкретнее – антропософская медицина, принципы которой напоминают гомеопатию. Сама система не признает вакцинацию, даже простую. И, конечно, есть преданные делу люди, для них это [вакцинироваться] неприемлемо, это значит отступить от самой системы, от идеи школы. И я считаю, что это соль земли, на таких людях держится любое общество».

По словам Аниты, ее непубличные единомышленники общаются в зашифрованных сайтах и пользуются конспиративными методами, обходя ограничения. Образовались различные группы, и на их основе возникли общественные движения⁴⁶.

Создана, к примеру, платформа прямого взаимодействия горожан и крестьян *Zemkopis.lv* («Земледелец»), которая должна, с одной стороны, объединить крестьян и домашних производителей, а с другой, помочь жителям приобрести свежие местные продукты без магазинной наценки и с доставкой к двери⁴⁷. Еще есть закрытая социальная сеть *Brīvzeme.lv* («Свободная земля»).

Предприниматель Арвил Пекулес организовал среднюю школу дистанционного обучения, в которой дети могли бы осваивать учебный материал самостоятельно. «Вселатвийская дистанционная средняя школа» («*Vislatvijas tālmācības vidusskola*») с сентября принимает заявления и действует на основе уже существующего аккредитованного учебного заведения. Большое значение при приеме уделяется ценностям семьи, отдающей ребенка на обучение⁴⁸. На сайте содержится призыв к родителям создавать региональные чаты единомышленников. Пекулес выражает в своем *Facebook* благодарность более чем пятистам родителям, дети которых с сентября начали учебу в этой школе.

Анита Ш. считает, что основной смысл этих инициатив даже не столько прагматический, сколько «в том, чтобы люди общались физически, потому что сейчас нас хотят “расстрелять по

46 Интервью с Анитой Ш. проведено 10 декабря 2021 года.

47 См.: www.zemkopis.lv/par-mums.

48 Веб-страница «Вселатвийской дистанционной средней школы»: <https://vislatvijasvsk.org/vertibas/>.

одному”, посадив по домам и отобрав то, что делает нас людьми – человеческое общение». Музыкант и активный антиваксер Каспар Пудник организовал в *Facebook* группу взаимопомощи «Gaitnieks» («Хранитель») для нуждающихся в немедленной поддержке людей, которые не могут ждать решения социальных служб. Как объясняет сам основатель, это движение, в котором люди сами друг с другом связываются и друг другу помогают.

Александр Д. говорит с сожалением: «Я провел последний корпоратив в феврале 2020 года»⁴⁹. Александр занимался кино и телевидением, рекламой и маркетингом, подбором и обучением персонала. Затем это вылилось в игры, рассчитанные на развитие коммуникативных навыков. Максимальное число участников – 360 человек в Санкт-Петербурге, до 150 человек в Латвии. Параллельно вел клуб разговорного латышского языка. Преподает язык до сих пор, но уже в онлайн-формате и в основном индивидуально. Признается, что сейчас латышский язык его спасает, хотя режим очень напряженный, а отдачи меньше и преподавание ему нравится меньше, чем игры.

Все свои воззрения на ковид и вакцины от него Александр высказывает в виде предположений. Он полагает, что события вокруг пандемии сильно переоценены и раздуты, но вирус реален:

«Я считаю, что без рук человеческих в Ухане не обошлось, потому что слишком уж торчат уши и гейтсовской команды, и американцев. Вырвалось ли это случайно и стало природной катастрофой или было распространено целенаправленно, я не знаю. Но что человечество, которое травят ГМО и всякими другими способами, вдруг начали спасать от вируса – очень странно. Я воспринимаю это как хорошо продуманный коммерческий проект, очень прибыльный, потому что это идеальный заказ для фармкомпаний от многих стран мира».

Не вакцинируется принципиально и не рекомендует никому, хотя допускает, что проверенные годами вакцины от гриппа, энцефалита и других болезней работают: «Эти вакцины [против ковида] совсем из ряда вон выходящие. Я не верю, что они сделаны качественно. На скорую руку невозможно сделать такое».

Александр допускает, что в крайности порой впадают и сторонники, и противники вакцинации. Он также предполагает, что кто-то выделяет средства для дискредитации антиваксеров – «на то, чтобы появлялись люди, которые выглядят неадекватными и несут абсурд». Считает, что «среди бредовых теорий достаточно много искусственно созданных мифов».

49 Интервью с Александром Д. проведено 23 декабря 2021 года.

Например, таковым считает чипирование людей под видом вакцинации:

«Видимо, там не так все просто, и возможно, что от вакцины что-то происходит с организмом, но воздействие оказывается не в виде чипа. Скорее всего это более продвинутая технология на нано-уровне. Если это делается, то более изощренно. Это графен, еще какие-то варианты введения управляемой субстанции в организм».

Не верит ни официальным источникам, ни альтернативным, но склоняется в пользу последних:

«Считается, что есть официальная информация – это ВОЗ, медицинские журналы, но другое мнение в этих источниках вряд ли появится. Поэтому источники надо искать в другом месте, но степень доверия к ним меньше, потому что они неофициальные. И опять-таки, возможно, со стороны официальных источников они дискредитируются».

Две сестры Александра живут в Германии, поэтому он сам подключен к немецкому информационному полю и утверждает, что там медики чаще высказывают в прессе альтернативные взгляды на пандемию и вакцины, а в Латвии подобные новости тщательно вычищаются.

Мать Александра – переводчица с немецкого языка, известная переводами Рудольфа Штайнера, – разделяет антропософское мировоззрение. Но Александр не относит себя к сторонникам антропософии, науки, в принципе; верит, но не доверяет ученым и в целом демонстрирует скорее холистический подход:

«Как метод двойное рандомизированное исследование меня ни в чем не смущает. Но, на мой взгляд, доказательная медицина дискредитировала себя возможностью покупки результатов исследований, врачей, рекомендующих препараты пациентам. И самая большая роль в этой коррупции у фармкомпаний».

«Что доказательная медицина мало учитывает, на мой взгляд, – это что “все болезни от нервов”. Психологическое состояние человека влияет на физиологическое. Человек, который постоянно в стрессе, больше подвержен болезням, в том числе и вирусным. Я для себя определил, что, если буду паниковать, ничего хорошего не будет. Поэтому я постарался успокоиться, смотрю на все со стороны как на театр абсурда, не лезу в середину происходящего. Мной трудно манипулировать с помощью пропаганды или чувства вины: “Сколько еще человек должно погибнуть, чтобы ты привился!?”».

Александра еще пришел к твердому мнению по поводу опасности вируса и признает, что отказ от вакцинации приносит неудобства:

МАРИЯ КУГЕЛЬ

NEW AGE И АНТИВАКСЕРСКОЕ/
КОВИД-ДИССИДЕНТСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ЛАТВИИ

«Я не знаю, как поведу себя, если заболею “коронай”, но стараюсь об этом не думать. Конечно, хочется надеяться, что пройдет без симптомов. Я понимаю, что бесполезно нервничать по этому поводу. Навык жизни в неопределенности, наверное, основополагающий у современных людей. Особенно потому, что все очень быстро меняется и мы не знаем, а можно нам будет завтра выйти на улицу – вдруг примут закон, что невакцинированным нельзя выходить. Я не буду заранее готовиться к этому сценарию, потому что эти сценарии непредсказуемы, они не поддаются никакой логике и высчитывать возможные варианты развития событий – бесперспективное занятие. А если я буду заранее планировать негатив, возможно, я его и привлеку».

«Я лишился театра, кино, в кафе больше не могу назначать деловые встречи. А также магазинов одежды и обуви, хозтоваров и стройматериалов. Я не придумал замены очным массовым мероприятиям, о которой можно было бы заявить на публику. Неофициально игры, конечно, проходят, но в другом масштабе, не на 150 человек, а на 15–20, это совершенно другие деньги, так сказать, для поддержания штанов. Но понятно, что это на ответственности каждого. Предлагаю провести игру в компаниях, в которых уже не раз проводил, но люди боятся: в Латвии принято “стучать”. Когда мы в мае 2020 года сменили офис, в первый же вечер на нас “настучали”, пришла полиция: “К нам поступил сигнал о возможном нарушении дистанцирования” – и так далее. С тех пор мы стали осторожнее».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЛЮДИ ВЕРЯТ НЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУ, А В МАГИЮ

Антиваксерское движение в Латвии, как и во всем мире, развивается в широком контексте иррационализации мышления людей. Причины этого явления кроются, видимо, в том, что современный объем знаний в области медицинской науки, эпидемиологии, иммунологии, фармакологии, генетики и прочих отраслей, необходимый для понимания процессов обуздания пандемии коронавируса, не посилен для подавляющего большинства людей, в том числе и средних специалистов в этих областях. Это вынуждает полагаться на веру и тех, кто готов признать существование пандемии, и тех, кто этому признанию в той или иной мере сопротивляется. Здесь оказывается важной степень доверия структурам власти и специалистам, которые этими процессами управляют. Согласно некоторым исследованиям, успешность стран в борьбе с COVID-19 коррелирует с доверием к власти, которое на Западе было существенно подорвано еще до пандемии, со времен сворачивания социального государства, реализации принципов «Вашингтонского консенсуса» в 1990-х, а также политики жесткой экономии во время

финансового кризиса 2008–2009 годов⁵⁰. Особенно жестко эти тенденции проявились в странах бывшего советского блока, в которых уровень доверия за последние три десятилетия упал драматически вследствие краха коммунизма, глубокой рецессии во время периода транзита и неспособности постсоциалистических правительств смягчить эти явления⁵¹.

Эти глобальные тенденции наложились на специфическую популярность мистики среди части жителей Латвии. Высокую толерантность к магическому мышлению можно считать культурной особенностью страны⁵². Исследователи также отмечают давнее – с 1980-х – распространение в Латвии различных течений *New Age* – хрестоматийной религии эпохи постмодернизма, которая в ее латвийском изводе неоязычества и реконструкции приобрела сильный националистический оттенок⁵³.

МАРИЯ КУГЕЛЬ
NEW AGE И АНТИВАКСЕРСКОЕ/
КОВИД-ДИССИДЕНТСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ЛАТВИИ

Современный объем знаний в области медицинской науки не посилен для подавляющего большинства людей. Это вынуждает полагаться на веру и тех, кто готов признать существование пандемии, и тех, кто этому признанию в той или иной мере сопротивляется.

Все эти факторы переплелись между собой с началом пандемии COVID-19 и катализировали возникновение достаточно многочисленного и сплоченного движения идейных коронаскептиков мистической направленности, мировоззрение которых, базирующееся на таких понятиях, как «целостность», «естественность», «духовность» и «мудрость», отторгало механистические и атомизирующие противоэпидемические мероприятия. Их идеи нашли понимание в рядах правопопулистских партий и движений, многочисленных, но плохо организованных. Этим воспользовались политики-аутсайдеры, собирающие под свои знамена протестный электорат в преддверии парламентских выборов.

К началу 2022 года движение, реагируя на преследования из-за нарушения коронавирусных ограничений и призывов

50 LENTON T.M., BOULTON C.A., SCHEFFER M. *Resilience of Countries to COVID-19 Correlated with Trust* // Scientific Reports. 2022. January 6 (<https://doi.org/10.1038/s41598-021-03358-w>).

51 GHODSEE K., ORENSTEIN M.A. *Why Won't Eastern Europeans Get Vaccinated?* // Project Syndicate. 2021. November 8 (www.project-syndicate.org/commentary/explaining-low-vaccination-rates-in-eastern-europe-by-kristen-ghodsee-and-mitchell-a-orenstein-2021-11).

52 HARRIS E., MILFORD T.L., HORNSEY M. *Magic Tolerance Varies Cross-Culturally: Luck and Precognition Beliefs across the World*. *Center for Open Science*. 2021. September 2 (<http://dx.doi.org/10.31234/osf.io/uc2qg>).

53 MISĀNE A. *Reliģija un latviešu nacionālisms ideju vēsturē Latvijā*. Rīga, 2016. P. 26, 133–189 (http://dspace.lu.lv/dspace/bitstream/handle/7/34500/298-56364-Misane_Agita_am09480.pdf?sequence=1).

МАРИЯ КУГЕЛЬ

NEW AGE И АНТИВАКСЕРСКОЕ/
КОВИД-ДИССИДЕНТСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ЛАТВИИ

к таковым, осваивает различные формы низовой самоорганизации и консолидируется в политические партии. Усталость общества от пандемии, нарастающий экономический кризис, хаос в государственном управлении в целом и политике обуздания пандемии в частности, высокая степень неопределенности относительно самого вируса и иммунитета против него толкают в ряды антиваксеров все новых сторонников. Таким образом, латвийские антиваксеры, являющиеся на сегодняшний день хотя и довольно многочисленной, но маргинальной массой, имеют весомый шанс добиться представительства в Сейме и получить рычаги влияния на принятие решений в области политики сдерживания пандемии.

Что такое традиция?¹

ИГОРЬ
СМИРНОВ

Одним из ответов на опасности, которые несет с собой искусственно вызванное человеком изменение климата на планете, стало требование придать технике и организации быта устойчивость во времени за счет внедрения в промышленный и повседневный обиход устройств длительного пользования. Понятие о щадящем средой долгосрочном действии цивилизационных инструментов (*environmental sustainability, ökologische Nachhaltigkeit, durabilité écologique*) сделалось в наши дни ходовым критерием для их оценки. Они получают признание только в той мере, в какой их функционирование не мешает воспроизводству нашего естественного окружения и в какой сами они приобщены природной регенерации, будучи рассчитанными на то, чтобы служить нам как можно дольше при многократном употреблении в дело.

Чем насущнее оказывается для общества задача избежать истощения природных ресурсов, тем более иссякает у нас на глазах исторический потенциал социокультуры. Стараясь придать устойчивость техносфере, наша современность инновативно заглядывает в будущее с тем, чтобы свести в нем расточительное новаторство до минимума. Истории хочется ныне сэкономить

Игорь Павлович Смирнов (р. 1941) – автор многочисленных статей и книг гуманитарного профиля, основной научный интерес сосредоточен на теории истории. Живет в Констанце (Германия) и Санкт-Петербурге.

1 Статья написана на основании доклада, прочитанного на онлайн-конференции «Время идей. Проблемы темпоральности в интеллектуальной истории» (организована Институтом высших гуманитарных исследований имени Е.М. Мелетинского РГУ и Европейской академией 18–19 июня 2021 года).

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

на самой себе. Теперешняя футурология такова, что планирует завтрашний день в виде «холодного» времени, наподобие того, какое утверждалось ритуальной архаикой. В первых теориях ресайклинга циклический распорядок жизни архаических обществ прямо ставился в пример текущей современности². В таком подчеркнутом ретроспективном переворачивании горизонта ожидания более нет нужды. Социополитическая практика наших дней нашла свой способ приостанавливать «горячее» время помимо возрождения давнего ритуального прошлого. Историческое развитие обществ стопорится в несменяемости правителей авторитарного пошиба (как бы наследующих самим себе), в насаждении патриотической идеологии (солидаризующей людей по их общему происхождению и представляющей собой суррогат культа предков), в подавлении государством самодеятельной социальной активности, а также в превращении таковой из диагностирующей будущее в консервативный протест против уже достигнутых обновлений политического и цивилизационного характера.

**Стараясь придать устойчивость техносфере,
наша современность инновативно заглядывает
в будущее с тем, чтобы свести в нем расточительное
новаторство до минимума.**

Сегодняшнее притормаживание истории заняло место ее раннепостмодернистского понимания, согласно которому она принимала вид то нескончаемой отсрочки ультимативного разрешения проблем (как это декларировал Жак Деррида в «Грамматологии» (1967)), то генератора симулякров (подвергнутых Жаном Бодрийяром критическому рассмотрению в «Символическом обмене и смерти» (1976)), то предпосылки для торжества самодовольно-нарциссического лжесознания (на анализе которого сосредоточился Петер Слотердаjk в «Критике цинического разума» (1983)). История, бывшая для постмодернистов 1960–1980-х не способной открыть свое содержание или, напротив, способной породить прежде всего смысл, лишенный достоверности и основательности, составляет сегодня предмет не столько компрометации, сколько конструктивного преодоления, подчиняется установке на переход от преобразований, обрывающих социокультурную преемственность ради продвижения вперед, в дотоле неизвестное, к состоянию предсказуемого накопления свойств, заданных человеческому миру

² Ср.: THOMPSON M. *Rubbish Theory. The Creation and Destruction of Values*. Oxford: Oxford University Press, 1979.

ad perpetuitatem. Настоящее толкует себя как область, в которой закладывается более не подлежащая слову традиция. Оно желает быть памятью о будущем, моментом, к которому предстоит возвращаться социокультуре, чтобы выжить в неблагоприятных обстоятельствах, на какие она же и обрекла свой планетарный контекст. Как и во всякой традиции, в той, что формируется сейчас, противоречиво сочетаются энергия протеста против переменчивой истории, против времени-к-смерти и конформизм – выплата дани внешним условиям, мотивирующая нужду в создании трансвременной протяженности, нерушимой постольку, поскольку она как нельзя лучше отвечает действительности. И, подобно любой традиции, нынешняя рождается в ситуации кризиса, который претерпевает социокультурное развитие.

1

К истории изучения традиций. Осмысление того, что такое традиция, обрело актуальность для гуманитарных наук и философии тогда, когда стало ясно, что революция, разыгравшаяся во Франции в конце XVIII века, не случайное событие локального масштаба, а попытка придать новый поворот всему ходу мировой истории, универсальный пересмотр представлений о человеке, долженствующий быть учтенным в дальнейшей его деятельности. Эта революция не могла бы, по Жозефу де Местру («Рассуждения о Франции» (1796)), произойти, если бы на то не было попустительства Высшего Существа, показывающего людям, в какой преступный хаос вовлекает их самовольное отступление от Божественного плана, которым они искони руководствовались. Если для де Местра революция негативным образом выявляет сущность истории как направляемой Провидением, то затем обмирщенный взгляд на человеческое время вменил свержению старого порядка качество условия, необходимого для достижения социокультурным развитием его конечной позитивной цели. Только радикальное изменение соотношения между производителем ценностей и распорядителем – владельцем производства (секуляризованным Демиургом) – позволяет истории в гегелевской философии Духа и в политэкономии Карла Маркса прийти к завершению в полноте ли самосознания субъекта или в бесклассовом и безгосударственном коммунистическом обществе. Фридрих Ницше абстрагировал революционность истории от привязки к труду социальных низов и присвоению его плодов верхами общества. «Переоценка всех ценностей» имманентна историческому процессу, коль скоро он диктуется обще-, а не частнозначимой волей к влас-

ти. Христиане уступили полноту власти Богу, но он «умер», и теперь пришел срок воцариться тому, кто противоположен «больному зверю» – человеку. В своем протекании история должна добиться того, чтобы стать «неисторией» (научившись забывать прошлое, перестав быть ограничительно зависимой от него) и «сверхисторией» (обнаруживающей свою всегдашнюю приуроченность к настоящему). В этой программе, к разработке которой Ницше приступил в эссе «О пользе и вреде истории для жизни» (1874), итогом революции, составляющей квинтэссенцию социокультурного времени, выступает, если воспользоваться терминологией Джованни Джентиле, «вечная история» – та, что вершится не в трех отдельных сферах прошлого–настоящего–будущего, а в объединяющей их сплошной современности, каковая не только есть, но и была, и будет. Как бы ни различались выкладки Гегеля и Маркса, с одной стороны, и Ницше, с другой, все трое одинаково ставят в позицию, которая была некогда зарезервирована за *creatio ex nihilo*, столь же всеобъемлющую, как и Божественное творение, перестройку, происходящую без сверхъестественного вмешательства внутри истории, следствием чего оказывается ее преобразование из имеющей некое задание в своем истоке в выполняющую его в своем финале. Подмена потустороннего Демиурга посюсторонним (господином, победившим в войне всех против всех, у Гегеля; правящим классом у Маркса; проповедником морали у Ницше) имплицировала дальнейшее замещение творца истории, которое, будучи универсальным, означало ее восхождение к максимуму (персонифицированному в фигурах кнехта, пролетария, сверхчеловека).

Историософским выводам, предпринятым из Великой французской революции, аккомпанировала дестабилизация социально-политической ситуации в разных частях Европы, вызвавшаяся на протяжении всего XIX века подъемом недовольства существующими режимами правления. Познавательный интерес, выбравший своим предметом традицию, был ответом как на фактический кризис, оказавшийся затяжным в европейском социальном порядке, перекинувшимся из XIX века в следующее столетие, так и на те модели истории, в которых она рисовалась в виде неизбежно проходящей через тотальное обновление своего развертывания.

Мэтью Арнольд, один из тех, кто первым не просто ностальгически настаивал на превосходстве прошлого над настоящим (подобно консервативно настроенным романтикам), но истолковал преемственность в теоретическом освещении, усмотрев в ней основу всеобщей истории Духа, в книге «Культура и анархия» (1869) прямо противопоставлял протягивающуюся через эпохи традицию якобинству с его абстрактно-схемати-

ческим мышлением. Быть современным значит для Арнольда признавать, что современными были и давно минувшие явления духовной культуры. Настоящее здесь и сейчас возобновляет ту современность, что была актуальна там и прежде, к примеру, в классической Греции V века до нашей эры. Поэтому, как писал Арнольд в опубликованной в том же году, что и «Культура и анархия», статье «Современный элемент в литературе», «интеллектуальная история нашей расы не может быть отчетливо понята без обращения к другим векам, нациям и литературам»³. Арнольд предвосхитил тезисы Ницше с тем существеннейшим отличием, что преподнес «вечную историю» не как искомую, а как заданную из прошлого величину. В трактате «О пользе и вреде истории для жизни» «характер вечного и равнозначного» во все времена «здесь-бытию» сообщают «религия и искусство»⁴. Не исключено, что Ницше перенял это положение из «Культуры и анархии», позднее отрекшись от него в пользу всеотрицающей воли к власти. Чтобы не выродиться в машинную цивилизацию и оставаться непреходящей ценностью, высокая культура должна, по Арнольду, быть религиозной и эстетической – при том, что примат в этом сочетании будет принадлежать художественному началу. Сопоставляя в «Культуре и анархии» иудаизм и эллинизм в качестве неиссякающих традиций, Арнольд отдал предпочтение эстетизированной греческой религии. Если катастрофической история изображалась вследствие десакрализации акта творения, то традиция вышла у Арнольда на передний план философствования о социокультуре в результате вторичной сакрализации, которой искусство подверглось, будучи спаренным с верованием.

В дальнейшем вторичная сакрализация, легитимировавшая трактовку истории в качестве непрерывной вразрез с дискретным ее осознанием, сошла в имеющем дело с традицией дискурсе на нет, выполнив свою задачу по его конституированию. В статье «Традиция и индивидуальный талант» (1919) Томас Элиот доказывал неизбежность опоры художника на созданное предшественниками исходя из самоценности поэтического слова, которое во всем своем объеме более значимо, чем любой отдельный вклад в литературу, нераздробленную, единую от Гомера до Новейшего времени⁵. Поэт в трактовке Элиота (усвоенной и радикализованной в постмодернистских представ-

3 ARNOLD M. *On the Modern Element in Literature* // IDEM. *On the Cultural Tradition*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1960. P. 37.

4 NIETZSCHE F. *Werke in zwei Bänden*. Darmstadt, 1973. Bd. 1. S. 172.

5 Эта мысль Элиота близка поэтологам акмеистов, для которых ценность художественного текста определялась, по формулировке Ренаты Лахманн, его «участием в целом культуры» (LACHMANN R. *Vergangenheit als Aufschub. Die Kulturosophie der Akmeisten* // IDEM. *Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne*. Frankfurt am Main, 1990. S. 358).

лениях о «смерти автора») – лишь медиум эстетической ответственности⁶. Подчеркну, что выступление Элиота в защиту традиции состоялось сразу после Первой мировой войны – кризиса, по меньшей мере сопоставимого с тем, каким была Великая французская революция. Соответственно тому, как искусство утрачивало в апологетике традиционализма ореол святости, выступая и без него не подлежащим разлому на полярные «до» и «после», религия, хранительница сакрального в его первичности, объявлялась неколебимым основанием всей социокультуры, отождествлялась с ней. В «Переписке из двух углов» (1920) Вячеслав Иванов возражал грезившему в годы революции об обнищании духом Михаилу Гершензону, свертывая всю духовную деятельность человека к религиозному почитанию родоначалия: «Культура – культ предков»⁷. В осуществленной Рене Геноном в 1920-х и позднее запоздалой реанимации мистического символизма начала XX века традиция предстает в виде сбережения социокультурой ее вневременного, не уступающего профанированию первоначального смысла, открывшегося человеку в его приобщенности трансгуманной сфере. И для Иванова, и для Генона традирование не только горизонтально связывает прошлое и настоящее, но и вертикально нисходит от высшего к низшему, от потустороннего к посюстороннему.

Познавательный интерес, выбравший своим предметом традицию, был ответом как на фактический кризис, перекинувшийся из XIX века в следующее столетие, так и на те модели истории, в которых она рисовалась в виде неизбежно проходящей через тотальное обновление своего развертывания.

Следующим этапом в обсуждении духовного наследования стал такой подход к социокультуре, который, с одной стороны, нацеливался на то, чтобы охватить ее *in toto*, как и в случае уравнивания ее с религиозным мировоззрением, а с другой, – выявлял изнутри присущую ей континуальность, перекликаясь в этом с концепцией поэзии (частноопределенной творческой активности) у Элиота. В вызвавшей сильнейший резонанс книге «Великая цепь бытия» (1936) Артур Лавджой обусловил

6 Продолжение и конкретизацию общие соображения Элиота о поэзии нашли в труде Эрнста Роберта Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» (1948), посвященном топике словесного искусства.

7 Иванов В. *Родное и вселенское*. М., 1994. С. 134.

единоцелостность социокультуры тем, что человек постоянно ищет ответа на один и тот же вопрос – «В чем заключена полнота бытия?», – и проследил за тем, как идея благого изобилия связано трансформируется в разные эпохи, от античности до романтизма. В статье «Размышления об истории идей», опубликованной в «Journal of the History of Ideas» (1940. № 1), Лавджой предупреждал о той опасности для изучения интеллектуальной истории, которую являет собой преувеличение всяким веком, борющимся с предыдущим, своей оригинальностью и инновативности⁸. Эпохальная история для Лавджоя менее значима, если не вовсе мнима, в сравнении с кумулятивной, подхватывающей начинания прежних лет⁹.

Стирание эпохального своеобразия, разграничивающего сменяющие одна другую фазы большой истории, совершалось тогда же, когда тоталитарные режимы провозгласили себя средоточиями разновременности – теми социокультурными образованиями, которые сжимают в своем настоящем величественное прошлое и светлое будущее. В работе Мирча Элиаде «Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторы» (1949) эта переключка между актуальной социополитической реальностью и модификациями в изучении традиции сделалась очевидной. Только в традиционном обществе, воспроизводящем *arché* в соответствии с космическим круговоротом и подавляющем индивидное в сохранении памяти о безличностно прототипическом, человек, готовый ради утверждения неземных ценностей принимать страдания и приносить жертвы, адекватен в своем существовании бытию и жизни, которую нельзя пересоздать. (Элиаде явным образом проецирует в мифоритуальное прошлое тоталитарный культ героического самозабвения.) Беря традицию в максимуме, в той ее форме, в которой она бытовала до наступления «горячего» времени, Элиаде признавал значимость позднейшей истории лишь в той мере, в какой та творится из прошлого, считая саморазвитие, автопойезис человека не более чем иллюзией и выдачей элитами желаемого за действительное.

С зарождением тоталитаризма уже установившееся ранее понимание религии как главного, и даже исключительного, поля действия традиции приняло характер вызова, бросаемого

8 Цит. по перепечатке: LOVEJOY A.O. *Reflections on the History of Ideas* // KELLEY D.R. (Ed.). *The History of Ideas. Canon and Variations*. Rochester: University of Rochester Press, 1990. P. 1–21.

9 Пренебрежительное отношение истории идей к специфике отдельных периодов в динамике социокультуры оспорил Лео Шпитцер, не согласный с предпринятым Лавджоем сравнением «эпохального климата» романтизма с нацистской идеологией: SPITZER L. *Geistesgeschichte vs. History of Ideas as Applied to Hitlerism* [1944] // KELLEY D.R. (Ed.). *Op. cit.* P. 32–44. Еще более резкой критике построения Лавджоя подвергнет Квентин Скиннер, полагавший, что прослеживание традиций покоится на мифе о проlepsисе, подающем будущие события в качестве заранее ожидаемых. Скиннер отрицал когерентность в интеллектуальных исканиях разных периодов и существование элементарных идей (*unit ideas* Лавджоя), переходящих из эпохи в эпоху, предпочитая анализировать понятия в синхронном им контексте (SKINNER Q. *Meaning and Understanding in the History of Ideas* // *History and Theory*. 1969. № 8. P. 3–53).

власти, которая требовала от подданных полной мобилизации сил на службе у государства. В написанной в годы нацизма в едва ли скрытой конфронтации с ним книге «Традиция» немецкий теолог Леопольд Циглер интерпретировал жизнь по религиозному преданию в персонологическом освещении – как «соучастие каждого из верующих в “первознание”»¹⁰, явленном в Боге, каковой есть «*der Gott der Ichbinheit*»¹¹, воплощение тождества «я» = «я» («Я есмь Сущий»). Включенность индивида в «интегральную традицию», задаваемую религией, позволяет ему достичь абсолютной автоидентичности, то есть идентичности с *homo aeternus*, с родом человеческим (что менее всего предполагает сопричастность личности той или иной государственной идеологии). После краха нацизма предложенная Циглером широчайшая трактовка религиозной традиции, знаменующей собой причащение верующего общечеловечности, утратила свой протестный смысл и была подвергнута редукции. Для еще одного немецкого богослова, Йозефа Пипера, религия зиждется на традиции постольку, поскольку, в отличие от естественнонаучного знания, передается во времени от поколения к поколению без верифицирования, которого не допускает лежащее в основе веры Божественное Откровение¹². Истина, содержащаяся в традиции, выступает у Пипера отчлененной от знания, добываемого людьми самостоятельно, тогда как у Циглера *homo religiosus* претворяет в себе становление человека человеком (*Menschenwerdung*).

В исследованиях начала XX века констатация религиозного происхождения традиций могла сочетаться с разбором их последующего обмирщения, что являло собой компромисс между их сакрализацией и представлением об имманентной идейному миру человека связности. В реконструкции Джорджа Сантаяны североамериканская традиция берет начало в кальвинистском воззрении на человека как на греховное и мизерное перед лицом Божественного абсолюта существо, заслуживающее суда над собой, превращаясь затем в философско-эстетический «трансцендентализм», в погружение субъекта в себя у Эдгара Аллана По, Натаниэля Готорна и Ральфа Уолдо Эмерсона¹³. В позднейших изысканиях, посвященных генезису традиций, они бывали уже с первоисточка концептуализованы сугубо светским образом. В модели Альфреда Норта Уайтхеда идеи рождаются из нехватки, из неудовлетворенности людей фактическими обстоятельствами их существования и их желания

10 ZIEGLER L. *Überlieferung*. Leipzig, 1936. S. 430.

11 Ibid. S. 267.

12 PIEPER J. *Über den Begriff der Tradition*. Köln: Opladen, 1958. S. 16 ff.

13 SANTAYANA G. *The Genteel Tradition in American Philosophy* [1911] // IDEM. *The Genteel Tradition*. Cambridge: Harvard University Press, 1967. P. 37–64.

освободиться из-под гнета этого положения дел. Вся духовная активность имеет у Уайтхеда общую направленность развития в сторону установления гармонии в создаваемой человеком действительности, коль скоро идеи как таковые восполняют разлад между их зиждителем и внешней ему обстановкой. Прекрасное для Уайтхеда – цель истории, по ходу которой идеи доказывают свою реализуемость и тем самым – истинность¹⁴.

В годы после Второй мировой войны в уставшей от потрясений Западной Европе под постепенность исторических сдвигов, происходящих в рамках неослабевающих традиций, была подведена социологическая база. В отличие от англо-американских исследователей 1910–1930-х, увязывавших идейное наследование с общекультурной целеположенностью, Школа «Анналов» объясняла преобладающие линии в деятельности человека его стремлением к социальной стабильности¹⁵. В опубликованной в «Анналах» статье «История и социальные науки. Историческая длительность» (1957) и в книге «Материальная цивилизация и капитализм (XV–XVII века)» (1967) Фернан Бродель скептически отозвался об историографии, выдвигающей на передний план политическую событийность, и, обосновывая выработанное им понятие *longue durée*, сконцентрировал внимание на долгосрочных усилиях человека по обеспечению надежности его жизни (на истории жилищ, техники, питания, денег и того подобного)¹⁶. Обсуждение непрерывно длящегося

ИГОРЬ СМЕРНОВ
ЧТО ТАКОЕ ТРАДИЦИЯ?

14 WHITEHEAD A.N. *Adventures of Ideas*. New York, 1933.

15 Ср. одну из первых попыток различения североамериканского и французского подходов к истории идей: KRUEGER L. *The Autonomy of Intellectual History* [1973] // KELLEY D.R. (Ed.). *Op. cit.* P. 108–125. В укреплении сбалансированности социальной системы и ее подсистем главную функцию традиции увидит вслед за французскими историками Никлас Луман: LUMANN N. *Gesellschaftliche Struktur und Semantik. Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft*. Frankfurt am Main, 1980. Bd. 1. S. 9–58.

16 В наши дни транстемпоральность «иммунных систем», выстраиваемых человеком для защиты жизни от катастроф, получит философское освещение в трехтомных «Сферах» (1998–2004) Петера Слотердайка. Параллельно к изысканиям в области цивилизационных традиций берет старт история понятий (ее предпосылки были намечены Райнхартом Козеллеком: KOSELLECK R. *Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte* [1972] // ИДЕМ. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main, 1989. S. 107–129). В той мере, в какой содержание (значимых для самосознания духовной культуры) понятий отчетливо дефинировано (или редефинировано), их использование придает коммуникации надежность, предохраняет ее от впадения партнеров по общению во взаимопонимание и в этом плане аналогично употреблению цивилизационных орудий. И в том и в другом случае раз начатому (в мыслях ли, в действиях ли) дается возможность быть продолженным, выходить из сиюминутности на временной простор, служить обеспечением социостаза. При всей своей научной релевантности история понятий то и дело вводит нас, однако, в заблуждение, смешивая дискурсивные события с фактическими, что вовсе не одно и то же (ср. попытку Доминика ЛаКапра текстуализовать историю на всем ее протяжении: LACAPRA D. *Rethinking Intellectual History and Reading Texts* [1980] // ИДЕМ. *Rethinking Intellectual History. Texts, Contexts, Language*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1983. P. 23–71). Мы точно устанавливаем, к примеру, когда в дискурсивный оборот вводится понятие «консервативной революции», чтобы затем проследить его дальнейшую судьбу: впервые оно всплывает в заголовке книги Юрия Самарина и Федора Дмитриева, изданной в Берлине в 1875 году (см. о ней: ПАЙПС Р. *Русский консерватизм и его критики*. М., 2008. С. 170–172; PIPES R. *Russian Conservatism and Its Critics. A Study in Political Culture*. New Haven; London, 2005). Но эта датировка отнюдь не означает, что явление консервативной революции не было известно истории до того, как оно было концептуализировано. Так, революционерами на консервативный лад были катары (XII–XIII века), восставшие против церкви с требованием ее возвращения к апостолическому христианству.

цивилизационного времени, детерминированного потребностью общества находиться в устойчиво сбалансированном состоянии, было укоренено в традиции французской социологии, которая ставила в лице Эмиля Дюркгейма людскую солидарность в зависимость от константности «коллективных представлений», что вылилось затем в трактате Мориса Хальбвакса в исследование групповой памяти¹⁷.

Чем более фиксация на *longue durée* покоряла научное воображение, тем решительнее оно отвергало рассмотрение духовной истории *sub specie saeculi*, в эпохальном аспекте. В предсмертной работе о периодизации социокультурной динамики Жак Ле Гофф, настаивая на непрерывности отношения между Средневековьем и Ренессансом, сделал отсюда вывод об искусственности разбиения истории на отдельные отрезки¹⁸. Глубинный смысл послевоенного интереса к длящемуся через века выдал Поль Рикёр, которому была близка Школа «Анналов». В предисловии к первому изданию «Истории и истины» он писал, предвосхищая полемику Деррида с эсхатологизмом, о том, что за образами апокалиптического исхода земного времени кроется диалектический трюк – смещение этого финала из настоящего, откуда совершаются предсказания, в будущее, так что текущая история делается открытой¹⁹. Затушевывание французскими учеными границ, пролегающих между социокультурными парадигмами, было вызвано, стало быть, желанием (Рикёр сделал его прозрачным) видеть историю непрерывной, продлеваемой вопреки тому, что она могла мыслиться и конечной. Именно так она рисовалась доктринами тоталитаризма, объявившими ее замыкаемой в приближающемся бесклассовом или расово отборном обществе. Понятие *longue durée* тайно содержало в себе противоречащую его смыслу установку на дискретность, будучи оппозитивным модернизированной тоталитарной апокалиптике. Оно было кондиционированным эпохально, не столько упраздняло моделирование истории как поэтапной, сколько как раз, напротив, доказывало адекватность такого подступа к ней.

Социологический поворот в изучении традиций закономерно влек за собой постановку вопроса о том, кому в обществе отведена роль их носителей. Шмуэль Эйзенштадт возложил ответственность за закладку и поддержание традиций на интеллектуальную элиту, занятую установлением символического

17 HALBWACHS M. *Les cadres sociaux de la mémoire*. Paris, 1925.

18 LE GOFF J. *Faut-il vraiment découper l'histoire en tranches?* Paris, 2014. Критика стадийных моделей исторического процесса продолжается до сих пор, см., например: OFAK A. VON, HILGERS P. VON. *Einleitung // IDEM (Hrsg.). Rekursionen von Faltungen des Wissens*. München, 2010. S. 9–21. В этой статье и во всем названном сборнике упор делается на «одновременности разновременного» в истории и на аккумуляции знания по ее ходу.

19 РИКЁР П. *История и истина*. СПб., 2002. С. 27.

порядка, который он противопоставил рациональной организации общества – полю действия политических авторитетов. Традиции, по Эйзенштадту, удаляются от своих отправных пунктов, антиномично разветвляются в результате того, что идеи нуждаются в институционализации и поэтому отпечатывают в себе напряжение между *praxis* и *poiesis*. Традиции становятся подвижными, неодинаково инкарнируясь в социореальности (например в церкви *vs.* монастыре)²⁰. Но разве практическое функционирование общества уже в своем первоначале не имеет символической нагрузки? Неужели организация социореальности всегда рациональна? Подобно ряду других представителей послевоенного поколения гуманитариев, Эйзенштадт не задумывался над тем, как осуществляется вытеснение ветшающих традиций новыми. Его (посттоталитарное по существу дела) нежелание воспринимать социокультуру как целостность, сразу и идейную, и структурно-институциональную, коррелировало с замалчиванием того обстоятельства, что символические образования могут не только поляризоваться и тем самым делаться развивающимися, но и отбрасываться во всем своем объеме, уступая историческую сцену иным ансамблям смысла.

Завершая обзор работ о традиции, остается сказать, какой она явилась постмодернистскому мировидению. Отправив историю в прошлое, как если бы настоящее также не было ею, и погрузив будущее в неопределенность, постмодернизм возвел социокультурную память в ранг привилегированного предмета изучения, следуя по пути, на который уже ступили Хальбвакс и Михаил Бахтин, рассуждавший во втором издании (1963) монографии о Достоевском о «памяти жанра»²¹. Память опространствливает время, синхронизирует происшествия, бывшие некоей последовательностью, и таким образом оказывается особенно притягательным предметом концептуализации для тех, кто полагает, что мыслит из-за конца истории. Абсолютизация памяти (конкретизированная в бесчисленных работах, посвященных архиву, музею, мемориальным местам, реминисцентному слою текстов и тому подобному) умалила творчески-начинательную потенцию социокультуры и побудила исследователей отдать предпочтение созданному (*readymade*) перед создаваемым. Так, Борис Гройс редуцировал в книге «О новом» (1992) духовную динамику до совершающейся в социокультурном архиве переоценки уже имеющихся там единиц хранения, которые не замещаются иными, а лишь обмениваются признаками «сакральное» *vs.* «профанное» (святые обмирщаются и *vice versa*). Под углом зрения мемориальной историографии

20 EISENSTADT S.N. *Intellectuals and Tradition* // EISENSTADT S.N., GRAUBARD S.R. (Eds.). *Intellectuals and Tradition*. New York, 1973. P. 1–19.

21 Об этой категории у Бахтина см. подробно: Зенкин С. *Работы о теории*. М., 2012. С. 418–428.

традиция теряет креативную энергию, которая могла бы продвинуть ее из прошлого в будущее. В постмодернистских толкованиях социокультурного наследования эмпфаза приходится на то, что позволяет традиции стать неустранимой из памяти общества, и на то, какие технические средства способствуют сохранению информации во времени, обеспечивают трансляцию ценностей.

Отправив историю в прошлое, как если бы настоящее также не было ею, и погрузив будущее в неопределенность, постмодернизм возвел социокультурную память в ранг привилегированного предмета изучения.

В разработанной Алейдой Ассман модели коллективной идентичности свойством неизгладимости из памяти наделяются поражения и потери, понесенные нацией (таков, к примеру, разгром сербского войска турками на Косовом поле в 1389 году). Память, единящая этнос, травматична; в ней проступает след архаических жертвоприношений, у которых обнаруживается аналог в историческом времени²². Что касается идейных традиций, то они, в интерпретации Алейды Ассман²³, занимают твердое место в памяти в силу того, что воспринимаются как зиждущиеся на особом рода когнитивном основании – на мудрости, каковая есть знание, отличающееся всеохватностью, ноуменальной глубиной, эзотеризмом и выполнимостью на деле. *Sapientia* тем менее значима для общества, чем больше доверия вызывают у него *scientia* и институты, берущие на себя ответственность за принятие решений. Впрочем, научный рационализм, антитетичный у Алейды Ассман провиденциализму мудрости, в постмодернизме бывало что ставился под сомнение. По убеждению Пола Файерабенда, научные открытия были бы невозможны, если бы их не питала эстетическая интуиция²⁴, иначе говоря, если бы они не являлись следствием мыслительного синкретизма, чуждого специализации знания наподобие древней мудрости – всезнания.

Разбираясь в том, какими способами традиция закрепляется в социокультурной памяти, Алейда Ассман и Ян Ассман разли-

22 ASSMANN A. *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. München, 2006 (рус. перев.: АССМАН А. *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. М., 2014).

23 ASSMANN A. *Was ist Weisheit? Wegmarken in einem weiten Feld* // ИДЕМ (Hrsg.). *Weisheit. Archäologie der literarischen Kommunikation III*. München, 1991. S. 15–44.

24 FEYERABEND P. *Keine Erkenntnis ohne Kunst* // FEYERABEND P., THOMAS C. (Hrsg.). *Wissenschaft und Tradition*. Zürich, 1983. S. 289–295.

чают в статье «Канон и цензура»²⁵ две институции, стоящие на страже предания: одна из них осуществляет попечительство о тексте, препятствуя его порче за счет наложения табу на его план выражения; другая (комментарий) заботится о нерушимости его смысла, снимая напряжение между закрытостью канона и открытостью фактической реальности²⁶. Хотя авторы статьи не признают за медиальными средствами главенства в деле сбережения традиции, они все же констатируют, что нужду в цензуре испытывают только письменные культуры. В еще одной работе о каноне Ян Ассман подчеркнул, что гетеродоксия имеет место лишь там, где традиция фиксируется на письме²⁷. Теоретизирование по поводу канонизации традиций готово указать на то, в каких условиях они деканонизируются в ереси, но, проследивая отступление от правил, не выясняет (повторю отчасти упрек, брошенный Эйзенштадту), как осуществляется конструктивная смена старых норм новыми, в чем, собственно, заключается то Другое, которое не просто негативно по отношению к данному, а представляет собой акт творения, равносильный уже состоявшемуся прежде. Исследовательский интерес к операциям, благодаря которым заветы прошлого переходят от поколения к поколению, обрел философскую генерализацию в книге Слотердайка «Ты должен изменить свою жизнь». Слотердайк попытался изъять из социокультуры все, что связывает ее с инобытием, и выдать ее за антропотехнику *par excellence* – за наследование поведенческих образцов, возглавляемое гуру, тренером, мастером дрессуры²⁸ («инженером человеческих душ», как сказал бы Сталин). Инобытие, однако, входит в самую сущность традиции, являющейся нам по ту сторону времени, которое было для нее своим, рассчитанной на то, чтобы стать потусторонней относительно времени вообще.

ИГОРЬ СМОРНОВ
ЧТО ТАКОЕ ТРАДИЦИЯ?

2

Экстенционал традиций. Как бы ни разнились между собой суждения, касающиеся традиции, в них одинаково просвечивает порождающий их страх перед радикальными переделками

- 25** АССМАН А., АССМАН Я. *Канон и цензура // Немецкое философское литературоведение наших дней /* Под ред. И.П. Смирнова, Д. Уффельмана, К. Шрамм. СПб., 2001. С. 125–155; ASSMANN A., ASSMANN J. *Kanon und Zensur //* ИДЕМ (Hrsg.). *Kanon und Zensur.* München, 1987. S. 7–27.
- 26** Теология, напротив, мотивирует неизбежность комментария к Откровению свыше тем, что человеческие языковые возможности всегда не адекватны Слову Божию: SCHORI K. *Das Problem der Tradition. Eine fundamentaltheologische Untersuchung.* Stuttgart; Berlin; Köln, 1992. S. 43 ff.
- 27** ASSMANN J. *Fünf Wege zum Kanon. Tradition und Schriftkultur im Alten Israel und frühen Judentum //* RAULFF U., SMITH G. (Hrsg.). *Wissensbilder. Strategien der Überlieferung.* Berlin, 1999. S. 23–31.
- 28** SLOTERDIJK P. *Du mußt dein Leben ändern. Über Anthropotechnik.* Frankfurt am Main, 2009.

символического порядка, перед историей, которая попадает в будущее, обесценивая все, что она же и произвела ранее на свет, то есть, в конечном счете, саму себя. Историкам идей не удалось рассмотреть традирование и эпохальные обновления картины мира в согласованности того и другого. Сложившись как реакция на вторжение в человеческий обиход революционности, не просто ревизовавшей какой-то из отдельных этапов истории, а постаравшейся заново начать ее, осмысление традиции никогда не смогло освободиться от вызвавшей этот умственный интерес травмы рождения. Ранящий сознание шок фундирует не только традиции, как на том настаивала Алейда Ассман, но и их концептуализацию. Избавляясь в подходе к традициям от историофобии, следует в первую очередь задаться двумя – диалектически переплетающимися – вопросами:

1) Как удается традициям в процессе преодоления эпохальных рубежей сохранять свою инвариантную сердцевину вопреки изменению контекста?

2) Что позволяет поступающей из прошлого информации адаптироваться к прежде небывалым ситуациям?

Верно, что поддержание традиции в так сказать рабочем режиме не обходится без участия в этом служб по надзору за воспроизведением буквы и духа той или иной доктрины в неискаженном облике. В научных школах роль цензора чаще всего берут на себя их основатели вместе с ближайшими приспешниками (как о том свидетельствует, к примеру, хорошо известное недовольство Зигмунда Фрейда трудами Альфреда Адлера, Карла Густава Юнга, Отто Ранка, Шандора Ференци, чьи послышки были, по мнению учителя, неоправданным отклонением от принципов, на которых покоился психоанализ). Но цензуры, которую воплощают социальные учреждения вроде церкви или персональные авторитеты, может быть недостаточно для защиты традиции от истощения. Чтобы быть долгосрочной, традиция должна обладать внутренней к тому предрасположенностью. Во множестве случаев наследование не прерывается в социокультуре, несмотря на то, что в ней рушатся институции, ограждавшие традиции от порчи (борьба большевистского государства с церковью, обесправившая ее, не привела к полному искоренению религиозности в народной массе).

Идеи, не амортизирующиеся сразу по возникновении, становящиеся матричными, как правило, гарантируют свое долгожительство тем, что имеют максимальный объем²⁹, препятствующий их вычеркиванию из социокультурной памяти постольку, поскольку он вбирает в себя некую реальность в целом, что об-

29 Если бы человек, по замечанию Аны Офак, не формировал образы мира, историю нельзя было бы понимать континуально: Офак А. von. *Weltbilder oder Wie Man Wissen operativ historisiert* // Офак А. von, Hilgers P. von. (Hrsg.). *Op. cit.* S. 218.

рекает альтернативные идеи на бесосновательность, придает им характер сугубо умственных упражнений. Миф неустраним из оперативной памяти архаического общества, потому что он рассказывает о происхождении всего – об акте творения бытия и о генезисе его отдельных областей. Конкурирующий с Демиургом трикстер не создает иной реальности, а лишь ввергает в хаос уже наличную (как в мифах индейцев виннебаго), демонстрируя опасность воображения, отторгнутого от действительного положения вещей. Всякий член мифоритуального общества онтологичен, он неотъемлем от бытия (не субъектен), изготовленного раз и навсегда во всех своих проявлениях. Соответственно, знак не есть иное, чем референт (то и другое равно бытийны), и, следовательно, не может в своей принципиальной неавтономности вести существование, обособленное от отправителя, письменно фиксироваться. Традирование в ранней социокультуре изустно по той причине, что в ней безраздельно господствует *modus essendi*. Идея обуславливает средства своей транспортировки, не наоборот. Не следует преувеличивать значение медиальных инструментов в дальнейшем функционировании традиций в ускорившем свое течение времени (одна и та же информация может распространяться по технически неодинаково устроенным каналам связи). Дисидентство сопутствует становлению письменных культур, но ведь не графическая форма знаков вызывает его к жизни. Само письмо изобретается в силу того, что субъект отделяет себя от бытия, придавая ему второе начало в возведении городов, замыкающих в себе и воспроизводящих космос³⁰, сразу и трансцендентный человеку (с чем корреспондируют дворец священного царя и храмовый комплекс), и имманентный нам (чему отвечают профанные постройки). Градостроитель присваивает себе позицию Демиурга, что отражается в обожествлении правителя и абсолютизации государственной власти, как бы неземной и вневременной (династической), откуда спустя многие века христианство выведет образ сугубо небесного Иерусалима. Вызревающие в урбанном пространстве графические знаки – секундарный семиозис, параллельный пересмотру отношения бытующего к бытию, более неслиянных. Дело не в том, что отрыв письменной речи от ее носителей делает знак суверенным и потому требует введения цензуры, ограничивающей его свободу, а в том, что к письму прибегает человек, у которого есть две реальности – собственная, субъектная, и внешняя, объектная. Этому статусу бытующего соположены две разновидности используемого им слова – звучащего и письменно зафиксированного, переходящего в сферу объектов. Всеприложимость

30 Сопоставление города с космосом – общее место урбанистики; см., например: MUMFORD L. *The City in History. Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects*. London, 1966. P. 55 ff.

выдвигаемых таким двумерным существом идей не разумеется сама собой. Их традирование вершится не автоматически, оно нуждается в контроле, который предотвращает их субъективированное перетолкование.

Традиция навсегда сохраняет в себе черты мифа – не в том смысле, что она в обязательном порядке снабжает нас данными, не поддающимися проверке (хотя такое и случалось сплошь и рядом), а в том, что пускает в оборот идеи, которые охватывают какие-то секторы реальности, а также всю ее от начала и до конца (он может и не маркироваться, но тогда началу приписывается неистощимость). В экстенциональном измерении идея – это мысль, исчерпывающая предметную область, к которой она отсылает, знаменующая собой победу интеллекта над референтной средой. Идея предполагает, что в очерчиваемых ею пределах нет референтов, которые могли бы ее опровергнуть. Такая полнота мыслительных подступов к познаваемому материалу находит себе вершинное выражение в конституировании и увековечивании дискурсов, в которых традиция утверждает себя наиболее непоколебимым и первоочередным образом. Медиум дискурсов, язык, имеет в виду поименовать по возможности все предметы, представляющие интерес для умствования, и совпадает в своих границах, по знаменитой формуле Людвиг Витгенштейна («Логико-философский трактат» (1918/1921)), с границами мира субъекта (§ 5.6). Язык есть одновременно и *traditum*, и *tradendum*, он перенимается поднимающимися на историческую сцену поколениями у покидающих ее и вместе с тем служит передатчиком всяческих смысловых комплексов. Язык как таковой (помимо его национальных манифестаций) обеспечивает передачу в будущее не только отдельные идеи; много более того – он медиализует саму идею традиции. Дискурсы специфицируются в зависимости от того, какие именно из смысловых комплексов подлежат наследованию. Важнейшие дискурсивные формации – философская, художественная, политическая и научная речь. Каждый из названных типов высказывания берет точкой отсчета субъекта, владеющего языком (в сциентизме отправную позицию занимает, как мы увидим, минус-субъект; наука антропоцентрична наизнанку – в попытке забыть, что создается человеком).

Философский дискурс оперирует смыслом, объема которого более нельзя расширить. Философия старается вникнуть в то, что такое бытие, сколь бы разноголосно оно ею ни определялось: как начало, к которому возвращается любое удаление от него (Парменид), как необходимое дополнение к недостаточным «здесь» и «сейчас» (Готфрид Вильгельм Лейбниц), как бытие-к-смерти (Мартин Хайдеггер) или как-то иначе. Бытие открывается тому, кто наделен самосознанием, то есть способностью

отдифференцировать себя от всего, что ни есть. Идея вообще сущего – продукт автообъективирования субъекта, делающего его эквивалентным любому объекту, какой только можно помыслить. Субъект, от лица которого вещает философия, – человек как таковой, коль скоро самосознание квалифицирует род людской в его уникальности среди живой природы. Этот отвлеченный от прочих своих характеристик человек входит в круг философских занятий наряду с бытием, которое без него не стало бы обретенным. Неустранимость философского дискурса из трансформирующейся социокультурной практики мотивирована, таким образом, его *антропологической* релевантностью. По отношению к прочим дискурсам философия выступает своего рода джокером. Она готова подменять литературную, политическую и научную речь в роли эстетики, утопии и методологии исследований, дублируя в своем всезнайстве традирование в разных отраслях знания за их рамками и составляя тем самым резерв дискурсивности. Как теодицея философия вмешивается и в религиозный дискурс, о котором будет говориться позднее.

ИГОРЬ СМИРНОВ
ЧТО ТАКОЕ ТРАДИЦИЯ?

Язык обеспечивает передачу в будущее не только отдельные идеи; много более того – он медиализует саму идею традиции.

В противоположность философии литература сосредоточивает внимание на индивидуальном³¹. Строго говоря, у единичного нет языка, на котором оно могло бы себя выразить (что было тематизировано поэзией романтизма). Оно противоречит самой сущности знаков, призванных быть общим достоянием множества лиц (*individuum est ineffabile*). Между тем единичность – реальность каждого из тех, кто погружен в авторефлексию, всех нас. Словесное творчество разрешает эту апорию, используя знаки не по их прямому назначению – как если бы они были в состоянии воссоздавать то, что на самом деле не сказуемо. Они указывают на реальное, не будучи предопределены к означиванию исключительного. Несмотря на то, что они подставляют одни значения на место других, они знакомят нас с миром не ложным, а таким, который мы воспринимаем – на основании нашей собственной неповторимости – как и впрямь существующий. Художественный знак не фиктивен, он фигуративен, тропичен таким образом, что подразумевает истину, прячущуюся за неистинной, условной внешностью высказывания. В ходовых терминах, литературный текст фикционален.

31 Об этом расхождении философского и художественного слова см. подробно: Смирнов И. П. *Текстомахия. Как литература отзывается на философию*. СПб., 2010. С. 5–33.

Другие искусства сходны с литературой в том, что прибегают к условным экспрессивным средствам (изобразительным, звуковым, перформативным). То, что говорилось о литературе, допускает экстраполирование на смежные с ней искусства. Искомая величина для литературы не бытие, как для философии, а бытующий в своей особости (пусть индивидуальное и становится здесь часто – под воздействием неприспособленного к его запечатлению языка – образцово-типовым). Литературный дискурс общезначим (максимален по смысловому объему), преподнося человека увиденным с *персоналогической* точки зрения. Ценность отдельных вкладов в дискурс с таким конститутивным свойством обуславливается тем, насколько сами они оригинальны, отвечая своему экземпляру предмету изображения. Автор эстетически отмеченного высказывания не просто посредник в переброске традиции из прошлого в будущее, как то постулировали Элиот и вслед за ним теоретики постмодернизма, а тот, кто заново начинает миротворение, делая его воспроизводимым и для других авторов. Литература заражает будущее духом инновативности. Тогда как философия – это ведущаяся неизвестно откуда (из «бездны», считал Хайдеггер) речь о повсеместно данном (включая и предзаданность человеку креативной способности), в литературе мы имеем дело с квазидемиургическим актом, развертывающим перед нами мир в процессе его выстраивания. Индивид вправе вести в литературном дискурсе речь от собственного лица (лирика), обмениваться репликами в диалоге с другим индивидом (драма) или быть воспринятым со стороны (повествование).

Если философия вынашивает в себе *sensus universalis*, а литература – *sensus privatus*, то содержанием политического дискурса выступает *sensus communis*, тот смысл, которым человек наделяет свое социальное здесь-и-сейчас-бытие. Общество связывает каждого из своих участников с прочими членами. Любой из интегрированных в нем индивидов идентифицирует себя, отправляясь от другого, дополняет самотождественность инотождественностью. Этот Другой не дальний, не всечеловек, а ближний, тот, с кем индивид, как разъяснял Аристотель в «Политике», находится в общении. Становясь инаковыми себе, мы принуждаемся к ролевому поведению, попадаем в *theatrum mundi*. Политический дискурс занят выявлением того, что означает уступка самостью господства над собой Другому. По Аристотелю, такая уступка взаимна: политика заключается для него в обмене, но не материальном, а спиритуализованном, в котором свободные граждане в стремлении к благу совместно утверждают примат души над телом. Никколо Макиавелли концептуализовал политику, в отличие от Аристотеля, односторонне – с точки зрения того, кто добивается от общества

подчинения себе, кто оказывается Другим (чудовищем, «получеловеком» и «полузверем») для всех, на кого распространяется его могущество. У Томаса Гоббса эпитропа принимает вид делегирования людьми, отрекающимися от самоволия, власти «смертному богу», государству, которое берет на себя обязанность защищать их собственность и жизнь. Жан-Жак Руссо обрисовал социальное существо как отчуждающееся от себя под взглядами со стороны, как теряющее естественность, понятую положительно в пику Гоббсу, усматривавшему в ней причину «войны всех против всех». Как видно из примеров, политический дискурс в основополагающих это речеведение текстах центрируется на превращении (сценическом по своему существу), в результате которого из индивида с его личным имуществом и волей к самоутверждению (из человека в его первозданности) образуется *homo socialis* (неважно, отправляет ли тот власть или подпадает под нее).

В попытках воплотиться в жизнь философский дискурс обобщается проектом, не переводимым в *Dasein*, терпящим при переводе крах, подобно Платонову государству стражей в Сиракузах либо ленинской коммуне в Советской России первых лет после большевистской революции (сущее не поддается манипулированию, всечеловеческое ниспадает в социальное в ущерб себе). По контрасту с философией литература способна быть инкорпорируемой, однако в стилизованной жизни (Юрий Лотман писал в этой связи о «поэтике поведения», а Стивен Гринблатт – *o self-fashioning*) лишь отдельных личностей и дружеских групп. Что до политического дискурса, то он пребывает в постоянном взаимодействии с социореальностью, как отражая ее, так и претворяясь (вопреки одностороннему мнению Эйзенштадта) в резонансные акции («Левиафан» (1651) и «Бегемот» (1668) Гоббса были откликом на Английскую революцию; на «Рассуждение о происхождении неравенства между людьми...» (1754) Руссо отозвалась Великая французская). Затрагивая Другое в нас, политическая речь нагружена прагматически – вбирает в себя деловую альтернативу к чистой дискурсивности. Политическое учение может поэтому выливаться в форму инструкции, которой мыслитель снабжает власть имущих, как в «Государе» (1513) Макиавелли. Вступая в обмен с действительностью, дискурс становится не только инаковым себе, но и привносит разницу в практику, которая разламывается на фактически данную и готовую воспринять проецируемые на нее идеи. Только так практика, оказываясь не равной себе, и открывается политике, перестает быть монотонной. Социореальность политизируется в той степени, в какой с ней конкурирует умственная конструкция, могущая перерасти в действие. Чтобы доказать свою необходи-

мость, политика нуждается в кризисе (в «катастрофе», полагал Осип Манделъштам в статье «Пшеница человеческая» (1922)) и сама его выкликает, идейно расстраивая *Dasein*. Если философствование – резерв дискурсивности, то говорение о политике – еще не актуализованная возможность, запасной вариант фактического положения дел в обществе. Традирование в политическом дискурсе циклично, оно преобразует *res cogitans* в *res gestae* и затем возвращается из акционального мира к умственной стратегической работе с тем, чтобы не дать вещам застыть в инерционном состоянии. Политика, довольствующаяся тем, что усиливает (как сейчас в России) *status quo* в несбыточном чаянии увековечить данный момент истории, изменяет себе и предвещает свой скорый финал.

Наконец, научные суждения тем надежнее, чем менее в них присутствует субъектное начало. Естествознание (я буду пока вести речь о нем) возмущает дискурсивную сферу, перестраивая царящий в ней антропоцентризм в *антропобежность*. Оно погружает исследовательскую мысль в мир сугубых – в своей принадлежности природе – объектов (в то время как политика, даже если она в экологической версии аргументирует от внешнего окружения социума, апеллирует к человеку, неизменно являя собой интерсубъективный акт). Стараясь освободить интеллект от предвзятости, от его впутанности в социокультурную историю, методология выверенного знания требовала в лице Фрэнсиса Бэкона («Новый Органон» (1620)) от науки низвергнуть «идолы», которым поклоняются – всяк на свой лад – индивид («идол пещеры»), общество («идол рынка») и *species humana* («идол рода»), что Эдмунд Гуссерль генерализовал на заре XX столетия в понятии *epoché*, подразумевающим воздержание от мышления по инерции. Десубъективирование умствования ведет к тому, что претендующий на научность дискурс теряет самодовлеющий характер, который свойствен остальным дискурсивным образованиям (в наименьшей степени политике, но и ее фундирует «мозговая игра»). Ценный не сам по себе, а в силу фактов, как будто повелевающих идеями, научный дискурс конституируется за счет негативных признаков, которыми наделяется высказывание (несущее в себе знание, провозглашаемое по почину Огюста Конта «позитивным» – в своем отличии от плана выражения). Наука отрицает философский дискурс, разрабатывая теории, имеющие предметом не неопределенное в своих масштабах бытие, а обозримые универсум и его области и потому поддающиеся экспериментальной проверке. В противоход к художественной речи, тропичной из-за отсутствия знаков для концептуализации единичного, наука создает свой особый язык, цель которого – напрочь избавить коммуникацию от переносных значений,

заменяя, где возможно, слово на логические символы, химические формулы, геометрические фигуры и тому подобное. Опять же по противоположению, но на сей раз относительно политического дискурса, сциентизм осознает Другое не как включенное в данное, а как равное себе. Вследствие этого наука исповедует идеал непротиворечивости и дисциплинирует себя (если угодно, себя закрепощает) в подчинении бинарной логике, которой известны только истина и ложь и неведома амбивалентность.

Апория науки в том, что от субъектности отрекается сам субъект, которому, стало быть, никогда не добиться полной объективации. О том, что и наука не обходится без мыслительного конструирования, свидетельствуют среди прочего гипотезы, составляющие значительную часть ее компетенции. В природе нет идей, но наука кишит ими, высказывая предположения о том, что пока еще не доказано опытным путем. Вопреки установке на логическую однозначность сциентизму приходится смириться с противоречивостью самой исследуемой реальности, из-за чего он вводит в физическую картину мира наблюдателя, которому микрофизические объекты являются то в корпускулярном, то в волнообразном виде. Задолго до Файерабенда, смешавшего *ars* и *scientia*, Уильям Оккам настаивал в первых десятилетиях XIV века на том, что постижение мира упирается в индивидуальные вещи и что научное рассуждение обязано обосновывать себя, довольствуясь минимумом доводов, то есть иметь форму, которая ценна своей экономичностью – ценна-в-себе, подобно выразительности художественных произведений. Прославленная теорема (1930) Курта Гёделя показала (при обобщении), что всякая непротиворечивая формальная система неполна (в ней есть ниоткуда невыводимое утверждение), нуждаясь в расширении, чем подорвала доверие к теоретизированию. Короче, наука, будучи вроде бы не-дискурсом, сама же отрицает свое отрицание политической, художественной и философской речи. Начинать и подхватывать традицию – привилегия субъекта. Как способ познания, памятующего о своих прежних состояниях, наука просится назад в хранилище традиций, в социокультуру, которую ей хотелось бы покинуть. Ради простоты дела и науку можно именовать «дискурсом», опуская эпитет «блудный», который должен был бы быть здесь постоянным.

У сциентизма есть еще два пути, ступая на которые, он возвращается в социокультуру. Один из них – исследование человека в разных его проявлениях. Очень часто гуманитарные дисциплины примыкают к общенаучному движению мысли за счет того, что приписывают изучаемому ими духовному существу черты физического объекта (подобно Конту, разви-

вавшему свою «социальную физику» (1838–1842) в расчете обнаружить в функционировании общества те же закономерности, какие прослеживаются в природе), или за счет того, что ставят человеческую деятельность в зависимость от естественного мира (подобно восхищавшему Конта, Шарлю де Монтескьё, который выводил особенности государственного правления из специфики географического положения цивилизаций, закладывая фундамент для будущих геополитических учений). Под таким углом зрения человек дегуманизируется – исключается из воздвигаемого им социокультурного универсума, что побудило Мишеля Фуко предсказать скорый конец человека в завершении «Слов и вещей» (1966), книги, претендовавшей на то, чтобы подвести итог истории эпистем в гуманитарных науках. Исследованию человека дана, однако, и другая возможность быть сообразованным с естествознанием, прямо противоположная только что названной, состоящая в исключении из рассматриваемого материала познающего субъекта. Это дистанцирование от постигаемого объекта разыгрывается во множестве форм. Сюда относятся позиции, которые, к примеру, занимают этнографы, бросающие взгляд из продвинутой социокультуры на экзотически отсталую; психоаналитики, полагающие, что проведенное ими самонаблюдение освободило их от предвзятости в суждениях о пациентах; социологи, строящие абстрактные, навсегда релевантные модели общества и, таким образом, помещающие себя в будущее, нам, строго говоря, вовсе не известное, видящие исторические явления из не-истории. Становящийся на эксклюзивную точку зрения гуманитарий стремится (по экспоненте) завладеть божественной прерогативой быть посторонним относительно человеческих дел. Обе тенденции в гуманитарных науках – и дегуманизация их объекта, и покушение их субъекта на теоморфизм – не могут реализоваться полностью и окончательно, ибо антропология несводима к анатомии, а ученый, хотя и умеет теперь перекраивать наши генные программы, все же не способен их заново создавать по собственному усмотрению. В своем гипосциентизме исследования человека не выходят из рамок дискурсивного изложения, постоянно пересекаясь с философией, художественным нарративом и политической речью.

Второй путь, на котором наука, убегающая из социокультуры, меняет вектор движения на обратный, – техническое творчество. Динамику технической цивилизации нельзя безоговорочно отделять от истории Духа. Идеями питается и совершенствование техники – они материализуются, становятся прикладными и в культурогенном поле. Вся человеческая история есть история идей и их инкарнации. История, разыгры-

ваемая театрально и в уме, одна и та же³². Разница между цивилизацией и духовной культурой в том, что первая воплощает в орудиях научное мышление, тогда как вторая переводит в действия и учрежденческую практику, наряду с ним, также эстетические и политические идеи и пытается инструментализировать философские проекты. В социокультуре наука и конкурирующие с ней типы сознания соединены и одновременно с этим самостоятельны, сопresentствуют, если воспользоваться термином Жюль Делёза, в «дизъюнктивном синтезе» (экономисты дают правителям советы, как оптимально организовать в стране промышленное производство, но те следуют получаемым предложениям лишь в той мере, в какой это позволяет их идеологическая ориентация). В техносфере наука, хотя и обслуживает общество, отзываясь на его потребности, все же выполняет его заказы из собственных сил, выказывая свою суверенность, и нередко навязывает ему в самоуправстве решения, от которых оно вынуждено защищаться (налагая запрет, скажем, на разработку и применение биологического оружия). Техника вызывает наши опасения не по той причине, что открывает нам, как думал Хайдеггер, подавляющее человека бытие (оно схватывается только умозрительно), но по той, что за ней стоит наука, которая желала бы избавиться от субъекта. Цивилизация крайне двусмысленна. Она привносит в социокультуру комфорт, облегчая человеку проведение действий по достижению его целей, и в то же самое время урезает его субъектность, замещая его, делая его в предельных случаях (например в применении робототехники) избыточным.

С историзацией мифоритуального общества традиция, которая владела им безальтернативно и детерминировала его однородность (Лавджой был бы прав, если бы его тезисы не выбивались из рамок архаики), попадает в ведение гетерогенных дискурсов, неодинаково преподносящих наследование. Внутри больших дискурсивных ансамблей традиционное подвергается дальнейшему дроблению, сужающему его объем в границах философских и научных школ, литературных жанров и направлений, политических доктрин и прочих подсистемных образований долговременного характера. Чтобы разобраться в том, каков исток этих субдискурсивных традиций, стоит прибегнуть к понятию мудрости, которому Алейда Ассман дала во многом верное, но все же недостаточное определение. Помимо всего прочего, мудрец – это лицо, находящее до того не освоенную область для приложения интеллектуальной активности, которая может быть продолжена в дальнейших выводах из первоначальной концептуализации

32 Ср. их разведение Школой «Анналов»: DUBY G. *Histoire des mentalités* // SAMARAN C. (Dir.). *L'Histoire et ces méthodes*. Paris, 1961. P. 937–967.

материала. Это положение выглядит тривиальным до тех пор, пока мы не задаемся вопросом о том, что общего имеют разные открытия. Если они и впрямь перетряхивают закоснелые парадигмы знания, становясь предпосылками для его грядущего накопления, для его «нормального», по терминологии Томаса Куна, роста, то они всегда дополняют уже известное, наблюдаемое дотоле неизвестным (неважно: истинно оно или плод воображения) до *универсального множества*. Экстенсивные дискурсивные революции изоморфны дискурсам, в которых они случаются, в том, что обнаруживают, как некий предмет может быть снабжен комплементом в составе пары, в которой объем осмысляемого достигнет своей крайней границы (кажущейся непроходимой, пока не будет найден новый комплемент)³³. Так, Ньютон дополнил представление о физических телах представлением об их силовых полях притяжения, а Эйнштейн ввел в эту пространственную модель небесной механики фактор времени, взяв для своих выкладок абсолютную величину – скорость света, которую не может превышать распространение гравитационных волн. Аналогично: Марксов бесклассовый социальный строй подытоживает борьбу классов за господство в обществе, двигавшую до того историю; бессознательное комплементарно сознанию в философии Эдуарда Гартмана и в психоанализе Фрейда; к знакам в лингвистике Фердинанда де Соссюра можно и нужно подходить не только диахронно, но и синхронно, описывая их как систему, в которой они получают ценность в скрытом для поверхностного взгляда соотношении друг с другом. *Sapientia* неудалаема из социокультурного обихода и тогда, когда в нем властвует *scientia*. Мудр тот, чья пионерская мысль попала по ту сторону очевидного для большинства и стала тотальной. Пожалуй, самым фундаментальным из такого рода переворотов в истории идей была философия Платона, сформулировавшего в «Федре» и «Государстве» идею самой идеи, каковая явилась у него неизменно потусторонней наблюдаемому нами. Из эйдологии Платона вытекает, что любое открытие есть идея, извлеченная из-под слоя ведомой нам в чувственном восприятии действительности. Платон эксплицировал творчески-познавательную способность человека в качестве умозрения, составляющего сущностно необходимое довершение к зрению и остальным

33 Сказанное о комплементарном нарастании знания оппозитивно «Грамматологии», в которой Деррида обрисовал захват интеллектом новых когнитивных плацдармов как никогда не нацеленное на порождение тотальностей, как не достигающее ни на одном своем шаге завершенности, используя для этого построения понятие суплемента. Смысл устремляется у Деррида в черед «приложений» к данному в аристотелевскую необозримость акцидентов и в гегелевскую «дурную бесконечность». Концепция Деррида восходит к трактату Карла Ясперса «Об истине» (1947). В этом сочинении интеллектуальная история постоянно выводит человека на край «всеохватывающего» (*das Umgreifende*), то есть принимает вид следующих одно за другим исключений (из целого), опять же отдающих «дурной бесконечностью».

сенсорным способам миропостижения. К этой экспликации добавить больше нечего.

Всем четырем дискурсам, являющим собой интеллектуальную проекцию субъекта в его антропологическом, персонологическом и социологическом измерениях, а также в его самоотрицании ради объективации, противопоставит религиозность в качестве знания, достигающегося человеку по Откровению из-за предела его когнитивных возможностей, из инобытия – оттуда, где он может присутствовать только в отсутствии (мысленно, после смерти, лишенный доступа в Эдем, в ожидании апокатастасиса). Откровение абстрагирует от человека культ предков, покинувших социореальность, но тем не менее определяющих ее. Это отчуждение завета от человека совершается тогда, когда в свои права вступает «горячая» история, грозящая подорвать духовное наследование. Оно сопротивляется угрозе, возводя себя к трансгуманному началу, отмежевывая себя от истории, которую делают люди. (Вспомним, с какой настойчивостью Бог в Пятикнижии Моисеевом повторяет раз за разом свои заповеди, вбивая их в память народа Израилева, который склонен к своеволию.) Религиозный дискурс охраняется строже прочих дискурсивных формаций (его преобразования клеймятся как отступничество от истины), потому что бытие не может быть трансцендировано дважды: за удвоением мира сего зияет пустота, за переходом от реальности, в которой наличествует субъект, к реальности, которую он лишь мыслит, больше ничего нет (хотя бы та и поддавалась разным концептуализациям). Вера есть убежденность во всеилии ума, который впадает в беспомощность, когда, подменив собой все что ни есть, заглядывает за грань этой субституции.

Кроме религиозного дискурса и четырех светских, имеется и та позиция для речепроизводства, заняв которую, человек оказывается вне дискурсивности – в зоне доксы, скомпонованной из частных мнений, не освященной большой традицией. Мнения обречены на краткосрочное бытование, поскольку ситуативны по своему смысловому объему, значимы лишь в данный момент и в данных обстоятельствах, порождены проходящими повседневными нуждами. Бытовые потребности нередко бывают, однако, и всегдашними, так что докса, если она не спонтанна, опирается на обычай, который контрастирует с демонстрирующей автономию интеллекта традицией в том, что ставит высказывание (например proverbialное) под диктат фактического расклада вещей³⁴. В речи по обычаю субъект расписывается в неспособности господствовать над ситуацией. Между тем в обращении к философскому, литературному, по-

ИГОРЬ СМIRHOV
ЧТО ТАКОЕ ТРАДИЦИЯ?

34 К различению обычая и традиции ср.: HOBBSAWN E. *Introduction: Inventing Tradition* // HOBBSAWN E., RANGER T. (Eds.). *The Inventing of Tradition*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2009. P. 2–3.

литическому и научному дискурсам, преодолевающим время, претендующим на неистребимость, он самовластен, доказывая, что в силах сохранить себя на века как «часть речи» (Иосиф Бродский) и как распорядитель смыслов. Религия превосходит эти дискурсы, ибо не только предоставляет надежное (защищенное от превратностей времени) убежище для ума, но и обещает спасение тел – их присутствие-в-отсутствии. В этом своем уникальном обнадеживании смертных религиозный дискурс доводит до совершенной полноты ту сотериологическую направленность, которая есть у всех дискурсов, которая фундирует традицию, вызволяющую нас из-под тирании времени.

За удвоением мира сего зияет пустота, за переходом от реальности, в которой наличествует субъект, к реальности, которую он лишь мыслит, больше ничего нет. Вера есть убежденность во всеилии ума, который впадает в беспомощность, когда, подменив собой все что ни есть, заглядывает за грань этой субституции.

В экстенциональной плоскости эпохальная история в своем всепреобразовательном порыве не может быть ничем иным, кроме смены соотношения между двумя универсумами, бытийным и инобытийным, чувственно воспринимаемым и воображаемым, в результате чего они поочередно выступают либо как аргумент, либо как функция. Эпохи то выводят мыслимое из наблюдаемого (как, скажем, в Ренессансе и Просвещении), то обращают этот ход умозаключения, ставя *mundus sensibilis* в подчиненное положение, в котором главенство получает *mundus intelligibilis* (как в барокко и романтизме). Дискурсивные традиции трансгредиентны, пробивают эпохальные преграды по той причине, что, как бы ни трактовались *mundus sensibilis* и *mundus intelligibilis*, из операций, переставляющих их с одного места на другое, нельзя изъять субъекта, увековечивающего себя: позитивно – в философии, художественной речи и политике, негативно – в науке и в жажде себя превзойти – в религии. Как авторефлексивные существа мы заключены в круговращение, в которое втянуты «я»-субъект, способный к чувственному восприятию своего окружения, и «я»-объект, лишь представимый, лишь умом схватываемый. *Mundus sensibilis* и *mundus intelligibilis* мы несем в себе.

Интенционал традиций. Рассмотрение традиций обязано учитывать не только объем транслируемого ими смысла, но и его содержание. Если экстенционал традиций должен быть достаточным для того, чтобы они не сходили на нет в процессе эпохальных перемен, оказывая им сопротивление, то интенционально преемственность нуждается в пластичности, которая позволяла бы ей приспосабливаться к развязываемым историей обновлениям мировоззрения. Неискоренимость гарантирует дискурсам субъект, который манифестирует себя в них, пусть по-разному, но тем не менее как постоянная величина. Из какой бы позиции он ни видел мир, фабрикуя историю (из посясторонней или из потусторонней), в роли производителя дискурсов он хранит в этих своих переориентациях верность себе. Что же сообщает традициям гибкость, не позволяющую им застывать? По всей вероятности, адаптивной способностью им надлежит обладать *ab initio*. Она предпослана их развитию. В противном случае (если бы она была благоприобретенной) содержанием традиции была бы только оглядка в прошлое, преодолеваемое историей. Но традиции не пережиток, они действительны в настоящем, как были значимы и в прошлом. Они чреватые будущим вразрез с ностальгией, безуспешно желающей возродить *status quo ante*.

Итак, по смысловому содержанию традиция программируется с момента происхождения включающей в себя собственное Другое, в силу чего она становится отзывчивой на Другое и вне себя, на трансформации своего контекста. Эта самоинаковость образует энергетический потенциал той референтной массы, которая являет собой объем информации, поставляемой традицией. Тогда как эйдология Платона подводит базис под понимание того, каков константный объем открытий, совершаемых в цепи познавательных актов (они всегда уводят нас за порог эмпирически данного), «Метафизика» Аристотеля, трактовавшего то, что непосредственно предстает перед наблюдателем, как актуализацию возможного, проясняет, в чем заключается содержание нашего знания о мире. Если нечто, как сказано в «Метафизике», причастно двойственному-в-себе, то оно приобщено вечному, впрочем, лишь в акцидентальном значении. Интенционал знания, о котором оповещает нас надвременная традиция, неизбежно будет бивалентным, принадлежащим, с одной стороны, к «здесь и сейчас», а с другой, – обладающим еще не выказавшей себя потенцией (в своей апологии традиции Элиот далеко не случайно ссылался на Аристотеля). Вопрос в том, в чем отличие возможного от актуального. В пределе (а к нему и желает приблизиться акцидентально вечная

традиция) возможное разнится с явленным воочию в качестве его антитезы. Исток традиции, стало быть, не просто бивалентен, но амбивалентен, предусматривает переводимость свойств ее предмета в противоположные.

В по-своему замечательной статье «Слово в жизни и слово в поэзии» (1926) Михаил Бахтин сузил аристотелевское возможное в применении к высказываниям до понятия «социально-объективного подразумеваемого», которое скрыто в их основе, делая их неполными силлогизмами (энтимемами)³⁵. Собственное Другое, однако, не только социологическая категория, но гораздо более широкая – логическая. Чтобы вникнуть в нее, придется снова взять за точку отсчета самосознание. Отъединяя «я»-объект от «я»-субъекта, оно задает нам готовность к перевороту любого мыследействия. Мы настроены на то, чтобы диагностировать собственное Другое где угодно по образцу превращения мыслящего субъекта в мыслимый им объект. Пресуппозицией высказывания (дискурса) бывает учет общественного мнения. Но собственное Другое всех дискурсов вместе – продукт не человека, умственно зависящего от общества, в котором он интегрирован, а субъекта как такового, несводимого к исполняемой им социальной роли. Содержание идей состоит в том, что они квалифицируют некое множество, задавая отношение на его элементах, совокупно составляющих его объем. Потенция идей, традируемых дискурсивным путем, в том, что проведенная ими квалификация реальности допускает инверсию, что они фальсифицируемы. Принципиально опровергаемы не одни лишь научные идеи, как полагал Карл Поппер («Логика научного исследования» (1934)). Не будь любая интеллектуальная традиция фальсифицируемой, она не была бы в состоянии пережить отрицания, которым наступающие эпохи подвергают предшествующие, оттесняемые ими в прошлое. Вот окончательное определение интенционала традиций: чтобы быть долгожительницей, идея должна обладать способностью к автофальсифицированию.

Абсолютизируя традиционность как способ жизни, архаическое общество закладывает в основу ритуала смерть, пожертвование телом. Это совмещение – посредством жертвоприношения – смысла с противосмыслом, оберегающее традицию от отрицания извне, овнутривающее его, получает новую интерпретацию, когда социокультура втягивается в историю, постепенно становящуюся все более неотступной. В Ветхом Завете, для которого будущее, прежде, в архаике, не выделявшееся в особую темпоральную зону, было бы неизвестным, если бы не существовало пророческого визионерства, инверсия пере-

35 Бахтин под маской. Вып. 5(1). Статьи круга Бахтина / Под ред. И.В. Пешкова. М., 1996. С. 60–87.

водится в эпистемологический план: в рассказе о первородном грехе человек привносит эссенцию в чистую экзистенцию, приобщаясь Божественному знанию. Оно танатологично, удерживая в себе идею жертвоприношения (Адам и Ева лишаются совечности Творцу). Собственным Другим жизни оказывается здесь знание в своем совершенстве. В этой полноте инаковости наша осведомленность может отныне как угодно диверсифицироваться: ведь каким бы ни стало Другое – оно останется собой. Понятно, почему Борис Пастернак назвал в «Охранной грамоте» (1931) Библию «записной тетрадью человечества», добавив сюда: «таково все вековечное»³⁶. Всякий гносеологический интерес, будучи тягой к иному, чем данное, возвращает нас к ветхозаветному изображению обретения человеком первознания. Разнообразие дискурсов предопределено тем, что *homo historicus* отграничивает сущность от существования, знание – от жизни (что возмущало Гуссерля на склоне лет) и таким образом связывает перешагивание порогов, вариативность именно с когнитивной сферой. Множащее себя Другое конституирует дискурсивность и становится неустранимым из нее как составная часть, как оборотная сторона всякой утверждаемой высказыванием идейной конструкции.

Антропологическая по своему смыслу философия прозревает в человеке нечеловеческое, то приближая его к богам (с которыми он должен, согласно «Государству» Платона, совпасть при достижении последней степени идентичности) или предсказывая его эволюционное перерождение в высшее существо (Ницше), то принижая его заслуги, рисуя его колеблющимся между всем и ничем и никогда не добивающимся твердого знания (Блез Паскаль). Увиденный под историческим углом зрения, человек предстает в гегелевской философии Духа развивающимся через самоотрицание, а в фундаментальной онтологии Хайдеггера исполняет страдательную роль, отданный во власть бытию.

Литература разлагает свой смысл посредством того, что принято называть двойным кодированием, на манифестный и скрытый, выявляемый лишь герменевтическим путем, непрочитаемый непосредственно. Ее тайнопись поддается расшифровке прежде всего при том условии, что в расчет будет взят претекст интерпретируемого произведения или его социальный контекст, когда перед нами *roman à clef*. Проецируясь на чужое творчество, а также на внеположное искусству, на фактический материал, литературный текст фокусирует внимание и на индивиде так, что тот попадает под угрозу потери себя (своей собственности, своего места в семье или в обществе,

36 ПАСТЕРНАК Б. *Воздушные пути. Проза разных лет*. М., 1982. С. 252.

своих убеждений и тому подобное), что формирует перипетию художественного сообщения, которое подытоживается либо поражением, либо триумфом героя, испытывающего кризис.

Политический дискурс приемлет в себя собственное Другое в той мере, в какой теоретизирует о войнах и революциях. Ханна Арендт исключила их из сферы политического с тем аргументом, что они в качестве актов насилия отбрасывают человека в *status naturalis*³⁷. Но в них человек вовсе не прекращает быть политиком. Воюя и совершая социальные перевороты, он, конечно же, намеревается разрушить общество (чужое – в войнах, свое – в революциях), свергнуть его в коллапс, не просто в кризис, тем самым обращая конструктивность политики в деструктивность. Поражения противника на поле боя и свержения старого режима добивается, однако, не тот, кто действует по природной нужде, а тот, кто надеется, что его страна выйдет победительницей из вооруженного конфликта или переживет радикальное социальное преобразование, тот, кто, короче говоря, позиционирует себя в обществе. Мы имеем дело в этих случаях с политикой, антитетичной самой себе, отменяющей себя ради своего же утверждения. Еще одним собственным Другим политики является хозяйствование, которое Аристотель вывел за ее черту, но которое позднее стало ее добычей в разного рода политэкономических учениях. Разъясняющий, что есть власть человека, политический дискурс продельвает в политэкономии сальто, демонстрируя господство над нами производства товаров и рынка («невидимой руки», по Адаму Смиту).

Об обратимости научной интенции, имеющей в виду безупречную объективность исследования, я уже, поторопившись, говорил, когда перечислил некоторые из лазеек, какими в науку проникает субъективность, выражающая себя прежде всего в облике гипотез и формальных теорий, всегда недостаточных из-за отсутствия в них самообоснования. Наука фальсифицируема не только в том смысле, какой вкладывал в это понятие Поппер (она не опровергаема в целом, ибо способна добираться до истины в последней инстанции: гравитационная постоянная и скорость света всегда будут равны себе), но преимущественно в том, что то и дело отрывается от своих принципов, жертвуя их в пользу человеческих стараний возвести свой искусственный универсум взамен естественного.

В религиозном дискурсе, если взять его ветхозаветное преломление, Бог предстает сразу и устрашающим людей (нуминозным, по Рудольфу Отто), и спасающим избранный им народ

37 ARENDT H. *On Revolution*. New York, 1966. P. 10 ff. Арендт толкует *status naturalis* по Гоббсу как «bellum omnium contra omnes». В виде восстановления естественного состояния революцию рассматривал и Питирим Сорокин, для которого она являла собой «биологизацию» поведения людей, вышедших из рамок своих социокультурных полей: СОРОКИН П.А. *The Sociology of Revolution* [1925]. New York, 1967.

от бедствий. Бог является Моисею незримым, Он присутствует-отсутствует, располагаясь за краем того горизонта, которым ограничен объем человеческого видения мира, и потому не допускает поклонения своим изображениям. Но в Новом Завете он изменяет свой потусторонний всему земному экстенционал, к которому присовокупляется посюсторонний комплемент в лице Сына Божьего. Соответственно этому вочеловечению Логоса модифицируется – в сравнении с Отцом – содержание, которым наделяется Сын. Христос – Спаситель, как и ветхозаветный Бог, но, в отличие от Него, Он не каратель, а жертва людских происков. Знаменательно, что если к Ною, Аврааму, Моисею Бог обращается с заветами, с требованиями беспрекословного послушания себе, то Христос рассказывает притчи, нуждающиеся в дешифровке, то есть предполагающие обоюдную активность отправителя и получателя сообщений, уступку адресантом своего авторского права адресату. Преданному на закание Богочеловеку надлежит, однако, преобразовать свою содержательную характеристику в будущем, когда Он станет судьей на Страшном суде, милуя праведников и наказывая вечной мукой грешников. Христос совпадает в нуминозности с Отцом. Религиозная мысль замыкает превращения своего интенционала возвратом к отправному в нем сочетании полярностей, предохраняя себя в этом круговом движении от развития в не предсказанном ею с самого начала направлении. Только что приведенные примеры из области религии делают ясным отношение, в котором находятся экстенционалы и интенционалы дискурсивных традиций. Объем дискурсивного смысла контрарен его содержанию. Экстенционально Другое (Сын человеческий) дополняет данное (Бога) извне, интенционально инаковость имманентна данному (Христос внутренне предрасположен к тому, чтобы выполнить волю Отца и принести себя в жертву, Он и есть инкарнация этой воли).

Как экстенционально, так и интенционально дискурсивные традиции распадаются на субдискурсивные. Главное условие для возникновения выдерживающих испытание историей подсистемных интенционалов – их амбивалентность или неопределенность. И неразрешимость двузначности, и возможность, не доведенная до вполне завершенной актуализации, запускают в ход все новые и новые попытки ответить на вызовы, которые бросают уму *coincidentia oppositorum* и знание, не избавившееся от лакун. Бессознательное, притянувшее к себе интерес многих поколений психологов, моделировалось Фрейдом скопированным из взаимоисключающих влечений, сопрягающих Эрос и Танатос. Точно так же амбивалентна оказавшаяся чрезвычайно продуктивной бахтинская идея карнавала, концептуализованного в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная

культура Средневековья и Ренессанса» (1940, 1965) как снятие разницы между рождением и смертью (что подразумевает бесконечность, в которой на заре Возрождения усмотрел совмещение несовместимого Николай Кузанский в трактате «Об ученом незнании» (1440), задав головоломку всем последующим толкователям инфинитных множеств). В литературе, занятой двойным кодированием, жанрообразующей силой обладают творческие инициативы, выносящие эту ее амбивалентность на поверхность текстов, эксплицирующие литературность. Толчок выдвигению на авансцену литературы романа дали его образчики, неразложимо смешавшие комическое с героическим («Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле и «Дон Кихот» Сервантеса). Оба эти текста – своего рода мифы «горячей» истории, в которых, по контрасту с архаическими мифами, сливаются воедино фигуры демиурга и его подражателя, поднимаемого на смех. Неопределенностью отмечены, как говорилось, все формальные теории, но она же характеризует и первоначальное состояние той физической теории, в которой Ньютон изложил законы всемирного тяготения, не задумываясь над тем, как оно распространяется в космическом пространстве при дальнодействии. В случае неопределенности то, что оппозитивно наличному содержанию сказанного, потенциально.

Потенция идей, традируемых дискурсивным путем, в том, что проведенная ими квалификация реальности допускает инверсию, что они фальсифицируемы. Не будь любая интеллектуальная традиция фальсифицируемой, она не была бы в состоянии пережить отрицания, которым наступающие эпохи подвергают предшествующие.

Обязательная включенность собственного Другого в идейное содержание дискурсов объясняет, почему их историческому бытованию сопутствует явление контрдискурсов. Высказывания, составляющие отрицательную параллель к основным дискурсивным формациям, присваивают себе право быть их иносмыслом. Философия находит свое негативное отражение в античном кинизме и скептицизме Нового времени (Дэвид Юм превратил сомнение из картезианского инструмента, каким оперирует, добираясь до истины, ум, в орудие, сокрушающее всякое умозрение, коль скоро оно противоположно опыту, на который только и можно положиться). Литература подвергает себя ничем не восполняемой деструкции в долгой череде текстов, на-

чина по меньшей мере с «Жизни и мнений Тристрама Шенди» Лоренса Стерна и вплоть до романа Владимира Сорокина «Роман». Теневой двойник политического дискурса, речи о правлении – анархистское учение, которое оспаривает идею любой власти (кроме самовластия индивида или группы). Успехи сциентистского образа мыслей исстари сопровождаются развитием наследующей архаической магии псевдо- и паранауки, которую хотелось легитимировать Файерабенду, заявившему, что у нас нет критериев, позволяющих распознать, какие из исследовательских приемов научны, а какие – нет³⁸. Разные контрдискурсы солидаризуются друг с другом в их общем отклонении от мейнстрима: Михаил Бакунин обвинял в «Государственности и анархии» науку в «деспотизме», а ученых – в склонности «ко всякому умственному и нравственному разврату»³⁹. И последнее в этом ряду: в соперничество с религиозным дискурсом вступает гетеродоксия, которая сдвигает позицию верующего из здешней реальности в потустороннюю, откуда он различает несовершенство всего дольного мира, ожидая его пересоздания в гностицизме или выказывая в позднейших ересях недовольство церковью, соединяющей землю с небом⁴⁰.

Хотя дискурсы – достояние всего человечества, они впитывают в себя местное своеобразие, конкретизируют содержание своего смысла в подсистемах, не только переступающих границы отдельных обществ, но и задерживающихся внутри этих рубежей. Национальные социокультуры каждая на свой лад регулируют имеющееся в их распоряжении дискурсивное хозяйство. Вырабатываемые этническим коллективом идеи в свою очередь налагают отпечаток на его историческое бытование, на его *modus vivendi*. Так складываются национальные социокультурные традиции. Они отличаются друг от друга не экстенционально (поскольку по объему они в своем происхождении одинаково локальны), а интенционально – качеством той инаковости, которой они пополняют непрременную самоинаковость, присущую содержанию универсально значимых в человеческом обиходе дискурсов. Не подлежит сомнению то, констатированное среди прочих Алейдой Ассманн, обстоятельство, что в основе ареальных традиций лежит травма, причиненная национальному самосознанию неблагоприятным для него оборотом событий. Будучи механизмом, компенсирующим исчезновение реальности, память с повышенным тщанием охраняет от забвения пропажу идентичности своего субъекта,

38 FEYERABEND P. *Die Frage, ob die Theologie eine Wissenschaft sei, ist weder interessant, noch gehaltvoll* // FEYERABEND P., THOMAS C. (Hrsg.). *Op. cit.* S. 125–128.

39 ВАКУНИН М. *Государственность и анархия. Étatisme et anarchie* [1873]. Leiden, 1967. P. 112.

40 Ср.: HANSEN-LÖVE A.A. *Allgemeine Häretik, russische Sekten und ihre Literarisierung in der Moderne* // Wiener Slawistischer Almanach. 1996. Bd. 41. S. 194–195.

как единичного, так и группового. Было бы ошибкой, однако, думать, что функционирование национальных традиций исчерпывается лишь фиксацией поражений и неудач, пережитых обществом. Травма подвергает внешнему насилию нашу самовластную интеллектуальную деятельность, которая вынуждается искать способ, каким она может восстановить свою потерянную суверенность. Содержание национальных традиций совокупляет воспоминание об ущербе, нанесенном когда-то коллективу, с напоминанием о том, как это негативное состояние было преодолено. Традиции, порожденные травмами, обращены к настоящему с требованием, чтобы оно в превентивном порядке повторяло ту стратегию, посредством которой было нейтрализовано неблагоприятие, пусть и варьируя ее применительно ко вновь возникающим историческим ситуациям. Травма поддается превозмоганию только в зеркальном ответе насилием на учиненное ею насилие. Память о кризисе коллективной идентичности, входящая в интенционал национальных традиций, всегда сочленена в них с собственным Другим травмы, попирающим ее и принудительным, как и она. Я подробно разбирал такого рода генезис традирования в ряде работ о русской социокультуре⁴¹. Один из примеров озеркаливания травмы, которые я приводил, – русский колонизаторский экспансионизм, перевернувший унижительную для Москвы выплату даней татарам и сформировавший империю за счет покорения территорий, непосредственно примыкающих к метрополии так же, как прежде она в зависимом статусе граничила с Ордой. Знаменательно, что зарождению и росту имперских амбиций Московского царства предшествовало идейное программирование его колонизаторского будущего. Дискурс берет на себя инициативу по переделке внеположной ему действительности. Во время «стояния на Угре», ознаменовавшего конец русско-татарскому симбиозу, ростовский архиепископ Вассиан Рыло писал в Послании, адресованном Ивану III (1480): «Аще [...] помилует ны милосердый господь, и не токмо свободит и избавит [...] от [...] поганого Измаилова сына Ахмета, но нам и их поработит»⁴². Разумеется, путь от пассивного приспособления к стрессовой ситуации, к активному подавлению травмы проходит не только русский этнос. Так, травматичное несовпадение государственных границ с национальными, которое Хельмут Плеснер обсуждал в этносоциологическом трактате «Запоздалая нация»⁴³,

41 См., например: Смирнов И.П. *Русь святая* // Неприкосновенный запас. 2020. № 5(133). С. 143–163; ср. еще: Он же. *О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории* // Wiener Slawistischer Almanach. 1991. Bd. 28. S. 169–192.

42 *Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века* / Под ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М., 1982. С. 532.

43 PLESSNER H. *Die verspätete Nation. Über die politische Verführbarkeit bürgerlichen Geistes* [1935/1959] // IDEM. *Gesammelte Schriften*, VI. Frankfurt am Main, 1982. S. 46 ff.

антисимметрично отозвалось в постоянно возобновляемом в немецкой политике собирании земель, заселенных соплеменниками, будь то планы, с неумолимой последовательностью реализованные Бисмарком, присоединение Судетской области к «рейху» в 1938 году или объединение западной и восточной частей Германии во времена правления Гельмута Коля.

Пора перейти к вопросу о том, как работает механизм адаптации дискурсов к эпохальным историческим трансформациям. В интенционалах дискурсов противоположности субстанциальны и синхронизированы. В общедуховном поступательном движении социокультуры антиподы имеют формально-логическую природу и разведены в разные диахронические стороны, так что один из них оттесняется в прошлое, а другой воцаряется в настоящем. Логоистория наращивает новое, отрицая на каждом следующем этапе свое смысловое содержание, установившееся на предыдущем. Самосознающий субъект оставляет себя, помысленного как объект, в невозвратном времени, чтобы осуществить акт авторефлексии заново. Изменяется при этом операция, производимая умом. Социокультурное прошлое есть актуальность, переведенная в абсолютную потенциальность. Экстенционально история циклически перераспределяет когнитивный статус мыслимого и наблюдаемого миров, делая один из них познавательным зависимым от его антитезы. Содержательно история отрицает то конкретное отношение между ними, которое позволяло конституировать их как функцию и аргумент, выводя отсюда иное отношение, в которое отныне входят *mundus sensibilis* и *mundus intelligibilis*, но не ставя под сомнение, что один из них будет задавать значение другому. Они должны быть субординативными, какое бы отношение ни было между ними протянуто, ибо в противном случае познание, не обладающее никакой причинно-следственной характеристикой, оказалось бы чистейшим безосновательным производом. Смена отношения необратима, пускается в рост, потому что отрицание, чтобы быть постоянно релевантным, не вправе отрицать себя. Иначе говоря, в истории *negatio negationis* дает конструктивный, а не опустошительный эффект. Возьмем за исходный пункт разбора отношение транзитивности: если xRy и yRz , то xRz . Подвергнутое отрицанию, это отношение будет означать, что нет такого посредника y , который мог бы связать x и z : как возникает связь этих величин, нельзя сказать с определенностью, как нельзя и сказать, что она вовсе отсутствует – ведь должны же реалии, попадающие в наш интеллектуальный кругозор, иметь хоть какой-то порядок. На следующем витке отрицания оно падет как на транзитивность, так и на интранзитивность, но из этой двойной негации допустимо сделать заключение о том, что x и z сопряжены принудительно, находясь

в непосредственном контакте друг с другом, будучи смежными. Место необъяснимо когерентного мира займет континуум соприкасающихся вещей. В иных терминах: от мышления по аналогии можно прийти путем двойного отрицания (то есть при помощи гегелевского «снятия» противоположения) к метонимическому мышлению. История Духа, цикличная по объему, линейна, таким образом, по содержанию. Она циклолинейна.

В общедуховном поступательном движении социокультуры антиподы имеют формально-логическую природу и разведены в разные диахронические стороны, так что один из них оттесняется в прошлое, а другой воцаряется в настоящем.

Я вполне отдаю себе отчет в том, что приведенные соображения о логике эпохальной истории слишком сжато сформулированы и слишком абстрактны, чтобы быть без труда воспринятыми. Но здесь не место детальнее вдаваться в эту сложнейшую материю, бывшую предметом исследования в других моих работах, к которым я и отсылаю читателя⁴⁴. Важным для меня было лишь в самых грубых чертах набросать схему, которая дала бы возможность понять, как традиции усваивают себе скачкообразное фазовое развертывание истории, не теряя своей действительности на разных ее отрезках. Пластичность обеспечивают традированию негативные слагаемые дискурсивных интенционалов. Под влиянием отрицаний, двигательной силы истории, эти компоненты смыслового содержания, которым располагают дискурсивные образования, претерпевают изменения, не теряя, однако, своей сущности быть тем собственным Другим, какое в обязательном порядке присутствует в идейном составе традиций. Дискурсы инертны в центрированности на субъекте и непостоянны, пластичны в том, как они трактуют его самоинаковость.

Задача биологического наследования – выживание особи в потомстве. Это смещение настоящего в перманентно значимое будущее гасит время. Если оно и ощущимо здесь и сейчас в форме заботы о потомстве, то лишь постольку, поскольку уже чреват завтрашним днем. В известном смысле биологического времени нет. Точнее, оно есть в качестве преодоленного. Во всей своей неумолимости время творится в мире идей. Заложенность в их содержание негативного потенциала делает их экстенциональную претензию на то, чтобы утвердиться раз и

⁴⁴ Смирнов И.П. *Художественный смысл и эволюция поэтических систем*. М., 1977; Он же. *Мегаистория. К исторической типологии культуры*. М., 2000; Он же. *Превращения смысла*. М., 2015. С. 182–235.

навсегда, несостоятельной, предоставляет свободу будущему, в котором нет нас – тех, кто мог бы распоряжаться временем. Как экстенциональное явление традиции расширяют опробованные ими области помысленного, дабы таким образом обеспечить себе самосохранение в неустойчивом историческом контексте. В плане объема традиции наращивают память, в которой новое будет сосуществовать со старым в порядке его по возможности максимального дополнения. Интенционально традиции пускаются в саморастрату, неэкономно расходуют наличный в них энергетический ресурс, отвергая одно в себе ради другого, замещая старое новым, а не расширяя свой кругозор.

Примем, что транзитивность, интранзитивность и континуальность по смежности реалий отличают, соответственно, ментальности, формировавшиеся во второй половине XIX века, на пороге XX столетия (*Fin de Siècle*) и в 1910–1950-х. Господствовавшее в первый из названных периодов аналоговое мышление резонировало в философии Ницше в образе сверхчеловека, призванного заместить собою человека, отдавшего во власть Богу. Между увечно-неполноценным христианином и грядущим трансгуманным существом есть промежуточное звено – заявляющий свою волю ренессансный индивид, которого Ницше толкует по Якобу Буркхардту. *Novus* следующей эпохи, спланированный в учении Анри Бергсона об интуиции, – это носитель не волевого, как у Ницше, а гносеологического начала, преодолевающий раздельность рациональных познавательных актов так, что связывает все со всем, не признавая никакого отсутствия, пустот, ничто, хотя бы и было неясным, по какому принципу все мировые явления оказываются соотносимыми. Во времена авангардистско-тоталитарной социокультуры хайдеггеровское бытие-к-смерти поместило собственное Другое человека на границе его бытия – там, где *Dasein*, сфера субъекта, и *Sein*, великая объектность, смежаются так, что всякое существование поглощается помимо нас сущим. Можно сказать и так: смерть в качестве нашего иного метонимична, она ведь есть *totum pro parte* применительно к каждому из живущих.

Сходные преобразовательные процессы прослеживаются и в политическом дискурсе, который послужит контрольным рядом к примерам, вырванным из истории философии. Собственное Другое политических решений, революция, проходит у Маркса перед тем, как достигнуть своей цели в возведении бесклассового общества (его аналогичность «первобытному» социуму эксплицировали Фридрих Энгельс и Фердинанд Тённис), промежуточный этап, состоящий в установлении диктатуры пролетариата. Начало прошлого века ознаменовалось появлением трактата «Размышления о насилии» (1906), где

Жорж Сорель (высоко ценивший философию Бергсона) отождествил генеральную стачку с мифом, императивным для всех членов общества, в котором он циркулирует. Сореля занимал вопрос не о том, что рассказывается в мифе, а о том, как он властно объединяет людей в их жажде узреть начало всего что ни есть. Всеобщее имеет место для Сореля там, где у всего отыскивается начало, где бытие связывается воедино лишь своей абстрагированной от какой бы то ни было конкретности разностью с небытием. Авангардистское сознание придаст в чаяниях Льва Троцкого революции свойство перманентности, концептуализует ее перекидывающейся из страны в страну, из одного очага в соседний.

Остановим на этом разговор о традициях, угрожающий протянуться в плохо обозримую даль, куда в каждый момент своих превращений устремляются и сами традиции, изначально чреватые будущим. Возвращаясь к вступлению в затянувшееся рассуждение, стоит заметить, что надежда увековечить себя в долгосрочном проекте свойственна не только нашей эпохе – она вынашивалась и прежде, маркируя собой концовки исторических этапов, закаты диахронических систем. Таков был, к примеру, исход XVIII века, ознаменовавшийся выработкой теории прогресса, который ее создатель Николя де Кондорсе мыслил как не более чем продолжение и усовершенствование того, что уже было достигнуто его временем, установившим правление разума. В «Ответе на вопрос: Что такое Просвещение?» (1784) Иммануил Кант заявлял, что отдельный человек может отсрочить переход своего разума в стадию зрелости, но что все человечество непременно пойдет по пути, который проложило Просвещение, совершившее это восхождение. Расчетам на то, что специфически эпохальная тенденция способна переродиться в надвременную, простирающуюся поверх исторических сломов, не дано состояться, коль скоро свое содержание диахронические системы обретают из отрицания предшествующих им смысловых комплексов. Прогрессируют традиции, которые раздвигают границы своей памяти за счет накопления в ней эпохально обусловленных интенциональных преобразований и которые открыты для восприятия того нового, что возникает по ходу истории социокультуры.

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Конец истории. Начало следующей

24 февраля 2022 года вооруженные силы Российской Федерации без объявления войны нанесли удары по объектам на территории Украины, вошли туда, начав боевые действия. На момент написания этих строк боевые действия там продолжаются.

В дни, которые теперь кажутся далеким прошлым, я вместе со многими заверял себя и других, что концентрация войск на границах Украины есть политический жест сам по себе и боевых действий не будет. Этот прогноз не оправдался.

Когда боевые действия начались, многие ожидали, что в кратчайшие сроки российские войска подавят всякое сопротивление, под их контроль моментально перейдет вся Украина или ее значительная часть, а в Киеве принудительным образом будет сменено руководство

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

страны. Этот прогноз пока также не оправдался.

Это значит, что надо обратиться к вопросам и темам, которые сохраняют свою значимость вне зависимости от конъюнктуры момента. На эти темы и эти проблемы, приобретающие драматическую остроту, указывают, в частности, результаты опроса, проведенного «Левада-центром»¹ в конце февраля. Из них известно, что нагнетание напряженности в отношениях с Украиной было встречено резким недовольством меньшинства и одобрительной реакцией большинства. Рейтинг Путина, который держался на отметке 63% вплоть до декабря 2021 года, к концу февраля достигал 71%.

Шаг, который многим казался вполне мирным – признание независимости «ЛНР» и «ДНР», – поддержали практически все, кто в целом одобрял деятельность Путина, и почти треть тех, кто не одобрял. Последовавшие затем действия российских вооруженных сил в Украине получили почти полную поддержку от тех, кто одобряет деятельность Путина, однако среди не одобряющих ее более 80% высказались против. Отказали в поддержке почти половина жителей столицы, более 40% молодых людей. Известно, что публичные протесты проходили во многих городах России, множество их участников были задержаны.

Сегодня вооруженный конфликт на территории Украины и применение силы против части населения на территории России ставят вопрос о том, какие формы общественной организации и ее институционального оформления в виде государств и надгосударственных структур наиболее адекватны имеющимся обстоятельствам

проживания нескольких миллиардов людей на пространствах Евразии и Африки. (Этот вопрос решается и на других континентах, но здесь мы этого касаться не будем.)

Начнем с тривиального утверждения: индивиды, их первичные объединения и объединения более высокого уровня построены на разных сочетаниях свободы и зависимости друг от друга. Оба импульса имеют культурное и социальное оформление, их баланс то институционально закрепляется, то нарушается силами, которые в зависимости от точки зрения наблюдателя могут трактоваться как внутренние и как внешние.

Опыт последних столетий показал, что при некотором стечении обстоятельств режим свободы, автономия индивидов и создаваемых ими институтов самоуправления способны стимулировать такие формы активности, которые позволяют быстро создавать и накапливать общественное богатство (впрочем, частью образующееся за счет эксплуатации ресурсов других обществ, где социальный порядок устроен совсем иначе).

Так вырос и начал процветать цивилизационный остров, называемый ныне словом «Запад». Он стал примером, следовать которому хотели множество индивидов, их разнообразно оформленных объединений вплоть до целых государств. Опыт показал, что при отсутствии некоторых факторов материального или социального характера стремящиеся к этому идеалу общества достичь своей цели не могут. Опыт также показал, что социальные и материальные блага, которыми располагают люди, проживающие на этом «острове», оказываются весьма привле-

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

кательными для множества жителей других частей Земли. Идеал «хорошей жизни» на Западе и обстоятельство плохой (в материальном и социальном плане) жизни в своих странах стимулируют их к миграции. Масштабы ее таковы, что встает вопрос: не изменят ли они социокультурную ситуацию в «благополучной» части мира таким образом, что существующие там преимущества исчезнут?

Прошлое показало, что общества, где социальная организация построена на нарочитом подчинении индивидуальных начал коллективным, где это институционально оформлено в виде диктатуры и всепроникающего контроля, также способны к мобилизации значительных сил и накоплению больших общественных богатств. Для описания таких обществ иногда применяют слово «тоталитаризм». Не входя в обсуждение этого понятия, отметим один момент. Очень часто тоталитаризм характеризуют всепроникающим (тотальным) политическим контролем, такой же системой пропаганды и агитации, режимом политического террора. Нам же важно подчеркнуть, что все эти обстоятельства образуют внешний, политический «рисунок» тоталитаризма. Его главная социальная суть – в особом состоянии общества, которое развивает формы внутреннего социального контроля, режима, где все следят за всеми, чтобы не допускать индивидуального или группового отклонения от норм, корпус которых становится чрезвычайно тесным и ригидным. Именно тотальность этого контроля и создает феноменологию тоталитаризма, ее институциональным оформлением становится диктатура, полицейский режим и оглушающая пропаганда, не по принуждению поддерживаемые основной частью общества, воспринимаемые

ею как необходимость и благо, а не как ярмо и бремя. Как любая норма не исключает, а предполагает ее нарушителей, это общественное состояние не исключает, а скорее предполагает наличие меньшинства, которое недовольно и протестует против тоталитарного режима. Иногда этот протест бывает успешным.

Тривиальные соображения, изложенные выше, кажутся необходимыми, чтобы указать на всемирно-исторический, цивилизационный масштаб нынешнего конфликта, который вблизи выглядит как локальный конфликт стран-соседей, имевших трения в прошлом, или как реализация частных интересов неких элит вокруг Путина, или вообще как результат злокачественного развития черт чьей-либо личности.

Да, вряд ли судьба цивилизации, в частности, европейской, решится от исхода российско-украинского конфликта. Это будет лишь часть, звено этой исторической драмы. Но драма налицо и образует ее ряд фактов. С одной стороны, очевидно стремление миллионов, если не миллиардов, к смене условий своего существования на те, которые есть или, по их мнению, должны быть на Западе. В России этот тренд проявился двояко: в широкой эмиграции на Запад и в протестном движении против действий властей. С другой стороны, есть и поддержка недемократических режимов, со стороны как их собственного населения, так и антидемократически ориентированных партий и политиков на Западе. Этот глобальный тренд предъявил себя как не менее значимый – не в силу объемов, а в силу близости к центральным узлам социальной структуры Запада

Сейчас демократические и прозападные устремления Украины находят под давлением превосходящих сил

России, выбравшей противоположные ориентиры. Представляется, что и вся «западная цивилизация» находится под давлением как подобных внешних сил (из которых Россия не главная, но на данный момент наиболее активная), так и сил внутренних ренегатов. «Западная цивилизация» торжествует как идеал – и это торжество исторически беспрецедентно велико, – но одновременно поставлена под вопрос своими внутренними и внешними оппонентами.

Тоталитаризм как альтернатива демократии широко предъявил себя в Европе после Первой мировой войны. Показалось, что он побежден в ходе Второй мировой. Но в тех или иных формах он стал возрождаться и в СССР, и в подконтрольной ему части мира. Его следующий коллапс в конце XX века, может быть, действительно стал концом одной истории, но, как теперь видно, он стал и началом следующей. Видно и то, что этой новой истории придется разворачиваться в формах драмы.

Урок Делёза и Гваттари: о пользе и вреде политики для онтологии

АНТОН
СЮТКИН

Жиль Делёз. Феликс Гваттари. Перекрестная биография

ФРАНСУА ДОСС

Перев. с фр. И. КУШНАРЕВОЙ, науч. ред. М. МАЯЦКИЙ

М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. – 672 с.

С тобой и без тебя.

«Весна на улице Карла Юхана»

На русский язык переведена книга Франсуа Досса «Жиль Делёз. Феликс Гваттари. Перекрестная биография». Это замечательная работа, последовательно описывающая юные годы, в которые происходит генезис философских систем двух мыслителей, время их коллективной работы, принесшей им международный успех, и, наконец, поздний период, когда это сотрудничество фактически подходит к концу и интеллектуальные пути героев снова расходятся. Таким образом, выход перевода является большим и важным событием не только для русскоязычных исследователей Делёза (скорее всего они прочитали эту книгу гораздо раньше), но и для «широкого круга читателей». Дело в том, что Досс описывает не только биографические подробности из жизни Делёза и Гваттари, не только показывает, как разви-

Антон Сюткин (р. 1988) – философ, магистр Европейского университета в Санкт-Петербурге, старший преподаватель Национального исследовательского университета ИТМО.

**НОВЫЕ
КНИГИ**

281

АНТОН СЮТКИН

УРОК ДЕЛЁЗА И ГВАТТАРИ:
О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ПОЛИ-
ТИКИ ДЛЯ ОНТОЛОГИИ

вались созданные ими понятия – он еще и создает довольно яркую картину интеллектуальной жизни Франции второй половины XX века.

В книге Досса много историй анекдотического свойства, которые очень хочется пересказывать. Однако я попытаюсь аскетически ограничить себя в этом удовольствии. В прекрасной рецензии на сайте «Горький» Иван Напреенко уделил им достаточно внимания, поэтому я смело отсылаю читателей к ней¹. Мне хотелось бы рассмотреть книгу Досса в качестве теоретической интервенции: создавая коллективную биографию Делёза и Гваттари, Досс вступает в полемику по поводу теоретического наследия своих героев. Поэтому в мои задачи входит в первую очередь описание контекста полемики, которую начинает Досс с помощью своей книги. И, возможно, превышая полномочия рецензента, я позволю себе также участвовать в этом диспуте.

ДЕЛЁЗ + ГВАТТАРИ = НОВЫЙ САРТР

Ключевой эпизод книги Досса – это встреча Делёза и Гваттари, их объединение в философский дуэт, просуществовавший почти двадцать лет. Казалось бы, это два совершенно разных человека и мыслителя, между ними сложно найти хоть что-то общее. Заслуга Досса состоит в том, что он подробно описывает предпосылки для их сотрудничества.

Делёз – довольно замкнутый университетский преподаватель, занимающийся созданием собственной философской системы с помощью «прочесывания против шерсти» всей философской традиции. Против господствовавшего во время его философского взросления феноменологически-экзистенциалистского триумвирата Гуссерля, Хайдеггера, Гегеля он создает собственный виталистский триумвират из Спинозы, Ницше и Бергсона. В конце 1960-х Делёз уже работает над философией «от первого лица», не пользуясь для этого вспомогательными фигурами из истории мысли. Серия из двух книг – «Различия и повторения» и «Логика смысла» – представляет собой одну из самых амбициозных попыток синтеза структурализма и экзистенциализма среди всех, предпринимавшихся в то время.

Однако сам Делёз испытывает неудовлетворенность своей системой: под влиянием болезни и событий мая 1968 года он ищет пути обновления собственной мысли. Это особенно заметно на некоторых страницах «Логика смысла», где он сожа-

1 НАПРЕЕНКО И. *Радость непонимания: как Делёз и Гваттари стали самой легендарной парой в истории философии* (<https://gorky.media/reviews/radost-neponimaniya-kak-delyoz-i-gvattari-stali-samoj-legendarnoj-paroj-v-istorii-filosofii/>).

леет, что только мыслит и пишет о «партизанской политике», не являясь на самом деле хотя бы немного «партизаном-террористом»². Таким образом, раннюю систему Делёза разрушает проснувшаяся у него в конце 1960-х «страсть к реальному»³.

Проблема заключается в том, что, будучи заинтересованным в политике, Делёз не обладает политическим характером. Даже в своем понимании философии он утверждает, что философия не имеет никакого отношения к дискуссии и полемике. Философия для него – это аристократический творческий процесс. В этом смысле его ранняя система с утонченной логикой серийной организации отвечает этому пониманию: философия гораздо ближе к искусству, чем к политике, в ней находится место для Борхеса и Кэрролла, но не для Маркса и Мао.

Разумеется, Делёз ссылается в книгах этого периода на Маркса и даже на Ленина. Однако, во-первых, он делает это, полностью оставаясь в рамках альтюссеровской «структуралистской» ортодоксии, а во-вторых, все эти ссылки носят характер примеров, иллюстрирующих общую логику философии различия. До встречи с Гваттари Делёз остается аполитичным метафизиком, одним из двух сильнейших в своем поколении, но испытывающим под воздействием обстоятельств потребность в политизации собственной философии.

Гваттари находится в этот момент в полностью противоположной ситуации. Он человек с ярким общественным темпераментом, левый активист с большим опытом и психоаналитик, ученик Лакана, занимающийся в клинике Ла Борд экспериментальными антипсихиатрическими практиками. Из-за разнообразия общественной деятельности Гваттари, однако, попадает в интеллектуальный кризис: он не может написать ни одной теоретической работы, осмысляющей его практический опыт. Усугубляется это тем, что в борьбе за влияние в рамках лакановской школы он проигрывает Жаку-Алену Миллеру, зятю Лакана и лидеру лакано-альтюссерянского «эпистемологического кружка». Иными словами, потребность в теоретической философской работе у Гваттари возникает из-за его противоречивого положения в лакановской школе. С помощью философии он должен либо бороться за влияние с Миллером, либо окончательно «сепарироваться» от Лакана.

Несколько упрощая, можно сказать, что Делёз – это теоретик, неспособный сформулировать практический смысл собственной философии, а Гваттари, напротив, практик, у которого не получается выявить теоретическое содержание своей активистской и психоаналитической деятельности. Таким образом, Досс показывает, что Делёз и Гваттари буквально нуждаются друг

АНТОН СЮТКИН

УРОК ДЕЛЁЗА И ГВАТТАРИ:
О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ПОЛИТИКИ
ДЛЯ ОНТОЛОГИИ

2 Делёз Ж. *Логика смысла*. М.: Академический проект, 2011. С. 206.

3 Понятие Ницше, которое использует Ален Бадью для описания «онтологической политики».

в друге. Более того, доссовские главы о ранних годах его героев проливают свет на еще одно важное условие их встречи: Делёз и Гваттари со школьного возраста являются фанатами Сартра⁴.

Сразу после выхода «Бытия и ничто» Делёз часами обсуждает эту книгу по телефону со своим школьным другом (и будущим писателем) Мишелом Турнье. Более того, еще со школьных занятий по философии за способность Делёза давать собственную интерпретацию сложным проблемам и понятиям многие предрекают ему судьбу «нового Сартра». Однако после знаменитого выступления Сартра о тождестве экзистенциализма и гуманизма, на котором Делёз присутствует вместе с Турнье, он отчасти разочаровывается в проекте своего учителя. Влияние Бергсона, книгу которого «Материя и память» Делёз в это время постоянно носит в своем рюкзаке, постепенно берет вверх.

Гваттари не только в ранней юности рассматривает Сартра в качестве образца для подражания. Уже в зрелые годы в своей антипсихиатрической практике в клинике Ла Борд он использует диалектику групповой динамики из сартровской «Критики диалектического разума». А в поздний период, после фактического завершения философского сотрудничества с Делёзом, Гваттари возвращается к сартровскому экзистенциализму, пусть и в натурализованной «экофилософской» форме.

Можно предположить, основываясь на биографической реконструкции Досса, что за сближением Делёза и Гваттари стоит их стремление стать коллективным «новым Сартром». Делёзу до этого статуса не хватает публичного темперамента, а Гваттари – философской систематичности. Вместе же они вполне могут претендовать на роль главных публичных интеллектуалов от философии для поколения 1968-го.

ИМЕНЕМ ЧЕГО ЯВЛЯЕТСЯ ГВАТТАРИ?

Вокруг фигуры Гваттари в области делёзовских исследований существует ожесточенная полемика – книгу Досса можно рассматривать как реплику в ней. В 1997 году Ален Бадью выпускает книгу «Делёз. Шум бытия»⁵, в которой противопоставляет Делёза-метафизика Делёзу-политику. Гваттари в этой книге почти не упоминается, тем не менее понятно, что он играет важную роль в этом противопоставлении, потому что Делёз-политик – это на самом деле «Делёз и Гваттари».

Согласно Бадью, ранний Делёз времен «Различия и повторения» и «Логики смысла» – это великий аполитичный мета-

4 О влиянии Сартра на раннего Делёза см.: Блинов Е. *Шок радикальной новизны: ранний Делёз и пробелы смысла* // Логос. 2020. № 4. С. 63–88.

5 Бадью А. *Делёз. Шум бытия*. М.: Прагматика культуры; Логос-Альтера / Ессе homo, 2004.

физик, одновременно близкий ему и далекий от него. Близкий, поскольку он так же, как сам Бадью, реабилитирует метафизику как мышление абсолюта после Канта и Хайдеггера. Далеким же, потому что для этой реабилитации он пользуется интеллектуальной интуицией в духе Бергсона, а не математизированной диалектикой, как это делает Бадью.

Политическая философия Делёза и Гваттари подвергается атаке Бадью еще в 1970-е, прежде всего в статье «Картофельный фашизм»⁶, опубликованной под псевдонимом. Во второй половине 1990-х, уже после смерти Делёза, оценки Бадью не сильно меняются. За риторикой Делёза и других «анархистов желаний» о множественности и освобождении Бадью видит скрытое господство Единого и «машинное» ему подчинение. Досс красочно описывает сцены вторжения Бадью и его соратников-маоистов на лекции Делёза в университете Венсан с требованиями отречения от мелкобуржуазного анархизма и признания правоты председателя Мао.

Большинство французских делёзианцев крайне негативно реагирует на книгу Бадью. Она либо обходится молчанием, либо объявляется абсурдом. Лишь немногие делёзианцы – такие, как Эрик Алье, – всерьез отвечают Бадью. Алье читает философский курс, сравнивающий философские проекты Делёза и Бадью, и публикует по его мотивам серию статей⁷. Однако в среде англоязычных делёзианцев книга Бадью производит серьезный эффект. Происходит стремительный рост исследований делёзовской метафизики, одним из побочных последствий которого оказывается возникновение в следующем десятилетии так называемого спекулятивного реализма.

В 2004 году Славой Жижек публикует книгу «Органы без тел»⁸, радикализирующую позицию Бадью. Вершиной эволюции Делёза-метафизика, согласно Жижеку, является его философия квазипричинности и бестелесных событий из «Логики смысла». Вопреки собственному желанию Делёз в этом тексте оказывается парадоксально близким к Лакану и Гегелю.

Жижек в интерпретации делёзовской «Логики смысла» делает акцент на различии между материальным и идеальным генезисом. В материальном генезисе бестелесное событие возникает из взаимодействия тел между собой. Далее, от события, привязанного к той или иной смеси тел, Делёз переходит к событию как таковому – событию, тождественному самому бытию. В идеальном генезисе происходит обратный процесс: делёзовский герой, отождествляя себя с событием как квази-

АНТОН СЮТКИН

УРОК ДЕЛЁЗА И ГВАТТАРИ:
О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ПОЛИТИКИ
ДЛЯ ОНТОЛОГИИ

6 BADIOU A. *The Adventure of French Philosophy*. London; New York: Verso, 2012. P. 191–202.

7 Самая показательная из них: ALLIEZ E. *Anti-Oedipus – Thirty Years On // Radical Philosophy*. 2004. № 124. P. 6–12.

8 ŽIŽEK S. *Organs without Bodies: On Deleuze and Consequences*. New York; London: Routledge, 2004.

причиной, производит контросуществование смеси тел. Таким образом, единое событие-бытие резонирует через локальные события, превращая все смеси тел в собственное выражение. Именно в процессе контросуществования бытие становится однозначным, или, если использовать словарь позднего Делёза, имманентным самому себе.

Жижеку не представляет никакого труда «лаканизировать» или «гегелизировать» основную онтологическую схему «Логики смысла». В делёзовском контросуществовании он обнаруживает схожесть с лакановским отождествлением с симптомом и гегелевским ретроактивным полаганием предпосылок. Совместная работа с Гваттари, таким образом, оказывается для него философским грехопадением Делёза.

Если в «Логике смысла» имманентность представляет собой однозначность бытия, возникающую в дизъюнктивном синтезе событий, то в «Капитализме и шизофрении» Делёз и Гваттари мыслят имманентность в строгой оппозиции к трансцендентности. Более того, сама система Делёза и Гваттари теперь строится вокруг серии оппозиций, между которыми невозможен никакой «средний термин»: молекулярное противопоставляется молярному, номадология – седеметарным наукам, а машина войны – государству⁹. Иными словами, политизация делёзовской философии, связанная с влиянием Гваттари, приводит, как полагает Жижек, к ее упрощению. На языке «Логики смысла» можно сказать, что Делёз и Гваттари привносят функции идеального генезиса в материальный, ограничивая тем самым идеальный генезис только областью репрезентации.

Дело, однако, в том, что политическая философия, создаваемая Делёзом и Гваттари, также не выдерживает критики. В этом Жижек солидаризируется со своим другом-врагом Аленом Бадью. Минимальное различие между ними состоит в том, что Жижек видит возможность спасения делёзовской политики в ее «дегваттаризации». Правда, в интерпретации Жижека политика бестелесных событий мало чем отличается от его собственного лакано-гегельянского коммунизма.

Франсуа Досс, прослеживая параллельные биографии Делёза и Гваттари, стремится доказать, что жижекская «дегваттаризация» невозможна. Делёз становится Делёзом, только благодаря его сотрудничеству с Гваттари: из академического метафизика, пусть очень утонченного, благодаря Гваттари он превращается в публичного интеллектуала – «нового Сартра», собирающего на свои лекции не только студентов, но и просто множество интересующихся людей из разных сфер жизни.

⁹ В данном случае я воспроизвожу классическую диалектическую критику делёзианства. В частности, она представлена здесь: JAMESON F. *Marxism and Dualism in Deleuze* // *The South Atlantic Quarterly*. 1997. № 96. P. 393–416.

Но Досс слишком любит своих героев, чтобы их критиковать. Он, конечно, оговаривается, что политика множественности не должна совпадать с апологией *status quo*, но не останавливается на этом подробно. Идея же «регваттаризации» Делёза, которую он отстаивает вопреки Бадью, Жижеку и некоторым английским делёзианцам, несомненно, этого требует.

АНТОН СЮТКИН

УРОК ДЕЛЁЗА И ГВАТТАРИ:
О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ПОЛИ-
ТИКИ ДЛЯ ОНТОЛОГИИ

DOUBLE BIND ДЕЛЁЗОВСКОЙ ПОЛИТИКИ: МЕЖДУ ВЕЛИКИМ И МАЛЫМ

Политизация онтологии означает для Делёза и Гваттари прежде всего онтологизацию политики. Их не интересует политика как автономная область теории и практики: борьба политических партий, выражающих те или иные программы, не имеет для Делёза и Гваттари серьезного онтологического значения. Она слишком завязана на фигуры субъекта и порядок репрезентации, которые сами заслуживают противостояния себе. Повторяя жест романтиков в отношении Французской революции, Делёз и Гваттари настаивают на необходимости не политической революции, имеющей дело с общественными институтами, а космической революции, преобразующей все фундаментальные основания бытия. Они говорят не о борьбе левых и правых, а о борьбе динамического Становления против статичного Бытия, продуктивных сил природы против инертности и энтропии, тела-без-органов против организма. Вопрос заключается в том: есть ли какой-то конкретный коррелят у этой онтологической «великой политики»?

Единственным таким коррелятом является капитализм в его движении к саморазрушению. Рассматривая марксистскую политэкономия через призму ницшеанского витализма, Делёз и Гваттари приписывают капитализму освободительный детерриторирующий потенциал. Капитализм разрушает все статичные субстанциональные ценности, свойственные предыдущей эпохе. Однако капитализм оказывается не готов принять свою собственную истину: за разрушающей ценности детерриторизацией следует отчасти восстанавливающая их ретерриторизация. Задача политической философии Делёза и Гваттари состоит в том, чтобы помочь капитализму принять себя и стать шизофреническим потоком, не имеющим уже никакого отношения к внешним трансцендентным ценностям. Иными словами, капитализм должен перейти от относительной детерриторизации к абсолютной.

В 1970-е, кроме Делёза и Гваттари, оправданием капитализма с марксистско-ницшеанских позиций занимаются также Жан-Франсуа Лиотар в «Либидальной экономике» и Жак Бодрияр

в «Смерти и символическом обмене». С легкой руки Бена Нойса¹⁰ всех, подобных Делёзу и Гваттари, сторонников ускорения капиталистической детерриторизации до абсолюта в современной теории называют «акселерационистами». Однако даже среди вдохновленных Делёзом и Гваттари акселерационистов можно выделить два уклона – левый и правый.

Наиболее последовательную версию делёзовской политической философии создают Антонио Негри и Майкл Хардт – представители левого акселерационизма. Досс рассказывает историю, как Гваттари вытаскивает Негри, обвиняемого в причастности к убийству итальянского экс-премьера Альдо Моро «Красными бригадами», из тюрьмы и как потом Негри, посещая делёзовские лекции в Венсене, становится Спинозистом. В паре с Хардтом он пишет манифест антиглобалистского анархизма под названием «Империя»¹¹, в котором утверждает, что современный капитализм с его ставкой на нематериальный труд является своеобразным «коммунизмом капитала». Таким образом, сама историческая телеология капитализма ведет нас в светлое анархо-коммунистическое будущее, нужно только немного его подтолкнуть своей политической активностью.

Тем не менее в политическом делёзианстве Негри можно выделить сразу несколько болевых точек. Во-первых, Негри, продолжая в этом смысле «Капитализм и шизофрению», противопоставляет анархическое множество и сдерживающую его Империю в дуалистической манере. Из-за этого он оказывается не в силах представить какую-либо позитивную институционализацию множества. Во-вторых, сама теория Империи предполагает конец национальных государств и полное торжество глобальной экономики во главе с транснациональными компаниями. Сегодня, в эпоху наступающего технофеодализма, сопровождающегося очередным возвращением империалистической политики, рассказы о «коммунизме капитала» кажутся утопическими иллюзиями старых добрых времен.

Правый акселерационизм, созданный британским делёзианцем из Уорикского университета Ником Ландом, лишен подобного исторического оптимизма. Более того, Ланд руководствуется в своей политической философии принципом «чем хуже, тем лучше». Капитализм, согласно Ланду, разрушает не только стабильные социальные связи – в пределе капиталистическое развитие должно привести к уничтожению всего человеческого рода¹². Однако именно за это нигилистически и антигуманистически настроенный Ланд прославляет внутреннюю разрушительную динамику капитализма. Иными сло-

10 Noys B. *Malign Velocities: Capitalism and Accelerationism*. Winchester: Zero books, 2014.

11 Негри А., Хардт М. *Империя*. М.: Практикс, 2004.

12 Ланд Н. *Сочинения: В 6 т.* Пермь: Гиле пресс, 2019. Т. 2 («Киберготика»).

вами, абсолютная детерриторизация в понимании Ланда ведет не к победе анархистских множеств (версия Негри), а к гибели человечества – идея, конечно, предельно чуждая духу делёзовской философии.

Альтернативой романтической онтологизации капитализма, происходящей в акселерационистском развитии делёзовской мысли, является интерес к микрополитике. Если революция не ограничена автономной областью политики, а свойственна всему бытию, то это значит, что революционным можно становиться везде и всегда. У Делёза и Гваттари такая революционная микрополитика имеет прежде всего эстетический характер: сама жизнь должна превратиться в произведение искусства. Однако генеалогически к делёзовской микрополитике восходит перформативное понимание политики Джудит Батлер и других гендерных теоретиков. Сегодня, когда мы имеем дело с превращенной формой перформативной политики – с политизацией различных стилей жизни, ведущей к бесконечным нарциссическим культурным войнам, – микрополитика так же перестает вызывать энтузиазм.

АНТОН СЮТКИН

УРОК ДЕЛЁЗА И ГВАТТАРИ:
О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ПОЛИТИКИ
ДЛЯ ОНТОЛОГИИ

ТРУДНО БЫТЬ ДЕЛЁЗИАНЦЕМ

Подведем итог. Отказываясь от понимания политики как автономной области, поскольку она связана с проблематикой субъективной репрезентации, Делёз и Гваттари производят ее романтическую онтологизацию, которая колеблется между «великой» формой, в которой капитализм движется к собственному шизофреническому уничтожению, и «малой» формой, требующей бесконечной индивидуации и становления революционным. Однако к текущему моменту обе эти формы кажутся если не исчерпанными, то находящимися в глубоком кризисе. Ландовское восхваление суицидального развития капитализма и нарциссическая забота о себе в определенном смысле дополняют друг друга, но входят при этом в неизбежное противоречие с изначальным замыслом Делёза.

Может быть, поэтому во второй половине 1980-х, после фактического завершения сотрудничества с Гваттари (книга «Что такое философия», как доказывает Досс, написана Делёзом в одиночку), Делёз возвращается, по сути, к истории философии в книге о Лейбнице и эстетике в двухтомнике о кино. Более того, как подчеркивает Жижек, на этом этапе Делёз не только тематически начинает напоминать себя раннего – в его онтологии также повторяются мотивы «Различия и повторения» и «Логики смысла». Пройдя через искушение стать «новым Сартром» в сотрудничестве с Гваттари, он вновь об-

АНТОН СЮТКИН

УРОК ДЕЛЁЗА И ГВАТТАРИ:
О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ПОЛИ-
ТИКИ ДЛЯ ОНТОЛОГИИ

наруживает себя в позиции аполитичного метафизика. Такой интерпретации интеллектуального пути Делёза препятствует только легенда, согласно которой в конце жизни он намеревался написать книгу о Марксе, но не успел этого сделать.

Значит ли это, что урок Делёза и Гваттари состоит в том, что мы сегодня не должны больше думать о связи онтологии и политики? Пожалуй, все-таки, нет. Урок этот состоит в том, чтобы быть осторожнее. Прямая онтологизация политики или политизация онтологии может слишком дорого стоить как политике, так и онтологии. Связь между ними требует более сложной системы опосредований, создать которую нам только предстоит.

Рецензии

Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории

КАРЛ ЛЁВИТ

Перев. с англ. А.А. Саркисьянца

СПб.: Владимир Даль, 2021. – 509 с.

Карл Лёвит относился к европейским интеллектуалам еврейского происхождения, которые после прихода к власти нацистов нашли прибежище в США, значительно обновив и обогатив местную академическую культуру. Рецензируемая книга – ключевая в наследии мыслителя – вышла в 1949 году; она была написана по-английски и являлась репликой в большом, преимущественно немецкоязычном, разговоре, вращавшемся вокруг проблем секуляризации и политической теологии. В ходе этих дискуссий обсуждались фундаментальные свойства и структуры западного религиозного, политического и исторического мышления и предпринимались попытки критического рассмотрения истоков и принципов Нового времени –

эпохи, приведшей в XX веке Европу к небывалым катастрофам.

На протяжении всей книги в фокусе внимания Лёвита находится одна из важнейших самопровозглашенных особенностей Запада: историческое сознание, анализируемое на фоне двух предшествующих европейских мировоззрений – античного и христианского. В замечательно подробной и исключительно содержательной сопроводительной статье к русскому изданию переводчик книги Альберт Саркисьянец, проясняя и контекстуализируя философский проект Лёвита, условно выделяет в нем три слоя аргументации: теологический тезис о невозможности подлинно христианской философии истории; исторический тезис о происхождении нововременных представлений о прогрессе из иудео-христианской эсхатологии; общефилософский тезис об исчерпанности современной устремленности в будущее и необходимости изобретения новых способов существования человека в мире. Каждое из этих положений, реагируя на актуальные дискуссии, в свою очередь вызвало важные полемические отзывы – они также разобраны в статье Саркисьянца, – однако стоит обратиться и к внутренним взаимодействиям этих компонентов в рамках самой книги.

Лёвит постулирует два базовых способа отношения субъекта к истории и – шире – к миру вокруг. Один из них наделяет исторический процесс смыслом и целью, прозревая за хаосом разнородных событий разумный порядок. Другой, напротив, воздерживается от поспешных суждений, пребывая «в отрешении и покорности, в отсутствии иллюзий и самонадеянности» (с. 89). В наши дни эти два отношения к истории могут в равной мере встречаться

как у верующих, так и у атеистов, однако при их проекции на этапы европейской истории возникает другой расклад. Отказ от наделения исторических событий итоговым смыслом – свойство античного восприятия истории, стоического фатализма, наблюдающего за произволами фортуны, возносящей и низвергающей народы, и растворяющего мир людей в вечном возвращении космических круговоротов природы; этот взгляд можно обнаружить у Геродота, Фукидида и Полибия. Альтернативный же подход, размыкающий круг и вводящий категорию будущего, к которому телеологично стремится исторический процесс, надеясь обрести в финале свое исполнение, присущ христианству.

«Нововременное сознание не решило, быть ли ему христианским или языческим. Один его глаз – это глаз веры, другой – глаз разума. Следовательно, его взгляд с необходимостью оказывается замутненным в сравнении с греческим или библейским» (с. 422).

Обоснованием этого диагноза и занимается Лёвит.

Ключевой герменевтической процедурой, организующей книгу, оказывается рассмотрение важнейших западных концептуализаций истории и их соотнесение с античной и – в первую очередь – с христианской моделью. Серия небольших глав, в которых очерчиваются теории очень разных европейских мыслителей, призвана продемонстрировать тот фундаментальный факт, что в основе всех секулярных философий истории, постулирующих прогрессивное движение человечества к земному совершенству, лежит христианская схема, ведущая от сотворения мира и грехопадения человека через распятие и воскресение Христа к Страшному суду и финалу истории. Процесс секуляризации переводит трансцендентный миру исход истории священной в имманентный миру исход

истории профанной, и Царство Божие теперь ожидается не на небе, а на земле. Свое изложение Лёвит строит в обратной последовательности и вначале анализирует недавние для его времени историософские построения Тойнби и Шпенглера, чтобы затем все глубже погружаться в историю. Первой важной остановкой на этом пути становится Якоб Буркхардт. Выдающийся историк, он отказывается от христианских и нововременных попыток приписать историческим событиям какой-либо высший смысл, критически относится к либеральному прогрессивизму, не ждет ничего хорошего от будущего, но сохраняет приверженность идее исторической преемственности западной цивилизации – единственный элемент провиденциализма в его скептическом пессимизме; эта позиция максимально близка самому Лёвиту. Иудео-христианский мессианизм легко вычленивается у Маркса, как и секулярная теодицея, фундирующая философию Гегеля. В построениях Прудона, Конта, Кондорсе и Тюрго прогресс принимает на себя функции провидения, а религия зачастую низводится до одного из этапов более общего секулярного развития человечества. Вольтер сочиняет опыт истории, в которой точкой отсчета становятся не события священной истории, а совершенствование разума и нравов по ходу цивилизации. Вико сложно сочетает христианское провидение с античными повторяющимися циклами развития и историзацией религии.

Постепенно Лёвит переходит от секулярных нарративов, апроприирующих христианскую эсхатологию, к церковным сочинениям: Боссюэ помещает политическую историю в рамку детерминирующей ее истории священной. Вслед за этим идет анализ важнейшей для общей концепции книги фигуры Иоахима Флорского, который в XII веке предложил аллегорическую интерпретацию Апокалипсиса, соотносящую его, и вообще Библию, с событиями и героя-

ми земной истории, а также предрекающую эпоху третьего завета. История священная оказалась наложенной на историю профанную и в ней должна была достигнуть исполнения. Эта модель позволяет легко перейти к ожиданиям Царствия Божьего на земле, и в специальном приложении к книге Лёвита намечает историю рецепции учения Иоахима вплоть до идеологов нацистской Германии. Образцом подлинного христианского отношения к истории служит Августин: отвергая античные представления о космосе, он предписывает отрешение от всех видимых вещей, так что политическая история не имеет никакого значения для града Божьего, для времени, движущегося от начала к концу. Более внимательным к мирским событиям был ученик Августина – Орозий, – но и для него «секулярная история не имеет смысла в себе самой» (с. 381). Таким образом, движение в глубь истории, множащиеся примеры христианской подкладки западных историософий подводят Лёвита к парадоксальному заключению, что само христианство при этом радикально не согласуется с историческим мышлением и не должно служить для него моделью. Этот тезис – разумеется, прескриптивный и теоретический, а не дескриптивный и исторический – обосновывается в последней главе книги. Согласно Лёвиту, подлинное – выводимое из толкования Нового Завета – христианство задает темпоральность, структурированную через три момента: начального акта творения, центрального события воплощения Христа и финального исполнения истории спасения. Ключевое событие истории для христианина уже произошло, и оно дает надежду на чаемый конец. Эта модель держится исключительно на вере, не может быть подтверждена разумом, никак не соотносится со светской историей и, следовательно, не может участвовать в построении секулярной философии истории.

Итак, Лёвит демонстрирует, почему христианство не должно обращаться к философии истории. Это, однако, совершенно не отвечает на вопрос, почему к христианству не может обращаться современная философия истории. Вычленение одной и той же христианской схемы в разнообразных секулярных теориях прогресса может скомпрометировать их с точки зрения оригинальности или иронично указать на те из них, которые утверждают свое превосходство над религией; однако все это не мешает придавать истории имманентный смысл и цель по образу и подобию библейской эсхатологии. Критика современного прогрессивизма и стремления исполнить историю в ней самой осуществляется у Лёвита с помощью других средств: он просто раз за разом отсылает читателей к новейшим историческим событиям. Обосновывая композицию своей книги, он методологически утверждал наличие «мотиваций, проистекающих из современности» (с. 94) в средоточии акта интерпретации, и его текст оказывается пропитан регулярными напоминаниями о недавних катастрофах и актуальных тревогах западного мира: Великой депрессии, Второй мировой войне, атомной бомбе. В этом персонализированном, если не травматическом, письме идея исторического прогресса автоматически вызывает в памяти самые страшные страницы эпохи модерна.

«Третья эпоха, о которой говорили иоахимиты, стала третьим Интернационалом и “третьим рейхом”, начало которым кладет *dux* или *Führer*, провозглашаемый спасителем и встречаемый миллионами возгласом “*Heil!*”» (с. 347–348).

Кошмар истории словно парализует Лёвита и не дает его мысли перейти к конструированию положительной программы. Как отмечает Саркисьянц, Лёвиту «приходится спиритуализировать и деполитизировать христианство» (с. 36). Критикуя

любые попытки сблизить христианство с современностью, он неоднократно атакует либеральных теологов, занимающихся теодицеей секулярных западных обществ, но тотальный запрет на политическую теологию не позволяет ему допустить применения эсхатологических моделей и для эмансипации угнетенных, как это делал Бенъямин. Христианство должно полностью устраниваться из современного мира; современный мир, повинный в неизмеримых страданиях, должен решительно отвергнуть все свои самодовольные философии истории; можно было бы постараться вернуться к античной мудрости, но второе приложение к книге рассказывает, как возрождение учения о вечном возвращении не помогло Ницше выйти за рамки христианства.

Книга Лёвита, как уже говорилось, является очень важной для дебатов о секуляризации и политической теологии – интеллектуальной традиции, прекрасно известной специалистам, но, как представляется, недостаточно знакомой более широкой русскоязычной публике. Между тем, учитывая исключительную значимость этой оптики для любой интерпретации опыта европейской модерности, ее популяризацию в России можно только приветствовать. В своей книге Лёвит ссылается на Толстого, Достоевского, Соловьева, Бердяева, Мережковского; это позволяет вписать русских авторов и советский опыт в горизонт общей проблематики модерна, политической теологии, соотношения революции и мессианства и так далее – и поместить слишком часто экзотизируемые и обособляемые явления в общеевропейскую систему координат. Тренируемое при чтении этой книги умение вычленять христианские схемы в самых нехристианских

построениях может оказаться полезным для выработки критической дистанции по отношению к современным модным позитивистским теориям и проповедникам научно-технического и морального прогресса и просвещения.

Давняя книга Лёвита во многом выглядит сейчас историческим артефактом. Обсуждаемые в ней проблемы – история, христианство, секуляризация – приводят на память диалоги из «Волшебной горы» или писавшегося в то же время «Доктора Живаго». Такое выяснение отношений старой Европы с самой собой отделено от нас, скажем, постколониальной и феминистской критикой, необратимо перекрывшими способы мыслить и писать историю. Тем не менее этот высказанный из абсолютного надира европейской истории отказ от какой-либо исторической перспективы, от любой надежды на будущее продолжает быть чрезвычайно сильным жестом. Сейчас, когда многие горизонты схлопываются, а историческое мышление выясняет свои пределы в столкновении с планетарным экологическим кризисом¹, книга Лёвита оказывается чтением, весьма поучительным.

Олег Ларионов

Необитаемая Земля. Жизнь после глобального потепления

Дэвид Уоллес-Уэллс

М.: Индивидуум, 2020. – 320 с. – 6000 экз.

Анонсируя выход этого впечатляющего текста в нашей стране, Русская служба Би-би-си назвала его «самой страшной книгой в мире»². И это едва ли преувеличение:

¹ См.: ЧАКРАБАРТИ Д. *Об антропоцене*. М.: V-A-C Press, 2020.

² Козенко А. *Самая страшная книга в мире. На русском языке выходит «Необитаемая Земля» – о том, что с нашей планетой делает потепление климата* // BBC News – Русская служба. 2020. 5 сентября (www.bbc.com/russian/features-54032169).

чтение предлагаемых читателю трехсот страниц завораживает, подобно тому, как приковывает к себе саспенс в хорошем триллере: иногда хочется закрыть глаза, но не получается – приходится смотреть дальше, преодолевая себя и изнывая от ужаса. Казалось бы, нового не так уж и много: британско-американский журналист всего лишь обобщает и комментирует ставшую фоном нынешней жизни дискуссию о крушении нашей планеты как биологически сбалансированного целого. После знаменитых докладов Римского клуба удивить грамотного человека алармизмом отнюдь не легко, но Уоллес-Уэллс не просто удивляет – он сражает наповал.

«Все намного хуже, чем вы думаете, – начинает автор. – Многие считают, что изменения климата происходят очень медленно, но это ерунда, пожалуй, столь же опасная, как и утверждение, что никаких изменений не происходит вовсе» (с. 17). Буквально в последние двадцать лет тепловая дестабилизация Земли позволила ученым говорить, что мы стоим на пороге очередного массового вымирания видов – шестого за всю земную историю. Судя по ископаемым находкам, каждое из них было настолько всеобъемлющим, что выполня-

ло функцию эволюционной перезагрузки, стирая многообразие жизни практически начисто: 450 миллионов лет назад вымерли 86% всех видов животных; через 70 миллионов лет – 75%, через 125 миллионов лет – 96%, через 50 миллионов лет – 80%, через 135 миллионов лет – снова 75%. В ходе самой значительной из этих волн углекислый газ, вызвав потепление Земли на 5°C, спровоцировал настолько мощный выброс метана, что «почти все живое на Земле погибло» (с. 18). Несмотря на грандиозные временные интервалы, которые даже помыслить себе трудно, в книге утверждается, что в настоящий момент беда не просто нависла над нами – она уже случилась, причем многие даже не заметили, как это произошло.

«История саморазрушительной деятельности мировой промышленности – это история длиной в одну человеческую жизнь. Планета перешла из сравнительно стабильного состояния на грань катастрофы за время, которое нам отпущено между колыбелью и могилой» (с. 19).

Выбросы углекислого газа в атмосферу начали стремительно нарастать с XIX столетия, когда в Европе развернулась промышленная революция. Вследствие запущенных ею процессов, шедших на протяжении двух последних столетий, сейчас в атмосфере планеты скопилось на треть больше CO₂, чем 800 тысяч лет назад. Причем, подчеркивает автор принципиальную для него мысль, половина углекислого газа попала в атмосферу из-за сжигания ископаемого топлива за последние тридцать лет. Изменение температурного тонаса планеты оборачивается обширной деградацией среды обитания, которая в свою очередь разжигает вооруженные конфликты и провоцирует массовые миграции. Говоря о том, что на 2050 год ООН прогнозирует 200 миллионов беженцев, Уоллес-Уэллс напоминает: ровно столько составляло на-

селение всего мира в эпоху расцвета Римской империи. И это лишь одна из невообразимых цифр, которыми изобилует книга. Согласно Киотскому протоколу 1997 года, порогом катастрофы предлагалось считать глобальное потепление на 2°С, но сегодня об этом лимите даже не вспоминают; в порядке вещей видится то, что к 2100 году показатель, совсем недавно казавшийся шокирующим, будет превышен в два раза или больше. Но даже при потеплении на два градуса «ледяной покров начнет разрушаться, количество людей, страдающих от нехватки воды, увеличится на 400 миллионов, крупные города в экваториальной зоне станут непригодными для жизни, и даже в северных широтах летняя жара будет убивать тысячи людей» (с. 29). Обрушение экологических опор планеты идет каскадным образом, надлом в одном звене тянет за собой распад других звеньев, и ни одна из обозначившихся проблем не поддается решению обособленно, в автономном режиме. Дальнейшее развитие человеческой цивилизации подобным образом лишается былой многомерности: мир, используя формулировку одного из апологетов глобализации, по-настоящему становится «плоским» – в том смысле, что при сохранении нынешних тенденций его путь просматривается заранее³.

«Мы прошли этап, когда природа позволяла человечеству развиваться как виду с неопределенными перспективами на то, как этот вид будет существовать в дальнейшем. Климатическая система, взрастившая нас и все, что мы знаем как проявление человеческой культуры и цивилизации, теперь, подобно престарелому родителю, умирает. [...] Мы просто спровоцировали этот процесс; сначала в неведении, а потом в отрицании, создав климатическую систему, которая будет воевать с нами на протяжении столетий, возможно, пока не уничтожит нас» (с. 36–39).

3 Имеется в виду книга американского журналиста Томаса Фридмана «Плоский мир. Краткая история XXI века» (М.: АСТ, 2007). – *Примеч. ред.*

Вместе с тем, несмотря на удручающие картины, представляемые автором, сам он не считает нынешнюю ситуацию абсолютно безнадежной: «Сражение, определенно, еще не проиграно и не будет проиграно до тех пор, пока мы не выйдем» (с. 53). Причем, как утверждается в работе, и рецептура необходимых мер, и последовательность их осуществления рисуются озабоченной общественностью вполне четко: если до 2040 года удастся воплотить невероятно сложный, но технически реальный проект отключения всей мировой промышленности от ископаемого топлива, то перед человечеством откроются множество путей – при условии, что мы «не окажемся слишком ленивыми, близорукими и эгоистичными, чтобы вступить на них» (с. 54). Резервы расточительства, позволяющие сделать это, сегодня видны невооруженным глазом. Например, в нынешней Великобритании половина выбросов обусловлена неэффективным строительством, изготовлением неиспользуемой еды, а также невостребованной электроники и одежды. А США, которые тратят впустую не половину, но целых две трети получаемой энергии, в настоящее время еще и глобально субсидируют добычу ископаемого топлива на пять триллионов долларов в год.

Между тем, если бы «углеродный след» среднего американца уменьшился хотя бы до того уровня, который присущ среднему европейцу, планета уже вздохнула бы с облегчением. По сравнению с тем, что может ожидать нас через полвека или век, даже скромная оптимизация потребления, осуществленная самой сытой частью человечества, была бы отличным вариантом:

«Мы еще сможем прийти к счастливой климатической развязке – вернее, создать ее через технологии сбора углекислого газа и геоинжиниринга или в виде технологической революции, энергетической или политической» (с. 56).

Но, разумеется, Уоллес-Уэллс отдает себе отчет, что сохраняющаяся неопределенность катастрофического сценария уравновешивается столь же очевидной неопределенностью благополучного исхода. Тем более, что хроники последних двух поколений выглядят не слишком утешительно:

«За 75 лет с того момента, когда глобальное потепление начали воспринимать как проблему, мы не совершили никаких корректировок в производстве и потреблении энергии, чтобы контролировать эти процессы и защитить самих себя» (с. 68).

Фундаментальным недугом планеты выступает глобальное потепление – это, по сути, базовое заболевание, влекущее целый ряд осложнений, тесно связанных между собой. Многие цивилизационные сдвиги последних двух столетий, о которых мы привыкли говорить с гордостью, в настоящее время выступают убедительными свидетельствами человеческой уязвимости. По мнению автора, одним из ярких примеров тому служит тяготение большинства землян к жизни в городах. Через три десятка лет в городских центрах, согласно оценкам ООН, будут жить две трети населения мира; это означает появление 2,5 миллиардов новых горожан. Между тем в современном мегаполисе перегретые дневной жарой бетон и асфальт, остывая ночью, дают мощный прирост тепла. Вдобавок к этому максимальная летняя температура, фиксируемая в трех с половиной сотнях самых крупных городов Земли, в последнее время превысила 35 °С. В результате «уже сейчас тепловой стресс угрожает миллиарду людей, а треть населения мира испытывает смертельную жару в течение не менее чем двадцати дней каждый год» (с. 73). В некоторых случаях эти вспышки жары становятся буквально уничтожающими; именно в таком разрезе в предисловии к книге упоминается тепловая волна 2010 года, которая вошла в десятку

самых смертоносных стихийных бедствий на планете, лишив жизни более 50 тысяч россиян (с. 12).

Но повсеместная жара – это не только задыхающиеся города. Из-за нее землян будет ожидать отнюдь не единственная напасть, а великое множество горестей. Прежде всего в обозримом будущем неминуема нехватка еды, поскольку с каждым градусом потепления урожаи основных зерновых культур будут снижаться на 10%, хотя к 2050 году растущему населению нашей планеты потребуется вдвое больше еды, чем сегодня. «В прошлом империи создавались на урожаях, – пишет Уоллес-Уэллс. – Изменения климата породят империи, основанные на голоде среди беднейших слоев населения» (с. 86). Запасы пищи будут убывать на фоне нарастающего избытка воды, причем, к сожалению, не пресной, дефицит которой становится все более острым, а соленой. Опираясь на имеющиеся прогнозные модели, автор сообщает, что при сохранении нынешнего уровня выбросов углекислого газа к концу текущего столетия уровень океана поднимется как минимум на 1,2 метра (с. 87). Казалось бы, не так уж и страшно; но многое зависит от того, как человечество собирается вести себя в дальнейшем. Например, согласно Геологической службе США, подъем морей на 50 метров не следует считать чем-то невероятным. Оценивая эту цифру, надо иметь в виду, что в настоящее время около 600 миллионов обитателей нашей планеты, и не только в отсталых, но также в передовых странах, живут на высоте в пределах десяти метров от уровня моря (с. 99). Разумеется, самой пугающей переменной в этой истории остается скорость наступления потопа, предсказать которую невозможно.

Все более ощущаемый избыток воды никак не сказывается на другом последствии глобального роста температур, каким стали повсеместные лесные пожары. Во многих регионах планеты это явление преврати-

лось из сезонного в круглогодичное. Дым от горящих деревьев превращает мировые леса, когда-то служившие главным поглотителем вырабатываемого человеком углерода, в его существенный источник. При этом мировое сообщество ничего не может противопоставить суверенному самоуправству нынешнего президента Бразилии, открывающего для промышленной вырубки уникальные леса Амазонки – несмотря на тот факт, что реализация этого решения обернется увеличением глобальных выбросов на сумму годовых выбросов Китая и США вместе взятых (с. 108). Автор, собственно, и не скрывает: нынешний подъем национализма, наблюдаемый повсюду, и сопутствующая ему «суверенизация» мировой политики – одно из главных зол, не позволяющих эффективно блокировать потепление.

На протяжении всего повествования Уоллес-Уэллс на разные лады повторяет одну и ту же мысль: глобальный характер приближающейся трагедии абсолютно не сочетается с попытками локальных ответов на нее. Чтобы противостоять превращению Земли в необитаемую планету, отчаянно требуется единая политическая воля, но таковой на сегодня и близко нет – причем, несмотря даже на то, что «у нашего мира есть максимум тридцать лет для полного отказа от углеводородного сырья, прежде чем начнется по-настоящему разрушительный климатический кошмар» (с. 282). Классическая форма *nation state*, утвержденная Вестфальской системой международных отношений, не позволяет эффективно решать наиболее насущные проблемы человечества.

«Но если бы потребовалось придумать масштабную угрозу, достаточно глобальную, чтобы породить систему настоящей международной кооперации, такой угрозой могло бы как раз стать изменение климата – оно глобальное, всеобъемлющее и угрожает всем. Но именно сейчас, когда потребность

в этой кооперации особенно высока и действительно необходима для выживания нашего мира, мы идем в противоположном направлении: ударяемся в национализм, снимаем с себя бремя коллективной ответственности и разобщаемся» (с. 44–45).

«Великое экзистенциальное прозрение» в отношении глобального потепления пока не посетило не только политические, но даже экономические элиты (с. 57). С грустной иронией автор комментирует текущие разработки Кремниевой долины, высоколобые обитатели которой «гораздо меньше задумываются о безудержных изменениях климата, чем о безудержном развитии искусственного интеллекта». Эти люди «способны воспринимать всерьез лишь те угрозы, которые они сами породили», что делает их абсолютно беспомощными перед лицом беспрецедентных нынешних вызовов (с. 227).

Основные надежды в книге возлагаются на интернационал ученых со всей его информированностью, хотя, как представляется, автор немного переоценивает могущество этого актора.

«Ученые десятилетиями представляли обществу неоспоримые данные, показывая каждому, кто был готов их выслушать, какой кризис ожидает планету, если ничего не предпринимать, но год за годом наблюдали, как все сидят сложа руки. Если бы бразды правления оказались в их руках, они бы точно знали, что делать, паники можно было бы избежать. Почему же их никто не слушает?» (с. 208).

Ответ, собственно, очевиден: одних познаний, пусть даже фундированных и обстоятельных, которые можно противопоставить невежеству, категорически недостаточно, чтобы переломить ситуацию, поскольку «в настоящий момент мы коллективно выбрали путь катастрофы» (с. 297). Более перспективными в нынешней ситуации представляются, наверное, граждан-

ские усилия. Из авторского повествования логично вытекает вывод, что очень скоро главным генератором политического процесса – по крайней мере в демократических странах – станет «зеленая» повестка. Но если в одних уголках планеты глобальное потепление будет рушить правительства и правящие коалиции, то в других – оно будет провоцировать всевозможные формы прямого политического действия, иначе говоря, бунты и восстания. И вот тут уже обсуждениями и прокламациями ограничиться будет невозможно.

Фактически всеми своими рассуждениями британско-американский писатель показывает, насколько отстала от жгучих запросов современной жизни такая форма политического бытия, как национальный суверенитет. В рядах мирового сообщества сегодня нет явных противников стратегии устойчивого развития, которая, в принципе, могла бы блокировать глобальное потепление: поголовно все с разной степенью энергичности и красноречивости «за». Но, когда дело выходит за рамки заявлений и требует конкретных действий, мгновенно выясняется, что во взаимоотношениях государств между собой и в восприятии ими общечеловеческих проблем по-прежнему торжествует безграничное своеволие, питаемое «суверенными интересами» и «суверенными правами». Понятно, что такая многоголосица обесценивает любые попытки человечества выступить сообща. В качестве примеров самоубийственного эгоизма Уоллес-Уэллс ссылается на уже упоминавшиеся Бразилию и США, а также на Китай и Россию.

«Путин, будучи лидером нефтяного государства, которое в силу своего географического положения, возможно, только выиграет от продолжительного потепления, не видит никаких выгод в ограничении углеродных выбросов или “озеленении” экономики – ни в России, ни в мире» (с. 254–255).

Впрочем, даже если бы российский лидер оказался самым заядлым сторонником экологически ответственного мышления, это ничего не изменило бы, поскольку на долю России приходится слишком малая доля общемирового ВВП. От глубокой печали, вызываемой подобными констатациями, отчасти спасает то, что все необходимые ресурсы, позволяющие по-настоящему подступить к проблеме климата, у человечества есть – и это чистая правда. Но чего-то важного все-таки хронически не хватает. «Политическая воля – это не тривиальный компонент, всегда лежащий под рукой», – говорит автор (с. 69). И это, увы, тоже правда.

В заключение хотелось бы поделиться еще одним наблюдением – на этот раз касающимся не содержания книги, а ее оформления. Работа снабжена поистине грандиозным научным аппаратом: в ней сотни и сотни сносок, автор старается подать свои тезисы предельно аргументированно. Но, попытавшись обратиться к справочным материалам, я поначалу был крайне разочарован: их попросту нет в тексте! Однако негодование на издательство, «не доделавшее» важную часть работы, быстро сменилось чем-то вроде восхищения, когда на последней странице был обнаружен QR-код, позволяющий ознакомиться со всеми ссылками и примечаниями на отдельной интернет-странице. Вот это, как представляется, по-настоящему современно: издательство «Индивидуум» на деле объясняет читателю, как можно вносить пусть скромный, но реальный вклад в борьбу с глобальным потеплением, экономя тонны бумаги. Вот он – пример экологически ответственного поведения, безусловно, достойный подражания.

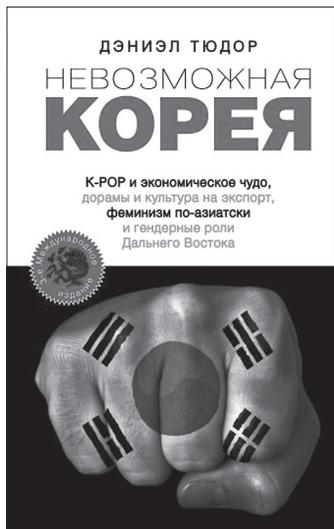
Александр Клинский

Невозможная Корея: К-POP и экономическое чудо, драмы и культура на экспорт, феминизм по-азиатски и гендерные роли Дальнего Востока

Дэниэл Тюдор

М.: АСТ, 2020. – 352 с. – 2000 экз.

Автор этой книги довольно хорошо известен российскому читателю: «Невозможная Корея» стала третьей его работой, представленной по-русски⁴. Правда, если две предшествующие публикации были посвящены таинственному и пугающему царству чучхе, то теперь в фокусе авторского внимания оказалась южная часть Корейского полуострова. Смена акцентов обосновывается довольно убедительно: в самом деле, культурные и экономические достижения Республики Корея уже давно не соответствуют ее скромному месту на карте мира – тем более, что южнокорейский социум меняется с фантастической скоростью, а его культура в последние годы заявляет о себе во весь голос. Дэниэл Тюдор хорошо знаком с предметом своих штудий: он давно

работает в стране – в том числе представляя в первой половине 2010-х журнал «The Economist» – и, соответственно, глубоко и всесторонне осведомлен. К стати, его экспертиза была по достоинству оценена мировой читающей публикой: рецензируемая книга уже переведена на корейский, китайский, тайский и польский. Теперь настал черед русского перевода.

Книга состоит из пяти частей. В первой («Основы») обстоятельно разбираются религиозные основания корейской социальной жизни, а именно влияние на нее шаманизма, буддизма, конфуцианства и христианства. Прежде всего читатель узнает, что в передовой и глобализированной Южной Корее поразительным авторитетом пользуется традиционная симпатическая магия. Местная шаманская традиция (*Мусок*), которая намного древнее истории самой Кореи, жива и сегодня: как ни удивительно, шаманизм по-прежнему «вплетен в саму ткань корейского общества и все еще оказывает влияние даже на самых рациональных городских жителей» (с. 27). Современные корейцы обращаются к услугам шаманок (в основном это занятие для женщин) по впечатляюще широкому спектру поводов. И хотя в первую очередь в ходе шаманских консультаций решаются психологические проблемы из разряда тех, которыми на Западе занимаются психоаналитики, дело не ограничивается только этим: у прорицателя могут попросить совета как в руководстве семейным предприятием, так и в ведении предвыборной кампании. Тюдор приписывает этому увлечению шаманизмом особую значимость: по его мнению, заложенное в магическом мышлении стремление выстраивать условные и эфемерные связи между явлениями объективного мира никогда не позволяло

⁴ См.: Тюдор Д. *Спросите у северокорейца. Бывшие граждане о жизни внутри самой закрытой страны мира*. М.: Эксмо, 2019; Тюдор Д., Пирсон Д. *Северная Корея изнутри. Черный рынок, мода, лагеря, диссиденты и перебежчики*. М.: Эксмо, 2018. См. также рецензию на вторую из указанных книг, опубликованную в «НЗ»: 2018. № 5(121).

корейцам впадать в догматизм. В итоге, полагает он, «готовность адаптироваться оказалась одним из важнейших достояний этой страны» (с. 37).

Сказанное в полной мере проявилось в беспроблемной рецепции на Корейском полуострове иных религиозных систем. Первым это ощутил на себе буддизм, который в IV веке с легкостью вписался в местный конфессиональный ландшафт. Закрывая глаза на философские противоречия, разделяющие шаманистов и буддистов, корейцы в равной мере обращаются к обеим религиям: в момент нужды они стараются использовать то, что лучше работает. Подобно шаманизму, буддизм оказался религией преимущественно низших слоев – представители элит, напротив, отторгали учение Будды, так как принадлежность к нему не сочеталась с социальным престижем. Тем не менее в наши дни, как отмечает автор, 23% населения относят себя к буддистам: их религия лишь слегка отстает от христианства, приверженцами которого в середине 2000-х называли себя 29% (с. 42).

Хотя склонность к постоянному самосовершенствованию, которая отличает корейскую культуру, имеет прямое отношение к буддизму, на то, как корейцы его добиваются, ощутимо повлияла еще одна мировоззренческая система, тоже заимствованная страной извне. Речь идет о конфуцианстве, которое, как пишется в книге, «вызвало в корейцах неутолимую жажду знаний» (с. 46). Несмотря на естественное ослабление конфуцианских традиций в XX веке, обусловленное конфликтами поколений и кризисом института семьи, Южная Корея, как прогнозирует автор, никогда не избавится от конфуцианства полностью, поскольку оно слишком уж органично вписалось в палитру мировоззренческих установок, разделяемых местными жите-

лями. Эту идею образно выразил один из американских миссионеров позапрошлого столетия, который сказал, что «настоящий кореец следует конфуцианству в общественной жизни, обращается к буддизму во время философствования и поклоняется духам, столкнувшись с трудностями» (с. 51).

Но самую удивительную историю успеха на корейской земле продемонстрировал, разумеется, протестантизм, который за очень короткое время прошел путь от запрещенной секты до религии истеблишмента. Феноменальный подъем этой христианской конфессии начался в 1960-е: если в 1958-м в Южной Корее насчитывалось около 800 тысяч протестантов, а в 1978-м – больше 5 миллионов, то в настоящее время – уже 11 миллионов, причем, согласно данным социологических опросов, 80% из них посещают церковь хотя бы раз в неделю. Если добавить к протестантам еще три миллиона местных католиков, то на долю христиан придется более четверти всего южнокорейского населения – пропорция, довольно необычная для страны Восточной Азии (с. 65). О том, как вера Лютера и Кальвина влияет на экономику, написаны многие тома, и Южная Корея не стала исключением из общих правил. Что особенно интересно в ее случае, так это необычный симбиоз протестантизма с традиционными восточными культурами, породивший самобытный набор стимулов к трудовой деятельности и экономическому успеху. Кстати, приводимые автором данные заставляют усомниться в позиционировании Южной Кореи в качестве страны «конфуцианской культурной зоны»⁵, хотя и во все прочие зоны ее вписать тоже не легко. По-видимому, именно этот безбрежный синкретизм и обеспечил по крайней мере половине Корейского полуострова те феноменальные успехи, которые она демонстрирует с 1945 года. Впрочем, рассуж-

5 См., например: Инглхарт Р., Вельцель Х. *Модернизация, культурные изменения и демократия*. М.: Новое издательство, 2011.

дая о роли религии в корейском обществе, напоминает автор, не нужно забывать, что в 2015 году 56% южнокорейцев относились к агностикам или атеистам, не исповедуя никакой религии (с. 9).

Всем религиозным системам, укоренившимся в Корее, приходилось иметь дело с самобытным комплексом культурных кодов, которые на протяжении истории «подгоняли» под себя верования и обряды. Знакомство с этими феноменами, представленными во второй части («Культурный код»), способно опровергнуть многие читательские предубеждения относительно психотипа корейцев. Автор начинает со слова *чон*, которым обозначается один из ключевых концептов корейской культуры. Это явление, будучи «невидимым объёмом», которое объединяет людей» (с. 101), позволяет осознать те нюансы корейской жизни, которые при строго рациональном взгляде остались бы вне поля зрения. *Чон* есть своеобразное негласное соглашение, которое обязывает людей, в нем участвующих, поддерживать друг друга, причем всеми силами и средствами. «В Корее нравственный императив, заключающийся в необходимости помогать друзьям, куда сильнее, чем в других культурах», – отмечает Тюдор (с. 103).

Социальный радиус действия *чон* не слишком определен – он может быть различным, простираясь от родственного круга до «знакомых моих знакомых» или «друзей моих земляков», – но это, бесспорно, действенная вещь. Иностранцы, сталкивавшиеся с *чон*, восхищаются и ужасаются одновременно, поскольку эти эфемерные, но реальные узы заметны осложняют ведение бизнеса в Корее: «Если человек ощущает связь *чон* с кем-то, то он будет считать своим долгом заключить сделку именно с ним, а не с незнакомцем – даже если тот предлагает более выгодные условия» (с. 104). Фаворитизм, протекционизм и коррупция, которые сохраняются в современной Корее

вопреки ее неоспоримой продвинутости во множестве областей, – прямые порождения *чон*. Именно из-за него социальные антропологи по-прежнему считают Корею одной из самых коллективистских стран мира, которая, основательно приобщившись к постмодерну, парадоксально сохраняет нетронутыми некоторые ключевые особенности сельского уклада жизни (с. 109).

В Восточной Азии корейцы известны своей эмоциональностью, которую специалисты связывают с *хан* – уникальным чувством неизбывной меланхолии, приписываемым исключительно этому народу. Культура *хан* до краев наполняет и жизнь, и искусство, что порождает разговоры о том, что «быть корейцем – значит нести в себе невыносимую грусть» (с. 132). Ту или иную разновидность тоски практикуют многие народы, но «корейцы склонны утопать в своей грусти, наслаждаться ею почти в романтическом смысле»: излюбленным образом корейского кинематографа уже давно стала женщина, стоящая ночью на улице в ожидании любимого, который так никогда и не приходит (с. 134). Всеохватность *хан*, несомненно, требует мощной компенсаторной реакции, и поэтому у него имеется зеркальная противоположность. В то время, как склонность корейцев к негативным эмоциям не вызывает сомнений, в корейской культуре столь же широко обнаруживает себя гипертрофированное чувство восторга и ликования. Эту ее сторону называют духом радости, обозначаемым термином *хын*. И хотя о *хын* говорят не так часто, как о *хан*, последнее отнюдь не уступает первому в значимости. В целом же, заключает автор, «из-за *хан* и *хын* классические стереотипы о жителях Восточной Азии как о невозмутимых и чрезвычайно сдержанных людях оказываются абсолютно ложными применительно к Корее» (с. 132).

Еще одной социальной эмоцией, на этот раз новоявленной, но тем не менее столь же массовой, автор считает «неофилию» –

страсть ко всему новому. Нынешний Сеул совершенно не похож на тот город, каким он был полвека назад; этот факт не только напоминает о многочисленных достижениях корейского социума за очень короткий промежуток времени, но и доказывает, что для подобных свершений необходима перманентная готовность общества меняться. «Высокие темпы развития, кажется, заложили в корейцев стремление всегда искать что-то новое», – отмечается в книге (с. 151). На эту увлеченность новизной влияет также и издавна культивируемая конфуцианской моралью необходимость поддерживать свой социальный статус, ведя ради этого непрекращающееся состязание с другими. Именно этот дух соперничества, который помог в свое время поднять корейскую экономику из руин, в настоящее время проявляет себя в одержимости образованием как главным орудием, обеспечивающим общественное признание, и – в увлеченности корейцев собственным имиджем. Расходы на косметику или пластическую хирургию в нынешней Корее остаются одними из самых высоких в мире: в 2010 году, сообщается в книге, на долю Южной Кореи приходилось 18% всех мировых трат на мужские средства по уходу за кожей, а на одежду местные мужчины тратят даже больше, чем женщины (с. 118). В социуме, где экономический и технологический прогресс воспринимается как необходимость, никто не желает оказаться среди отстающих.

В третьей части («Хёнсилль: холодная реальность») затрагивается проблема корейского объединения, с которой, по мнению автора, связано множество недоразумений. Представляемая читателю картина оказывается весьма противоречивой: несмотря на риторику унификации, регулярно демонстрируемую политиками Сеула, реальное отношение граждан Южной Кореи к воссоединению со своими «северными братьями» гораздо сложнее. Бесспорно,

появление единого корейского государства позволило бы конгломератам-*чеболям* за бесценок нанять миллионы рабочих, говорящих по-корейски, минимизировав их расходы, но зато для трудоспособного населения Южной Кореи оно было бы чревато потерей рабочих мест и повышением налогов – ведь отсталую часть полуострова придется подтягивать до уровня передовой, а это не дешевое предприятие. «Я не хочу, чтобы Южная и Северная Корея объединились, – говорит автору собеседник из числа “белых воротничков”. – Это сплошная головная боль, которая к тому же дорого нам обойдется» (с. 170). И хотя в СМИ подобное отношение критикуется как «потребительское» и «непатриотичное», на деле оно крайне распространено, особенно среди местной молодежи. На другие же возрастные группы интеграционный дискурс опираться не может: согласно элементарной математике, к 2025–2030 годам совсем не останется в живых тех корейцев, которые способны вспомнить родственников или друзей с Севера. Принято считать, что главными преградами на пути единства выступает наличие на Юге и на Севере двух совершенно разных политических и идеологических систем, подкрепляемое заинтересованностью крупных держав в лице США и КНР в сохранении тупиковой ситуации. Но, как полагает Тюдор, это далеко не центральная проблема: «Главным сдерживающим фактором вполне может оказаться банальный недостаток у южных корейцев стремления к объединению» (с. 170).

Но даже если бы соответствующую политическую волю удалось сформировать, объединение не стало бы праздником. За два поколения части Корейского полуострова отделились друг от друга до такой степени, что стали абсолютно разными мирами. На протяжении своей нелегкой истории корейцы, донимаемые могучими соседями, поневоле сделались ярыми националистами; автор называет их национализм

«защитным», указывая на то, что его назначением было сохранение себя, а не подчинение других. Но после братоубийственной войны 1950–1953 годов Южная Корея, во-первых, пережила американизацию, а во-вторых, втянулась в глобализацию. В результате, несмотря на присутствие в сознании ее жителей здоровой толики национальной гордости, одним из аспектов которой выступает и прославление родного языка, страна просто одержима внешними культурными заимствованиями. В результате «в корейском языке циркулируют тысячи слов, заимствованных из иностранных языков, в особенности из английского» (с. 232). И если две Кореи когда-нибудь вновь сойдутся вместе, северяне, при коммунистах строго оберегающие родные лексические устои, несомненно, будут поражены тем, как изменился их общий язык на Юге и как там теперь на нем говорят. Это обстоятельство усугубит и без того грандиозный культурный шок, который ожидает их при знакомстве с институциональными устоями южнокорейской демократии.

В четвертой части («В нерабочее время») автор увлекательно рассказывает о различных бытовых особенностях корейской жизни, включая местные жилищные обыкновения, мировоззренческие принципы корейской кулинарии, нынешнее состояние южнокорейской музыки и южнокорейского кинематографа. Отдельное место отводится весьма непростым отношениям корейцев с алкоголем. По данным Всемирной организации здравоохранения, южные корейцы употребляют за год в среднем 14,8 литра алкоголя на человека, немного опережая не только британцев, но даже ирландцев. Как полагает автор, только «самый пьющий из неевропейских народов» мог придумать девиз, сегодня вдохновляющий тысячи сеульских любителей ночной жизни: «Давай пить до смерти!» (с. 278–279). Обычай напиваться до потери сознания распространился в корейском обществе

в период индустриализации 1960–1970-х, когда посредством специально организуемых и даже финансируемых начальством алкогольных вечеринок корейские предприятия сплачивали трудовые коллективы после долгого и тяжелого рабочего дня. На протяжении полувека он пустил глубокие корни. Впрочем, несмотря на аномальное распространение заболеваний печени, не все так безнадежно: помимо алкоголя, корейцы в последние десятилетия необычайно пристрастились к кофе. Открыв свою первую здешнюю кофейню в 1999 году, компания «Starbucks» всего за десять лет довела число своих южнокорейских заведений до 360. В нынешнем Сеуле есть район, где работают 4000 кофеев. Интересно, что пьянство и кофемания поддерживаются одной и той же, по сути, социальной потребностью. Даже став ультрасовременной, Южная Корея остается страной, в которой важную роль играет коллектив, а люди стараются не проводить время в одиночестве. Корейцы не любят оставаться дома, и, когда им скучно, они зовут друзей встретиться, – рассказывает автор. – И если они сегодня не намерены пить, то скорее всего вместе направятся в кофейню (с. 287).

В пятом разделе («Мы» важнее, чем «они») автор показывает, что Южная Корея уже не замкнутая и консервативная страна, какой она была совсем недавно, а социум, открытый миру, способный к творческому переосмыслению собственных традиций. На протяжении веков Корейский полуостров рассматривался соседними державами в качестве стратегического плацдарма для закрепления в Азии. Экспансионистские поползновения извне породили жесткий этнический национализм, озабоченный «чистотой корейской крови». Однако, превратившись всего за полвека в процветающее и динамичное государство, Корея постепенно утратила страх перед внешними угрозами; сегодня наиболее злым ее врагом выступает пхеньянский

режим. Конфликт двух корейских государств, во-первых, подорвал основания этнического национализма, а во-вторых, заставил южных корейцев пересмотреть былые фобии. «Корея, ранее известная своей ксенофобией, постепенно начала меняться» (с. 290). С началом «экономического чуда» число проживающих на Юге иностранцев резко выросло, и сейчас около 10% браков являются смешанными – показатель, который для азиатской страны можно признать невиданным. Статистика свидетельствует, что молодое поколение готово перейти к новому этапу – к полной открытости по отношению к миру. (С этим, кстати, связано и бурное распространение в южнокорейском обществе феминистского движения, неуклонно набирающего силу.) В обществе, где национальность человека издавна определялась этнической принадлежностью, иностранцы впервые получили возможность почувствовать себя частью собирательного «мы», а не «чужакми». Корей-

ское общественное мнение в свою очередь также видит в этом плюсы, «поскольку иностранцы могут стать практичным решением острой социальной проблемы – крайне низкого уровня рождаемости в современной Южной Корее» (с. 302).

По признанию автора, когда он писал свою книгу, ему хотелось, чтобы «Невозможная Корея» стала для читателей отправным пунктом знакомства с интересной и необычной страной. Разумеется, триста страниц позволяют, применяя корейскую поговорку, лишь «облизать кожуру арбуза», оставив в стороне множество подробностей и нюансов. «Я посчитал бы величайшим комплиментом, если кто-то после прочтения этой книги решит приехать сюда и увидеть Корею своими глазами», – говорит Тюдор (с. 10). Завершив чтение, могу признаться: по крайней мере одним таким желающим стало больше.

Юлия Крутицкая

Summary

The practicalities of preparing the 142nd *NZ* issue meant that it was put together before February 24th, 2022. However, that does not make its contents outdated – far from it. Instead, the articles included here have acquired new overtones in the present-day context. War has always been part of our world’s intellectual agenda, and today’s events only confirm that the most important elements of this agenda are interrelated.

This issue opens with our regular column POLITICAL IMAGINARY, in which Alexander Kustarev discusses *“Climate Change and the Nation State”*, a new book by the British journalist and political commentator Anatol Lieven. To consolidate humankind’s efforts aimed at stopping climate change, Lieven proposes enlightened “liberal nationalism”.

The theme of political and even ideological mobilisation in the fight against natural catastrophes – in particular the present-day COVID-19 pandemic – is developed in the section “AGAINST VACCINES, AGAINST THE STATE: THE ANTI-VACCINE MOVEMENT IN EUROPE”. It consists of four parts. In the introduction, Nikolai Mitrokhin, who edited the section, surveys the main characteristics of the public reaction to vaccination against COVID-19 and anti-pandemic restrictions; a reaction seen as part of the “culture of mistrust” widespread in the world today. He also suggests that this movement can be defined as “social”. Dmitry Dubrovsky sketches Russia’s anti-vaccine movement,

considering its links to practitioners of “alternative medicine”, as well as to far-right nationalists and proponents of conspiracy theories. Evgeny Kazakov and Maria Kugel discuss the same subject with the use of, respectively, German and Latvian examples.

Another key theme of this *NZ* issue is the relationship between historical consistency (whatever it might mean) and contingency, the latter related to the activities of individuals or groups questioning the former. This topical section opens with an article by the French philosopher Louis Pierre Althusser, *“The Errors of Classical Economics: An Outline for a Concept of Historical Time”*, translated into Russian for the first time. Anna Egorova talks about contingency using as an example the notion of class in *“Contingency as a Condition for the Possibility of a Class”*. Andrei Oleynikov continues the problem of historical time, brought up by Althusser, in *“The Future in the Present”*. Timur Atnashev considers the persistent the “right” vs. the “left” divide, a fundamental principle of political thought and practice, as one whose basis is quite uncertain and quite changeable, depending as it does on the given historical situation (*“After the Progress. How to Understand the Political Spectrum «Left – Right» in the Era of Contingency”*). The section concludes with Zinaida Chekantsova’s article *“History and Change: Thinking Together with Koselleck”*, which traces the development of the notion of contingency in the context of the work of the German historian Reinhart Koselleck.

The historiographic theme – beginning with notions of the relationship between so-called “reality” and “writing about history” – is expounded in the section “THE PRACTICAL PAST, THE HISTORICAL TRUTH AND THE JUDGEMENT OF HISTORY: AROUND HAYDEN WHITE’S BOOK”, it focuses on the first Russian translation of “*The Practical Past*” by the American historian. We publish an extract from the book, soon to come out with New Literary Observer (NLO), and a report of a round-table discussion between Andrei Oleynikov, Mikhail Velizhev, Ilya Budrait-skis and Igor Kobylin, NZ editor who put together this section and the preceding one. The participants talked about the relationship between White’s approach and that of his opponent, the modern classic of historiography Carlo Ginzburg, whose “*The Judge and the Historian: Marginal Notes and a Late-Twentieth-Century Miscarriage of Justice*” was recently published in Russian by NLO.

Another topic of the issue, closely linked to the preceding ones, abandons theories and turns to *politisation prac-*

tices affecting those spheres of social and state life that tend not to be immediately related to politics. “POLITISATION PRACTICES” comprises two articles. The first, “*Fighting Extremism in Russia: An Outsider’s View*” by Otto Luchterhandt, a professor of law at the University of Hamburg, is a detailed analysis of Russian legislation on “extremism”, which has been tightened to the limit in the recent years. Danila Krasnov in “*Political Repressions and Political Science*” offers a brief description of the way political repressions are interpreted in contemporary political science.

Also in this NZ issue are a long essay by Igor Smirnov on the notion and role of tradition in the formation of politico-cultural and ideological constructs of modernity and postmodernity (“*What Tradition Is*”), and the latest instalment of Alexey Levinson’s column SOCIOLOGICAL LYRICS. The issue ends with a NEW BOOKS section, which includes Anton Syutkin’s piece on François Dosse’s book “*Gilles Deleuze et Félix Guattari: biographie croisée*”.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at www.eurozine.com **eurozine**

Оформить подписку на журнал можно в следующих агентствах:

«Подписные издания»: подписной индекс П3832 (только по России) <https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.periodicals.ru

«Экстра-М»: подписной индекс 42756 (по России и СНГ) www.em-print.ru

«Ивис»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.ivis.ru

«Информ-система»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informsystema.ru

«Информнаука»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informnauka.ru

«Прессинформ»: подписной индекс 45683 (по России и СНГ) <http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»: подписной индекс: 45683 (по России и за рубежом) www.ural-press.ru

Приобрести журнал вы можете в следующих магазинах:

В Москве:
«Московский Дом Книги»
ул. Новый Арбат, 8
+7 495 789-35-91

«Фаланстер»
М. Гнездиновский пер., 12/27
+7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе)
4-й Сыромятнический пер., 1-6 (территория ЦСИ Винзавод)
+7 495 926-30-42

«Циолковский»
Пятницкий пер., 8
+7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства
Лиговский пр., 27/7
+7 812 579-50-04
+7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский»
ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а (ТЦ «Петровский пассаж»)
+7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский»
ул. Б. Ельцина, 3 («Ельцин-центр»)
+7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль»
ул. Б. Покровская, 46
+7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский»
ул. Ленина, 54
+7 342 243-03-51